

Александр Тестов Татьяна Смирнова
Тень Орла

Йонард – 2

Л
«Тень Орла / Александр Тестов, Татьяна Смирнова»: Ленинградское издательство;
Санкт-Петербург; 2011
ISBN 978-5-9942-0824-3

Аннотация

Йонард. Германец. Воин. Бывший римский легионер. В настоящее время, после крушения Рима, вольнонаемный. На сей раз судьба приводит его в древний город Акра, где боги уже приготовили ему массу интересного... Йонард оказывается втянут в дворцовые интриги, где каждый неверный шаг – смерть, а каждое лишнее слово – петля. Но это все игра с мелкими ставками. Главный козырь – армия степных воинов-скфарнов, которая уже собралась в кулак и идет к Акре...

Александр Тестов, Татьяна Смирнова
Тень Орла

Пролог

Иногда нам снятся странные сны: совершенно нереальные, но необъяснимо, тревожно яркие... Проснувшись после таких запредельных видений, мы долго заново привыкаем к тому миру, который уже набил нам оскомину... и вдруг понимаем, что привыкнуть невозможно. Жизнь изменилась, и какая-то часть нашего сердца теперь навсегда принадлежит тому тревожному сну, который заставил его дрожать и замирать так страшно, так сладко!

...Акра. Как и в любом приморском городе, здесь перемешаны тысячи запахов и звуков. Не всегда приятных и полезных. Разноязычная речь, нередко переходящая в ругань, шум прибоя и стон снастей, крики морских птиц и тошнотворная масса гниющей рыбы, в которой копошатся черви и личинки, а над всем этим жужжат огромные черные мухи.

Смуглые от загара, въевшегося не просто в кожу, а и в самые кости, люди неутомимо складывают в утробы одних кораблей тюки золотистого шелка, мешки с кофе и чаем, шкуры животных, а из других выносят на берег огромные свертки тканей, оружие и вина. У причала — грудой некогда цветные паруса: сейчас они больше похожи на вылинявшие свитки сборщика податей, чем на большие и прекрасные крылья кораблей.

Акра — город торговый. Больших и маленьких лавчонок здесь, кажется, больше, чем самих жителей, да и заезжих покупателей, вместе взятых. Самую большую торговлю ведут, конечно, еверы. Терпеливо, до позднейшей ночи, не гасят они фонарей в своих закутках, и не напрасно. Точно так же не напрасно не задувают огонь в очагах всю ночь напролет в домах, сложенных из крупных известняковых глыб. Некоторые из этих внешне совершенно неподвижных и совершенно одинаковых глыб время от времени приходят в движение, совершая оборот вокруг своей оси. «Прибыл товар» — говорят они тому, кто умеет читать, нет, не книги, не древние письма, а следы на воде да светящиеся строки звездных карт.

Это наверху, на земле.

А под землей оживает скрытый от посторонних глаз город-лабиринт, родной приют всех свободных торговцев побережья. Под Акрой и двумя хребтами, защищающими ее от злых северных ветров, переплелось бесчисленное множество подземных ходов, выбитых в серовато-желтом камне. Эти ходы тянутся на сотни лиг. Наверное, есть на земле (или под землей) тот, кто знает весь этот лабиринт, как свою ладонь. Только этот кто-то о своем знании помалкивает. А прочие знают лишь то, что им положено знать, и не больше того.

Во все времена, одним упоминанием о себе, каменоломни наводили страх на местных жителей. А каждый новый правитель, вступающий на престол, клятвенно обещал «замуровать все ходы и выходы из этих подземных ульев, дабы не вылетали оттуда, яко жалающие осы, бесчинствующие орды разбойников. А если кто сделает пролом в подземный город, то перед этим проломом должно его убить и закопать». Однако дальше слов обычно дело не шло. То ли контрабандисты были так хитры и изворотливы, то ли доходы их каким-то непостижимым для простого смертного образом пополняли казну если не самого правителя, то ближайших его помощников. Военачальники, жрецы и сановники годами сетовали на вольных торговцев, и точно так же, годами, не могли разыскать ни одной «норы». И такое положение всех устраивало.

Днем же и гавань, и город, залитые ярким солнечным светом, казались совершенно безобидными, по-детски простыми и беззаботными. Маленькие серо-желтые домики, раскиданные среди множества холмов, кое-где прорезанных острыми зубцами скал, оплетали, соединяя вместе, сотни узеньких улочек-тропинок. Все это шумное, как птичий базар, человеческое поселение нависало над гаванью и городским рынком, который, в свою очередь, разноголосицей и разноцветьем мог поспорить и с тем и с другим.

Выше, у самого подножья гор, расположились совсем иные строения. Их уж никто, даже самый взыскательный из всех путешественников, когда-либо сходявший с палубы на эту землю, не назвал бы домами. «Дом» — это слишком короткое слово, чтобы обозначить все, что видел глаз. Это были, вне всяких сомнений, дворцы — дивные творения

архитекторов и мастеров, чертоги правителя и его приближенных. Белоснежные стены и круглые, прямые колонны, державшие плоские крыши, скрывали от иссушающих лучей южного солнца густые заросли караганника и калютей с возносящимися над ними прямо к выцветшему небу кронами шелковиц. Хотя блеклым небосвод казался только над крутыми склонами холмов. А над гаванью, над всем видимым глазу простором моря перемешивались, перетекали друг в друга все оттенки мягкого зеленоватого цвета и бледной синевы.

В этих краях море переменчиво: то искрится бирюзою в лучах теплого солнца, то хмурится, темнеет и начинает волноваться, то, вздымая свинцовые волны до крыш, грозит гавани и поселению. Все знают: море — это и первый друг человеку, и раб его, и безжалостный владыка. Только от ветра, волн, да силы и сметливости мореплавателей зависит, будет ли груз доставлен вовремя и именно туда, куда нужно. Здешним жителям лодка под парусом все равно, что иным — легконогий аргамак.

Когда-то на западную оконечность этого полуострова, пройдя через преграды подводных рифов, высадился вождь по имени Бальдр со своей командой. Люди они были отчаянные и о том, что такое страх, знали лишь понаслышке. Плыли они завоевывать новые земли, чтобы расширить свои владения и пополнить и без того значительные состояния. После долгих дней пути, когда уже подходили к концу запасы пищи и пресной воды, однажды на рассвете они выловили в воде сломанную зеленую ветвь. Листья на ней не были похожи на те, что росли в их родной стране. И вот, наконец, во всем блеске яркого солнечного дня, показался им скалистый, на вид неприступный берег. Вершина его, которую венчали два горных пика, сплошь была покрыта буйной растительностью. Склоны круто обрывались в море и были источены стремительными течениями. Торчавшие из воды, темные, от постоянно перекатывающихся через них волн, осколки камней, видно, тоже некогда были частью скалы. Они-то и не позволили мореплавателям пристать к берегу. Смелчаки спустили парус и на веслах, несколько раз едва избегнув гибели, все же смогли отыскать место, где можно без опаски высадиться на сушу.

Через несколько лет здесь было уже большое поселение. Народ, приставший к Бальдру и его воинам, был под стать первопроходцам: смелый до жути и отчаянный до безумия. Предводитель, ставший правителем поселения, на диво быстро находил общий язык с вновь прибывшими, на каком бы из известных или неизвестных ему наречий они не объяснялись. Его сподвижники стали первыми сановниками при дворе.

Город вырос, разбогател и заставил о себе говорить — причем говорить почтительно — на диво быстро. И это притом, что ни в какие боевые походы Бальдр не ходил, да и крупные морские сражения были здесь не в чести. Росли дома и домики, превращаясь в великолепные дворцы, украшенные арками, колоннадами, открытыми галереями и подвесными мостами, вздымали в напоенный ароматами роз прозрачный воздух алмазные струи фонтаны. Желтые камни, синие тени, узоры трещин на старых стенах... сюда не долетал шум из гавани. Здесь царили тишина и покой.

Правитель, пришедший из-за моря, умер, не оставив наследника.

Возложив тело своего предводителя на огромный деревянный помост, его друзья зажгли факелы, стоя по обе стороны от неподвижного тела — и как будто странная, неправильная заря разорвала вечерний воздух. Он невыразимой быстроты его течения звезды словно дрожали на ветру, но факелы не гасли. Молча и слаженно, как один, люди подняли их вверх, сомкнули над телом умершего и опустили вниз. Погребальный костер запыхал на вершине того самого утеса, который они увидели первым, достигнув этой земли. Будто в ответ на прощальный зов костра море откликнулось, зажигаясь где-то в потаенных своих глубинах мерцающим холодным пламенем, белым огнем. Море цвета звезд прощалось со своим братом. Белые птицы с черной каймой на огромных крыльях с тоскливыми криками реяли над скалой, то возносясь без единого движения к звездам, то камнем падая в воду.

По обычаю их земли прах над морем должен был развеять сын вождя, наследник. Костер догорел. По углям пробегали тихие всполохи синего свечения. Все ждали знака. Первым к пеплу протянул руку верный друг и боевой товарищ Бальдра, Атгар. От углей

исходил сильный жар, и воин не спешил взять горсть праха. Он поднял голову к луне, протянувшей к ним мерцающую живым серебром узкую тропинку. И вдруг воскликнул: «Смотрите! Белый орел!» И действительно, с заоблачных высот по серебряным нитям лунного света к ним летела огромная птица, окруженная белым сиянием, словно сама объята пламенем, которым горели и небо, и море. Взоры всех обратились к гигантскому орлу. «Вот он, знак!» — громко произнес стоящий рядом с Атгаром Торн. Никто не заметил, как откуда-то сбоку к пепелищу протиснулся человек и, сделав вид, что взял пепел, схватил горсть сухого песка. «На меня упала тень орла, — заголосил он, — я — наследник! Я — правитель!» Он размахнулся и бросил песок в воздух.

Так древняя легенда объясняет, почему в этом городе почти на десять лет воцарился Кинр, который и воином-то не был, лишь записывал дела прежнего правителя да считал расходы двора. Однако у него хватило хитрости, чтобы внести разлад в жизнь и своих приближенных, и тех, кто стал его подданными. Кинр боялся и не любил море, так же как и тех, кто бесстрашно преодолевал его, по старой привычке заходя в некогда приветливую гавань, чтобы укрыться от непогоды. Он издал указ, который велел высечь на всех каменных столбах у входа на пристань и по окраинам города. По этому указу каждый корабль, заходивший в порт, должен был поделиться большей частью груза с правителем. А тем, кто укрыл груз, и тем, кто помог им в этом — смерть.

С тех пор и стал расти под землей еще один город.

Не чувствуя себя в безопасности, правитель приказал замуровать ходы подземелий, объявив, что отныне клятвой наследников при вступлении в права будет обет: «защита честных, простых людей от морских разбойников», и народ вправе восстать и свергнуть правителя, который не даст такой клятвы.

Было это давно. Не так давно, чтобы не стоило вспоминать, но все же достаточно, чтобы в памяти людей стали стираться кое-какие детали...

Боясь, что не сможет удержать власть, и, опасаясь того уважения, которое уже успел завоевать Атгар, будучи военачальником старого Бальдра, Кинр выгнал его из Акры. Многие считали, что Атгар погиб. Но десять лет спустя в гавань Акры вошли восемь кораблей. Они несли черные паруса с белым орлом, распахнувшим огромные крылья: за ним сияла луна. Атгар вернулся с новой сильной дружиной. Он без особого труда захватил город, изгнав Кинра и его приспешников. Но для того, чтобы узаконить свою власть и не вызвать в народе волнений, Атгар принес клятву: «...замуровать все ходы и выходы из подземных ульев, дабы не вырвались, как жалящие осы...». Как и всякое обещание, данное при вступлении на престол, оно так и осталось словами. Его повторяли вслед за Атгаром все его наследники, ибо он, не в пример Бальдру, позаботился о том, чтобы род его не пресекся во веки, и привез с собой на одном из кораблей жену и сына.

А контрабандисты, помогавшие Атгару, занялись своими привычными делами, торгуя беспошлинно по всему побережью и безнаказанно ускользая от любых преследователей в подземные лабиринты города...

Город под городом жив и поныне, хотя вход в него сторожит вечное море. Но если уйдет вода, туда снова могут вернуться люди. А вот города на земле давно уже нет, ветры сровняли его с поверхностью, и мудрецы спорят о том, был он или только снился одному мечтателю, автору длиннейших свитков.

Акра — давний мой сон... который часто приходит ко мне и дает силы. Акра — колыбель страсти моей и спокойствия, мужества и нежности, разума и безумия. Мечта моя... Любовь моя... как же ты далеко.

Глава первая

На горизонте появилась крохотная, едва заметная темная точка. Сперва показалось, что она приближается, и быстро, но через некоторое время Наиль устал щурить светлые глаза.

— Ветра нет, — пробормотал он скорее себе, чем двоим приятелям, расположившимся

на перевернутой лодке в тени акации, — даст Хальба, только к вечеру здесь будут.

Он поднес к полным губам молодое кислое вино, сделал глоток, причмокнул. Приятели его с видимым удовольствием повторили приятный ритуал и тоже причмокнули. Чашами им служили арбузные корки. Неподалеку из травы торчали три или четыре бурых холмика. Впрочем, может, их было и больше — высокая трава, тень от акации и безжалостное солнце, быющее в глаза, мешали рассмотреть их как следует. Да никто и не пытался. Время от времени то один, то другой холмик оживал, приподнимая большие лохматые уши, и черным, влажным носом провожал арбузную корку, небрежно отброшенную в траву, но вскакивать и бежать за ней не торопился. Умные черные глаза, казалось, говорили: «Была нужда плестись по такой жаре и в такую даль... Хозяин и так накормит...»

Черная точка маячила на горизонте, но не спешила расти, превращаться в силуэт корабля. Видимо, гребцы придерживались того же мнения, что и рыжеватые ослики: в такую жару чем меньше суеты, тем тебе же лучше.

Три человека терпеливо ждали.

Внезапно ослики зашевелили ушами, один, самый нетерпеливый, даже вскочил на короткие ножки, похожие на четыре веретена.

Гибкий, словно большая кошка, юноша порывисто обернулся туда, где на порядочном расстоянии от укромной морской бухты взметнулась высоким городским валом вольная Акра, родная мама всех свободных торговцев.

— Ну и шо ты там увидел, Наке? — лениво спросил тощий рыжеватый человечек с жилистой шеей, маленькими темными глазами и кривоватой улыбкой, приоткрывшей парочку выбитых зубов.

— Отряд, — отозвался юноша, вглядываясь в оранжевую дымку, повисшую над дорогой, — человек десять. На конях. На том, что впереди, вышитая безрукавка. Это господин Рифат, дядя Танкар. Бежать надо. Срочно!

Тот, кого юноша назвал Танкаром, неторопливо развернулся, несколько мгновений смотрел на быстро приближавшийся конный отряд, потом пожал плечами и пинком выкатил из густой тени целый арбуз. Старый Наиль вынул из-за расшитого пояса кинжал и неторопливо и ловко пропорол смачно чавкнувшую зеленую корку.

— Дядя Танкар, — заволновался юноша, — они поворачивают к нам!

— Ну и шо? — невозмутимо спросил рыжий, надкусывая сахарную мякоть, — господин Рифат делает свои прямые обязанности — ловит контрабандистов, от которых казне Акры большой убыток. Мы тоже делаем свои прямые обязанности — принимаем товар мимо чиновников господина Рифата, от которых нам, вольным торговцам, тоже большой убыток. И я, и господин Рифат делаем свою выгоду. Так и я тебя спрашиваю, Наке, неужели два человека, которые спокойно делают свою выгоду, станут мешать друг другу, да еще в такую жару?

Словно в ответ на его слова маленький отряд свернул, не доезжая до убежища вольных торговцев какой-нибудь сотни шагов, и по короткой дороге устремился в сторону Акры.

Юноша с недоверием в черных, похожих на маслины глазах проводил отряд городской стражи.

— Шо ты стоишь тут с таким видом, словно я или господин Рифат тебя насмерть удивили? — спросил Танкар, сплевывая черные семечки. — Ешь арбуз, пей вино. С калоши старого Фасиха лодки спустили. Сейчас грузить будем. Удивляться станешь, когда дело сделаем и деньги получим. Тогда и я с тобой за компанию поудивляюсь...

Только тут юноша увидел, как от большой черной точки отделились две маленькие и по гладкой воде полетели к берегу.

Товар погрузили быстро. Полуголые матросы в широких штанах до колен, обожженные солнцем до цвета новой бронзы, обливаясь потом, перетаскивали из лодок с десятков больших тюков и дюжину тюков поменьше. На берегу Танкар, старик Наиль и юноша проворно оттащили их от воды и пинками подняли разомлевших от жары осликов.

Здоровенный детина с широким, как луна, и плоским лицом, поблескивая лысиной,

поманил к себе Танкара. Тот неспешно подошел, вытирая руки о подол длинной белой рубахи.

— У тебя есть верный человек рядом с Рифатом? — спросил тот.

— Как и у каждого вольного, — Танкар пожал плечами.

— Тогда ты, наверное, сумеешь устроить так, чтобы «Дельфина» встретила в порту городская стража.

Танкар внимательно посмотрел на высокого, сильного человека, но переспрашивать не стал. Внезапно тот наклонился к нему и, почти не разжимая губ, быстро проговорил:

— Фасих велел передать тебе: пусть Танкар товар продаст сразу, деньги положит под матрац и сядет сверху. А еще пусть Танкар застегнет рот на три застешки...

Танкар в непритворном удивлении взметнул рыжие брови, но смолчал, что-то соображая про себя.

— Что мне передать Фасиху?

— Передай: Танкар слушал ушами, Танкар сделает.

— Хорошо, — кивнул человек Фасиха и, не прощаясь, отошел.

Когда быстрая, но валкая лодка, подчиняясь мерным взмахам весел, отвалила от берега, Танкар подозвал старика и задумчиво проговорил:

— Фасих хочет, чтобы на «Дельфине» сделали стражу. От таких новостей я сейчас умру.

— От таких новостей мы все сейчас умрем, — хладнокровно отозвался старик, проверяя широкий кинжал за поясом, — но сначала пусть Наке возьмет ноги в руки и бежит до Рифата.

Черная точка на горизонте шевельнулась и медленно поползла в сторону Акры.

В порту царила обычная суматоха. Что-то разгружали, что-то загружали, что-то шумно пересчитывали сразу на трех языках, что-то украли, кого-то поймали и тут же, беззлбно наваяв по бокам, срезали острым ножом прядь волос с правой стороны... У пойманного мошенника волосы срезались слева. Жрицы любви, усталые и вечно недовольные, с неизменными ковриками под мышкой, лениво пихались в толпе, норовя задеть грузчика или матроса полным бедром. Быстрые люди с внимательными, слегка сощуренными глазами ныряли в толпе, рассекая ее, как нож масло. Изредка доносился их торопливый говор, вспыхивали короткие деловитые ссоры без злости и без азарта, толпа их тут же гасила, как волнорезы гасят прибой. Солнечный диск стоял в зените, как улыбающаяся голова рыжеволосого бога Хальбы, покровителя беспошлинной торговли и сделок, заключенных без участия чиновников правителя.

Внезапно что-то случилось. Словно порыв северного ветра налетел с далеких гор и дохнул холодом. Пестрая толпа притихла и расступилась. Появился человек. Он был высок и беловолос. Морщины расчертили его темное лицо вдоль и поперек. Он двигался осторожно, опираясь на толстую сучковатую палку, с трудом неся на высохших ногах свое тело, кое-как прикрытое лохмотьями. Под снежно-белыми бровями чернели провалы бездонных глаз. В них не было ни злобы, ни доброты; ни печали, ни веселья; ни гнева, ни смиренья — ни одного из знакомых человеческих чувств. В этих темных глазах была Сила. И люди, чувствуя Силу, уступали нищему старику дорогу и бесшумно смыкались за ним, испытывая неловкость и странную боязливость, словно повстречались на узкой дорожке с тарантулом.

Но пропал старик, а с ним пропал и холод. Южное солнце затопило площадь, проникая в каждую щель в темном камне, в каждый лист платана, обволакивая теплом каждую иглу высоких, старых кипарисов, согревая каждого озябшего и приветствуя, как друга и близкую родню, каждую светлую улыбку. То была Акра, город, где говорят: «Пришла беда на двор — сади ее за стол».

В тени олив молодая полная женщина ловко чистила рыбу. Мальчишка в одной длинной широченной рубахе тут же жарил ее, поворачивая над сложенным из камней очагом на длинной оструганной палке. Выброшенные потроха с урчанием растаскивали большие полосатые коты. В жарком воздухе густой волной плыл запах, от которого можно было

проглотить язык.

— Ай, как пахнет! Как пахнет в благословенной Акре! — услышал за спиной Танкар. — Можно лишь пить молодое вино и ни разу не закусывать!

Танкар обернулся. К нему проворно проталкивался старый Фрим, тот, о котором ходила молва, что он раза два уже совсем было собрался умирать, но боги не отпустили его, потому что за старика просили слезно семь молодых наложниц... Забавный старик, как всегда, был переполнен новостями и за одну... или, скажем, за пару чашек фалернского готов поделиться ими со всем светом.

Танкар хлопнул его по плечу и улыбнулся своей кривоватой улыбкой:

— Отчего бы не закусить, Фрим? Хальба закуску не запрещает.

Они устроились на плоском камне, нагретом за день так, что казалось, плюнь — зашипит, но сквозь толстую холстину каменный жар был вполне терпим.

Фрим мотнул головой в сторону спокойного моря, где пузатый «Дельфин» неторопливо и важно продвигался в сторону порта.

— Все знают, Танкар ходит ногами, а думает головой... Вот и скажи старому Фриму такую вещь: отчего у Фрима горе, если суп жидок, а у Фасиха — если жемчуг мелок?

Танкар хмыкнул:

— Ты у меня спрашиваешь такую простую вещь, словно сам ни разу не грамотный! Фасих богат оттого, шо за свои кровные никогда не пьет и очень редко ест. А ты, старый пень, беден оттого, шо никак не можешь проводить молодость.

— Ответил ты хорошо и мудро, — важно кивнул польщенный Фрим, — а теперь скажи вот что: люди говорили, что свой корабль ты проиграл в кости северянину. Это правда?

— А люди не говорили, шо спрашивать меня за такое дело до ужина чревато боком? — полюбопытствовал Танкар.

Фрим тихонько хихикнул, но на всякий случай отодвинулся.

— Если северянин его не утопит, у него будет самый быстрый корабль на весь Понт, — проговорил он.

— Он его не утопит, — отозвался Танкар.

«Дельфин» Фасиха величаво входил в порт Акры.

Суматоха на причале возросла, лишь перебросили сходни. Оказалось, что до этого в порту царил сонный покой, и только сейчас жизнь закипела.

Одновременно произошли две вещи: с борта «Дельфина» вымахнул человек в широченный черных штанах и безрукавке на голое тело и, зажав в зубах саблю, крупными махами поплыл к берегу. Десятник пешей стражи, встречавший корабль, тут же отрядил погоню. Люди на берегу заволновались, а неприметный человечек, который только что устроился со своим обедом напротив Танкара и Фрима, в волнении отшвырнул недоеденную рыбу и ввинтился в толпу. Взыли коты, самый быстрый мгновенно сцапал добычу за хвост и взлетел на платан.

— Ставлю десять монет за то, что не доплывет! — азартно воскликнул Фрим.

— Заметано, — отозвался Танкар.

На полпути человек, которого ловили, вдруг забился, ушел под воду и вынырнул уже без сабли. Люди Рифата заметно воодушевились.

— Пятнадцать монет! — взвыл Фрим.

— Принято.

Человек выбрался на берег в районе камней, дал в зубы подлетевшему стражнику, пнул второго, скинув его в воду, встряхнулся, как пес, и ринулся вперед, проломив толпу, словно гнилой забор. В образовавшийся коридор устремилась погоня.

— Давай пятнадцать монет! — Танкар обернулся к Фриму... но того уже и след простыл.

Танкар обвел толпу задумчивым взглядом и неожиданно рассмеялся. Молодая женщина, та, что жарила рыбу и все слышала, поглядела на него с удивлением.

— Приду к нему домой, — давась смехом, объяснил Танкар, — скажу, давай, Фрим,

пятнадцать монет. А он ответит: какие десять монет? Никаких пяти монет я тебе не проигрывал! Ладно... Лувилла, дай ему четыре монеты, пусть подавится своими двумя... А вообще, катись ты со своей монетой...

* * *

Тонга летел по улице огромными прыжками. За спиной слышался топот городской стражи. Саблю он потерял, но даже если бы она была при нем, врагов было слишком много. К тому же, он не имел права умереть, пока не выполнит поручение своего повелителя.

Заросли акации укрыли его ненадолго. Не пробежав и полквартала, Тонга вновь оказался под лучами злого солнца. Узкие боковые улочки манили нырнуть туда и скрыться в их спасительной тени и сонной тишине, но Тонга совсем не знал этот город и боялся попасть в тупик. В его положении, с висящей на плечах стражей, свернуть туда было все равно что самому свернуть напрямиком в городскую тюрьму.

Правда, были здесь еще и таинственные, запутанные и спасительные подземные лабиринты, но попасть туда было труднее, чем на обед к правителю Акры.

Какого-то невезучего торговца боги вынесли не вовремя, да хорошо бы одного, но здешний лукавый бог Хальба распорядился так, что торговец вывел за собой мышастого ослика, запряженного в повозку, груженную связками белых кур. И Тонга с разбегу влетел прямо в эту повозку!

Тележка опрокинулась, ослик упал и обиженно заревел на весь квартал. Полусонные куры сразу ожили и оглушительно заклокотали. Ноги Тонги увязли в жирных тушках, взметнулись белые перья, попали в глаза, в нос... Тонга чихнул, зажмурясь, и тут подоспела погоня.

— Стой! — рявкнул один из стражников, козлобородый человечек с лицом, красным от бега по жаре и перекошенным нешуточным раздражением. Он хватал себя за бедро, но сабля сбилась, и стражник никак не мог нашарить рукоять. — Стой, кому говорят!

— А кому говорят?

Тонга огляделся, присел, схватил связанную курицу за мягкую шею и с размаху ударил стражника по уху. Голова с козлиной бородкой мотнулась в сторону, стражник упал на колени, и Тонга добавил сверху той же несчастной курицей, едва не вколотив голову стражника в его же грудную клетку. В воздухе кружилась белая выюга из перьев, за которой скрылись и улица, и Тонга, и избитый стражник. Осел продолжал реветь, хозяин повозки кричал тонко и так пронзительно, что его визг перекрыл даже рев осла:

— Люди! Поглядите, шо они сделали с бедного Шемаха? И на какую же выгоду они меня порушили?!

Тонга на что-то наступил, оно хрустнуло под ногой и брызнуло чем-то липким. Спустя мгновение он понял, что одна из связанных кур снеслась с перепугу и он раздавил яйцо. Грозный топот отставшей погони ворвался в белый туман. Яростные крики совсем оглушили бедного Тонгу. Он не понимал и половины, язык, на котором говорила Акра, не был ему родным... Он вдруг сообразил, что курица, которой он отбил от козлобородого, мертва, и отстраненно пожалел бедную, ни в чем не повинную птицу.

Тонга не помнил, как в его руке оказалась сабля стражника и как он ударил выросшую перед глазами фигуру. Ударил плашмя, зная суровые законы Акры, сулящие жестокую казнь за убийство стражника или чиновника. Тот крикнул и сел на мостовую прямо в яичный желток, а Тонга, не помня себя от ужаса, полетел вперед. В спину ему ударили ослиный рев, крик боли, грязная ругань на нескольких языках в адрес несчастного копытного. Тонга бежал так, словно у него на ногах выросли крылья, и по улице, навстречу ему, плыл, густея, сочный запах спелых дынь.

Тонгу спасло чудо. Вернее, дикое упрямство сбитого с толку осла. Рассерженный и напуганный мирный ослик превратился в разъяренного зверя. Он освободился от гнилых постромок, выскочил на середину улицы и с победным ревом встретил подбежавших

стражников мощными ударами задних копыт. Те двое, контуженный курицей и тот, кому попало саблей, уже малость очухались и попытались оттащить беднягу... и познакомились с крепкими зубами твари! Да, это был явно не их день.

Хозяин осла не видел и не хотел видеть, что творила его животино. Он стоял у разбитой повозки, перепуганных кур, яичного желтка и оседающих на землю перьев и, хватаясь то за голову, то за сердце причитал:

— И на какое же богатство они меня разорили! И еще хотят, чтобы старый Шемах платил три монеты об городскую стражу! Старый Шемах таки отдаст три монеты, а потом его ждет такое, что это неслыханно!!!

Город, как известно, красят три вещи: красивая река, честный судья и богатый базар. Что до реки, то Акру омывало море, а оно лучше любой реки. Судья здешний был достаточно честен, чтобы ладить со своими клиентами и не морить голодом свою семью, но что до базара...

Ах, кто не видел базара в Акре, тот вообще не видел базара!

Увиденное ошеломило Тонгу.

Торжища Хорасана, Мешхары и Дамаска вмиг потеряли всю свою магию и сделались маленькими и жалкими.

Базар в Акре был огромен.

На несколько лиг тянулись торговые ряды, отрезавшие большую и лучшую часть города от порта. Базар был границей: шумный и неспешный, богатый и нищий, благоуханный и зловонный. Он казался неподвластным ни времени, ни правителю, им правили какие-то свои собственные законы. Изредка его пеструю гладь тревожили «подводные течения», но разобраться в них не смог бы не то что господин Рифат, но и сам рыжеволосый лукавый Хальба.

Базар был сердцем Акры. Кровью ее были бесчисленные караваны навьюченных лошадей и ослов и сгибающиеся под тяжестью чужого богатства вереницы портовых носильщиков, которые базар без устали втягивал в себя и выталкивал наружу, чтобы расходились по узким улочкам Акры золотые ручейки из темных и сморщенных или белых и холеных рук и наполнялись жизнью бесчисленные лавочки, постоянные дворы, бани, суды, публичные дома и воровские притоны.

Базар давал жизнь Акре. Он был ее неотъемлемой частью, но в то же время существовал как бы сам по себе, власть правителя здесь заканчивалась и начиналась власть Хальбы, которому некогда был посвящен самый первый торговый ряд города.

Базар показался Тонге центром мира, той самой осью, вокруг которой вращаются Акра, море, горы, близкая Иудея и далекая Индия, страшные подземелья с чудовищами и высокие равнодушные звезды. Базар возвышался над всем и вся, он высокомерно взглянул на тощий кошелек Тонги, но благосклонно кивнул и в мгновение ока втянул его в свое крикливое, многолюдное и необъятное чрево.

Для начала Тонга попал в ряды, где торговали фруктами и цветами, и едва не одурел от валящего с ног терпкого медового запаха. Ни один фрукт, ни одна истомившаяся под южным солнцем роза не могла пахнуть так тяжело и сладко, этот густой аромат был присущ лишь горам пронизанных светом дынь, прозрачной, похожей на янтарь алычи, бархатных персиков, красиво разложенных на циновках, пирамидам абрикосов и сочных, словно прозрачных груш, застывшим рекам черного инжира, самого вкусного на побережье, барханам сахарных фиников и фруктам совсем уж диковинным, которых Тонга никогда не видел и названий не знал. Над всем этим великолепием грозно гудели золотистые полосатые осы, как бы вторым ярусом нависали вороха бархатистых, нежных, ярких, источающих горько-сладкий аромат южных цветов, а между ними темнели загорелые лица продавцов, их гибкие кисти, глаза: то сонные, то яростные, словно у атакующего ястреба.

При виде Тонги продавцы даже не шевельнулись, каким-то присущим лишь торговым людям ясновидением поняли, что высокий, небрежно одетый чужеземец пришел на базар не за фруктами.

Тонга миновал фруктовые ряды и оказался в шорных. На тонких столбах цветных навесов, защищавших от яркого солнца, гроздьями висели дорогие уздечки на любого зверя, которого со времен начала мира человек додумался оседлать и взнуздать. Здесь же стояли богатые седла, расшитые бисером попоны, пахло размякшей от жары кожей и железом, натертым маслом.

Всюду курились синеватые дымки мангалов, заставляя глотать слюну от аппетитных запахов жареного мяса и рыбы.

Тонга немного расслабился. Голод давал о себе знать пока еще тихим посасыванием в животе, но запах еды раздражил аппетит беглеца, его тонкие ноздри раздулись, потянули воздух. Тонга свернул и решительно направился к мангалу.

— Эй, господин, хочешь стать богатым за один раз?

Тонга остановился, покрутил головой, потом догадался поглядеть под ноги. На плетеном коврике, поджав ноги, сидел маленький тощий человечек: темноволосый, в широких синих штанах, с голым торсом и босой. Он занимался каким-то странным делом: двигал три опрокинутые чашки по отполированной дощечке. Увидев интерес Тонги, человечек хитро подмигнул, достал прямо из воздуха розовый перламутровый шарик и на глазах Тонги толкнул его под одну из чашек.

— Смотри внимательно, господин. Моя рука против твоего глаза. Угадаешь, где шарик — я тебе даю одну золотую монету или десять серебряных, как захочешь. Не угадаешь — ты даешь мне одну серебряную монету или десять медных.

Тонга уставился на тонкие ловкие руки человечка с напряженным вниманием ребенка. Руки сделали всего три быстрых движения. Игра оказалась совсем не сложной. Тонга уверенно указал на левую чашку.

— Ты угадал, господин, — уважительно объявил человечек, — у тебя острый глаз. Наверное, ты славный воин! Сыграем еще раз, по две монеты?

— Что ж, лишних две монеты мне не помешают...

Человечек склонился над своей доской и Тонга не увидел быстрой довольной улыбки.

— Вот он! Хватай его!

Тонга выпрямился... и нос к носу столкнулся с козлобородым. Он понял, что расслабился рано.

Не раздумывая, Тонга выдернул дощечку, стряхнул чашки и, пригнувшись, (сабля над головой свистнула, но без толку) врезал доской под колени козлобородому. Тот взвыл и осел, а Тонга добавил той же доской по голове. Перескочив через поверженного противника, он ринулся в пестрый водоворот базара, а вслед понеслись крики:

— Хватай изменника! Десять монет из казны господина Рифата!!!

На «изменника» можно было наплевать, любой базар традиционно аполитичен, да и десять монет не состояние, при всем уважении к начальнику городской стражи, но потом кто-то додумался крикнуть: «Держи вора!», и это было гораздо хуже.

Тонга припустил как заяц.

Босые ступни приласкал мягкий ворс бесценных пыльных ковров, брошенных продавцами прямо под ноги покупателей. Тонга проскочил ковровые ряды и оказался в оружейных. Сверкающая на солнце сталь напугала его, он метнулся к другому прилавку. Цепкая рука вынырнула из-под навеса, схватила его за плечо...

— Гляди, господин, такое чудо ты не увидишь нигде, кроме моей лавки!

Продавец, нестарый еще мужчина, подкинул в воздух лоскут невесомой ткани и неуловимым движением сверкнувшего клинка разрубил его пополам.

— Держи вора! — рявкнули вдруг совсем рядом. Тонга дернулся, но торговец проворно ухватил его за безрукавку и тонко заорал:

— Поймал вора! Поймал!

Волшебное лезвие оказалось у самого горла.

Раздумывать было некогда. Тонга ударил продавца локтем, попал под ребра. Тот сдавленно хрюкнул, пальцы разжались, и Тонга, подхватив саблю, нырнул в разноцветное

море дорогих тканей.

На плетеной циновке, почти под ногами покупателей, лишь чуть в стороне, сидели два старика, по виду древних, как сам базар. Они не прятались от солнца под навесом, напротив, старики расположились так, чтоб полуденное светило обдавало их своим почти нестерпимым жаром. Видно, холодеющая кровь, вяло бегущая по жилам, уже не могла их согреть. Старики почти не разговаривали, только неспешно передавали друг другу отделанный серебром мундштук старинного кальяна.

Голые пятки Тонги промелькнули мимо со скоростью сплетни, а следом застучали башмаки городской стражи. Что-то затрещало, и холодная волна синего шелка покатилась на стариков, грозя их смыть.

— Держи вора!!! — ревел базар.

Тонга рванулся напрямик, сшибая прилавки, опрокидывая навесы, расшвыривая товар. Как спятивший пловец, он греб в море золотой парчи, серебряного шитья и легчайшего шелка, почти не различая берега и не надеясь доплыть.

С треском раскололась хитрая клетка. Пестрая птица — павлин с радужным хвостом — вывалилась наружу и обиженно заорала на весь базар.

Разноцветное море неожиданно кончилось, но теперь на Тонгу обрушились горы серебряной, медной и глиняной посуды. Он хватал чаши, блюда, кувшины, иногда вырывая их из жадных рук торговцев и, не разбирая лиц, швырял в каждого, кто пробовал к нему приблизиться. Правая рука его сжимала украденную саблю и, видя, какие она плетет в воздухе кружева, приблизиться к беглецу отваживались немногие.

Сразу за ним с сухим стуком рухнул алый тент, а перед глазами оказалась большая туповатая морда рыжего верблюда, меланхолично жующего. Тонга нырнул ему под брюхо, вынырнул с другой стороны, хлопнул его по мягкому боку. Верблюд проводил его глазами, полными печали и задумчиво плюнул на влезшего следом стражника.

Беглец влетел в открытые двери ближайшей лавочки и рявкнул:

— Хозяин! Халат мне! Богатый! И башмаки!

Тот без суеты обернулся, и Тонга ничуть не удивился, что богатый торговец оказался евером.

— Халат мне! — с угрозой повторил Тонга, — и побыстрее. Иначе будешь свою тупую голову на заднем дворе разыскивать, — и для убедительности качнул саблей.

Блеск оружия не произвел должного впечатления.

— Вы что, молодой человек, решили из меня шутки шутить? — спокойно спросил торговец.

— Старик, я убью тебя! — в третий раз рявкнул Тонга, уже менее уверенно и на пол тона ниже.

Евер пожал худыми плечами:

— И вы что, каждый раз, когда собираетесь кого-нибудь убить, орете за это на весь базар?

Тонга растерялся.

— Садитесь, молодой человек, — продолжал торговец, — выпейте вина. Вам нужен халат? Я вас понимаю. Всем нужен халат, но зачем, чтобы из тихого дела стало шумное? Вам нужен халат, но у вас нет денег? — почти против воли Тонга кивнул. — У вас нет денег, но есть этот замечательный клинок дамасской работы... Заметьте, я не спрашиваю вас, откуда вы его взяли и почему за вами гоняется стража. Я просто вхожу в ваше положение. Вам нужен халат! Молодой человек, у нас с вами может получиться коммерция... Римас сделает вам халат и даже башмаки, только не нужно кричать за это на весь базар.

Меж тем суматоха нарастала, но уже без участия Тонги. Продавцы причитали над товаром, словно разметанным ураганом, зеваки пихались, норовя не упустить ничего интересного, городская стража переворачивала лавочки и коротко огрызалась на сыплющиеся со всех сторон проклятья. У двух или трех десятков почтенных покупателей под шумок срезали кошельки, и они орали едва ли не громче павлина. Узнав об этом, стража

бросила ловить Тонгу и принялась ловить воров, но с тем же успехом.

Двое стариков у старого кальяна единственные сидели спокойные и невозмутимые. Рядом рухнула крыша, и на синий шелк, ставший от пыли бурым, обрушилась гора медной посуды. И опять замелькали быстро бегущие пятки: босые и обутые. Павлин, который только лишь успокоился на коленях у старика, снова вскочил, взъерошил перья и завопил дурным голосом.

С другого конца базара ему ответил необычайно голосистый ишак.

Один из старцев шевельнул беззубым ртом и, слегка шепелявя, спросил другого:

— А шо это они все бегают и бегают?

Другой приоткрыл пронзительные голубые глаза, скрытые тяжелыми веками.

— Молодые, — ответил он и снова погрузился в дрему.

И как-то необычайно быстро все успокоилось. Прекратились крики и беготня, взамен порубленных навесов быстро натянули новые, такие же яркие, ткани отряхнули от пыли, а посуду (которая не разбилась) вновь разложили красивыми горками по обе стороны прилавков.

Большой базар продолжался.

В самом центре, где на низких стульчиках сидели менялы со своими ящиками, было уже совсем тихо и чинно.

Двое спорили быстро и яростно, но вполголоса:

— Послушай, ты что, хочешь, чтобы я из трех монет сделал тебе четыре, да еще пять оставил себе? Может, Хальба и способен на такие чудеса, но бедный Илияс не Хальба и чудес не делает, это не его работа.

— Ой, перестань сказать, противно слушать! — перебил другой. — Ты брал у меня деньги, говорил — отдашь. Когда отдашь?

— Откуда я знаю? — возмутился Илияс. — Я что, всевидящий?

— Вода! Холодная вода! — заунывно тянул водонос.

Испуг и напряжение медленно отпускали Тонгу. Он снова с любопытством завертел головой и заметил деревянный помост и тонкую фигурку, которая кружилась легко и воздушно под музыку зульда. Легкий голубой платок то взлетал и метался испуганной птицей меж руками, то обессилено падал и трепетал от невидимого ветра.

Странной магией веяло от этого танца.

У самого помоста, прямо на земле сидел человек неопределенного возраста, в лохмотьях, которые когда-то были халатом. «Наверное, — подумал про себя Тонга, — он играл так же вдохновенно в те времена, когда возводили крепость».

Тонга прислушался.

Незнакомец пел:

Как кораллы губ твоих надменны,
Как резка приподнятая бровь.
Вечным одиночеством вселенной
Жгут глаза... и холодом снегов.
О моя неволя!

Как рукам твоим послушны струны,
Как волшебно гибок дивный стан.
Как мне быть с тобой, такою юной?
Что дарить? Какой сплести обман?
О мое безумие!

Как любить бессмертную богиню?
Что ей бросить под ноги, скажи?
Не спасут подарки дорогие

Кровью истекающей души.
О моя надежда!

Тонга дослушал песню до конца и, хоть был не богат, бросил серебряную монету на платок танцовщицы.

Не слишком она была красива. Худа, темноволоса, черты лица резковаты. Но Тонга не испытал разочарования. Девушка — вся — была как лучик солнца в глубоком трюме, как свежий ветер в полосе полного штиля, как слабый, но упрямый росток, уцепившийся за жизнь в полосе прибоа.

— Ты не устала? — спросил певец свою подругу.

— Нет, — острое лицо осветила улыбка, — твоя песня дала мне силы.

Это была правда. Тонга и сам после его волшебной музыки воспрянул духом и обрел утраченные было смелость и решительность.

— Скажи, — тихо спросил он, — какая здесь самая короткая дорога во дворец правителя?

— Самая короткая? — Певец широко улыбнулся. — Скажи, добрый человек, что заставило тебя предположить, что я вхож к правителю? Мой богатый наряд или видная должность?

— Я просто спросил, — насупился Тонга, уже жалея о своей несдержанности.

— Самая короткая! — хмыкнул певец. — В моих родных краях говорят: «Веревка палача — самая короткая дорога к блаженству». Я бы тебе посоветовал что-нибудь украсть. И чем дороже будет украденная вещь, тем быстрее тебя поймают и отведут на суд к правителю... Прости великодушно, но другой дороги во дворец я не знаю.

— Господин, — вмешалась девушка, глядя на Тонгу темными, встревоженными глазами, — я вижу перед тобой два пути. Один наверх, во дворец, другой вниз, к морю.

— Мне не нужна дорога к морю, — начал было Тонга, но танцовщица перебила его:

— Тебе нельзя во дворец. За твоей спиной я вижу смерть. И она уже знает свою дорогу. Если ты выберешь путь наверх, она пойдет следом.

Тонга знал, что есть люди, видящие незримое. Давно, еще у себя на родине, у него был знакомый колдун. Он лечил людей, разыскивал потерявшихся коров и коз и мог предсказывать погоду... Но девушка, похоже, и впрямь за него испугалась. Он поборол искушение обернуться и покачал головой:

— Она уже давно идет за мной следом, куда бы я ни свернул.

— Будь осторожен, господин, — тихо проговорила танцовщица, — и никому не верь. Тот, кому ты доверишься, предаст тебя еще до рассвета.

* * *

Солнце уже садилось, когда Тонга, наконец, выбрался из лабиринта узких улочек, которые вели куда угодно, только не туда, куда нужно.

Дорога все время поднималась. В какой-то момент она закончилась и началась лестница, над которой шумели широкие и жесткие листья платанов. Вокруг раскинулись пышные фруктовые сады. Они взбирались все выше в горы, словно обнимая их своими зелеными руками. Изредка в темной пене мелькали крыши дворцов и летних беседок. То там, то тут море листвы прорезали лестницы: крутые и пологие, стершиеся за века и совсем новые. Когда перед усталыми глазами беглеца выросла белая стена, он почти лишился ног от усталости и дышал, как выброшенная на берег рыба — мурена, выпучив круглые бессмысленные глаза и шевеля губами.

Лестница упиралась в чугунное кружево решетки, в котором в строгой симметрии сплетались тяжеловесные цветы из красной бронзы и листья из желтой. За решеткой темнел сад, такой же, как и все сады в Акре — огромный дикий и неухоженный.

Тонга не стал стучать в ворота, поднимая на ноги дворцовую охрану. Не стал он и

штурмовать белые стены дворца. Все случилось гораздо проще и обыденнее. И именно ради этой простоты и обыденности Тонга проделал такой долгий путь.

В монолитной стене, как считали и сами правители Акры с незапамятных времен, было всего двое ворот: парадные и те, что выходили на задний двор. Никто не помнил и не хотел помнить, что в том месте, где стена дворца вплотную примыкает к высокому забору, в ней был прорублен ход, который вел с улицы прямо в просторные помещения дворцовой кухни. Ход этот заканчивался массивной дверью из той породы дерева, которое со временем не дряхлеет, а обретает твердость камня. Дверь была закрыта на замок, а ключ потерян еще в те времена, когда Кинр со своими людьми бежал из дворца и из Акры.

Так думали те, кто правил Акрой ныне.

Но они ошибались.

Каждую ночь дверь отпиралась, и молчаливые сильные люди ныряли в чрево огромной кухни. Дальше им ходу не было, но они и не стремились дальше. Здесь, среди огромных, заляпанных сажей котлов устрашающих размеров, вертелов и очага, в котором можно было изжарить быка целиком, находилось свое царство.

Кухня была самым настоящим суверенным государством на территории дворца: со своим правительством, законами, экономикой, армией и внешнеполитическими связями. И то, что никто посторонний об этом государстве не знал, ничуть не тревожило его самодержавного правителя — повара-раба Керболая. Дворцовая охрана избегала спускаться в помещения кухни, где всегда было жарко, стоял невыносимый запах лаврового листа и помоев и толпой сновали грязные, потные рабы. Никто не мешал Керболаю заправлять кухонной жизнью, следуя своим прихотям. Он и заправлял: держал армию рабов железной рукой. Ослушника заставляли выполнять самую тяжелую и грязную работу (а ее на кухне всегда хватает) и отлучали от шумных и пьяных оргий с рабынями, которые начинались в царстве Керболая, едва в верхних помещениях дворца гасили факелы, а могли и ненароком толкнуть в чан с кипятком.

Заветной же дверцей Керболай сумел распорядиться с мудростью воистину государственной.

Как-то, будучи еще обычным кухонным рабом, и не помышлявшим о своей будущей власти, ползая в золе, Керболай нашел ключ с хитрой бородкой и, смекнув, в чем дело, спрятал его от посторонних глаз. И долгих двенадцать лет молчал о своей находке, пока не стал тем, кем стал. Впрочем, он молчал о ней и сейчас. Суеверные рабы считали Керболая колдуном, знавшим заветное слово, и если жадность не могла заставить их молчать и подчиняться старшему повару, это делал страх.

Керболай свел короткое знакомство с купцами-евеями и тоненький, но бесперебойный ручеек заморских вин и редких пряностей потянулся из дворца правителя прямо на базар.

Сейчас Керболай был уже богат и давно мог бы выкупиться из рабства. Но повар хорошо понимал, что вместе с железным ошейником лишится и короны. И не торопился на волю.

Вот к нему, к Керболаю, и спешил Тонга, пряча в кошельке второй и последний ключ от заветной двери.

Глава вторая

Обычно в тот самый час, когда жизнь замирала наверху, она оживала внизу. Но в эту ночь привычный распорядок оказался нарушен. Сперва появился этот странный чужеземец с желтой кожей и острыми скулами, с которым почему-то нельзя было говорить, словно в Акре никогда не видели чужеземцев. Потом возник Керболай. Он был то ли зол, то ли чем-то чрезвычайно встревожен. Не тратя лишних слов, пинками, он разогнал рабов по кладовкам и запер всех на ключ. Они сидели в темноте, шепотом делясь друг с другом подозрениями и догадками, одна страшнее другой. Самой достоверной казалась версия, что старший повар принимает у себя чародея из далекого Китая, и они обсуждают, что лучше сделать:

превратить всех в ишаков, добыть из дерьма золото, погасить солнце или просто начать плеваться огнем... Тихие голоса бедняг были полны тревоги. Но никто не спешил рассеять страхи кухонных рабов. В эту ночь всем было не до них.

Тонга и Керболоай сидели на ступенях лестницы, которой заканчивался короткий и темный коридор. Они не глядели друг на друга. Каждый перебирал в памяти, все ли сделано и так ли, как надо. Вроде бы ни в чем они не ошиблись, но ведь это всегда так кажется, а потом хватаешься за голову, да поздно.

— Собаки, — вдруг тихо произнес Керболоай.

— Что собаки? — не понял Тонга.

— Собаки на воле. И ничего с этим не сделаешь. Их кормят только утром, чтобы к ночи злее были.

— Много собак? — спокойно спросил Тонга, весь подбираясь.

— На всех хватит, — хмуро отозвался Керболоай, — это ведь не домашние собачки. Это настоящие охранные псы. Каждый стоит как три породистых коня. Знаешь, как их выводят?

Тонга равнодушно качнул головой. В данный момент ему было абсолютно все равно, как выводят охранных собак. Но Керболоай понял его молчание как знак согласия.

— На племя отбирают самых свирепых. Когда сука приносит первых щенков, их растят, пока щенки не перестают сосать. Тогда их забирают от матери и до захода солнца не кормят. А потом дают им мясо на длинной палке. Щенки вцепляются в мясо зубами. Палку тянут назад. Они, конечно, не отпускают... Тогда берут саблю и всем щенкам отрубают головы. Если хотя бы две-три головы продолжают держать мясо, значит, пара годится. Следующий помет оставляют весь.

— И такие зверюги бродят ночью по саду? — Против воли голос Тонги вздрогнул. — А как же охрана, рабы...

— Своих они не трогают, — отозвался повар, — а вот чужие... Поверь мне, гонец, лучше бы вам было подождать до завтра.

— Хозяин не любит ждать.

Стук в дверь прозвучал внезапно.

Они ждали его, но все-таки вздрогнули и переглянулись.

— Кто? — спросил Керболоай.

— Тень, — ответил из-за двери глухой и властный голос.

Повар-раб бесшумно повернул ключ и едва успел отскочить прочь. Дверь распахнулась. В узком проеме показались широкие плечи, копна темно-русых волос и широкое, плоское лезвие кинжала, выброшенное перед собой.

— Ритул! — сдержанно обрадовался Тонга.

Алан, или, как их называли здесь — удр отступил, и в кухню бесшумно просочились темные тени, похожие на призраков. Их было всего двадцать. Но каждый стоил двадцати, по крайней мере, так говорили они сами. Хотя справедливости ради следует заметить, что за легионерами Великого Рима склонности к пустой похвальбе и впрямь не водилось. По крайней мере за «теми самыми» легионерами... Относилась ли эта компания к «тем самым», Акре еще предстояло узнать.

Ритул обежал громадное, пустое помещение взглядом, нашел Керболоая. Заметив железный ошейник, брезгливо поморщился.

— Как звать? — отрывисто спросил он.

— Слуга Тени, — повар торопливо согнулся пополам.

— Стража?

— Должна уже спать, — вмешался Тонга, — я всыпал в вино весь порошок, как ты велел. Возможно, кто-то из них не проснется.

— Я слышал лай. — Ритул нахмурился. — Псы опасны?

— Они смертельны, господин, — ответил «слуга Тени», — но я проведу вас в спальню правителя так, чтобы не наткнуться на псов. А во время утренней кормежки они все будут отравлены.

— Тогда вперед, — скомандовал Ритул и шагнул на лестницу, ведущую вверх, выразительно глянув на повара, чтобы тот следовал вперед и указывал путь.

— Все время вверх, господин.

Керболай снова согнулся в поклоне, а когда разогнулся, в руке его оказался короткий широкий нож. В темноте никто его не заметил.

Вверх вел узкий и темный ход, не освещенный факелами. Отряду пришлось вытянуться в цепочку. Так получилось, что первым оказался Ритул, за ним Тонга, потом повар, а уж следом отряд удров. По обе стороны коридора располагались двери кладовок. Повар тихо выдохнул и хладнокровно воткнул нож точно под левую лопатку Тонги. Свободной рукой он успел закрыть бедолаге рот. Обмякшее тело он тут же подхватил и пихнул в открытую дверь кладовки. Тонга не успел даже вскрикнуть, а повар почти не сбился с ноги. Теперь он был спокоен: чем бы ни закончился заговор, второй ключ из его рук не уйдет. А Тонгу, если и хватятся сейчас, то разыскивать не станут — каждая секунда дорога. А потом его смерть можно будет свалить на какого-нибудь ретивого и чрезмерно верного раба.

* * *

Спальня правителя Акры, просторная комната с наружной башенкой-балконом в западной части дама, была погружена во мрак, лишь две масляные лампы у широкой постели с откинутым балдахинном рассеивали темноту. Правитель в длинной свободной рубаше, босой вышел на балкон и легким движением руки отодвинул прозрачный занавес.

Внизу лежала Акра, погруженная в сон. Его город: вольный, сумасбродный, хитрый как жрец, льстивый как сановник и холодно-бесстрашный как воин. Акра, которая ни во что не ставила своего правителя и, кланяясь до земли при встрече его торжественной кавалькады, прятала в глазах — усмешку, в кошельке — монеты, утаенные от чиновников, а за пазухой увесистую гирику на цепочке.

Сейчас она спала. Казалось, ничто не может нарушить безмятежный покой фруктовых садов, террасами спускавшихся вниз, темный сон богатых дворцов и тяжелую дрему узких улочек, где даже еверу было тесно. Спал базар. Спал порт. Спали корабли, мерно покачиваясь в сонной волне. Спало огромное, черное, как антрацит, ласковое море — колыбель кораблей и их безмолвная могила.

Правитель улыбнулся. Он как никто другой знал, как обманчив этот внешний покой, как иллюзорна безмятежность города. Где-то там, в его недрах, недоступных взгляду, кипела жизнь, заключались торговые сделки, давались и нарушались клятвы, точилось оружие и свершалась месть.

Сонный город — сказал бы сторонний наблюдатель.

Бессонный город — говорил правитель Акры, знавший, что жизнь в его владениях не замирает ни на миг, и подданные его спят (если вообще спят) только вполглаза и по очереди.

Сзади послышался шорох. Не оборачиваясь, Даний посторонился. Легкий, едва уловимый аромат розового масла ласково обнял правителя и шелковые русые волосы щекотнули шею.

Женщина встала рядом, прижалась к его плечу, устремив взгляд на темную Акру и огромный купол небес над ней. Чернота его была матовой, словно подернутой легчайшей дымкой, а крупные бело-золотые звезды горели, как лампы. Ночь была такой ясной, что Даний без труда различал тонкие лучи света, протянувшиеся от одной звезды к другой, и эти лучи казались ему струнами, на которых боги играют музыку, недоступную уху смертного. Когда к ним прикасаются нежные пальцы Возлюбленной, Аннунт, Афродиты или светоносного Ахура-Мазды, на земле расцветает Золотой век. Ее омывают ласковые дожди, и она родит столько хлеба, что колос под его тяжестью сгибается пополам, а море одаривает серебристой рыбой и, не взяв обычной суровой дани жизнями моряков, возвращает домой корабли в целостности и с товаром. А когда к небесным струнам тянутся пальцы Сетха, над землей и водой носятся ураганы и штормы, мужчины вынимают из ножен оружие, а

женщины достают из сундуков скорбные белые покрывала.

— О чем ты думаешь? — тихо спросила Франгиз, лаская плечо правителя тонкими пальцами.

— О тебе, — солгал он, потому что не хотел выдавать ей своих тревожных мыслей.

— Это неправда, — Франгиз, как всегда, легко читала в его сердце, — ты любовался своим городом. Как ты можешь им любоваться?!

— А разве он не прекрасен?

— Он... отвратителен! — Дыхание женщины стало частым, в голосе зазвенели гнев и страх. — Он похож на притаившегося зверя, который только и ждет, когда ты отвернешься. Он жаден, как слуги Хальбы, и беспощаден, как жрецы Сетха. Он никогда не покорится тебе, повелитель, даже если ты зальешь его улицы кровью. Твои подданные будут смотреть в землю, но в их глазах будет все, кроме покорности. Их нельзя купить, потому что они богаче тебя. Их нельзя запугать, потому что они умны и не поверят угрозам. Этот город никогда не станет твоим или чьим-либо еще, потому что он слишком хитер — хитер, как его рыжий бог. Хитер и опасен!

— Ну да, — с улыбкой кивнул Даний, соглашаясь с каждым словом женщины, — а разве это не здорово?

Он обнял дрожащую Франгиз. С черного неба стремительно скатилась звезда и, прочертив огненный след, исчезла где-то в горах.

— Недобрый знак, — прошептала Франгиз. — У меня на родине считают, что когда падает звезда, кто-то умирает.

— А у меня на родине говорят, что если упала звезда — родился герой или поэт. И боги послали ему огненную душу.

Тихо, совсем неслышно открылась дверь.

Кто мог осмелиться их потревожить в этот час?

Даний обернулся без гнева, скорее с досадой.

Спальню правителя быстро занимали вооруженные люди. Данию показалось — около десятка, и все — незнакомцы. Это явно была не дворцовая охрана, охранники Дания не носили во внутренних покоях шлемы и кольчуги. И из оружия им полагались тонкие легкие сабли. Но тусклый свет почти выгоревших ламп высветил прямые и длинные северные мечи.

— Кто вы? — повелительно спросил правитель. — Что вам здесь нужно?

— Ты Даний? — спросил предводитель, высокий русоволосый человек с манерами солдата и высокомерным взглядом вельможи.

— Кто вы? — повторил Даний.

— Слуги Тени, — очень спокойно ответил воин, — Тени Орла.

Внезапно тишину разрезал тонкий пронзительный крик Франгиз:

— Стража! Ко мне! Измена!

Голос женщины взлетел к высокому потолку и заметался под гулками сводами, множась отголосками эха. Но тишина была ему единственным ответом.

Воины молчали и были абсолютно спокойны, словно... хозяева.

Даний похолодел. На мгновение все его существо охватила паника, ему захотелось ущипнуть себя за руку, чтобы рассеялся этот кошмар. Внешне это проявилось лишь в том, что он несколько раз быстро сморгнул.

— Вы — захватчики, — уверенно определил он.

— Это как посмотреть, — ответил предводитель северных воинов. — Тот, кто привел нас сюда, считает захватчиком тебя... и всех остальных правителей Акры со времен Бальда.

— Вам приказано меня убить? — спросил Даний, не вступая в спор по закону о престолонаследии. — Тогда не откажите в последней просьбе: пусть женщина уйдет к себе.

Даний встретился взглядом с русоволосым воином, и во взгляде правителя в тот миг было столько спокойствия и достоинства, что тот не выдержал и отвел глаза.

— Много чести, — буркнул он, и, не оборачиваясь, приказал своим людям: — Связать, запереть в каком-нибудь подвале. Приставить охрану.

Выполняя его приказ, Дания скрутили так, что рассудок на миг притупился от боли, но он сдержался.

— Молодец, — одобрительно крикнул воин, — не повезло тебе, парень. Но ты не унывай. Судьба переменчива. Взгляни на меня. — Даний поднял глаза, и наемник беззлобно подмигнул правителю. — Два раза был повешен...

Мужчины, как всегда занятые борьбой друг с другом, позабыли о Франгиз. А она с самого детства была на диво легконога...

Она осторожно отступила в темноту, страшась лишь одного: что споткнется, и эти каменнотелые высокомерные люди помешают ей осуществить свое намерение. Франгиз медленно, почти не дыша, сделала несколько шагов к балкону, коснулась стены, нащупала рукой перила... Господь Единый, не оставь меня! Женщина зажмурилась и рывком перекинула через перила свое легкое тело.

Короткий крик-стон...

Ритул метнулся к окну. Стены дворца оплетал густой дикий плющ, прижатый падением тела, но как ни вглядывался удр, больше ничего нельзя было рассмотреть в темноте. Он вернулся, стараясь не встречаться взглядом со связанным.

— Жена правителя, — произнес он тихо и веско. — Кто еще не умеет умирать — учись.

Дверь, ведущая из спальни правителя в коридор, вдруг вздрогнула и почти прогнулась от мощного удара. Было похоже, что кто-то ударился в нее всем телом... крупным телом.

— Кто?! — недовольно рыкнул Ритул.

— Тень, — прохрипели в ответ. Удр откинул засов, и в спальню свалился воин из его отряда. Он был белым от ужаса — Ритул заметил это даже в темноте. Похоже, по дворцу правителя бегал оживший мертвяк. Или парочка вервольфов — что еще могло напугать наемника, который ел с меча с девяти лет и как-то в далеком южном походе на спор помочился на здорового спящего удава... Правой рукой воин зажимал рваную рану в боку. Сквозь пальцы сочилась темная кровь и тяжелыми густыми каплями падала на пол.

— Что случилось? — спросил Ритул. — Разве кто-нибудь из стражи остался на ногах?

Воин что-то прохрипел. Ритул наклонился, пытаясь разобрать невнятный шепот умиравшего.

— Не стража... Собаки. Кто-то впустил собак... — В уголках белых губ запузырилась кровь. — Они огромны, Ритул...

Даний вскинул подбородок и с вызовом взглянул на удра:

— Их здесь ровно пять десятков, — тихо, без выражения произнес он, — и каждый пес натаскан на двуногую дичь.

Ритул встряхнул раненого.

— Где остальные?

Тот мотнул головой. Смертный туман уже окутывал гаснущий мозг, и голос Ритула пробился к сознанию с трудом.

— Остальные... — костенеющим языком пробормотал он, — Трейд и я... и еще раб... повар... Других...

— Говори!!!

— Не отбиться... Они тоже воины... Слишком... хорошие... Сейчас будут здесь! — С этими словами наемника покинули последние остатки жизни, и он тяжело обвис на руках у Ритула.

Ритул стремительно подошел к двери и выглянул в коридор. В мрачном свете факелов он увидел картину, которой суждено было преследовать его до конца жизни.

Пол был залит кровью его воина. Стояла жуткая тишина. И вдруг ее нарушил негромкий звук: стук когтей по каменным ступеням... бесчисленного множества когтей.

Чудовище вынырнуло из бокового прохода и беззвучно ринулось к Ритулу, на него. Оно было действительно огромным, раза в полтора превосходило всех виденных Ритулом собак. Удр не успел рассмотреть чудовище, он увидел лишь громадные широкие лапы,

ошейник с торчащими железными шипами и круглые холодные глаза убийцы.

За первым чудовищем в коридор вымахнуло второе, и Ритул понял, что псы взяли след и сейчас соберутся здесь. Все пятьдесят... или сколько их там осталось после схватки с его отборными людьми, уничтоженными этими тварями почти полностью... Сколько? Да какая разница?! И одного больше чем достаточно!

Ритул едва успел захлопнуть двери и наложить засов. Он инстинктивно прижал створки спиной и... чуть не отлетел на середину комнаты. На дверь обрушился удар такой силы, что массивные кованые петли шевельнулись в стене.

Ритул обернулся к связанному правителю:

— Прикажи этим демонам убраться! Иначе я выкину им твою голову.

Даний даже не попытался скрыть усмешки:

— Приказать я могу что угодно, но псы не послушают меня. Они — идеальные воины и знают лишь один приказ — убивать. Убивать чужаков. Они охраняют не меня, а свою землю, удр. Чтобы выйти отсюда, тебе придется убить их всех. Потому что они не отступят.

За дверью слышалось ворчание, лязг железных шипов о камни стен, сдавленный рык.

— Не думаю, что они сообразят выбить дверь, — предположил воин Ритула, тот самый, два раза повешенный. Он был бледен. — Тень Орла собирался войти в порт еще до рассвета. Нам нужно всего лишь продержаться до восхода солнца.

Он не успел договорить — дверь вздрогнула от нового мощного удара. Впрочем, он был слабее первого. Псы Дания были идеальными воинами, но двери отпирать не умели.

* * *

Танкар проснулся среди ночи от того, что в дверь тихо, но очень настойчиво стучали. Помянув Таната и Сетха, он слез с постели, прошлепал к двери босиком и недовольно буркнул:

— Ну и кого там несет, такого нетерпеливого?

— Открой, хозяин!

Этот хриплый голос был Танкару знаком. Даже слишком хорошо знаком. Он хотел бы знать его хуже. Как и каждый вольный торговец в благословенной Акре.

— Хозяин! Я теряю терпенье! — Теперь в голосе явственно слышался гнев, и Танкар отодвинул тяжелый засов. Вызывать недовольство этого человека он ни в коем случае не собирался.

— Запирай, — приказал Рифат, начальник городской стражи, едва оказался внутри, в тесноватом и не слишком уютном жилище Танкара. Он был один. Контрабандист глядел на Рифата во все глаза: впервые он видел своего врага без свиты. Зрелище было незабываемое! Но самым удивительным казалось не это. Господин Рифат был, как всегда, спокоен и холодно смел, но выглядел, как... Танкар совершенно точно знал, как кто именно. Он и сам бывал в шкуре загнанного зверя.

— Открой подвал, — так же отрывисто произнес ночной гость.

— Об чем говорит господин, нет у меня никакого подвала, — привычно взвыл Танкар, — сколько здесь живу и ни разу не слышал за подвал...

— У тебя есть подвал, — перебил Рифат, — и скажи спасибо, что я ни разу туда не заглядывал. Но сейчас мне придется заглянуть в твой подвал, а ты мне его откроешь.

Жизнь вольного торговца полна непредвиденных случайностей, и тот, кто однажды ступил на эту тропу, либо сводит скорое и короткое знакомство с палачом, либо учится думать быстро.

Танкар окинул гостя внимательным взглядом, пошарил на полке за спиной, достал запечатанный кувшин. Показал глазами на низкую скамью.

В масляной плошке дрожал и едва теплился крошечный огонек. Света было как раз достаточно, чтобы не разлить вино мимо чашек.

Рифат осторожно взял ладонями грубую глиняную посуду, прикоснулся губами к

угощению и в удивлении приподнял левую бровь:

— Однако! Несчастный торговец, которого чиновники обобрали до нитки... Такое вино правитель пьет лишь по праздникам.

— А у меня сегодня как раз праздник, — криво усмехнулся Танкар. О том, что он тоже правитель, торговец не упомянул, это было не слишком вежливо. К тому же, Рифат знал это и так. — Таких гостей вольные торговцы принимают нечасто, больше мои ребята у тебя гостят.

Он допил вино, аккуратно поставил чашку, подождал, пока Рифат сделает то же самое, и невозмутимо спросил... даже, скорее, потребовал:

— Теперь рассказывай, от кого спасся и куда бежишь!

— Это важно?

— Как сказать, — контрабандист хмыкнул. — Если ты направляешься в Афр — это одно дело, если в Персию — другое, а если на север, то совсем третье. Так куда ты бежишь, Рифат?

— Не знаю, — честно ответил тот и, не спрашивая хозяина, налил себе вторую чашку. — Я уже ничего не знаю, Танкар. Спрятаться хотел. Ищут меня... В подвале-то небось китайский шелк или греческие вина? — спросил он, осушив чашу.

Танкар усмехнулся.

— Пусто там. Как в долбленной тыкве. Какой я себе убыток сделал, Рифат, то если такой убыток бедному еверу во сне приснится, так он проснется седой во всех местах, где волосы растут.

В темных глазах Рифата мелькнула страшная догадка. Он потянулся к сабле.

— И снова-таки не то, — отозвался Танкар, не двигаясь с места. — Ты умный, Рифат. Я тоже думаю головой, а не тем местом, которым сижу. А сейчас брось свою железку, настрой свои уши и подумай об такую вещь: утром торговцы берут товар, а верный человек говорит, шобы к вечеру товара не было. Ответь мне, Рифат, если у тебя на плечах то, шо я на них вижу, как купить утром и продать вечером и не сделать себе убыток? И если ты хоть чуть-чуть понимаешь за коммерцию, ты мне скажешь: таки никак!

— Кто тебе велел избавиться от товара? — спросил Рифат, цепко ухватив главное в потоке обычных еверских причитаний.

— Ты умный, — Танкар пожал плечами и спокойно выдержал острый взгляд ночного гостя.

— Фасих?

Евер промолчал.

Через некоторое время он спросил, спокойно, словно речь шла о пустяках:

— Скажи, Рифат, чья теперь Акра?

— Когда я спустил на них собак, то еще не знал этого, — заговорил Рифат, глядя в одну точку на темной стене. В голосе его послышалась усталость. — Вечером, после смены караула, я спустился вниз, чтобы поужинать. Но появился человек и сказал, что есть новости о продавцах снов. — При этих словах Танкар брезгливо поморщился. Сообщество, обитавшее уровнем ниже вольных торговцев и романтически именующее себя «продавцами снов», он и его товарищ звали проще — «помойники». Но перебивать Рифата он не стал, слишком важные вещи он рассказывал. — Это был интересный разговор, — Рифат усмехнулся, — если бы не то, что произошло потом, цены бы не было такому разговору. Во дворец я вернулся поздно и чтобы никого не беспокоить прошел через задний двор. У ворот меня никто не встретил. Никто не спросил пароль. Ты меня понимаешь, Танкар? Все возможно в нашей благословенной Акре, но чтобы во дворце правителя стражи спали на посту?!!

— А они спали? — почти не удивился евер.

— Они были без сознания. Я обнаружил их в траве у ворот. Ни тот, ни другой не были пьяны, но разбудить их не удалось. Внутренняя охрана у дверей тоже спала. Весь дворец был погружен в странный сон, схожий с оцепенением. А потом возникли люди. Они появились

не с улицы, откуда я их ждал, а изнутри, и это случилось так внезапно, что я едва успел отступить в тень. Я не смог сосчитать, сколько их было. Наверное, я видел не всех... Около десятка прошли мимо меня, двигаясь осторожно и тихо. Это были воины в полном вооружении. И перед тем, как пройти дальше, один из неизвестных на мгновение остановился, склонился над стражниками и перерезал им горло... Клянусь Танатом, я был не просто испуган, я был в ужасе. Он перерезал горло спящему так невозмутимо и аккуратно, словно выполнил хорошо знакомую, уже порядком надоевшую, но необходимую работу. И тогда я понял, что дворец захвачен, и все, что я смогу сделать, это погибнуть, защищая правителя. — Рифат поморщился. — Ты можешь меня презирать, Танкар, но я решил, что это не выход.

Я бежал, воспользовавшись ночью и тишиной. Но перед тем как исчезнуть, я отправил по следу чужаков сторожевых псов Дания. Надеюсь, они хоть немного потрепали их ряды. Впрочем, это несущественно. Сколько бы чужаков не было в полночь, сейчас их намного больше. Пробираясь по темным улицам, я увидел кусочек порта и девять стоящих на рейде кораблей...

Голос ночного гостя изменился. До этого он был усталым, безумно встревоженным, даже отчаявшимся... но ровным. Сейчас в нем прозвучала ненависть.

— Это были не просто корабли, — догадался Танкар.

— Я отдал бы правую руку, чтобы никогда не видеть в Акре таких парусов, — кивнул Рифат.

— И кто пришел на этих кораблях?

— Ты умный, — вяло передразнил Рифат, — думай.

Евер не думал ни мгновения:

— Тень Орла, — уверенно назвал он, — наследники бежавшего Кинра. — В ответ на удивленный взгляд Рифата он пояснил: — Давно не посылаю людей в северные земли. Они там пропадают... Так-то... Ты хорошо сделал, что пришел до меня.

— А мне больше некуда идти, — ответил Рифат, глядя в глаза Танкара пристально и спокойно. — Если ты выдашь меня, Тень Орла будет тебе благодарен больше, чем ты думаешь. Если же нет... я буду благодарен тебе, Танкар. И в размере моей благодарности ты не ошибешься.

Евер помолчал, словно что-то прикидывая про себя. На самом деле он давно все решил. В тот самый момент, когда увидел глаза Рифата — темные от отчаяния и пережитого ужаса. Он встал, взял масляную плошку с трепещущим огоньком.

— Умный человек бережет не только старого друга, но и старого врага, — сказал он, — честный человек помнит свои долги. Ты однажды укрыл меня от Орла. Я спрячу тебя от Тени. Иди за мной, Рифат, и, если сможешь, ничему не удивляйся.

Танкар откинул вышитую занавеску, прошел вперед и оказался в узком коридоре. Начальник стражи проследовал за ним. Коридор оказался намного длиннее, чем предполагал Рифат, глядя снаружи на жилище Танкара, но, как оказалось, этот коридор был лишь одним из многих. Они поднялись на несколько ступеней вверх, и там была уже не занавеска, а массивная дверь, впрочем, без засова, и контрабандист открыл ее, лишь махнув рукой.

Крохотный огонек почти не рассеивал мрак. Рифат лишь очень смутно различал спину идущего впереди Танкара и был озабочен лишь тем, чтобы не споткнуться. Они снова спустились вниз, на этот раз лестница была длиннее и круче, и оказались в помещении, похожем на земляной погреб... Но и это оказалось еще не все. Рифат помнил совет Танкара ничему не удивляться, но последовать ему не мог при всем желании. Коридоры, переходы, лестницы, низкие и узкие лазы, деревянные и каменные двери, которые, казалось, никогда не закончатся, и только спустя время Рифат с огромным изумлением осознал, что они вовсе не ищут «подвал» Танкара. Они уже давно миновали все тайные «кладовки» контрабандистов и углубились в лабиринты нижней Акры, таинственного «города под городом». Рифат знал о его существовании, но он и предполагать не смел, что когда-нибудь спустится сюда сам. И не с отрядом городской стражи, а один, в положении гонимого зверя, и единственной

защитой ему станут те люди, на которых он охотился по долгу службы.

Акра просыпалась рано. Восход еще только успел тронуть покатые крыши дворцов и зажечь перламутровые колонны мягким ровным светом, а в городе уже хлопали ставни, открывались двери, перекрикивались друг с другом через улицу хлопотливые хозяйки, слуги и сами хозяева, из тех, кто победнее. Они скребли, мыли и чистили маленькие лавчонки и лавки побольше, и вскоре по улицам застучали копытца осликов и заскрипели повозки, развозившие фрукты и свежую зелень. Акра пока еще не знала, что над дворцом правителя Дания взошел кровавый рассвет и вся жизнь города теперь пойдет по другому, а прошлые беды и несчастья покажутся милыми шутками судьбы по сравнению с той безысходностью, в которую погрузит беспечный солнечный город упавшая на него тень орла.

Ритул занимался делом, к которому у него не было ни малейшей охоты. Впрочем, так было почти всегда, и удр к этому привык. Тень Орла выделил три десятка рабов, чтобы, как выразился этот маленький, умный и злой человек, «очистить дворец». И с самого утра рабы-мужчины и женщины с тупо-покорными лицами сначала копали посреди фруктового сада огромную яму, а потом стаскивали туда вперемешку людей и собак.

Здоровенные зверюги с мощной грудью и большими, с палец толщиной, кривоватыми клыками даже мертвые внушали Ритулу мистический страх. Он не поверил в басню об их происхождении, которой охотно поделился местный повар, но сейчас был вынужден признать, что эта жутковатая история не лишена смысла. Псов изрубили в кровавую кашу, но челюсти их были каменно сжаты и из пастей злобных демонов торчали лоскуты одежды, куски человеческой плоти и даже клочки железных кольчуг. Собачьих трупов было ровно пять десятков — Ритул сам их пересчитал два раза (первый раз получилось сорок девять), уж больно велик был его страх встретить в коридорах дворца жуткую тварь. Он отдал было приказ отделить всем мертвым псам головы, но давать сабли рабам — дураков не было, а наемники Ритула желания поработать мясниками на такой жаре не проявили. То есть, чтобы выполнить задуманное, Ритулу пришлось бы обезглавить все пять десятков собачьих туш собственноручно... И он, скрепя сердце, отменил приказ.

Погибших в схватке с собаками воинов Тени Орла скидывали в ту же яму. Оставшиеся в живых ворчали неодобрительно, но Ритул отговорился тем, что лишь исполняет прямое указание Тени.

Правду говоря, одного человека ему хотелось похоронить если не со всеми должными почестями, то хотя бы без надругательства, и он без устали рассылал рабов, грозя спустить кнутом шкуру со спины... но тела Франгиз, жены правителя, так и не нашли.

Человек спускался вниз. Лестница была старой, ступени крошились под ногами, обутыми в тяжелые кожаные сапоги, на плечах его лежал плащ настолько чистого белого цвета, что в подземелье от него становилось светлее. Впереди шел полуголый раб, втянувший от страха голову в плечи. Подсвечивая Тени факелом, он прислушивался к тяжелым шагам сзади, не решаясь обернуться. Темный взгляд его нового хозяина отчего-то ужасал раба. Лестница кончилась. Раб воткнул факел в железное кольцо в стене и замер, глядя в пол. Господин прошел мимо, не заметив или не сочтя нужным заметить раба, и тот перевел дух.

Господину не пришлось пригибаться, чтобы не задеть низкую притолоку, он был на целую голову ниже любого взрослого мужчины, а Ритулу не доставал до плеча. Но это не мешало Тени Орла высоко держать голову.

Он не стал спускаться к пленнику, а остановился на пороге, чтобы смотреть на высокого Дания сверху вниз. Тот поднял голову. Некоторое время они смотрели друг на друга в молчании, словно стараясь понять, что за человек его враг, можно ли с ним говорить, в чем его сила и слабость. Тень Орла закончил свои наблюдения первым. И то сказать, он торопился, десятки важных государственных дел ждали его за порогом, а Данию спешить было абсолютно некуда. Он уже, что называется, приплыл.

— Теперь в Акре правлю я, — произнес Тень, не торжествуя и не злобствуя, просто

называя факт.

— Тень Орла? — улыбнулся Даний. Немного было веселья в этой улыбке, но она все равно задела низкорослого захватчика.

— Так меня зовут, — подтвердил он, — твои бывшие подданные быстро выучат это имя и забудут твое.

— Но тень не может править, — улыбка Дания стала шире, — это лишь другая сторона света, она не имеет ни плоти, ни воли, ни силы.

— Разве ты еще не убедился, что я имею и то, и другое, и третье? — Тень Орла спустился на одну ступень. Теперь они с Данием сравнялись ростом и смотрели в глаза друг другу.

— Значит, ты не тень, только и всего.

— Что ты хочешь этим сказать, ничтожный правитель, не сумевший удержать власть?

— Думаешь, у тебя это получится лучше? Ты явился из темноты, как вор, и взял то, что тебе не принадлежит, но народ Акры не любит воров. Еще меньше их любит знать. Ты не знаешь этого города, а он не просто дома и люди. Я правил здесь пятнадцать лет — просиди на шатком троне Акры хотя бы год, тогда мы с тобой сможем говорить на равных. Сейчас ты мне, прости, скучен.

Глаза Тени Орла зло сощурились.

— Я взял лишь то, что принадлежит мне по праву. Это мой город и мой трон!

Даний непритворно зевнул.

— Я прямой потомок того, на кого упала тень орла, кто голой рукой взял горячий пепел и не обжегся. Я избран богами!

— Ну так попробуй убедить в этом тех, кто сидит внизу, но не прочь подняться повыше.

— Этого я не боюсь, — Тень Орла посмотрел на Дания с нескрываемым превосходством, — мои люди спят, не раздеваясь и не снимая кольчуг.

Внезапно Даний рассмеялся:

— Знаешь, о чем я думал прошлой ночью? — пояснил он. — О том, спят ли МОИ люди вообще...

— А в это время они видели десятый сон, — едко усмехнулся Тень, — все до единого.

— А кто выпустил собак?

Против воли захватчик вздрогнул. Псы Дания, даже мертвые, внушали ужас не одному Ритулу.

— Стражники — это еще не вся Акра, — после паузы проговорил Даний, — это даже не сотая часть. Я правил здесь пятнадцать лет, но я не видел всей Акры. Твой предок устраивался здесь на века, но однажды ночью ему пришлось бежать. Я старался жить в мире со всеми, но угодил в собственную темницу... Пройдет время, совсем немного времени, и ты, высокомерно утверждающий свое хозяйское право, поймешь, что у Акры нет и не может быть хозяев. Скорее она отдаст себя морю и скроется под водой, чем позволит кому-либо решать свою судьбу. Вот когда ты это поймешь, когда перестанешь спать по ночам, когда бросишь львиную долю своей власти под ноги пришедшим еверам, когда ты научишься любить проклиная и проклиная любя, вот тогда я соглашусь, что ты видел Акру. Но я не скажу, что ты ее знаешь.

— Замолчи! — в полумраке глаза Тени сверкнули, словно он и впрямь был птицей. — Теперь ты мне скучен. Я сожму твою Акру в кулаке, как лимон, и из нее потекут кровь и золото. Завтра! Я вернусь сюда и ты должен быть готов! Ты поедешь в город как всегда, только теперь тебя будут сопровождать не твои вечно сонные стражники, а лучшие воины в мире, мои воины. Люди должны видеть, что ничего не изменилось.

Даний понимающе кивнул.

— Неглупо. И может пройти. По крайней мере, на первое время. Ты ждешь подхода резервов? Но тогда, Тень Орла, тебе придется стать моей тенью.

Черная ярость затопила сознание Тени. Он метнулся вниз, сшиб Дания с ног и, не

помня себя, принялся избивать его кулаками, ногами, коленями. Он рычал и сдавленно ругался, а у стены снаружи корчился от страха мальчик-раб.

Правитель Акры не проронил ни звука, даже не застонал.

Тень Орла выскочил из темницы, позабыв про факел и про крошащиеся ступени.

Даний очнулся, когда услышал всхлипы.

— Ты кто? — удивился он.

— Мессант, — всхлипнул мальчик, — Тень Орла забыл меня здесь. Я боюсь идти наверх.

— Не бойся, — усмехнулся Даний, — ему сейчас не до тебя... Мессант, — позвал он, когда перепуганный мальчик перестал всхлипывать, — ты ничего не слышал о госпоже Франгиз?

Но ответа правитель не дождался. Вероятно, раб поднялся-таки наверх.

Тень Орла всегда окружал полумрак. Казалось, этот сильный и властный человек и впрямь верит, что свет обладает над ним властью и может его рассеять. Стоял яркий южный день, но плотные ставни закрывали окна, а на низком столике горела лампа. Тень Орла снял белый шлем и бросил его на резное кресло. Он был недоволен своей вспышкой, мрачен и зол. У избитого до полусмерти Дания были все основания чувствовать себя победителем. Потому что он сделал то, что никому не удавалось уже очень давно. Он сумел напугать Тень Орла.

Новый правитель Акры вытянул перед собой левую руку с растопыренными пальцами и долго смотрел на толстое золотое кольцо с изумрудом. Потом подцепил камень, приподнял его и повернул на восход. Один раз.

— Звал, хозяин? — Низкий грудной голос необыкновенно мягкого тембра прозвучал очень тихо, но наполнил собой всю спальню.

Тень Орла обернулся.

В кресле, куда он бросил свой плащ, сидела женщина: молодая, стройная, но не хрупкая. Плечи незнакомки, белые руки с маленькими, хорошей формы кистями, дышали силой. Гостя явилась к нему в мужской одежде, длинной и плотной кольчуге, из-за плеча выглядывала крученая рукоять меча, и Тень Орла не усомнился, что ее нежная рука отлично управится с оружием. Но шлема она не носила, по холодному железу кольчуги струились пышные прямые волосы, такие светлые, что в темноте они казались седыми. Она смотрела на Тень большими изумрудными глазами и терпеливо ждала.

— Все случилось, как ты предсказывала, — проговорил мужчина, сдерживая желание шагнуть к ней и как следует встряхнуть. Он не был уверен, что так можно обращаться с дочерью бога, хоть она и звала его хозяином. Впрочем, держалась она совсем не как служанка. — Я занял Акру и потерял всего семерых воинов.

— Я не дельфийский оракул, — возразила светловолосая воительница, — и не занимаюсь предсказаниями. Я лишь даю советы. Итак, мой совет тебе пригодился. Чем же ты недоволен?

— Я еще не правитель. Связанный и брошенный в тюрьму Даний больше правитель, чем я. Мне приходится стоять за его плечом...

— Отличная позиция, — женщина улыбнулась холодной улыбкой, ее яркие зеленые глаза на мгновение вспыхнули и стали видны вертикальные зрачки. — Ты можешь править, не опасаясь недовольства подданных, в случае ошибки их гнев обрушится на другого. С другой стороны, ты можешь не бояться бунта: друзья правителя знают, что над ним занесен твой меч, и остерегутся. И в любом случае, как бы не повернулась судьба, между тобой и смертью стоит еще одно тело, одна душа. Если Даний умрет загадочной смертью, это будет тебе сигналом, что враг совсем близко.

— Но неужели я должен терпеть насмешки этого жалкого человека? — взорвался Тень Орла, — он открыто издевался надо мной, а я не мог его придушить!

Светловолосая пожала плечами. Страсти Тени были недоступны ее холодному уму, она не знала никаких чувств, в том числе и гордости, и рассматривала лишь недостатки и

преимущества. Светловолосая была бы великолепным шахматным партнером... если бы кто-нибудь догадался предложить ей партию в шахматы. Но она и так не скучала, двигая людей, армии и торговые караваны.

— Ты хотел власти, — сказала она, — и получил власть. А почести достались другому. Это была моя цена за совет, и ты согласился платить.

— Исчезни!

Тень махнул рукой и отвернулся.

Из темноты показалась другая невысокая фигура. Эта девушка была моложе и стройнее, кольчуга и меч только подчеркивали ее женственность. Овальное лицо с тонкими правильными чертами белело в рамке черных шелковистых волос, уложенных в сложную прическу. Кошачьи глаза тлели во тьме не ярче, но пронзительней, чем у сестры.

— Хозяин, ты хочешь стать воистину царем? — Светловолосая говорила холодно. Голос этой был тих и вкрадчив. Он не резал, а обволакивал, не убеждал, а соблазнял. Даже, можно сказать, совращал. — Нет ничего проще. Женись на Франгиз.

— Ее придется поискать... Если она вообще жива, — буркнул Тень, — Ритул ее не нашел.

— Она жива. И найти ее можно. Франгиз не так уж и далеко.

— Где?!

— Ты готов жениться на ней? Это — цена моего совета. — Темноволосая чуть приоткрыла губы в улыбке и сделала пальцами жест, как будто и разговор их в полумраке спальни, и ее совет, и цена за него были мелочью, не стоящей внимания... во всяком случае, по сравнению с ее улыбкой. Черноволосая была ошеломляюще красива... Но зрачки ее тоже были вертикальными, и в ней тоже текла кровь богов.

— Зачем мне чужая жена? — спросил Тень.

— Франгиз принадлежит к очень древнему и многочисленному роду. Дом ее могуч. Одиннадцать властителей, ее родичи, поддержат тебя в борьбе за трон. Франгиз в близком родстве со всеми знатными родами Акры и близлежащих земель. Из ее рук ты получишь союз с самыми богатыми и уважаемыми семьями. Из ее рук и Даний когда-то получил власть... А ты не знал этого?

— Ты хорошо придумала, — буркнул Тень Орла, — жениться, чтобы стать послушной пешкой в руках жениной родни.

— Любой поступок имеет свою цену, — вкрадчиво проговорила черноволосая. — Даний заплатил ее и до сего дня не жалел об этом. А может, и сейчас не жалеет. Ты его как-нибудь спроси. Когда поедешь в город, выглядывая из-за его спины...

— Исчезни!

Тень Орла махнул рукой, и черноволосая шагнула во тьму, сливаясь с ней и растворяясь в ней.

Над огоньком медной масляной лампы дрожала оранжевая дымка. И прямо из нее, из пламени шагнула в покои третья воительница: порывистая, смеющаяся, с растрепанной гривой огненно-рыжих волос. Она единственная никогда не звала его хозяином. Она выбрала другое обращение:

— Не слушай их, воин. Они зануды! У меня иногда сводит скулы от их разговоров. Ничего удивительного, ведь я слушаю их уже три тысячелетия!!!

Тень Орла невольно улыбнулся. Рыжая казалась юной, ее глаза светились задором.

— Ты хочешь стать правителем — так стань им! Убей Дания и Франгиз.

— Твои сестры говорили, что у каждого их совета есть своя цена. Цена этого — война.

— Ну да. Конечно. А разве ты не воин? — Рыжая сверкнула белозубой улыбкой. — Ты можешь выиграть эту войну, и тогда никто не посмеет оспаривать твое право на трон Акры. То, что ты возьмешь сам, тебе ни с кем не придется делить.

— Кроме тебя.

— Но ведь я же на твоей стороне! — Она снова рассмеялась, словно жизнь забавляла ее как посещение лавки ювелира.

Ее логику Тень не мог понять никогда. Казалось, ее и нет вовсе, есть только страсть... Он догадывался, конечно, что рыжая дочь бога возрастом в тысячелетия на самом деле взвешивает бриллианты своих улыбок, как заправский ростовщик, и ни за что не продешевит, как и любая из ее сестер... вот только устоять перед ней было почти невозможно.

— Исчезни, — в третий раз повторил Тень Орла, но на этот раз без раздражения. И повернул изумруд на закат.

Морок рассеялся. Он был один. Но в голове его по-прежнему звучали три голоса: холодный, вкрадчивый и обжигающий.

«Возьми власть, отдай славу!»

«Возьми славу, отдай власть!»

«Возьми все!»

Голос задорной рыжей воительницы упал в него, как искра в солому. Тень не заметил, как в душе разгорается опустошающий пожар.

В закатной дымке плясали солнечные лучи. Отражаясь от рябой поверхности моря, они выстреливали вверх, пронзая плотные толщи облаков, и падали вниз, сплетая меж морем и небом тончайшую золотую сеть. Легкий бриз сочился сквозь солнечную паутину, слегка заливая ее прозрачными пальцами, и рождая легкую, как вздох, музыку. Солнце, рыжее и улыбающееся, опускалось за острые пики гор на западе, оставляя Акру на милость ночной темноты.

Порт был велик. Но сейчас на рейде стояло всего около полусотни судов. Необычайно мало для крупного торгового города. Некоторые из них медленно, с явной неохотой двигались к причалам.

В самой бухте, в легкой волне покачивались крепко привязанные лодки рыбаков, охотников за крабами и ловцов жемчуга. Тут же стояли торговые корабли, несколько легких парусников с треугольными парусами, они были очень удобны в теплых морях, где дули высокие и тихие ветры.

Но лучшее место заняли девять двадцативесельных галер: черных, грозных, чужих, с парусами, которых давно уже не видела вольная Акра... и предпочла бы обходиться без таких гостей, пока восходит над миром солнце и даже еще дольше. Да вот не всегда случается то, что мы хотим. И чужие корабли стояли посреди залива как у себя дома, всем своим видом показывая, что в ближайшее время они уходить не собираются.

В порту, меж лодочных сараев, канатных мастерских и ремонтных доков лежала непривычная тишина. Не стучали топоры плотников, не суетились торговцы, холодом веяло от потухших мангалов. Куда-то подевались и портовые «красотки» с их неизменными ковриками.

Порт был залит кроваво-красным цветом заходящего солнца, но улочки, расходящиеся от него вглубь города, казались темными провалами, где чутко дремали тени, укрывшись, как одеялами, выцветшими полосатыми тентами, натянутыми от крыши до крыши.

По обе стороны улочек располагались лавочки с наглухо закрытыми в этот час дверями и ставнями. Яркие, замысловатые, а иногда и не совсем приличные вывески (например, голая по самое колено нога над мастерской башмачника), созданные чтобы украшать город и завлекать покупателей, перекосил ветер, но хозяева не озаботились их поправить. На крыльце одной из лавчонок, давно не метеном, спала тощая облезлая собака и вздрагивала во сне.

Улочки уступами поднимались вверх. Здесь, в глубине города, жизнь еще теплилась. Лавки открывали свои двери, но предприимчивые и осторожные купцы тут же перегораживали вход тяжелыми прилавками. Торговля велась прямо с крыльца и предметы ее не могли не вызвать удивления: прохиндейского вида человечки в обносках явно с чужого плеча настойчиво предлагали редким прохожим ломаные и погнутые гвозди, чесальные гребни, у которых не хватало зубьев, и колотые ступки.

В городе поселились страх и недоверие.

По улочке широким уверенным шагом прошли воины из новой гвардии правителя. Они держались с хозяйским высокомерием, но рук от рукоятей мечей не отнимали и не ходили меньше, чем по трое, чтобы в случае стычки сразу «замкнуть треугольник», прикрывая друг друга спины.

Едва миновал «патруль», от влажной стены домика мелкого чиновника отделились серые тени и двинулись следом, стараясь не шлепать босыми ногами по липкой грязи пополам с помоями, как-то удивительно быстро запаковистившими чистый и аккуратный город. Узкая полоска быстро гаснущего неба временами совсем исчезала из виду, когда крыши близко стоящих домов смыкались над головой. Пахло дымом, невытой посудой, сырым бельем, брошенными жилищами... Бедой пахло в Акре.

— Здесь, — определила одна из теней, останавливаясь перед окнами на вид брошенной лавочки.

Впрочем, вид мог быть обманчив. Жители Акры прятались. У некоторых хватало изобретательности даже заколотить двери снаружи и выбираться на свет через кухню, так что брошенная лавочка могла на поверку оказаться очень даже жилой.

Откуда ни возьмись появился глухо звякающий сверток мешковины, перевязанный бечевой. Его тут же распутали, похихикивая зло и без веселья.

Римас уже лег было спать, но некоторое время назад его грубо подняли. В дверь уверенно постучали, похоже, рукоятью меча, и Римас счел за лучшее впустить удров. Они остановились у порога.

Жена Римаса, немолодая, полная и не слишком умная женщина жалась в углу, поглядывая на воинов с испугом.

— Римас, торговец шерстью? — бесстрастно произнес один из северян, видимо, главный в этой компании, обшаривая спальню хозяев внимательным взглядом.

— Господин прав, — осторожно подтвердил Римас, пытаясь понять, что за очередная напасть нагрянула к ночи и приблизительно определить ее размеры, — уже почти сорок лет торгую шерстью и пряжей в благословенной Акре, господин, и никто ни разу не жаловался, что старый Римас подсунил плохой товар или взял с покупателя лишних денег. Мою пряжу заказывал сам господин Арджен для прислуги дворца правителя, и госпожа Франгиз... — Римас осекся и замолчал на одно слово позже, чем следовало бы.

Пропавшую неизвестно куда жену Дания старались не вспоминать при чужаках. Ради ее поисков и так вывернули наизнанку всю Акру. И совсем-таки лишним делом было наводить суровых воинов на мысль, что мелкий торговец... ну хорошо, крупный торговец может быть близко знаком с этой государственной пропажей, что-то знать о ней или, спаси Хальба, прятать. За такие вещи при новом порядке можно было угодить в темницу, и даже запросто. Но воин не заметил оплошности торговца. Или не счел нужным заметить.

— Где твой сосед, евер? — спросил он.

— Какие вещи спрашивает господин?! — Римас всплеснул руками. — Откуда мне знать за соседа? Может, еще на базаре, а может, до порта пошел, за товаром... Хотя до порта уже поздно. Ну, может, до кабачка Левконои...

Воин нехорошо прищурился:

— Ты лжешь, старик. Твоего соседа уже три дня нет на базаре. И дома его нет. Где он? Тоже сбежал?

Римас воздел руки в притворном усердии:

— Видит Единый!.. Не знаю, где сосед. Давно его не видел. Бог знает, сам тревожусь за ним, как за родным братом.

— Хватит, — оборвал его воин, — то, как вы, еверы, держитесь друг за друга, достойно восхищения. Правитель сообщил что каждому, кто донесет о евере, который собирается бежать, из казны отсыпят сто золотых монет. Прошло двадцать дней. За это время в городе осталась едва ли треть торговцев, но эта треть молчит, словно воды в рот набрала.

Римас настороженно молчал, ожидая, какой очередной неприятностью закончатся

рассуждения воина. Неожиданно тот смолк, словно споткнулся.

— Значит, не знаешь, где сосед? — спросил он.

— Не знаю, — твердо повторил Римас.

— Хорошо, — покладисто согласился воин, — не знай дальше. Но налог будешь платить за двоих: за себя и за соседа. А если еще какой-нибудь торговец сбежит в Сем из-под носа правителя, и ты, старая лиса, промолчишь, я лично застегну на тебе железный ошейник.

Чужаки вышли, хлопнув дверью, и, спустя мгновение, со двора послышался недовольный тоскливый рев. Старый Римас сообразил, что новые воины правителя уводят осла, но выйти не посмел.

Обиженный крик ослика уже давно стих, а Римас все сидел, обхватив голову руками. Мысли его были невеселыми.

— Сиди не сиди, цыплят не высидишь, — буркнула жена, — только масло сожжешь. Шел бы спать. Ночь пройдет, утро станешь думать. И об осла, и об соседа.

— А стоит ли, — скривился Римас, — думаешь, они таки ушли?

— А ты думаешь, таки вернутся?

Новый стук в дверь подтвердил худшие опасения Римаса.

Этих тоже было трое. Второй патруль. Только вот рожи не совсем те — смуглые, хитроватые, со следами долгого глухого загула.

На предводителе косовато сидел шлем с заметной вмятиной, а из-под кольчуги торчали грязные ноги в коротких серых штанах. В руке «воин» сжимал внушительную дубинку.

Римас не был подозрительным человеком. Но как-то уж больно ловко сошлись в его голове эта дубинка и вмятина на шлеме.

Второй «воин» в шерстяном плаще поверх лохмотьев поигрывал увесистой гирькой на цепочке. Третьего Римас рассмотреть не успел.

— Указ правителя! — рявкнул тот, что был с дубинкой, — каждый евер должен воинов правителя обусть, одеть и накормить. Вертай, парни, сундуки!

— Да что же это творится! — заголосила женщина. — Это ж так мы когда-нибудь проснемся зарезанные в своих постелях! Что за порядки такие, как что случится, так непременно евер виноват. Придут незваные, все горшки переколотят, а потом бедному еверу платить за разбитую посуду.

— Молчи, жена, — резко оборвал ее Римас, — иначе сейчас они еще какой-нибудь указ вспомнят.

Торговец молча наблюдал за разгромом своего жилища, стараясь держаться как можно незаметнее. Перевернув вверх дном весь дом и лавку, «патруль» выбрался, наконец, на улицу и забарабанил в двери следующего дома. Никто не ответил. Двери были заперты на засов.

В щель между неплотными ставнями жена Римаса с испугом наблюдала, как предводитель шайки взмахнул дубиной и обрушил на дверь тяжелый удар. Второй азартно ломал окна, а третий стоял, лениво озирая глухую темную улочку.

Неожиданно он всхлипнул, схватился руками за живот и мешком рухнул на осклизлую мостовую. В то же мгновение «шерстяной плащ» ткнулся лбом в ставень и медленно сполз по стене, оставляя на ней влажный темный след. Главарь обернулся, скорее с недоумением, чем с испугом... и, выронив дубину, привалился к двери. В горле «удра» торчал нож.

На этот раз стукнули в окно. Всего четыре раза с долгим интервалом после третьего. Римас торопливо отпер двери, и в дом вместе с ночной прохладой просочился рыжий Танкар. Один.

Женщина, вполголоса причитая, собирала разбросанные вещи. Танкар ногой подвинул скамью и сел на нее верхом.

— Ты меня знаешь, — без всякого вступления, холодно произнес он, — я — человек мирный. Мухи не обижу. Если у меня попросить по-хорошему, я же отдам все, шо только хочешь, и даже заверну. Но когда всякие помойники вынимают из-под меня скамейку, я ведь могу и рассердиться.

Римас бросил взгляд на улицу, где только что чудом, не иначе вмешательством

справедливых богов-защитников нашли свой конец обидчики мирного торговца. Оглядел свое собственное жилище после погрома. Сгорбленную над черепками жену...

— Да нет, у тебя много терпения, — вздохнул он, — вся нижняя Акра только и ждет тот день, когда ему сделается конец. Люди говорят, Танкар не всех нас любил как родную маму, но по три раза за ночь из постелей не вынимал.

— Я тебе шо скажу, Римас, — перебил Танкар, — ты будешь смеяться, но я таки скажу: шобы сделать дело, нужно иметь денег. Шобы сделать большое дело, нужно иметь больших денег. Шобы ничего не делать, нужно иметь очень больших денег. У тебя есть больших денег? — Он встал. — Не говори мне, шо Танкар стал тряпкой. Умей терпеть. Со дня на день появится северянин, и тогда мы будем иметь варенье абрикосовое без косточек.

Запустив руку за пазуху, он выудил увесистый кошелек и положил на край стола. В кошельке что-то интересно звякнуло.

— Дашь им все, шо они хотят, шобы были довольны и не имели кислых рож и мрачных подозрений, — велел он и криво улыбнулся. — Если враг поджег дом, глупец хватает деньги, женщина — побрякушки и только мужчина хватает за горло своего врага. Останемся мужчинами, Римас.

Из дома торговца шерстью Танкар ушел уже под утро, когда полоска неба над крышами стала серо-розовой, а с моря приползла прохлада. Он шел без особой цели, сворачивая под низкие арки, пересекая кривые проулки, изредка выбираясь на простор маленьких круглых площадей.

Легко было просить Римаса терпеть, легко было сказать «все будет»... Новый советник правителя поступил умно. То есть, если бы он задался целью разорить Акру и пошел к цели кратчайшим путем, он не выбрал бы лучшей дороги.

Каменоломни Акры, тайные тропы вольных торговцев, по которым двигался беспошлинный товар — живая кровь города, перестали быть удобными и безопасными. Сто монет — большие деньги, а именно столько платил Тень Орла за каждый указанный ход. И тем не менее, предателей нашлось немного. Тогда Тень прибег к испытанному способу всех завоевателей: казням и пыткам. Можно выдержать боль, если жилы вытягивают из тебя. А если заложниками становятся жены, дети, старые родители и любимые сестры? Трехсотлетняя клятва молчания не спасла нижнюю Акру. Треть выходов была уже засыпана. Каждый день вереницы невольников под охраной чужаков выгоняли за город — и к ночи количество свободных ходов сокращалось еще на два, три, пять... И кто знает, сколько их останется, когда в Акру вернется Йонард. Есть ли ему смысл возвращаться.

Когда Танкар остановился на пороге крытой соломой лачуги, уже рассвело. Он не знал, как и почему оказался там, но дверь гостеприимно распахнулась, и Танкар оказался в полутемной мастерской башмачника.

Низкая скамья, обрывки кожи, кувшин с водой и подсохший хлеб — вот и все, что он увидел в жилище старика.

— Я ждал тебя, — тихо сказал хозяин и жестом указал на скамью.

Танкар отодвинул кривой нож и обрезки ниток и сел, настороженно разглядывая хозяина. Вся Акра звала его просто — Старик. Никто не знал ни его имени, ни сколько ему лет, ни где его родина. Старика окружала завеса мрачной тайны. Поначалу, когда он только пришел и поселился в этой полуразвалившейся лачуге, охотников проникнуть за эту завесу было много, но все они потерпели поражение. Старик оставался непроницаемым, и с течением времени охотники до чужих тайн как-то повывелись. Старика побаивались, считая, что он колдун, но никаких магических действий за ним не наблюдалось: не слетались по ночам к его окну рогатые демоны ростом с гору, не вырывались сквозь щели в ставнях огненные сполохи, не были на пороге собаки. Башмачник жил тихо и обувь делал удобную и легкую. И совсем недорогую.

— Ты сказал, шо ждал меня? — вяло поинтересовался Танкар, но я не собирался к тебе.

— Не собирался, а пришел. — Старик посмотрел на него без улыбки. Ледяным холодом веяло от его темных глаз и высохшего тела. — Ты хочешь знать...

— Да. И многое.

Старик медленно качнул головой.

— Знание, оно ведь как меч, обоюдоостро. Одной стороной лезвия оно может поразить врага, другой — тебя самого. Душа чиста и невинна, пока не прикоснулась к знанию. Невежество избавляет от выбора, а значит, и от ответа за выбор.

— Согласен, — кивнул Танкар, — и все же я хочу знать.

Глубокие глаза старика скрыли тяжелые веки, и все лицо его, миг назад такое живое, сделалось вдруг похожим на древнюю маску.

— Спрашивай, — велел он.

— Откуда пришел тот, кто именует себя Тенью Орла?

— Издалека. Дом его в снегах Исландии. Но не потому в душе его холод... Все еще хочешь, чтобы я говорил?

Танкар кивнул и Старик продолжил:

— Он зовет себя Тенью, и он действительно тень. Он скрывается в темноте не потому, что не любит света, а потому что боится его. Тень Орла хочет быть хозяином Акры, но он давно уже не хозяин даже самому себе. Слуги, за которых он отдал человеческую способность радоваться солнцу, уже давно подчинили его себе. Они только говорят, что готовы служить. На самом деле они приходят, чтобы повелевать. Я знаю. Я слышал их шаги. И море... Море протянуло им руки. Каждую ночь оно шепчет им приветствия на своем, неведомом людям языке. Я не ошибся. Сотни лет прошло с тех пор, как я слышал этот шепот в последний раз, но я не смог забыть...

— Сотни лет? — в изумлении переспросил Танкар.

— Посмотри на меня. — Голос Старика прозвучал повелительно, и Танкар не посмел ослушаться. — Разве такие отметины оставляет время? Оно уродует лицо морщинами, крошит зубы и отбирает силу, но время не может поселить в глазах и в сердце такой холод. Холод, от которого не избавиться даже у огня, который не может выгнать даже здешнее щедрое солнце... Нет, торговец, это не время. На такое способна только вечность.

— Я родился, — продолжал Старик, — еще до того, как Бальдр привел сюда корабли. Я видел Евру единой и свободной, видел ее распад. Предсказано, что когда-нибудь я увижу ее возрождение, но это будет нескоро. И тебе ведь интересно не это.

Тебе трудно в это поверить, но когда-то я был молод. Боги дали мне горячее сердце и неистовую душу. Я много бродил по свету и однажды нашел то, что лучше никогда не находить смертному. А уж если нашел — немедленно выбросить вон. Но я был глуп, и потому — бесстрашен. Я хотел слишком много и сразу, и зеленоглазые демоны легко поймали меня. Так же, как сейчас они поймали Тень. Как до этого поймали множество глупцов.

— Кто они? — со странной неуверенностью спросил Танкар.

— Дочери бога глубин Посейдона и Зеи, королевы змей. Союз их был недолгим, но принес ядовитый плод... впрочем, что еще можно ждать от змеи, пусть даже от змеи в короне. Говорили, что за свою любовь Зея попросила бога о странном даре. Ей приглянулся его левый глаз.

— И Посейдон отдал свой глаз? — усомнился Танкар.

— Каждый мужчина хотя бы раз в жизни отдает женщине сердце. А чем глаз хуже?

— Действительно, — хмыкнул Танкар, — уж лучше глаз. По крайней мере, их два. И что было дальше?

— То, что должно было быть. Она родила трех зеленоглазых дочерей, наделила их хитростью и коварством, как любая змея. Поселила их в большом зеленом камне — левом глазе их отца... И, как любая женщина, однажды потеряла камень. А какой-то невезучий сын смертного нашел.

— Чем они опасны, Старик?

Башмачник одобрительно взглянул на Танкара:

— Силой моря и коварством змей, — исчерпывающе ответил он. Танкар молчал, никак

не реагируя, и даже вроде не был сильно потрясен. Только сильно заинтригован. И Старик развернул ответ: — Каждому, кто попадает в их сети, они говорят, что готовы служить. И они действительно служат. Они дают советы, часто очень мудрые и полезные. Но за каждый совет они назначают свою цену.

— Это выглядит как вполне честная сделка, — заметил Танкар.

— Да. Цена никогда не бывает слишком высокой. Обычно человек недолго колеблется и соглашается заплатить. Но каждый раз цена чуть больше, чем ты можешь заплатить, и поэтому ты все время в долгу. А потом наступает расплата, и ты видишь, что все, что ты получил, не стоило того, что ты отдал. Но пока Тени Орла далеко до расплаты и он не видит, что обречен. Дочери бога держат его крепко. И до тех пор, пока Тень Орла владеет камнем, ты не сможешь его победить. Он всегда будет опережать тебя на шаг.

— Я могу попытаться освободить его от камня.

— Нет, — покачал головой Старик. — То есть, попытаться ты, конечно, можешь. Но знай, что в ту минуту, когда тебе пришла в голову эта мысль, дети Зеи уже узнали о ней. Они не оставят очередную жертву, пока та не заплатит Главную цену.

— Жизнь? — предположил Танкар, ежась под неподвижным взглядом башмачника.

— Или смерть, — спокойно договорил тот. — У некоторых хватает ума отдать жизнь. А я — ошибся. И получил по заслугам. Вечные скитания, вечный холод, вечное одиночество. Пока зеленоглазые демоны не сжалются... Но разве змеи умеют жалеть? И, тем более, не умеют боги.

— Непобедимые, — проговорил Танкар, словно пробуя слово на вкус, и улыбнулся своей особенной, кривоватой улыбкой, показывая выбитые зубы. — Прости, Старик, но я не верю в непобедимых.

— И правильно делаешь, — кивнул тот, — непобедимых не существует. Но не всякого врага можешь одолеть именно ты.

Улыбка Танкара стала еще шире.

— Верно, — кивнул он, — но ты забыл о главном. Я не один.

Глава третья

Приливный вал, разбитый узкой каменистой косой, облизывал близкий берег и бережно, несильно подталкивал к нему «Ястреб». Йонард стоял на короткой носовой палубе. Под его ногами она поднималась и выгибалась, чтобы закончиться прекрасно исполненной головой хищной птицы с полураскрытым клювом и яркими черными глазами, не выточенными, а выплавленными из особым образом обработанного песка, который после хитрых действий, больше всего напоминавших магический ритуал, приобретал все свойства драгоценного камня, в том числе и его красоту. Между носом и кормой можно было сделать шестьдесят шагов, а от одного борта до другого почти десять. «Ястреб» был собран из толстых дубовых брусьев и шестнадцати крепких досок. Из отверстий в бортах выступали широкие лопасти весел. Гребцы сидели на поперечных скамьях в открытой, средней части «Ястреба» и мерно сгибали-разгибали спины, подчиняясь ударам в медный диск, которые четко, через равные промежутки времени наносил Гокх. На большинстве кораблей места гребцов занимали рабы, и к ним полагалась еще пара надсмотрщиков с быстрыми кожаными кнутами, утяжеленными на конце деревянным шариком или медной пластиной... Таким кнутом можно было в равной степени убить раба и поднять почти мертвого от усталости гребца, заставляя его работать. Но рыжий приятель Йонарда считал рабский труд не оправдывающим себя с точки зрения прибыли. Свободный торговец это и купец, и воин, и носильщик, и рыбак, и парусный мастер, и много кто еще, в том числе и гребец... Раб же это только раб. Дорогое имущество, которое нужно беречь, стеречь, кормить, и которому нельзя сказать: «братцы, за нами корабли береговой охраны. Если уйдем от них, прибыль будет один к трем!»... они бы этого просто не поняли. Словом, на «Ястребе» рабов не было, и на веслах сидели все по очереди, в том числе и Йонард, нынешний... так получилось — хозяин

корабля. Хотя вот уж о чем он никогда не мечтал, так это о карьере мелкого контрабандиста. Но человек предполагает, а боги в это время, как известно, смеются.

«Ястреб» достался Йонарду совершенно неожиданно и за прошедшие недели германец так и не привык думать о быстроходном, послушном, действительно отличном корабле как о своей собственности. И несколькими днями раньше, когда они попали в жестокий шторм, Йонард лишь утвердился в этом.

Глядя, как волны захлестывают палубу, Йонард думал не столько о том, что может погибнуть в трех днях пути от Акры, сколько о горе Танкара. Отчего-то он не сомневался, что евер будет оплакивать именно «Ястреба», а не своего друга-германца и не потерю товара.

Кормщик безошибочно нацелился на свободный причал и «Ястреб» медленно и точно развернулся правым бортом. Берег двигался прямо на них и Йонард расставил ноги, ожидая сильного удара. Через несколько мгновений «Ястреб» ткнулся в причал, как собака в колени хозяина.

После долгого безмолвия и спокойствия морского путешествия Йонард не сразу обратил внимание на непривычную тишину и отсутствие суеты в порту. Он нацелился было перепрыгнуть с палубы прямо на берег, не ожидая, пока перебросят сходни, но тут кто-то тронул его за руку. Йонард обернулся. Это был Марах, торговец, которого Танкар отправил вместе с ним, не слишком полагаясь на деловую хватку Йонарда. Марах, действительно, оказался настоящим лисом, осторожным, в меру отважным и без меры хитрым. Благодаря ему удалось закупить в Кафе пряности, ткани и благовония почти вдвое дешевле, чем Йонард предполагал поначалу. Сейчас Марах стоял рядом и его маленькие глаза, похожие на глаза «Ястреба», беспокойно обшаривали полосу порта.

— Что? — коротко спросил Йонард.

— Их слишком много. Стражников, — пояснил он, видя недоумение Йонарда.

— И что, это плохо? Может быть, кто-то сбежал из темницы или Даний устроил, наконец, большую облаву на «помойных крыс».

— Все может быть, — согласился Марах, — но я не вижу среди них ни одного знакомого лица. И это не новобранцы, потому что они не молоды.

Марах, мрачней на глазах, наблюдал за не блещущим выправкой отрядом городской стражи, который торопился к «Ястребу».

— В любом случае, никаких законов мы не нарушаем. Беглых рабов, шелковичных червей и персидских котят на борту нет. О чуме в Кафе уже давно не слышали. Так что бояться нам нечего.

Йонард говорил уверенно, но на сердце было беспокойно. Ему и самому не слишком нравилось то, что он разглядел, еще не успев сойти на берег. В Акре явно творилось что-то непостижимое. И дело было даже не в тишине, не свойственной этому порту, да и любому торговому порту вообще. Беспокоило Йонарда что-то другое. У этого беспокойства не было имени, но германец давно научился распознавать его и доверять маленьким холодным муравьям, пробегающим под кольчугой вдоль позвоночника.

Тем временем стражники во главе с чиновником, невысоким суетливым человеком с намазанными какой-то пахучей помадой и тщательно приглаженными волосами, поднялись на борт. Йонард шагнул навстречу.

— Кому принадлежит корабль, откуда прибыл, какой груз на борту? — скучным голосом осведомился чиновник. А меж тем глаза-то у него были вовсе не скучающими.

Пока Йонард выслушивал вопрос и складывал в уме ответ, стражники успели пробежать от носа «Ястреба» к корме и обратно.

— Корабль называется «Ястреб», принадлежит мне, — уверенно ответил Йонард, — прибыли из Кафы с грузом тканей, пряностей и душистых масел. По пути нигде не останавливались, пассажиров не брали. На борту все здоровы.

Чиновник кивнул, что-то быстро царапнул на навощенной доске. Потом поднял голову и так же уверенно бросил:

— Приступайте.

Двое мужчин, судя по одежде, таких же чиновников, двинулись было вперед, но Йонард преградил им дорогу. «Протокол встречи» он знал хорошо. Это было что-то новенькое.

— К чему это «приступайте»? — спросил он так вежливо, как только мог.

Чиновник взглянул на него без интереса. Видимо, этот вопрос в последнее время он слышал часто и ответ выучил наизусть.

— По указу правителя третья часть всех ввозимых товаров изымается в пользу городской казны.

— Позвольте, — вмешался Марах, — я — помощник капитана. Привожу «Ястреб» в Акру уже не в первый раз, но о таком законе не слышал. Не прибавили ли вы что-нибудь от себя к словам правителя, да хранят его боги?

— Это новый указ, — терпеливо объяснил чиновник, — ты не мог о нем слышать, ты был в море. В Акре беспокойно, правитель вынужден содержать большую охрану.

— Охрану? Даний? — Йонард по-настоящему удивился. — С каких это пор правителя Акры нужно охранять от собственных подданных?

— Не от подданных, а от неблагодарных еверов, которые уже два раза покушались на особу правителя.

Чиновник говорил спокойно, держался уверенно и властно... Похоже, тут все было чисто. Новый налог, конечно, был форменным разорением, но если его и впрямь ввел Даний, то, что бы Йонард с Марахом не думали по этому поводу, сейчас самым разумным было подчиниться. И все же что-то беспокоило северянина. Что-то было не так.

— Хм, — хмыкнул Йонард, приглядываясь к чиновнику, — а сам-то ты разве не евер?

— Я?! — тот даже икнул от возмущения и торопливо оглянулся. — Сохрани меня Ахура-Мазда, Владыка жизни! Не имею никакого отношения к этим разбойникам. Мои мать и бабушка были чистокровными греками.

Что-то было не так! Вроде все было в порядке, светило солнце, они высаживались в мирном городе и стража не обнажала клинки... И все же Берг готов был поставить свою голову против гнилой тыквы, что они в смертельной опасности. Но где она!!! Йонард слушал, смотрел, даже нюхал... Вот!!! Его помощник, Марах, смотрел на стражников дружелюбно, говорил ровно, беспечно улыбаясь. В позе его не было ни малейшего напряжения, даже мышцы шеи расслаблены... И при этом потел, как лошадь. Марах был напуган!

— Допустим, — кивнул Йонард, — а что, у греков тоже принято вспоминать мать вперед отца? Простите, уважаемый, но я не вспомню у них такого обычая.

Чиновник стрельнул глазами вокруг и, понизив голос, спросил:

— Чего ты хочешь, северянин?

Йонард думал одно мгновение.

— Хочу узнать, что здесь случилось, пока «Ястреб» был в море. Но в этом ты мне не поможешь, слишком много врешь. Я забуду о твоей обмолвке... грек, — Йонард ухмыльнулся, — но сейчас ты и все остальные... греки, — улыбка германца стала еще шире, — сойдут с «Ястреба» и больше не станут даже глядеть в его сторону.

Когда толпа стражников во главе с самозванным греком покинула палубу корабля, Марах перевел дух и неодобрительно цокнул языком:

— Ты находчив, Йонард, но слишком прям. Теперь они точно не спустят с нас глаз.

— Пускай глядят на здоровье, — пожал плечами германец, — нас здесь не будет. Сейчас мы уберем сходни и уйдем назад, в море. До самого маяка. А ближе к вечеру пристанем к берегу.

— За маяком? Ты спятил, — убежденно сказал Марах, — хочешь нарваться на аркан на шею или топор в спину? Дикари побережья будут просто счастливы, такой подарок!

— Ага. Двадцать горшочков с «индийским розовым маслом» подарок что надо. На всех дикарей хватит и еще останется.

— Когда ты догадался? — поразился Марах. — Или Танкар все же сказал тебе... Но если ты все знал, зачем приказал идти в порт?

— Танат вас всех заberi! — выругался Йонард. — Ничего я не знал. И зачем Танкар мне «Ястреба» проиграл, только сейчас догадался. В горшочках «греческий огонь»? — Марах даже не кивнул, просто промолчал, и так все было ясно. При мысли, что третья или какая-нибудь другая часть «розового масла» могла попасть в казну правителя, Йонард и сам вспотел задним числом, но не менее обильно, чем Марах. — Обязательно нужно было темнить?

— Танкар сказал, человек стоящий, но нужно проверить, — оправдывался помощник.

— Проверил? Ну и как я, справился? А возьму сейчас тебя самого, обмажу индийским благовонием и сдам в казну правителя вместо третьей части... Эй, на веслах, пошевелитесь! Мы уходим.

Медленно, как жирная отяжелевшая утка, «Ястреб» отошел от берега. До самого маяка Йонард ни с кем не разговаривал.

* * *

Йонард направлялся к базару, по опыту зная, что там можно получить самые последние сведения из самых первых рук. Правда, даже боги не поручились бы за то, что эти новости точны и правдивы, но их по крайней мере было много и было из чего выбирать.

Улица полого поднималась вверх. По бокам теснились дома, сложенные из известковых плит. С каждым шагом беспокойство Йонарда возрастало, хотя по его лицу никто бы не заметил, что этот крупный мускулистый воин-северянин не только озадачен, но и, пожалуй, встревожен.

«Ястреб» пристал к берегу в укромной бухте за маяком. Высадив на берег небольшой, но вооруженный до зубов отряд, Йонард и Марах обыскали территорию берега и нашли три более или менее сносных места, где можно быстро оборудовать тайники. Горшочки разделили и спрятали. После чего тщательно уничтожили следы, стараясь не меньше, чем если бы действовали во дворце китайского императора, и «Ястреб» с пряностями и шелком немедленно отошел от берега. Задерживаться здесь не рекомендовалось, если ты, конечно, не задумал покончить жизнь самоубийством в особо мучительной форме. За маяком обитали немногочисленные, но подвижные группы свирепых дикарей, почти животных. Они не имели ни малейшего понятия о письменности, знали счет в пределах пальцев на одной руке, из одежды предпочитали шкуры, а из оружия — дубину или, самые продвинутые из них — каменный топор. Где-то рядом, в одной из горных пещер, располагался идол: страшная каменная бабища с огромным животом и обвисшими грудями. Ее полуоткрытый рот был постоянно обмазан липкой коричневой кашцей — загустевшей кровью неосторожных путников или моряков, выброшенных штормом на этот негостеприимный берег.

На Йонарда, оставшегося здесь в полном одиночестве, моряки смотрели как на приговоренного к казни. «Ястреб» под командованием Мараха уходил дальше, чтобы в соседнем порту обменять остальной груз на звонкую монету. Большой прибыли это не сулило, но позволяло вернуть свое, а это по нынешним смутным временам было уже неплохо.

Йонард умирать не торопился. Оставшись один, он проверил, легко ли вынимается оружие, сунул за щеку несколько сушеных фиников, глотнул воды и, сориентировавшись по сторонам света, пошел на северо-восток. Он старался избегать найденных троп и водоемов, запаса воды должно было хватить. Уши германца превратились в чуткие уши волка, они разве что не шевелились, охватывая местность спереди, сзади, слева и справа одновременно, улавливая малейшие звуки, быстро распознавая их и рассортировывая по степени опасности: обиженный рев рыси, промахнувшейся на охоте — ерунда, легкое журчание горного ручейка — серьезно! Больше четырех часов он шел пешком, не снижая скорости даже когда выбрался из опасных мест. Потом в какой-то подвернувшейся на пути деревне он украл осла. И к утру

следующего дня был в городе.

Его первое впечатление оказалось верным. Что-то неладное происходило в Акре. На улочках по-прежнему кипели гам и суэта, процветала торговля самым разным товаром, продавцы зазывали покупателей, беззастенчиво хватая их за руки, но эта Акра разительно отличалась от той, которую не так уж давно оставил Йонард. И, внимательно приглядевшись, он понял, чем. Та Акра была суетливой, хитрой, навязчивой, но добродушной и философски-спокойной. Теперь в повадках торговцев появилась не только нервозность, но и злоба. Несильно толкнув очередного торговца, пытавшегося навязать Йонарду совершенно ненужный ему моток тесьмы, он увидел, как глаза того полыхнули яростью, а перекошенный рот выплюнул такое, что Йонард решил было ненадолго задержаться. Но наглец скрылся в толпе, а вскоре Йонард обнаружил, что он такой не один.

Базар разочаровал германца. Еще не так давно огромный, пестрый, ошеломляюще-разнообразный, сейчас он показался Бергу маленьким и бедным. Разноцветные тенты обвисли, столбики покосились, но никто не позаботился о том, чтобы их поправить. Продавцы, наверное, отчаявшись поразить покупателей широким выбором и качеством товара, поражали несусветными ценами. Увидев костяной наперсток за две монеты, Йонард плюнул на землю и решил для себя больше ничему не удивляться. Было совершенно ясно, что настал конец мира, а значит, все может быть, в том числе и наперстки по такой цене.

Женщины на базаре почти не попадались. В основном меж полупустых торговых рядов бродили дюжие слуги и рабы с корзинками, неумело подвешенными на сгиб левой руки, и отчаянно торговались, используя в качестве аргумента огромный кулак правой. Наметанным глазом Йонард приметил шнырявших в толпе воров и подивился их многочисленности и наглости. Внезапно одна из лавчонок с треском развалилась, товар высыпался на улицу и случилась безобразная свалка. Продавец пронзительно кричал, пытаясь прикрыть собой костяные браслеты и дешевые бусы, но какие-то оборванцы выдергивали вещи из-под растопыренных рук, тут же делили добычу, а где-то уже вспыхнула драка и повалился прилавок, накрыв грязную улицу выцветшим тентом. Городская стража словно куда-то провалилась. Впрочем, не «куда-то». Йонард подумал, что доподлинно знает, где околачиваются по крайней мере два десятка этих хорошо вооруженных бездельников.

Неожиданно послышался глухой и печальный звон. Йонард узнал его сразу, хотя именно здесь, в этом городе, ни разу не слышал. Звенели цепи.

Вскоре показались и сами невольники. Полуголые, скованные попарно, они брели, едва переставляя ноги, ослабленные то ли голодом, то ли иной бедой и, казалось, не обращали ни малейшего внимания ни на подгонявшую их стражу, ни на злобствующую толпу.

— Кто это? — спросил Йонард у молодого паренька, оказавшегося поблизости. — Что они натворили?

Германцу показалось, что юноша смотрит на невольников с сочувствием, но тот тут же рассеял «недостойные» подозрения:

— Еверы, — произнес он, как плюнул, — те, кто отказался «норы» показывать. Глупцы. Хотя б разбогатели бы. А правитель «норы» и так узнал, теперь они их своими руками засыпают. И плачут так, словно родню хоронят. Труссы! Я плакать не стану. Я лучше пойду в охрану правителя, получу меч и буду богат.

Дальше Йонард слушать не стал. Мальчишка оказался глупым и жестоким, слушать его было неинтересно и, пожалуй, противно. Он протолкался сквозь толпу и оказался на маленькой площадке. И тут ноги его словно вросли в камень.

На мощеном камнями пятачке был сколочен неширокий помост. А в середине... в середине торчал довольно-таки толстый, остро заточенный кол. И весьма примечательный широкоплечий человек с белым и каким-то плоским лицом старательно обмазывал его жиром. Рядом неподвижно застыли три стража, а между ними... между ними...

Фрим! — Йонард сдержал крик на последнем мгновении. Но, видно, старик что-то почувствовал. До этой минуты безучастный, он вдруг поднял голову и стал вглядываться в окружившую его толпу. И почти сразу наткнулся на изумленные глаза германца.

Тот сощурился, легонько, почти незаметно кивнул и потянулся рукой к мечу.

Старик энергично мотнул головой и тут же получил тычок от стража:

— Что, борода, муха в ухо залетела?

— Говорят, это вредно для здоровья.

— Ничего, сейчас Пофир тебя вылечит!

— Больше ничего болеть не будет!

Стражи заржали как кони. Кое-где в толпе их поддерживали, но в основном люди молчали. Публичные казни, да еще такие лютые, были здесь не так уж часты, и жители Акры просто не знали, как на это правильно реагировать.

Йонард смотрел на старика Фрима во все глаза. Насколько он понял, тот только что запретил ему его спасать. А что же тогда, во имя всех богов, Йонард должен был делать? Ответ последовал незамедлительно. Фрим скорчил рожу, весьма похоже изобразив кривую улыбку Танкара, опустил глаза вниз и едва заметно выставил вперед два пальца. Йонард смотрел на эти пальцы, ничего не понимая. А они вдруг согнулись пополам. Всего на миг. А потом распрямились. Фрим опустил руку и лицо его приняло безучастное выражение. Йонард растерялся.

— Эй, господин! Старик подает кому-то знаки, здесь его сообщники. — Голос показался германцу знакомым, и он совсем не удивился, когда к стражнику протолкался недавно встреченный мальчишка.

— Он сделал вот так, потом вот так, — юноша повторил знак Фрима и авторитетно пояснил: — Это означает через два дня в полдень. У них много знаков, я знаю все, и если господин хочет...

Господин может и хотел. Он давно смотрел на юношу с огромным и все возрастающим интересом. Но тот хлопнул глазами, ставшими вдруг совсем детскими и несправедливо обиженными, хватанул воздух ртом и осел на грязные камни. В боку паренька, который «все знал», торчала рукоять широкого ножа. Стражник еще даже удивиться не успел, как второй нож достался Фриму. Чья-то милосердная рука избавила старика от мучительной смерти на колу.

Воины еще крутили головой, пытаясь сообразить, что произошло, потом стали отвязывать безжизненное тело, потом кинулись в толпу ловить неизвестно кого, а толпа вдруг приобрела вязкость хорошего меда, и преодолеть ее оказалось невозможно...

Но Йонарда-Берга поблизости не было. Уже после первой смерти он сообразил, что к чему, и поспешил покинуть базарную площадь, да и сам базар.

«Вот спасибо тебе, щенок, — думал он, выбираясь из торговых рядов, — вот уж удружил. Может, за это к твоему поганому рту в Мокрой Мороси ложку меда поднесут. Без тебя я бы еще неделю думал, что значат эти пальцы. Выходит, Танкар тоже схвачен? Как же этот лис позволил себя поймать? Впрочем, сейчас неважно. Значит, его тоже собираются казнить на этой же площади через два дня в полдень. И Фрим велел мне его спасти. Железный старик. Отказался от спасения, чтобы дать шанс другу! Вот только, Хрофт! Какой это шанс?»

О том, чтобы освободить негласного, но признанного правителя Нижней Акры в одиночку, нечего было и думать. Разве что прирезать, подарив более легкую смерть. «Что ж, если не останется другого выхода, сделаю хотя бы это».

Йонард наконец миновал базар и очутился на узкой улочке, ведущей вниз, к порту. Но туда ему было совершенно не нужно. Он немного подумал и свернул в первую попавшуюся открытую дверь, показавшуюся дверью кабачка. Германцу надо было подумать.

Таверна вольных торговцев «Под башмаком», куда он наведалься еще утром, стояла заколоченной. Это неприятно поразило Йонарда, но только теперь он осознал степень постигшей его неприятности. Он не имел ни малейшего понятия, как найти своих приятелей. Марах, который, конечно, все знал, сейчас плыл на «Ястребе» в Пантикапей. Фрим умер на площади. Нижняя Акра для Йонарда закрыта. Танкар доверял своему другу-германцу как родной матери... другими словами, лишь до определенного предела — ни одной «норы» не

показал. Его неприятно поразило это открытие, но Берг одернул себя. Обижаться будем позже, сейчас думать надо. Можно попытаться поймать первого попавшегося евера и встряхнуть у него способ связи, ведь должен же он быть хотя бы на такой вот случай!.. А если первый ничего не знает? Или не скажет? Ловить второго, потом третьего? А за это время первый донесет на Йонарда страже, и он окажется вместе с Танкаром. Будут с соседних кольев перемигиваться.

Нет, любой евер не годился. Нужен был либо Наиль, либо Римас. Любой другой сделает круглые глаза и сочувственно похлопает северянина по плечу: «Какой-такой танкар-манкар, какие норы? Видно, ты, господин, по ошибке вместо одной зеленой лепешки две скурил. Ты так больше не ошибайся, а то привыкнуть можно... А помойники опять цену на свой товар подняли».

Мысли о помойниках посетили германца не случайно, они были навеяны окружающей обстановкой. В кабачке, куда Йонард случайно забрел, было сыро и пахло плесенью. Над головой, уцепившись за балки, серыми кулечками висели летучие мыши. Люди, их было немного, сидели в ряд на низкой скамье, подпирая стену и выставив на середину комнаты грязные босые ноги. На Йонарда никто не смотрел.

Это было скверное место. Любое другое было бы лучше.

«За исключением двух, — подумал про себя Йонард, — места, приготовленного Танкару, на колу и еще, пожалуй, трона благословенной Акры».

Этот кабачок был одним из немногих, в которые сам Танкар никогда не заглядывал и Йонарду делать этого не советовал. И не потому, что боялся здешней полусонной, либо полумертвой публики. Танкар вообще мало чего боялся, хоть и обожал строить из себя распоследнего труса. Но сюда не следовало заглядывать и храбрецу. Потому что нечего тут было делать герою. Йонарда занесло во владения «помойных крыс», о которых в «приличном обществе» воров, мошенников, убийц и женщин, торгующих любовью, даже говорить было не принято. Сейчас, однако, здесь не было продавцов сладких грез. Скамьи занимали страждущие. Около десятка мужчин неопределенного возраста, неряшливо одетых, сидели, привалившись к стене, и время от времени пытались заговорить, причем не друг с другом, а то ли с собой, то ли с каким-то невидимым собеседником. Наверное, с собственным демоном, который и привел их сюда, и, без сомнения, поведет дальше к веревке палача или на дно сточной канавы. Речь их была лишена и смысла, и эмоций: сухой шорох песка. Изредка то один, то другой поднимали взгляд к задернутой занавеске, скрывавшей соседнюю комнату, но никто не пытался встать, сделать несколько шагов, отдернуть занавеску или просто позвать хозяина.

Йонарду были неинтересны эти люди и их страдания, они сами решили именно так распорядиться своей единственной жизнью. Навербовать из них бойцов нечего было и думать — любой из них готов был за лишнюю лепешку гашиша и убить, и быть убитым, но точно так же и за ту же цену любой из них продал бы Йонарда вместе со всеми его планами и потрохами.

Берг уже хотел встать и уйти. Его остановил тихий и необыкновенно отчетливый голос. Здесь, в обиталище сумасшедших или сходящих с ума, этот голос звучал на удивление трезво и разумно. И тот, кто отвечал ему, тоже был вполне вменяем. И, тут Йонард ошибиться не мог, порядком напуган. Берг прислушался. Говорили за занавеской, причем собеседники не боялись, что их могут подслушать. Видно, за местными завсегдатаями такого не водилось.

— Он приплыл на корабле. Его ловили, но он сбежал. Больше его никто не видел.

— Что за корабль?

— Торговый. Капитан взял его гребцом, потому что у него не было денег заплатить за место на палубе. Они договорились, что он гребет до Акры и здесь сходит.

— Где его подобрал капитан?

— Где-то далеко, в Персии... я забыл название порта.

— В Арме, Синопе?

— Точно, господин! В Синопе!

— А почему его ловили?

— Никто не знает, господин.

— Так уж и никто, — усомнился голос, — тот, кто ловил, наверняка знает. Не бегал же он просто так, чтобы согреться. Не знаешь ты, но это можно поправить... Ведь можно?

— Это будет зависеть от того, насколько господину хочется знать. — Первый голос сделался вкрадчивым и наглым. Но его собеседник, видимо, не любил нахалов. Послышалась короткая возня, хрип... кого-то слегка придушили, предположил Йонард.

— Нет, — возразил второй голос, ровный и спокойный, — это будет зависеть от того, насколько тебе хочется жить. Ты меня понял?

— Да, господин, я все понял — просипел первый голос. Наглости в нем заметно поубавилось.

— Это хорошо. Узнаешь, зачем его ловили и точно ли ему удалось уйти. Держи, — что-то тихо звякнуло, — тут десять монет. Потратишь меньше, все, что сверху — твое.

— Спасибо, господин, — голос, хоть и слегка придушенный, заметно взбодрился.

— Не за что. Не узнаешь ничего, потратишь мои деньги впустую, все, что сверху — мое. А сверху только твоя никчемная жизнь. Ты меня понял?

— Да, господин.

— Это хорошо. Люблю понятливых.

Голоса стихли.

«Да, — подумал слегка заинтригованный Йонард, — а жизнь-то продолжается». Впрочем, все это хоть и было очень интересно, никак его не касалось. Он встал и вышел.

Йонарду вдруг пришло в голову, что он непроходимый глупец, и задача имеет очень простой ответ. Завтра как раз тот день, когда каждый евер должен идти в храм, чтобы помолиться своему богу.

Йонард знал, где находится единственный в Акре храм, куда завтра непременно придет Римас.

С Танкаром Йонард познакомился в портовой таверне, в славном Нимфее, откуда, по свойственной ему привычке, Йонард удирал. Евер, владелец небольшого торгового корабля «Ястреб», как раз собирался выходить и согласился взять пассажира. Он ни о чем не спрашивал здорового воина, вооруженного до зубов и даже по виду опасного. И цена, которую он заломил за услугу, лучше всяких пространных объяснений сказала Йонарду, что Танкар вполне разобрался в ситуации.

Надо сказать, поначалу Йонард был не в восторге от такого знакомства. Худой хитрющий евер, готовый рассыпаться прахом перед любым чиновником, чтобы хоть часть товара протащить без пошлины или скостить плату за стоянку, не внушил германцу ни малейшей симпатии. Но после одного случая отношения Берга к Танкару в частности и к еверам вообще в корне переменялись.

Дело было в благословенной Акре, под вечер, когда они, засидевшись в маленьком кабачке, возвращались на корабль. Только в Акре еще можно было встретить настоящий еверский кабачок.

Йонарду не нужно было объяснять, что означало это сочетание: чистые столы, белые занавески, холодная заливная рыба и крепчайший напиток двойной очистки, причем только двух сортов: дорогой и дешевый. Дорогой делали из изюма с незначительным добавлением дерьма, а дешевый из дерьма, с незначительным добавлением изюма.

Это надрывно плачущая кефара и умеренно пьяные гости, слезливо-сентиментальные, но такие хитрющие, что смотреть надо даже не в оба, а во все четыре, а лучше — восемь.

В настоящем еверском кабачке у тебя не срежут кошелек, на такие мелочи там не размениваются, но вполне могут выдернуть пол из-под ног, причем так ловко, что ты этого даже не заметишь.

Итак, они шли не слишком твердой походкой, болтая обо всем и ни о чем, когда на

одной из узких кривых улочек им загородили дорогу двое. Статью они не уступали Бергу, но в чашу, судя по всему, заглядывали гораздо чаще. И сейчас явно искали приключений. Йонард был бы и не против. Он уже прикидывал, какого стоит срубить раньше, а какого оставить на потом. Своего спутника он в расчет не принял.

Не мудрствуя, двое громил предложили расстаться с кошельками мирно, что Танкар и проделал с готовностью, покоровившей Берга. И ничего грабители оттуда не вытряхнули. В кошельке евера было пусто, как в перевернутой чашке. Все деньги незадолго до этого перекочевали к Йонарду, а уж он ими ни с кем делиться не собирался. Видимо, громилы это поняли. Впрочем, хорошая драка — это было как раз то, чего им не хватало в тот вечер для полного счастья. Тем более двое на одного. И тот, что был за старшего, предложил еверу убираться «пока они добрые». Йонард совсем не удивился бы, последуй Танкар этому совету. Да и не обиделся бы, пожалуй. Однако тот не двинулся с места.

— Хочешь, чтобы у твоих детей был горбатый папа? — проникновенно спросил громила, — так я тебе это устрою, и даже бесплатно.

— Думаешь, ты меня убедил? — хладнокровно спросил Танкар и сплюнул под ноги, — таки нет.

И в то же мгновение буквально «вколотил» обоих в булыжную мостовую, причем так четко и быстро, что никто не успел схватиться за оружие.

Тяжеленькая гладкая гирька на цепочке два раза качнулась над тихо постанывающими телами и... исчезла. Появилась ниоткуда и пропала в никуда.

— Это ж надо, какое барахло бродит по славной Акре, — тихо сказал Танкар, — прямо перед гостем неудобно.

Йонард еще переваривал происшествие, когда евер поднял голову и смерил Берга жестким испытующим взглядом. Такого взгляда не могло быть у купца, дрожащего над каждой копейкой и бегущего от собственной тени. Йонард почувствовал легкое беспокойство, сообразив, что евер что-то решает и это решение касается его.

— В кости ты играешь ловко. И не жульничаешь, я бы заметил. Просто везет тебе, Йонард из Германии. Везучий человек лишним в деле не бывает. И страха в тебе нет, от двоих не побежал... От десятерых тоже не побежишь?

— И от сотни не побегу, — вызывающе ответил Йонард, которому судьба не дала подрасться, и он был малость обижен.

— Убьют, — заметил Танкар.

— Дорого им моя жизнь встанет!

— Ты все равно заплатишь дороже, потому что отдашь все, что у тебя только есть. И взамен не получишь даже славы. Потому что тот, кто побит, даже сотней, все равно побит. А тот, кто победил, даже сотней на одного — все равно герой. Жизнь такая, Йонард из Германии.

— Дерьмовая жизнь, — отозвался Берг.

— А кто спорит, — Танкар вздохнул и очень тихо произнес: — Если ты пойдешь со мной, северянин, я познакомлю тебя с настоящими, крепкими ребятами. Черной костью Акры, ее душой и сердцем.

В тот вечер в таверне «Под башмаком», что у самого порта, Йонард познакомился со старым Наилем, тихим человеком с неистовыми глазами, забавным весельчаком Фримом, рассудительным Римасом, ловким и сметливым пареньком Наке. На вид они были простоватыми и безобидными рыбаками и торговцами, но, так грубо ошибившись в Танкаре, Йонард смотрел на них во все глаза, пытаясь определить, почему евер назвал их «крепкими ребятами». И ему это удалось.

Вино в таверне лилось рекой, но все как-то мимо Танкара и его компании, зато ни одно даже вскользь брошенное слово не миновало их ушей. Под простоватой хитростью мелкого торговца прятались цепкий ум, отвага и то самое хладнокровие, которое Йонард ценил высоко, но встречал редко. Все эти люди ходили по лезвию ножа, но, в душе презирая опасность, внешне были с ней осторожны и почтительны. Йонард поймал себя на том, что

ему хорошо в компании вольных торговцев.

Ночь пролетела незаметно, а утром Йонард, еще страдая от жестокого похмелья, объявил, что остается в Акре. Пока навсегда, а там посмотрим.

Именно в ту ночь «Ястреб» и стал собственностью германца...

* * *

День уже перевалил за полдень, когда в запертое окно Римаса уверенно постучали. Дверь отворилась без вопросов, с печальной покорностью. Видно, старый евер решил, что лучше уж впускать незваных гостей, пусть хоть весь дом вынесут, но стены останутся целыми.

Увидев Йонарда, хозяин слегка удивился, но быстро взял себя в руки и крикнул жене, чтобы собирала на стол. Он ничего не спросил, а Йонард решил не объяснять, как он его нашел. В компании вольных он быстро учился не говорить, не показывать и не делать больше того, что необходимо.

— Сколько «крепких» людей ты можешь собрать к вечеру? — спросил он, опуская приветствия и вопросы о здоровье хозяина и всех его родственников по женской и мужской линиям.

Старик в раздумье потер висок:

— Я могу поручиться за троих честных торговцев.

— Троих мало, — перебил Йонард. — Согласен, пускай будут нечестные, лишь бы не тусы.

Внезапно занавеску, которая отгораживала другую половину комнаты, отдернула смуглая тонкая рука. И Йонард увидел человека, которого ожидал здесь увидеть меньше всего. Все же Римас его удивил сильнее! Громадная ладонь метнулась к мечу, но человек улыбнулся и покачал головой.

— Это — четвертый, — веско произнес старик, и Рифат, начальник городской стражи, согласно кивнул.

* * *

День был удивительно ясным. Солнце, похожее на начищенный до блеска медный щит, казалось, раскалило небосвод добела, и острые пики горных вершин вот-вот должны были оплавиться и стечь на равнину темными реками. И однако же жары не было. Легчайший, прозрачный бриз, отдающий морской солью и мокрой сетью, почти не чувствовался среди узких, похожих на ущелья улиц, но сумел принести живительную прохладу. Дышалось удивительно легко.

Умирать в такой день не стоило.

То есть не то, чтобы это стоило делать в какой-нибудь другой день. Смерть — это такое дело, которое нужно откладывать на завтра как можно дольше. Но не всегда можно выбрать свой день, и не всегда боги согласны с твоим выбором.

Танкар медленно переставлял скованные коротким отрезком цепи ноги. Охранник, светловолосый, хмурый, но, видно, не злой человек, изредка подгонял его, трогая острием меча меж лопаток, но делал это без удовольствия и старался не причинять лишней боли. Трое других шли впереди и по бокам. Иногда, когда улица становилась совсем узкой, они вытягивались в цепочку и шли, почти касаясь друг друга плечами. Танкар знал, что его ждет. Медленная и мучительная смерть на толстом колу, смазанном свиным жиром. Такую участь готовили Фриму, так должен был умереть и он — некоронованный, но настоящий властитель Акры, обладающий большей властью, чем Даний. Так решил Тень Орла. Но никто не знал, что у Танкара оставался выбор. Перед тем как заковать в цепи, его, конечно, обыскали, но Танкар только криво улыбнулся в ответ на такое рвение. Цари Нижней Акры умели так спрятать метательный нож, дротик или гирьку на цепочке, что не отыскал бы даже свой брат,

вольный торговец. Оружие он сохранил. Руки Танкара тоже были скованы, но в случае нужды это не помешало бы отправить в Тартар одного или двух стражей, прежде чем третий отмахнет ему голову мечом.

Так думал Танкар. А время меж тем медленно, но неумолимо приближалось к полудню. Становилось душно. Они прошли половину пути, приближаясь к базару. Ветер сюда уже не долетал, и в проулке стоял тяжелый запах нечистот. Стражники вдруг остановились и нерешительно завертели головами, вполголоса переговариваясь между собой на своем языке. Танкар прислушался. Один яростно обвинял другого, тот огрызался, а третий пытался их примирить, но без особого успеха.

Четвертый, тот, что погонял его мечом, стоял безучастно. Один из удров повернулся к Танкару.

— Слушай, — воинственность в его голосе не могла скрыть растерянность. — А где площадь?

Боги, все, сколько их ни есть на свете!!! Это было смешно. Какая восхитительная история для рассказа темной штормовой ночью в таверне «Под башмаком», когда ветер сотрясает тонкие стены и даже сквозь плотно закрытые ставни сочится темнота и доносится гул разъяренного моря. Когда корабли могут затонуть у самого берега. Когда старик Наиль, не признающий ни Единого, ни Ахура-Мазды тихо молится своим устрашающим богам, а мальчишка Наке боится лишь одного — как бы его страх не заметили. Для такой ночи это была бы, действительно, подходящая история. Жаль, что он не расскажет ее сам. Но в том, что когда-нибудь, и даже весьма скоро, она пойдет гулять по благословенной Акре, Танкар не сомневался ничуть. Такие истории не пропадают.

— Два квартала на северо-восток, потом повернете на юг, через полторы лиги снова на юг, а потом все время на северо-запад, — доброжелательно ответил он.

Удр угрожающе нахмурился.

— Ты не умничай. Ты рукой покажи.

Четвертый страж тихонько фыркнул:

— Идите вперед. Здесь все улицы ведут к базару.

Танкар оглянулся на северянина, поймал его ничего не выражающий взгляд и решил про себя, что этого он оставит в живых. Храбрых людей много. Умных — мало.

Они прошли почти два квартала, и Танкар уже начал прикидывать, как лучше использовать припрятанный нож.

Он ждал перекрестка. Не то чтобы всерьез надеялся убежать, просто по укоренившейся привычке использовать любой шанс, даже самый ничтожный. Но его руку, уже потянувшуюся к спрятанному оружию, задержала музыка. Он узнал ее. И в первый раз почувствовал что-то, похожее на страх.

Собственно, музыкой это не назвал бы даже человек, начисто лишенный слуха. Казалось, все гудящие, звенящие, скрипящие и потрескивающие предметы собрали в одно место и пустили в дело. Гром стоял такой, что удры поморщились.

— Кого-то хоронят, — определил один.

— А шумят зачем?

— Духов отгоняют. Здесь так принято.

Из-за угла показалась похоронная процессия. Впереди шел жрец в длинном одеянии и бил молотком в большой бронзовый диск, отгоняя злых духов, чтобы обеспечить умершему легкую и безопасную дорогу в Чертоги Спящих. Следом две низкорослые лошадки волокли крытую белым повозку, а рядом, рыдая и заламывая руки, брела необъятная толстуха в траурных белых одеждах, должно быть, вдова. Следом за повозкой тащилась, опустив головы, порядочная толпа убитых горем родственников. Танкар поднял голову, чтобы произнести традиционные слова прощания, но язык евера присох к губам: он узнал жреца!

В длинных развевающихся одеяниях, сосредоточенный и хмурый, вышагивал Йонард-Берг и время от времени подвывал в унисон плачущей вдове.

«Кого же хоронят?» — оторопело подумал Танкар, когда повозка поравнялась с ним.

Дальше все произошло так быстро, что Танкар едва успел сориентироваться. «Вдова» кинула метательный нож, и тот стражник, который шел первым, первым и умер. Мелькнули гирики на цепочках — и двое других рухнули как подкошенные в грязь и нечистоты. Старик Наиль тут же перерезал горло одному. С другим справился Римас. Короткий меч, выдернутый из-под жреческой хламиды, взметнулся над головой последнего стражника, и тот встретил его своим.

— Не убивай его! — крикнул Танкар.

— Уговорил, — буркнул Йонард, — все-таки последнее желание. — И «успокоил» стражника ударом плашмя.

Повозка скрипнула под тяжестью трех трупов, одного оглушенного и одного беглого... Скрипнула, но выдержала, не зря же ее всю ночь переделывали два опытных мастера. И похоронная процессия, приостановив свой скорбный путь всего на несколько мгновений, двинулась дальше. Оружие исчезло как по волшебству. Они приближались к центру города, к базару, где в ожидании близкой казни уже толпился народ. «Вдова» выла и причитала так, что даже сердце чудом спасенного Танкара обливало кровью. А он и не знал за своей сестрой таких способностей к притворству и впервые подумал, что муж ревнует ее не зря.

Процессия медленно подошла к городским воротам.

— Кого хороните, добрые люди? — любопытствовал стражник, подавляя зевок.

— Почтенного Танкара, торговца шерстью, — отвечал Римас с приличествующей случаю печалью на лице.

— Жена или дочь? — страж ворот указал подбородком на женщину, которая от горя не могла идти и обвисала на руках более сдержанной родни усопшего.

— Сестра, — сказал евер сущую правду и под сочувствующим взглядом вышел за ворота.

Вслед за ним проследовала повозка, скорбящая сестра и вся процессия. Повозка в последний раз грохнула колесами по булыжнику и выкатилась на дорогу.

Йонард затянул прощальный гимн.

— Эй, может, я таки выйду и немного сам поплачу, — послышался изнутри сдавленный голос Танкара, едва повозка отъехала от города на полет арбалетного болта. — Все же мои похороны, не соседа! Я лучше всех вас знаю, какой я хороший и как по мне нужно плакать.

Он выбрался и крепко обнял Римаса, старика Наиль и Йонарда.

— Сто лет теперь проживешь, — улыбнулся Рифат.

— У-у, сто лет?! Почему так мало?

— Поторопитесь, да! — прикрикнула Вани, полная, но необыкновенно красивая сестра Танкара, большая мастерица рыдать. — Вам лишь бы языками почесать, а они сейчас опомнятся и пошлют конную стражу. Ворот-то только двое, а нижние закрыты! Я не горю желанием рыдать по тебе второй раз, по мне, так ты и одного не заслужил!

— Эй, Вани, не ворчи. Я тебе прятку подарю, — крикнул Танкар.

Скорбная процессия, все убыстряя шаг (благо смотреть было некому), докатилась до небольшой оливковой рощицы, где ждал Наке с целым табуном лохматых, не слишком изящных, но очень выносливых коней. Возвращаться в Акру им всем, включая Вани, было слишком опасно.

Глава четвертая

Ночи в этих краях волшебны! Море ночью бархатное и словно расшито драгоценными камнями звездных бликов. А если ночь лунная, то от месяца по воде тянется такая дорожка, что даже человек, не верящий в приметы, все равно зачерпнет лунной воды и изопьет прямо из ладоней, без чаши... А теплая она! Волна шевелит гальку, шепчет картаво, как будто ребенок, который еще толком не научился говорить. И ветра почти нет.

А в степи ночь! Полынь пахнет одуряюще, горьковатый запах этот, говорят, местным

уроженцам, скфарнам, снится и на чужбине, а попав домой, они целуют невзрачную траву и ноздри у них раздуваются, как у их же лошадей: «То запах свободы нашей!». Ляг на землю спиной, протяни руки к звездам... Ты равен богам, потому что держишь небо на руках. Так какими словами рассказать про ночь в степи?

Но удивительнее дивного и дороже дорогого южная ночь в предгорьях. Тишина здесь такая, что слышен негромкий голосок ручья, бегущего в полулиге. Здесь всегда не жарко, оливы опускают свои драгоценные плоды прямо в руки, как покладистые девушки, а ломающая зубы вода вкуснее фалернского вина. И нагретый за ночь камень отдает свое тепло щедро, и костры здесь разводят высокие, яркие, не вырыв ямку, чтобы случайно не увидели, а со всем почтением к огню и к титану, принесшему его людям.

По преданиям, именно в этих скалах когда-то томился прикованный Прометей, а орел клевал его печень... Наверное, выдержал он все это безобразие лишь потому, что эта дивная ночь дарила ему свое тепло и прохладу, лечила, утешала, убаюкивала. Да и орлы по ночам спят.

Во всяком случае, те, которые с крыльями.

В неглубокой пещере, скорее просто в выемке скалы, был разведен костер. Пахло мясом. Оно «доходило» на сложенном из камней очаге, приправленное какими-то травами, которые знала только Вани, и мужчины уже давно глотали слюни, но никто не смел приблизиться к огню. Сестра Танкара за такое самоуправство запросто могла отлучить от козленка.

Переломили хлеб. Взяли по луковице.

Танкар держал в руках большую чашу. Йонард видел ее впервые, дивился размерам, догадывался, что она не пуста, но не имел ни малейшего понятия о том, что должно произойти дальше.

— Братья, — тихо сказал Танкар, — я говорю так, потому что сейчас, в этом кругу только братья... Некоторые слишком свободные женщины сидят себе у очага и делают вид, что они разом оглохли! — он перевел взгляд с сестры на сидящих полукругом мужчин и медленно обвел их глазами: Римас, Наиль, мальчишка Наке, Рифат, еще двое, которых Йонард ни разу не видел. — Нас здесь девять, вместе с Вани. Если бы мы собрались два дня назад, нас было бы десять...

«Поминальная чаша по старику Фриму, — сообразил Йонард, — но ведь ее пьют только родственники». Впрочем, сказал же Танкар, что все они здесь братья.

— Мы скорбим, — лицо рыжего предводителя «братства» перекосило. Он глотнул из чаши и передал Римасу. Тот пригубил и молча опустил чашу в протянутые руки Наке. Когда чаша оказалась у Йонарда, последнего, она была все еще почти полна. Йонард по наитию поднес сосуд к губам, но сделал лишь небольшой глоток.

— Мы помянули брата, — продолжал Танкар, — пусть земля будет ему мягче пуховой перины и пусть душа его летит свободно, мы не задержим ее рекой из слез. — При этих словах Наке, который начал было всхлипывать, быстро просушил глаза рукавом. — Но этот глоток сладкого фалернского вина был последним. И для меня, и для вас. И для всех остальных братьев. С этой ночи и пока мы не вернемся домой, в Акру, свободную от Тени, никто не прикоснется к вину. — Танкар встал, шагнул к огню. Вани посторонилась. Все молчали, молчал и Йонард, напряженно слушая. Он понимал, что это еще не все.

— И в знак траура по нашему брату поститься будет вся Акра, от Тени и его прихвостней, до последней «помойной крысы». Все! Даже те, кто не слишком скорбит. — С этими словами рыжий Танкар перевернул чашу, и перебродивший виноградный сок, который был лишь чуть дешевле своего веса серебром, ушел в землю.

Правитель Нижней Акры начал войну.

Чуть позже, когда козленок был съеден, ближайшее будущее определилось, и почти все братья пристроились на козых шкурах, поближе к очагу и задремали, Танкар поманил двоих, Йонарда и Рифата, вытянул перед собой руки и сказал-приказал:

— Смотрите внимательно. От этого будет зависеть не только ваша жизнь. Когда

вольный складывает пальцы вот так, это означает, что он «ведет козу».

В ответ на вопросительный взгляд германца Рифат шепотом с улыбкой пояснил:
— Слежка!

Танкар не усердствовал. Он показал всего три тайных знака, велел повторить и, убедившись, что урок усвоен, отпустил их с Рифатом спать. Сам он так и не лег и встретил рассвет, сидя на плоском камне у входа в пещеру. Размышлял Танкар, скорбел о товарище или просто любовался дивной ночью, радуясь неожиданному спасению, Берг не спрашивал. Он слишком хорошо знал, каково это, когда ты уже простился с миром, а он внезапно продолжился для тебя. Сильная радость валит с ног почище любого горя.

* * *

В приливной волне слабо шевелилась галька. Солнце еще не вошло в полную свою силу, когда на камнях можно печь яйца, а испытый исключительно от жажды кувшин вина немедленно выходит по том, не принеся никакой радости, но пригревало уже ощутимо. На расстоянии полета стрелы темнело длинное низкое здание городских казарм. Его окружал насыпанный вал высотой примерно в рост воина. Выкопанный ров был так же неглубок и преследовал цели скорее учебные, чем оборонные. Во всяком случае, римского легионера такая «линия укреплений» не задержала бы ни на миг, разве что остановился бы посмеяться.

Со стороны лагеря слышались команды, топот множества ног, обутих в мягкие сандалии, стук друг о друга грубо отесанных палок, первого оружия, которое во всяком военном лагере получает новичок. Пахло свежевскопанной землей и не очень хорошей рыбой.

Йонард стоял в толпе таких же, как он, искателей удачи, наемников, пришедших предложить свои услуги новому советнику Акры за неплохую (по здешним меркам) плату. От нечего делать он разглядывал стоящих рядом. Большинство из них были мальчишками, еще не вошедшими в возраст, когда начинают регулярно бриться. Они возбужденно переглядывались, оценивая шансы: свои и соперников и, пожалуй, лишь только присутствие Йонарда и еще парочки взрослых мужей сдерживало их от того, чтобы продемонстрировать свою годность к службе в войске Мудрейшего, расквасив соперникам носы.

Советник мог иметь свои взгляды, но если бы Йонард набирал отряд, этих юнцов он бы сразу отправил домой, к маме. Они могли бы стать неплохими солдатами, но в наемниках детям делать нечего.

У войны два лица — героя и зверя. Оба хороши, оба равно привлекательны для мальчишек, которые отчаянно хотят поскорее стать мужчинами, вот только не знают как... А у пиратских и разбойничьих рейдов (для которых обычно и нужны наемники) нет вовсе никакого лица, ни благородного, ни страшного — только большая поносная задница и острые копыта. Только так! Йонард знал это доподлинно: он был легионером великого Рима, был наемником и имел возможность сравнить.

Меньшую часть сброда, «украсившего» военный лагерь, составляли мужчины, не слишком молодые, но какие-то уже потасканные, с сутуленной спиной, злобным огоньком в глазах и характерно натертыми руками, ногами и шеями. Чтобы прочесть их судьбу, прошлую и будущую, не нужно было быть звездочетом: беглые рабы, люди вне закона в любом полисе.

Как и все вольные города, Акра кишела ими. Беглые попадали в Акру и морем, в трюмах отчаянных ребят вроде Танкара и Фрима, и сушей, прибившись к караванам, как-то умудрялись просачиваться сквозь рогатки городской стражи и увеличивали население города. В Акре их ждала свобода, которая часто оборачивалась свободой умереть с голоду или замерзнуть под забором. Новый советник дал им, конечно, не меч — это было бы слишком, но вполне приличное копье, шерстяной плащ, место в казарме и миску с дешевой непотрошенной рыбой каждый день. По меркам голытьбы, собравшейся здесь, это считалось неслыханной удачей.

Среди этой публики Йонард смотрелся чуть ли не царем: гордая осанка, развернутые плечи, спокойный взгляд человека, который сегодня уже завтракал, вчера неплохо поужинал и знал наверняка, что будет обедать. Свое оружие. Да не просто какая-нибудь секира, сделанная из деревенской косы, страшная на вид, но почти бесполезная в бою, а меч! Добротные штаны и рубаха, кожаные сапоги и безрукавка по местной моде.

Спину безрукавки украшал узор, который порядком смущал Йонарда — на него косились.

— Зачем это? — спросил он Рифата, вручившего ему безрукавку.

— Нужно, — ответил тот. — Ты не много можешь сделать один. А это поможет тебе найти союзников.

— Союзников? — переспросил Йонард, — он ткнул пальцем в узор, от которого за три лиги несло опиумными грезами, — душевные же они ребята, как я погляжу. Теперь я понимаю, почему, попав в переделку, ты предпочел явиться не к ним, а к врагу... только не понимаю, зачем они мне?

— Союзники надежные, — заверил Рифат, — поэтому я их и берег. А что до узора, ты взгляни, у меня такой же. Я бы отдал тебе свою безрукавку, но слишком она приметна, да и не налезет на твои плечи... и эта хороша.

Йонард с сомнением принял подарок.

На безрукавке Рифата красовались два льва с птичьими крыльями и двойными пушистыми хвостами. У зверей были выпущены когти и оскалены зубы. Оба льва, как и положено большим кошкам, были песочного цвета с пышными черными гривами, а их фантастические крылья отливали темным золотом. Красивый узор. Персидский.

Львы Йонарда были невозможного, дикого красного цвета, а гривы и перья зеленели, как молодая трава по весне. Только зубы и когти оказались какие надо — белые. Да-а! Увидев такую вышивку любой помойник без сомнения отнес бы Йонарда к своим клиентам. Стежки лежали шире и реже, чем на оригинале. Вышивальщик явно торопился.

— И не надо кривиться! Какие нашлись, такими и сделала, — огрызнулась Вани, — сами виноваты. Довели базар до того, что приличных ниток не купить!

Вздыхнув пару раз, Йонард смирился с красными львами, здраво рассудив, что, во-первых, можно выдать безрукавку за военный трофей, а во-вторых, не прибита же она к телу.

— Последние напутствия рыжего Танкара озадачили:

Ты смотри, слушай, запоминай... и, если сможешь, ни о чем не думай. Или хотя бы думай о бабах, выпивке, драках... о чем-нибудь приятном и безопасном. Не старайся понять, что происходит, и боги упаси тебя решать, что надо делать.

— Считаешь меня идиотом? — набычился Йонард.

Ни в каком разе! Просто иногда думать — все равно, что в барабан греметь.

Последней к нему, тяжеловатой походкой, подошла излишне пышная, но ошеломляюще красивая, чернокошая, с сильно подведенными глазами, Вани. Не говоря ни слова, она сунула Йонарду в руки сверток, источающий дивный чесночный аромат и быстро отошла. Йонард развернул ткань и обнаружил филе молодого козленка.

— М-м! За такой дар я готов стерпеть даже красных львов, — восхитился он, — если бы твоя сестра не была замужем, я бы к ней посватался.

— Если бы Вани не была замужем, тебе пришлось бы пробиваться сквозь толпу, — с гордой улыбкой заверил Танкар...

Женщина улыбнулась из-под руки так, что перехватило дыхание, и Берг подумал, что быть ее мужем в равной мере и награда, и наказание, которые вынесет далеко не каждый... И от которых не откажется никто.

От приятных мыслей о сестре Танкара Йонарда отвлек появившийся малый, похоже, десятник. И, похоже, именно ему предстояло решить судьбу искателей военного счастья. Он обежал всю толпу быстрым, внимательным взглядом. Юнцы подтянулись, беглые как-то стушевались и приобрели вид одновременно и жалкий и вызывающий. Десятник отдал команду построиться в шеренгу. Прозвучала она на греческом, но опытный военачальник

помог себе жестом столь красноречивым, что не ошибся бы ни дикарь, ни глухой. И столь властным, что разношерстный сброд повиновался мгновенно.

Йонард вперед не лез и оказался в середине, ближе к концу.

Ему обязательно нужно было попасть в число избранных, чтобы подобраться ближе к Тени. И поэтому, прежде чем соваться к десятнику, имело смысл понаблюдать за отбором.

Через некоторое время Йонард порядком озадачился.

Десятник пропустил сразу троих худых, явно голодных мужчин, одного со следами выжженного огнем клейма и еще более явными шрамами от попыток его спрятать. Йонард мог даже сказать, за что новый наемник угодил на галеры — за убийство. Клеймо было знакомым. Второй избранный хромал. Третий страдал жестоким похмельем или чем похуже... Зато был безжалостно отсеян молодой, хорошо сложенный юноша с темными смысленными глазами. Следующие двое, по виду — беглые рабы, тоже были признаны годными, хотя у одного на глазу красовалось бельмо, а у другого уже серебрилась борода. А молодой темноволосый мужчина без физических изъянов отправился за ворота.

Взгляд десятника уперся в Йонарда, когда тот все еще перебирал в уме увиденное и недоумевал.

— Имя — коротко спросил он.

— Йонард Берг.

— Легионер? — в тоне десятника прозвучал не вопрос, а уверенность.

— Одиннадцатый легион, — ответил Йонард, стараясь не морщиться.

Десятник кивнул с уважением.

— Последний оплот павшего Рима, — проговорил он со странным выражением на жестком, сильно загорелом лице со светлыми полосками от шлема. — Я знавал вашего легата Сервилия.

Йонард все еще удивлялся и умилялся тому, что о доблести их дважды прославленного, трижды проклятого и единожды преданного и разбитого легиона поминают в такой глуши... и притом вполне почтительно, вот что странно... А левая рука его меж тем машинально, совершенно не дожидаясь приказа занятой головы, крепко перехватила руку десятника. Йонард опустил глаза. Лезвие кинжала с лютым прагматизмом целило в пах.

Кинжал не был тупым.

Йонард тоже.

Он сообразил, что за этим последует. Десятник его не разочаровал.

— Пойдешь во дворец правителя. Знаешь, где? — Йонард кивнул. — Спросишь Ритула. Это наш главный. Скажешь ему — Отар послал. Или лучше вручишь вот это, — он сунул в руку Йонарда деревянную пластинку и широко улыбнулся, обнаружив великолепные белые зубы, правда, в несколько недостающем количестве, — будешь десятником. Или как он решит. В любом случае, среди этого сырого мяса тебе делать нечего.

Йонард поймал на себе взгляд одного из новобранцев — мальчишка поедал его глазами, словно жрец, которому прямо на церемонии явился его собственный бог. Берг отвернулся. Он слишком хорошо помнил такие же горящие взгляды мальчишек, мечтавших только об одном: умереть за Рим и, предел желаний — на глазах у лысого пса императора, германца Одоакра. Многие из них исполнили свою мечту... А остальных Одоакр разогнал, отобрав оружие и оставив лишь по ножу, не имевшему клейма.

Отар не спросил, что делает в Акре бывший легионер. Йонард не был диковинкой в этих краях. Да и в любых других. Солдаты павшего Рима уже пятый год болтались по дорогам мира, продавая свой меч за золото, серебро, медь, миску каши или просто занимались разбоем.

Направляясь навверх, к дворцу, крутя в пальцах пластинку, на которой Отар вырезал своим кинжалом какой-то незнакомый знак, Йонард все еще раздумывал, по какому признаку происходил отбор. И, кажется, понял. Среди признанных годными не было ни одного евера.

Ритул был уже навеселе. На низком столике громоздилась гора перепелок, обжаренных в сухарях, на большом медном блюде. Они были почти не тронуты, в отличие от коринфского вина, осколка павшей Эллады, сладкого и крепкого. Амфора опустела на треть, и, похоже, это был не первый сосуд, «приговоренный» его старым знакомцем.

— Нас схватили ищейки Ардашира, — говорил он, — да испытает сей господин еще на этом свете все муки ледяного ада! Ты ведь помнишь эту собаку?

— Ритул, не обижай животное.

Согласен, гиену. Против гиены ты не возражаешь?

Против гиены Йонард не возражал. Господин Ардашир, начальник конной стражи Хорасана Великолепного, до сих пор вызывал у него теплые чувства. В том смысле, что его бросало в жар от желания сжать пальцы на худой, жилистой шее хорасанского вельможи и не отпускать до тех пор, пока его лживый язык не достанет драгоценного пояса из тонкой крашеной кожи.

— Кераму удалось бежать. Видно, плохо связали. Когда мы утром проснулись, на его месте лежали лишь куча спутанных веревок да старая верблюжья кошма.

— Почему же он не развязал тебя? — удивился Йонард. Его кубок, хотя он регулярно подносил его к губам, оставался полон.

— Почему солнце встает на востоке, а садится на западе? — усмехнулся Ритул, — почему здесь идут теплые дожди, а у нас на родине холодные снега? А кровь и здесь и там одинаково солонa, и потроха пахнут так же омерзительно... Не развязал — значит не посчитал нужным. На кривом дереве не будет плодов добрых, от лисицы не родится благородный орел.

— Кстати, об орлах, — вставил Йонард, — если тебя бросили в тюрьму Хорасана, то как ты оказался по эту сторону Понта?

Ритул сделал большой глоток и отер губы рукавом.

— Побег грабителя караванов разозлил Ардашира так, что тот грыз свою плетъ. Нас прихватили за городской стеной у южных ворот.

— Там, где растет большой бук? — припомнил Йонард.

— Во-во. Большой такой бук. Удобный. Вешать на нем хорошо. Ветви крепкие.

— Повесить можно и на воротах, нашлась бы веревка...

— Веревка у него нашлась, — Ритула передернуло. — Ардашир привязал меня к стволу дерева и распорядился оставить на ночь. Я висел на веревках, почти врезавшихся в тело, а мимо шли люди. Крестьяне, купцы. Они не смотрели в мою сторону. Ардашир поставил двух стражников и они копиями пугали всех, кто смел хотя бы скосить глаза. Потом ушли и стражники. Ворота закрыли. К тому времени я уже не чувствовал боли и был уверен, что на эшафот меня придется нести. Если только Ардашир не распорядится вздернуть меня здесь же, на ветке.

Когда звезды сместились к западу на две ладони, из пустыни пришел большой лев с темной гривой и вонючей пастью. Он направился прямо к дереву. Я решил, что мне конец, и пожалел, что плохо слушал бродячего монаха-проповедника, который рассказывал о Христе. Тот, говорят, принимает всех грешников, если они искренне раскаиваются. С каждым шагом льва-людоеда раскаяние мое было все глубже и искреннее. Когда я увидел его зеленые сощуренные глаза почти у своего лица, я раскаялся даже в том, что родился на свет и не помер в младенчестве.

Лев подошел ко мне вплотную. Обнюхал, рыгнул и принялся точить когти о жесткую кору. Я стоял ни жив, ни мертв.

Лев закончил точить когти, развернулся и ушел обратно в пустыню. Он был сыт. А я... Я был мокрым во всех местах. Я, — Ритул понизил голос и быстро оглянулся, — я обоссался. И мне даже не стыдно тебе об этом говорить... С тех пор я терпеть не могу кошек.

— А дальше?

— Мерзавец напугал меня изрядно. Но своими железными когтями он разорвал веревки. Я пережил несколько поистине неприятных мгновений, когда тело возвращалось к жизни, но все же смог встать. Я стряхнул путы, плюнул на ворота Хорасана и ушел в пустыню за львом, по его круглым следам. Три дня без воды!!! Я жевал собственный ворот, соленный от пота. Наверное, это и спасло мне жизнь. Я дошел до оазиса, а потом дошел до Синопы. У меня не было денег, ни одной медной обрезанной монеты. Мне пришлось наняться на греческую тиеру гребцом за дорогу от Анатолии до Пантикапея. Моим товарищем по скамье был крепкий невысокий человек с желтым лицом и тонкой черной косичкой.

— Китаец, — со знанием дела кивнул Йонард.

— Мы почти не разговаривали. Но однажды, у берегов Тавриды, когда Посейдон за что-то осерчал на нашего хозяина, грека, и чуть не разбил тиеру, китаец спас мне жизнь, сбив под скамью. Если бы не он — обломок весла проломил бы мне череп.

В открытые арочные окна, забранные фигурной решеткой, текло тяжелое благоухание роз. Тонко кричали обезьяны. Они пробирались из окрестных рощ в дворцовый сад за фруктами.

Йонард хотел пить, но был твердо уверен, что боги карают нарушителей обетов. И поэтому, улучив момент, он ловко выплеснул терпкую влагу за окно, подальше от соблазна. Ритул ничего не заметил. Он уже порядком захмелел, языком ворочал с трудом, слова его становились все невнятнее, но Йонард ловил каждое, надеясь, что они сложатся в мозаику и прояснят все... или хотя бы что-нибудь.

* * *

В Пантикапее, про которую упомянул его знакомец, Йонарду бывать приходилось. Это был большой, грязный и довольно-таки бестолковый город, бывшая столица Боспора. Он располагался рядом с мятежной Фанагорией, которую во все времена не устраивали власть, налоги и погода. Берг пережил там несколько незабываемых дней и чуть было не свел короткое знакомство с обитателями места, что в Пантикапее сходило за тюрьму... Но, видимо, у северных богов были свои планы на тело и душу германца, и он ушел оттуда живым и целым. Ну, почти целым. Два сломанных ребра не в счет. И поэтому Йонард очень хорошо представлял себе то, о чем говорил Ритул.

Впрочем, надо отдать должное, первое впечатление город оставлял отличное. Высокие каменные дома поразили германца, привыкшего в последнее время к мазанкам из верблюжьего навоза. Ему даже на мгновение показалось, что он обрел второй Рим... Пока рыжий Танкар не развеял заблуждение. Роскошь оказалась подделкой, такой же, как местная медная монета, покрытая тонким слоем позолоты. Каменных домов в Пантикапее было совсем немного. Большинство собрали из крошки, смешанной с известью и глиной. Для прочности в нее заделывали деревянные крепления, связанные жердями, а для красоты стены ровняли и выдавливали ложные швы, словно бы дом и впрямь был сложен из тесаного камня. От времени такие дома разрушались. Огонь и вода были для них смертельными врагами.

Портики и колоннады, которые казались мраморными, на деле же почти все были деревянными, покрытыми алебастром. И так во всем, за что ни возьмись, даже сладкие по определению греческие вина были здесь почему-то кислыми, словно местный воздух их портил...

Таверну «Да ры», рядом с городской тюрьмой, Йонард тоже знал неплохо и не любил за жесткое мясо и хамоватых слуг. Если с его приятелем и должно было случиться что-то скверное, то, пожалуй, лучшего места на всем побережье понтийском для этого не найдешь.

Насколько сумел уловить Йонард из заплетающейся, как горная тропа, речи Ритула, именно там судьба-злодейка (а кто же еще, если для того, чтобы бросить кости, она выбрала шулерский притон) свела дороги его, китайца Тонги и Тени Орла и его сподвижников,

беспородной шайки бродяг. Основной костяк этого «войска» составляли бывшие воины, собраты Берга по несчастью, «римские граждане», которых в последние дни Империи бросали в костер войны вязанками... Те, кто уцелел, ныне пытались вернуться назад, к давно забытому очагу, или еще как-нибудь устроиться. Часть их прибилась к Тени, и сюда пришли они возвращать ему трон предков, несправедливо отнятый в боги знают какие времена. По мнению Ритула, если предки Тени прекрасно обходились без трона, то мог обойтись и он... но его мнение Тень интересовало мало. Да он и сам на нем не настаивал, особенно когда узнал размеры обещанной наемникам платы.

— И? — подтолкнул Йонард.

— Ну, столковались. Правда, пришлось железом помахать.

Йонард примерно представлял, как они «столковывались»: большая нетрезвая компания вооруженных до зубов вояк и его приятель, после всех своих несчастий решивший во что бы то ни стало получить от нового хозяина тройное жалование. В таверну «Дары» наверняка можно больше не заглядывать, если осталась от нее хоть одна стена — и то славно. Высокое положение, которое сейчас занимал Ритул, было явным тому подтверждением.

— Корабль, на котором мы шли из Пантикапея в Акру, — меж тем продолжал Ритул, — в порту обыскали. Я с моими людьми сидел в трюме, готовясь к драке, но обошлось. Тонга увел стражу. Потом предатель открыл потайную дверь. Акра упала в наши руки, как спелый плод. А потом начались... случаи.

— Случаи? — Йонард подумал, что ослышался. Словечко-то было совсем не Ритуловское. Помнится, в бытность свою в Иране он любил говорить, что нет случайностей в рукаве судьбы, все написано в те времена, когда камни еще были жидкими. Потом они затвердели, потом появились боги, гномы, тролли, люди... Ну и все. Нет, стало быть, случаев.

— Разные случаи, — Ритул неопределенно махнул рукой и чуть не сшиб со стола сосуд с вином.

— А не мог бы ты напрячься и рассказать об этих случаях так, чтобы даже я понял?

— У меня стали пропадать покойники, — произнес Ритул на удивление внятно и снова замолчал. Но на этот раз Йонард не стал тянуть его за язык, а просто подлил еще вина, надеясь, что это поможет.

— Я не нашел тела жены правителя, — Ритул сморщился, словно глотнул кислого, — ни живого, ни мертвого.

— В городе говорили, что госпожа Франгиз больна... — задумчиво проговорил Йонард.

— Она выбросилась с балкона, когда мы вошли в спальню правителя. Это случилось прямо на моих глазах. Я не смог помешать.

Голос Ритула был ровным и спокойным, он словно рассказывал о сражении, которое завершилось вполне успешно, но, к сожалению, не без потерь. Так бывает. Вернее, не бывает по-другому. Вот только глаза он почему-то прятал... Или просто голову не мог держать ровно?

— Ты смотрел вниз?

— Было темно. К тому же там был широкий подоконник и целая стена этой густой зеленой пакости.

— Плюща, — подсказал Йонард.

— Вот именно. Готов спорить на что угодно, садовник, который его вырастил, в прошлом был вором. Я послал вниз людей, потом спустился сам. Но ничего не нашел. Даже крови и клочков одежд...

— Значит, либо ее унесли, либо ушла сама. Женщины, знаешь, бывают живучи прямо как кошки. Допроси слуг.

— Допрашивал. Молчат. Не рвать же им ноздри из-за женщины.

— Из-за женщины и впрямь ни к чему, — согласно кивнул Йонард, — а вот из-за жены

правителя вполне можно. Но ты сказал «покойники». Значит, не она одна?

— Еще собака, — Ритула передернуло, — жуткая тварь.

Берг улыбнулся. Собак мы, оказывается, любим еще меньше, чем кошек. Они-то чем насолили?

— Собака тоже бросилась с балкона? — поддел он.

Но старый приятель уже находился по ту сторону гордости и даже не понял, что его поддели.

— Она не сошлась, — туманно проговорил он.

— Что? — изумился Йонард.

— Не сошлась, — четко и отдельно повторил Ритул. — Я, конечно, не сборщик податей и не могу считать с той скоростью, с какой осел подбирает арбузные корки... — Он, казалось, вполне протрезвел. Во всяком случае, речь его стала вдруг на удивление связной и понятной, — Но сколько пальцев на руке, я знаю и уж в них-то не запутаюсь. Пятьдесят — это ведь пять раз по десять, верно?

— Верно, верно, — кивнул Йонард, — во всяком случае, раньше у ученых людей именно так и было. Если бы что-то изменилось, так об этом кричали бы на базаре...

— У меня получилось четыре раза по десять и один раз девять, — не слушая его трепы, закончил Ритул и снова потянулся за живительной виноградной влагой.

Йонард уже отчаялся что-либо разобрать и просто слушал, стараясь хотя бы запомнить.

— А Тонга?! — Ритул вытянул над столом руки с растопыренными пальцами. В расширенных глазах мелькнули злость и недоумение. — Мы усыпили всю стражу. Совсем всю. Чистая работа! Среди моих воинов не было ни одного раненого. Только порванные и покусанные этими адскими тварями, которых здесь все почему-то называют собаками, словно сговорились. А Тонга был убит. Зарезан со спины. И не кинжалом, а чем-то другим. Я раньше не видел такого оружия.

— Его труп тоже пропал? — попытался уточнить Берг, но Ритул уже упал на руки и захрапел.

Северянин понял, что с откровенными разговорами покончено. По крайней мере на сегодня. Он пожал плечами, аккуратно вылил из своего бокала вторую порцию вина назад в амфору и встал. Ритул сопел и невнятно ругался во сне. Солнце сделалось красным и медленно катилось по плоским крышам вольного торгового города в море. Относительно положения Йонарда в свите Тени они ничего не решили — не до того было. Но Берг все же подумал, что, пожалуй, окажет старому знакомцу услугу и проверит караулы во дворце... а заодно и осмотрится, что тут и как.

Приняв решение, он встал... и неожиданно качнулся. Комната, где принимал его приятель, вдруг куда-то поехала, вместо трех окон с узкими арками и черными узорными решетками в живых цветах и железных птицах внезапно оказались шесть, потом двенадцать, потом еще больше, все это множество закрутилось... Йонард сделал шаг к дверям, намереваясь позвать на помощь, но в глазах потемнело, в ушах стремительно заглохли звуки, а пол, выложенный каменными плитами, вдруг прыгнул вверх и больно ударил по лбу, едва не размозжив череп.

Сколько он был без сознания, Берг не понял. Солнце, во всяком случае, уже село — в комнате было темно. Мысли разбегались в стороны, и чтобы собрать их, требовалось значительное усилие. Он поднял руку и пощупал голову. Она оказалась цела, глаз не убавилось. Даже кой-чего прибыло. Большая такая шишка со спелую хурму величиной... Ну хорошо, со сливу. Все равно приличная. Берга подташнивало, словно с похмелья. В раскрытые ставни сочилась ночная сырость. Он встал. Ноги слушались. Даже неплохо слушались. По крайней мере, поднесли к окну, а не мимо. Йонард облокотился на широкий подоконник и почти до половины высунулся в окно. Его вывернуло наизнанку и, как это и бывает, сразу стало легче. В глазах почти не двоилось. Он смог рассмотреть звезды и сориентироваться по времени. Странное состояние длилось чуть больше часа.

Ритул лежал, устроив голову на руки. Спал он, или был в забытьи, Йонард определить

не смог. Дышал — значит мертвым не был, и то ладно, а с остальным потом разберемся. Дыхание вроде было ровным.

Воздух, сочившийся с улицы, казался сладким. Пахло розами. Отчего-то красные розы пахнут слаще, чем белые... Во дворце правителя Акры росли пурпурные, бархатные, почти уже черные на кончиках лепестков огромные розы. Стену плотным зеленым одеялом покрывал плющ. Внизу была разбита клумба.

«Видимо, — подумал Йонард, с почти физическим усилием пробуждая ленивую, одурманенную мысль, — жена правителя, опасаясь насилия, выпрыгнула вниз, чтобы быстрая и честная смерть положила конец кошмару. Но, похоже, эта Франгиз хорошо молилась своим богам, или же просто судьба ее возлюбила. Густой плющ задержал падение, а внизу оказалась мягкая вскопанная земля. Наверное, женщина сильно ушиблась, но не покалечилась, судя по тому, что сумела мгновенно исчезнуть. А раз ее так и не нашли, значит, не потеряла присутствия духа и нашла верное решение. Молодчина! Пусть ей и дальше везет, она вполне заслужила свою удачу».

Свежий прохладный воздух быстро привел Йонарда в себя. Он выпрямился: ноги держали, глаза вели себя прилично и почти не разбегались. Пол тоже не пытался вздыбиться и исчезнуть. Берг накинул шерстяной плащ и открыл дверь в темный, едва освещенный редкими факелами коридор.

Дворец правителя Акры показался ему очень древним. Видимо, строили его еще в те времена, когда самым лучшим и надежным материалом считался тесаный камень. Коридор, сложенный из серых плит, кое-где от спешки или лени плохо обработанных, казался мрачным. Факелы в бронзовых кольцах, вкрученных в стены на значительном расстоянии друг от друга, давали очень мало света, но много копоти. Потолки и стены были сплошь в черных разводах, а по углам болталась обгорелая паутина. Похоже, здешнему слуге-распорядителю никто не сказал, что уже давно придумали масляные светильни... Сквозь узкие окна тянуло сыростью. Ветерок шевелил старые, выцветшие кошмы. И пахло здесь псарней... Возможно, в другом крыле, где жили сам правитель с женой и приближенные слуги, не так, но тут Йонарду показалось, что попал он на задний двор к не слишком удачливому купцу. Впрочем, где-то именно в этом крыле располагались роскошные римские бани. Да и кухня здесь была знатной, судя по перепелкам, почти не тронутым Ритулом и полностью доставшимся германцу.

По словам Танкара, Даний никогда не держал стражу в личных покоях и даже в других помещениях дворца ограничился малым количеством вооруженных воинов. Да и те были в основном сыновьями сановников, которым льстила обязанность носить меч с клеймом дворцовой стражи, но возможность отдать жизнь, спасая повелителя, казалась очень почетной, но не слишком реальной. Хорошо обученных воинов был всего десяток. Они непосредственно подчинялись Рифату и обычно днем прохаживались по двору, цепляя с подносов лакомства и перемигиваясь с молодыми служанками. Ночью караулы усиливались, но не всегда. В основном Даний пренебрегал своей безопасностью, беспечно полагаясь на удачный брак. Благодаря женитьбе на Франгиз, он разом породнился со всеми смутьянами Акры и полагал такие шелковые узы достаточными. За что и поплатился.

Тень Орла подошел к делу иначе. Наверное, он, занявший «дворец своих предков по праву», чувствовал себя в нем куда менее уютно, чем «узурпатор» Даний. Воины в легком доспехе, вооруженные мечами и кинжалами, несли службу и во дворе, и внутри дворца. В одном полутемном коридоре Йонард насчитал их полдюжины. Пароль менялся каждые сутки. Сегодня — «рысь», как сообщил ему Ритул. Но лишь до полуночи. После — «олень». Не попустите боги перепутать! Сначала разделяют, как форель, и лишь потом будут разбираться. Как опытный воин и телохранитель, Йонард такой подход к делу вполне одобрял. Но как заговорщик был недоволен. Он обошел весь дворец, нашел даже бани, убил на это больше четырех часов этой благословенной ночи, но так ни до чего и не доходился. Караульные везде несли службу исправно, никто не спал и не играл в кости. Кое от кого попахивало вином, но Йонард не стал бы ставить свою жизнь на то, что это и есть в обороне

дворца главное слабое место. От него и самого, случалось, пахивало тем же самым. И на посту бывало. В умеренных дозах вино лишь обостряло слух, зрение и служебное рвение.

В личных покоях правителя свет был потушен. Оттуда не доносилось ни звука. И розовым маслом в коридоре не пахло. Должно быть, Тень пренебрег возможностью позвать красивую рабыню «согреть ложе» и лег почитать один.

Наконец, судя по запахам, Йонард попал в коридор, ведущий в помещения кухни. Вышел, что называется, на верную дорогу. Где кухня, там обычно и кладовые с пряностями, иногда — очень дорогими пряностями. А где большие деньги, там и соблазн. Если что-то и могло найтись, то только здесь. Света в этом коридоре было еще меньше, чем во всех остальных. Вдоль стен угадывались двери кладовых. Йонард добросовестно толкал каждую, чтобы снова и снова убедиться, что кладовая надежно заперта. Свернув в очередной раз, Йонард неожиданно оказался в полной темноте — должно быть, факел потух. С разгону он сделал пару шагов, потом остановился и вытянул руки. Пальцы ощутили пустоту. Медленно и осторожно Берг сделал шаг вперед, ощупывая пол ступней. Потом еще один. Правая рука коснулась стены. То ли коридор в этом месте сужался, то ли он в темноте свернул. Йонард двинулся в сторону. Левая рука коснулась чего-то теплого и вроде бы матерчатого и быстро отдернулась. Ничего не произошло. Йонард снова протянул руку. «Что-то» было на месте. Германец нащупал мягкую округлость, покрытую, похоже, тонкой шерстяной материей. «Это» было не стеной, не старой кошмой, не большим глиняным горшком, покрытым одеялом... Все еще ничего не понимая, Йонард протянул вторую руку и нашарил странный столбик, а на нем что-то вроде горшочка. И все это теплое и такое на ощупь знакомое. Где-то на уровне большого и указательного пальца ощущалось легкое движение воздуха. И тут палец коснулся гладкой теплой кожи. Кожи!!!

Озарение запоздало. Железная рука, возникающая из тьмы со скоростью мысли, нанесла короткий и точный удар в шею. Йонард не знал, потемнело ли у него в глазах... может, и темнело, но на общем фоне разница как-то не ощущалась. От ушей тоже пользы было чуть, да и вреда не больше. Впервые в жизни пришлось терять сознание в полной темноте и тишине. Он сложился пополам и осел на каменный пол, как мешок, уроненный неловким рабом. И остался лежать.

Когда Берг вернулся к началу своего пути, приятель его все еще сладко спал, а окно уже золотил рассвет. Такой крепкий сон заслуживал отдельного внимания. Похоже, сладкое коринфское вино было тут не при чем. Йонард-то почти не пил. Одного-двух глотков было явно недостаточно, чтобы свались с ног крепкого мужчину, какой бы пакости туда не подмешали. Видимо, не полагаясь на случай, неизвестный подстраховался и намешал снотворное еще и в соус, чтоб уж наверняка. Но кому и зачем могло понадобиться устранить на всю ночь именно Ритула?

Что ж, еще одна странность. Какая по счету?

Для верности германец присел к столу, обмакнул палец в вино и на светлой столешнице начертил крест: пропажа жены правителя — раз. Второй крест лег на стол рядом с первым: исчезновение мертвой собаки — два. Пропажа китайца — три, сонный порошок в вине — четыре. Пятый крест обозначил происшествие в коридоре, ведущем в кухню. Странный черный парень, едва не превративший видавшего виды легионера в блюдо «мясо, хорошо отбитое, с доспехами» заслуживал самых серьезных раздумий. Знал он одного такого умельца, который с пеной у рта утверждал, что не воин, Будда запрещает кровопролитие, и вообще он возлюбил все живое как кровную родню... и при этом, Йонард сам был тому свидетелем, однажды раскатал десяток вооруженных до зубов хорасанских воинов, словно кегли. И даже не вспотел. В том, как черный срубил ему дыхание, было что-то до боли знакомое, Берг едва не выжал скупую мужскую слезу на столешницу, изрисованную крестами. Он мог бы поклясться, что в темноте коридора ему повстречался Дзигоро. Если бы не одно обстоятельство — уже больше года маленький желтокожий мудрец и путешественник, философ и прирожденный лекарь, мастер боя без оружия и лучший друг германца покоился в сердце пустыни, окружавшей мерзкий городок Хорасан.

Он заплатил своей жизнью за давнюю ошибку: возомнив себя учителем, молодой Дзигоро взял на воспитание мальчика, честно поделился с ним всеми своими умениями, а вот мудрости и доброты своей передать не смог. И получился из мальчика черный маг, задумавший уничтожить целый город со всеми жителями, включая убеленных сединами праведников и безгрешных младенцев. Правда, всякого дерьма человеческого в этом городке тоже хватало... Но Дзигоро решил, что капля добра стоит всей реки его жизни.

Впрочем, Дзигоро ни разу не пожалел о своем поступке — Берг знал это доподлинно. Маленький китаец не поленился явиться к нему в виде призрака... но это была уже совсем отдельная история. Нынешний черный человек хоть и напомнил Йонарду друга, но и напугал изрядно. Было в нем нечто странное... пожалуй, что и нечеловеческое. Тому, что Йонард ничего не слышал и не видел, пока не взял воина тьмы за плечо, германец не удивлялся. При нужде он и сам мог не только сохранять полную неподвижность, но и красться бесшумней кошки. Но, во имя всех богов, почему Йонард ничего не почуял?! Ноздри германца не уловили запаха пота, вина, лука, оружейного масла — ничего из того, чем мог пахнуть нормальный живой человек из плоти и крови. Черный демон не пах ни чем! И это навевало очень неприятные подозрения. Берг терпеть не мог магии, колдовства и прочих «игр разума», и настолько, что сейчас был готов плюнуть на обет и как следует напиться.

Вместо этого он крепко выругался, не забыв в числе прочих помянуть и китайских богов и демонов, рукавом стер со стола кресты и сделал попытку разбудить Ритула.

Глава пятая

Пахло сыростью, застарелым потом и еще чем-то — не таким определенным, но настораживающим. Запах был не то чтобы неприятным, но каким-то тревожащим... отчего-то он вызывал брезгливость. Человек с обостренным восприятием сказал бы, что пахнет дурной смертью. Именно так, смесью грязи и страха пахли постоянные посетители этой таверны, апатичные люди, часами терпеливо ждущие, когда, наконец, дрогнет полосатая занавеска и выйдет опрятный красивый грек по имени Каллистос, и начнет раздавать страждущим сладкие сны наяву, блаженное забвение боли, легкое и приятное путешествие в страну вечного лета... Да благословят боги Каллистоса, друга всех несчастных и обездоленных, а также пусть благословят они всех, кто выращивает мак, срезает коробочки и специальными кривыми ножами собирает волшебный сок, из которого потом делают еще более ценный опий. Жаль только, что в страну вечного лета нельзя уйти сразу и навсегда. «Золотая» чаша, мечта присутствующих, когда уже не нужно будет мерзнуть на улице, думать о куске хлеба, опасаться «охотника», того, кто зарабатывает на жизнь, возвращая беглых рабов обратно в домашний тартар. «Золотая» чаша — вожаемое освобождение от тяжелой ноши жизни...

В ожидании блаженного мига здесь прозябали люди, которых мог нанять каждый желающий. Иногда он выбирал сам, иногда Каллистос указывал на самого, на его взгляд, надежного. Временный хозяин входил в узкие двери, не глядя по сторонам, отдергивал занавеску и кидал пару слов и не слишком увесистый кошелек прекраснолицему греку. Тот молниеносно прятал деньги, легкой тенью проскальзывал между ожидающими и, остановившись на миг около одного из них, клал сухую руку на его плечо. Это означало, что счастливца наняли и проблем с оплатой очередной чаши забвения у него не будет.

Наняли для чего? Чаще всего для того, чтобы затянуть шнурок на чьей-нибудь шее. Платой за «работу», которую, по совести, и работой-то назвать было нельзя, так, легкой прогулкой в опротивевшую реальность, была либо доза сладких грез, которую с аккуратностью лекаря отмеривал Каллистос, либо острый нож под левую лопатку. И то и другое было равно вероятно и равно желанно. Жизнь в ожидании «золотой» чаши все равно не грела.

Сейчас, глубокой ночью, клиенты Каллистоса спали где-нибудь в порту под перевернутыми лодками или кучковались в заброшенном эргастерии. Полосатая занавеска не

дрожала. И негромкие голоса, доносившиеся из-за нее, никто не мог услышать.

— Женщина пропала. — Голос был тихим, свистящим, определенно нетерпеливым. Говоривший мужчина чувствовал себя неуверенно в этой весьма специфической обстановке.

— Но мужчина у вас. — Второй голос, напротив, был спокоен, мелодичен и вкрадчив.

— Но женщина пропала!

— Мужчина важнее. Что есть женщина, как не продолжение мужчины, отца или супруга? Уничтожив мужчину, вы уничтожите и его продолжение, разве я не прав?

— За этим... «продолжением» одиннадцать домов, которые поднимутся против меня, едва с головы Дания упадет хоть волосок.

— А если случится так, что мужчина умрет сам? — произнес мелодичный голос.

— Он молод и здоров, — буркнул первый, — пока смерть явится за ним, он всех нас проводит в ледяной ад.

— Смерть можно и поторопить...

После некоторой паузы первый голос произнес:

— Яд? Но... как?

— Пусть это вас не беспокоит, — мягко ответил второй. — Похоже, мы понимаем друг друга. Если мы достигнем определенного соглашения, смерть посетит мужчину, будет к нему добра, и никто не усомнится в том, что она пришла сама.

— Сколько?

— Не больше, чем вы можете дать, — заверил голос с доброжелательной интонацией, — вам даже не понадобится развязывать кошелек. Один росчерк стила... Или даже просто одно ваше слово. Слово советника. Корабли и караваны Братства не должны облагаться налогом. Товар маленький, всего один тючок... Что такое один тючок?

— Но он стоит больше чистокровной лошади.

— Вас обманули, — без гнева, с улыбкой в голосе произнес первый. — У вас на севере — да. Может быть. Но здесь, на благодатном юге, где при надлежащем поливе одно поле дает по два урожая в год — здесь сладкие сны дешевы. Я предлагаю вам выгодный обмен.

— Удавить Дания я могу и сам, — буркнул первый голос, — и оставить всю прибыль за ваши маленькие тючки. Если уж слово советника, по-вашему, так весомо, я объявлю городу, что правитель умер от простуды, и кто посмеет усомниться?

— Никто, господин советник, — согласился его собеседник, — ни одна душа. Если смерть правителя от простуды не будет вызывать сомнений.

— Что ты хочешь сказать, двуличный торговец?

— Разве я высказался недостаточно ясно?

На этот раз голоса затихли надолго. Молчание повисло такое полное, что стало слышно, как в дальней кладовой скребется осторожная мышь. Зверек вылез наружу, намереваясь добыть себе кое-какое пропитание на сегодняшний день. Но сделал это в неудачный час. Мягкий прыжок, короткий писк и сытое урчание — кошки грека знали службу не хуже двуногих членов Братства.

Через мгновение в комнатку, где беседовали Каллистос и новый советник правителя, Тень Орла, тайно покинувший дворец, важно вошел рыжий полосатый кот с тугими мышцами и ярко-желтыми глазами. Тельце невезучей мыши еще дергалось в его пасти. Он бросил добычу у порога и сел рядом.

— Кастор у меня молодец, — улыбнулся грек, — быстро и чисто! И никаких вопросов. А представьте, что было бы, если б я сам... или, скажем, вы, советник, взяли ловить эту невезучую мышь? Мне кажется, вопросы бы были... — усмешка грека не была ехидной... скорее, она была грустной.

— Даний — не мышь, — угрюмо проговорил Тень Орла.

— Господин советник сомневается? Ему угодно проверить Братство?

— Проверить?

— Это обычная процедура. Перед заключением действительно серьезного и дорогого соглашения, — пояснил Каллистос, длинными тонкими пальцами почесывая кота за

ушами. — Возможно, у господина советника найдется мишень попроще? Братство готово доказать свою... состоятельность. И сделает это совершенно бескорыстно. М-м?

— М-м, — согласился Тень, — возможно, и впрямь найдется.

— И... кто же? — мягко, приглашающее улыбнулся Каллистос. Улыбка у него была в своем роде изумительная: открытая, располагающая и в то же время чем-то неуловимо омерзительная. Через мгновение Тень сообразил, в чем дело. Грек улыбался не только губами, всем лицом. Даже уши улыбались. А глаза — нет. Глаза оставались серьезными, жесткими и совершенно непроницаемыми, словно два мокрых черных камня.

— Повар, — ответил Тень.

Каллистос поднял брови в веселом изумлении:

— Плохо готовит?

— Не то слово, — в тон ему ответил владыка Акры.

* * *

Три старых кипариса в свете полной луны отбрасывали легкие тени.

У городской стены остановилась маленькая группа: двое мужчин, один сильно горбат, другой — без особых примет и серый, слегка лопоухий, упитанный ослик. В полной тишине, не говоря ни слова, мужчины перемахнули стену, по очереди используя для этого спину спокойного копытного, один из них тихо мелодично свистнул, и ослик тотчас распластался по земле под стеной, совершенно слившись с тенью от кипариса.

Мужчины, так дерзко нарушившие границы полиса, преодолев стену, оказались в городском саду, вплотную прилегавшему к личному саду Франгиз. Правда, в этот сад такой легкой тропы не было. Он вплотную примыкал к дворцу правителя, так что стена вокруг него была, пожалуй, посерьезнее городской. И повыше, и острыми шипами опоясана, и охранялась бессонной стражей. И то сказать — второе кольцо обороны.

Этим двоим слова были, похоже, вообще без надобности. Горбун откинул плащ и оказался строен, как молодой кипарис. А то, что казалось уродливым горбом, тихонько попискивая, устроилось у него на руках. Неторопливо, но все равно очень быстро он вытянул из-под одежды небольшой кожаный кошелек, зачем-то снабженный кучей веревочек. Второй протянул руки и принял у первого небольшую мартышку. Она сидела очень спокойно, убежать не пыталась, даже когда первый начал ловко прилаживать кошелек с веревочками ей на спину. Видно было, процедура мартышке знакома и никаких неприятностей от нее она не ждет.

— Тира, Тира, — мнимый горбун пальцем легонько почесал мартышку за ушком, и та довольно цокнула.

— Похоже, эта животинка у тебя посообразительнее прежней, — в четверть голоса заметил рыжий Танкар.

— Тира — хорошая девочка, — согласился его спутник, — послушная и надежная.

Мартышка опять цокнула. На этот раз, по-видимому, согласно. Хозяин ласково потрепал ее ладошкой и дал кусок засахаренного апельсина. Она немедленно сунула лакомство за щеку и довольно сощурилась. Маленькая лапка, так похожая на ручку ребенка, потянулась к хозяину.

Тот легонько стукнул пальцем по протянутой ладошке.

— Хватит, Тира. Остальное — потом. Сейчас — работа. Ну, беги, девочка моя!!!

Он легонько подбросил ее вверх, и мартышка с привязанным за спиной кошельком исчезла в ветвях деревьев, вплотную примыкавших к неприступной стене. Вторую линию обороны Тира прошла с легкостью неопишуемой, не задев острых шипов и не потревожив ни единого стражника. Похоже, маленькая помощница «горбуна» просто не заметила, что пересекла границу и теперь пробирается по особо охраняемой территории. Светло коричневое пятно вскоре исчезло из виду. А те двое, что толкнули невинное животное на противозаконное дело, так же осторожно и молчаливо отошли назад, к городской стене. На

этот раз Танкар встал на спину фальшивого горбуна, вскарабкался наверх и подал ему руку. Через долю мгновения тонкий тихий свист собрал всю компанию, включая копытных.

Убраться от стен Акры как можно дальше было совершенно необходимо, чтобы не думать о маленькой Тире и ее великой миссии в деле освобождения полиса. Сама она неосторожной мыслью выдать себя не могла, потому что думала только о дольке засахаренного апельсина, которую обещал ей хозяин за хорошую работу.

* * *

Тень Орла вернулся далеко за полночь, несколько взбудораженный. Он проник во дворец, как и в первый свой приход в Акру, через кухню. Что бы ни случилось, а случиться могло все что угодно, после сегодняшней ночи Тень это понял окончательно, ЭТОТ секрет должен был остаться секретом. Керболой умрет. Слишком легко он согласился предать Дания, слишком быстро отыскал помойников, слишком просто и спокойно пообещал хранить молчание о сегодняшней прогулке Тени и о спокойной ночи, подаренной Керболоем начальнику стражи... Слишком просто. Впрочем, это уже не его головная боль. Каллистос, при всех своих змеиных повадках и обидном эллинском высокомерии, вызывал полное доверие. Он был слишком умен, чтобы размениваться на мелкое мошенничество. Скорее всего, он и впрямь мог устроить то, что обещал. Смерть, не вызывающую вопросов...

Неужели и впрямь?! Этот человек, который унижил его, надсмехался над ним, испугал его... Да, свергнутый правитель умудрился изрядно напугать победителя. Но скоро он будет мертв. И истинный наследник Кинра наконец-то перестанет быть тенью.

Тень Орла поймал себя на том, что поглаживает большой зеленый изумруд изумительной, хотя и слегка неправильной огранки. Когда он достал его из кошелька?

Похоже, он становился таким же, как клиенты Каллистоса, любители «сладких грез». Нет, в зависимость он не впал... Конечно не впал! Он просто... высоко ценил советы трех дочерей Посейдона. Они и впрямь были мудры. Как здесь говорят? Совет мудреца — что теплый дождь над засеянным полем, он обещает всходы добрые... Добрые...

Почти с ужасом Тень Орла следил за своей рукой, которая ласкала камень как женщину. Она делала это сама, без команды разума. Пальцы сложились в щепоть, чтобы повернуть камень... Увидеть золотые волосы огненной девы, что обещала власть.

Но ее совет стоил... Она назвала вполне определенную цену. Все их советы имели цену. И он еще не расплатился по счету. Сначала — кровь предателя. Потом — яркие глаза рыжего демона.

Тень словно опомнился и крепко сжал изумруд в кулаке.

Темнота спальни впервые не успокаивала его, казалась не другом, а врагом. В этой темноте нельзя было спрятаться.

Тень лег спать, не затушив горевшую в изголовье лампу. Только, чтобы спастись от чада, немного приоткрыл окно. Кольцо с огромным изумрудом неправильной, но изумительной огранки осталось лежать на низком столике из тяжелого темного дерева.

* * *

Утро, против обыкновения, выдалось свежим. Пожалуй, даже прохладным. Во всяком случае, шерстяной плащ, который Керболой набросил, покидая свои владения, совсем не казался лишним.

Тучный раб издали, да, верно, и вблизи, мог запросто сойти за важного господина. Да он и был важным господином, намного больше, чем те, кто кичится своим происхождением чуть не от самого Геракла, а щеголяет в хламиде, которую, похоже, сам Геракл некогда и нашивал, да бросил из-за ветхости... лет эдак тысячу назад. Нет, Керболой был облачен в греческий хитон из тонкой шерсти, ноги обувал в сандалии работы мастера Антония, который, если кто не знает, снимал мерку с точеных ножек Франгиз. А теплый плащ его,

расшитый золотой нитью, был предметом особой гордости повара, жаль, погордиться случалось нечасто. Но сегодня погода позволила и Керболой надел свой плащ.

На рынок повар ходить любил всегда. Хотя положение его позволяло всю гонять младших рабов, да он и гонял... Но были особенные дни. Когда, Керболой знал это, у палатки с пряностями он обязательно должен был встретить друга. Ну, может быть, не друга, а хорошего знакомого. Человека, который так же, как и повар, был увлечен волшебным миром пряностей и мог по достоинству оценить их тонкие, порой неожиданные, изысканные сочетания. Они и познакомились тут же, у этой палатки.

В тот день повар занимался тем, что считал своими прямыми обязанностями: отбирал пряности к ужину правителя. Ну и к своему собственному заодно. Науку эту он перенял от своего отца, а тот от своего... ну и так далее, если не до Геракла, то до того, кто поддерживал божественный огонь на Олимпе до тех пор, пока до него не добрался Прометей. А как вы думаете, зачем еще нужен был огонь олимпийцам?

Пряность — важнейший элемент блюда. Если кто думает, что достаточно просто взять хороший кусок мяса и натереть его перцем и лимонным соком... ну пусть это и ест. Ничего лучшего он, с таким вкусом, не заслужил. А настоящий мастер знает, что далеко не всякая травка уместна к мясу. Например, к телятине совершенно не подходит анис. Зато базилик, правильно примешанный, придаст ей вкус упоительный, но лишь в том случае, если будет основным компонентом. Если же нужно приготовить нечто сложное, для трапезы с гостями, то базилик лучше оставить в кладовке, а взять лист лавра, которым издавна чествовали чемпионов, да к нему немного петрушки свежей, щепоть перца черного, жгучего, индийского, побольше лимона, поменьше белого золота — соли, а муската не класть совсем... Хотя в одиночестве мускат с телятиной очень даже дружат...

Размышляя таким образом, Керболой шествовал вдоль рыночных рядов, выглядывая нужный ему товар, когда темные, немного навываке глаза его заметили господина... Это был именно господин, а не приближенный раб, на это глаз у повара был наметан. От ученых людей он слышал, что у каждого человека есть свой двойник, рожденный в тот же час и под теми же звездами... но мало ли что люди болтают. Оказалось, болтали очень даже по делу. У прилавка со свежей зеленью стоял и о чем-то горячо спорил с торговцем... второй Керболой. Тот же рост, та же благородная тучность, наверное, тоже, идя в гору, мается одышкой, свойственной лишь знатным особам... Те же темно-русые с легкой рыжиной волосы. А самое занятное, спорил он о том, годится ли к молодому карпу такой же молодой зеленый укроп. Торговец считал, что вполне годится. А покупатель настаивал на фенхеле или, на крайний случай, тимьяне.

По мнению Керболоя, спорить тут было не о чем. Годилось и то, и другое, и третье, а также хрен, сладкий перец, петрушка, мята и еще куча других вещей, главное, чтобы по отдельности. Вместе хрен со сладким перцем устроили бы греко-персидские войны, в которых бы несчастный карп погиб, а жертвой стал желудок незнакомца, столь схожего с поваром лицом и фигурой.

Впрочем, анфас это сходство оказалось не так заметно. Во всяком случае, любитель рыбы его не заметил. Но к совету повара отнесся с вниманием, свойственным всякому образованному человеку, и даже приказал слуге записать рецепт. Слуга, владеющий грамотой, сразил Керболоя наповал.

Они встречались еще несколько раз, и всегда на базаре, возле рядов с пряностями. Оба знали в этом деле толк, оба любили вкусно поесть и понимали, что курица и утка суть разные вещи и сыпать в них одни и те же порошки — значит погубить блюдо.

Знакомец Керболоя беседовал с ним как с равным, и это льстило повару чрезвычайно. Тем более что он-то отлично знал, что за птица его приятель.

Повар торопился. Его грузное тело было не очень приспособлено для быстрого передвижения, легкая одышка настигла Керболоя едва он миновал второй квартал и нахально напросилась в компанию, но повар останавливаться не стал.

И, разумеется, ему и в голову не пришло проверять, не идет ли кто за ним следом.

У палетки торговца пряностями было пусто.

Но не успел Керболой как следует огорчиться и в расстроенных чувствах купить сладкий перец вместо горького, как фортуна повернулась к нему лицом.

— Доброе утро, уважаемый!

Керболой повернулся со всей возможной поспешностью. Судья, тесть правителя, владетель огромных земель с улыбкой показывал ему аппетитный кусок парной телятины.

— Ну что, друг? Задача, достойная двух просвещенных мужей? Что скажете?

Керболой умело взялся за мясной шмат, осмотрел его, потрогал, понюхал и даже лизнул под поощрительным взглядом судьи.

— Ваш вердикт?

— Сегодня утром бегал. Ничего кроме молока еще не пробовал...

— И?

— Базилик... Огуречная трава... Кервель?.. Нет, ни в коем случае. Эстрагон, разумеется. И никакого тмина. Ни капли!

— Вашу последнюю рекомендацию исполнить легко, — сказал судья, — тмина в лавке нет. Впрочем, эстрагона тоже. И кервеля.

— М-м? А что же есть?

— Укроп. И, кажется, лавровый лист. Не совсем то, что требуется к молочному теленку, не правда ли?

Судья улыбался, но как-то через силу.

— Болен? — испугался повар.

— Замерз. Сегодня довольно прохладно, не находите?

Проклинаая себя за недогадливость, Керболой торопливо отстегнул фибулу, удерживающую на плечах его чудесный плащ, и с поклоном протянул судье, тестю, владетелю, который уже полгода разговаривал с ним как равный.

— Не откажите в милости, господин...

Этот «господин» вырвался у повара как-то помимо сознания. Судья с благожелательной улыбкой уже протянул было руку, но вдруг переменялся в лице. Взгляд его серых, умных и приветливых глаз вцепился в ошейник раба... обычно чем-нибудь прикрытый.

Керболой понял, что случилось самое страшное.

— Не откажите... в милости... господин, — повторил он, по-собачьи глядя на судью.

Свободный человек взял поданное словно из воздуха, закутал плечи и шагнул вперед, даже жестом не попросив повара посторониться. Тот отскочил сам. Дружба закончилась.

Судья даже не спросил, куда следует вернуть драгоценный плащ. Повар понял, что смертельно оскорбленный им недавний приятель бросит красивую и ценную вещь прямо у ворот, не внося в дом... но не посмел пойти следом.

Он почувствовал что плачет. А потом, никого не стесняясь, заревел в голос, мешая плач с изысканными и цветистыми ругательствами своей родины.

Если бы Керболой знал, что этот, первый в его жизни, добрый поступок сегодня утром спас его шкуру... Наверное, он огорчился бы гораздо меньше.

Человек, тенью скользивший за ним от самого дворца и не решившийся зайти в палатку с пряностями, издали засек приметный плащ и пошел за ним как привязанный.

Воистину дороги судьбы сплетают боги...

* * *

Йонард не вздрогнул.

Давным-давно отвык он вздрагивать, сам уже забыл, когда и по какому поводу. Но тут рука сама собой цапнула рукоять широкого ножа за поясом из воловьей шкуры. Пустить его в ход он, слава богам, не успел. За миг до непоправимого он осознал, что рука, так неожиданно опустившаяся на его массивное предплечье, тонкая и необыкновенно легка.

— Господин!

Голос был высоким и звонким.

Воин обернулся.

Молодая женщина не доставала Бергу даже до плеча. Он сразу понял, что это женщина. Хотя незнакомка сделала все, чтобы на улицах Акры ее принимали за мальчика. Серая рубаха из некрашеного холста, такие же штаны, талия перехвачена веревкой. На плечах — безрукавка, достаточно просторная, чтобы скрыть то, что обычно сразу отличает женщину от мужчины. Волосы спрятаны под шапочкой из овечьей шерсти. Но у мальчишек не бывает, просто не может быть таких аккуратных рук с тонкими, длинными пальцами и розовой нежной кожей, отродясь не водивших знакомства с веслом, сетью, уздечкой и плотницким инструментом. Девушки в небогатых семьях тоже были работницами: пряли, ткали, чинили, чистили песком горшки, носили воду. Поэтому...

— Госпожа, — мягко и очень почтительно ответил Берг и смолк, выжидая.

Светлые брови незнакомки изумленно взлетели вверх, почти скрывшись под грубой шапкой. Глаза ее были серыми, большими от удивления, но страха в них не было. Скорее — восхищение. А мягкие, чуть припухлые губы скривила досада.

— Как ты догадался?

— Ты слишком хороша для мальчишки и недостаточно робкая для девочки. Кроме того, прости мне откровенность, но свою пятнадцатую весну ты справила давно, — усмехнулся Йонард. — Что у тебя случилось, госпожа?

— Кто дал тебе эту безрукавку? — выпалила она вместо ответа. — Или ты взял ее сам?

— Так... — Йонард еще раз внимательно посмотрел на женщину. Под его пристальным взглядом она почувствовала себя неуютно. Но не смутилась, наоборот, воинственно вздернула подбородок. — Значит, ты и есть тот надежный союзник, которого обещал мне мой брат Рифат. Почему-то я совсем не удивлен.

* * *

Она оказалась на диво легконога. Йонард, тренированный легионер, бывало шагавший без усталости с утренней зари до вечерней, едва поспевал за мелькавшей впереди смешной овечьей шапкой, все дальше углубляясь в лабиринты верхней Акры. Берг подумал, что, случись ему потерять свою проворную проводницу, придется поломать голову, ища выход. Верхней Акры Йонард не знал совсем, да и не стремился узнать. Эта часть города никогда не манила его. Здесь, за высокими ограждениями с узкими, окованными железом воротами и спрятанными вглубь домами из настоящего тесаного камня, жила высшая знать. Присматриваться к одному из этих, похожих на резные шкатулки, домиков Йонард мог лишь с целью облегчить владельцу бремя налогов, облегчив сундуки. А если не грабить, то делать тут было абсолютно нечего.

Шлем городского стражника защищал его не хуже плаща-невидимки. На охрану, водносов и кухонных рабов, снующих на рынок и обратно, как правило, никто не обращал внимания, так что Берг мог крутить головой сколько угодно.

Женщина, переодетая мальчиком, неожиданно свернула. Йонард ускорил шаг, узкий, похожий на щель проулок, сжатый высокими заборами, открылся ему, и он вошел. И в растерянности остановился. Ее не было.

Негромкий голос позвал Йонарда:

— Господин!

Германец покрутил головой. Повсюду были только стены, местами, как одеялом, укутанные густым плющом. Йонард пригляделся внимательнее и увидел калитку. Про себя он выразил «императорское восхищение» неведомому зодчему. Если бы дверца не была приоткрыта, он бы никогда ее не заметил, так плотно она была притесана к ограде, да и тень от дома лежала хитро.

Он согнулся чуть ли не пополам, чтобы пройти на заповедную территорию, куда его,

кажется, пригласили. Или заманили?

Калитка вела во внутренний дворик, вплотную примыкавший к большому дому... или маленькому дворцу, как посмотреть, кто к чему привык. Йонард по своим меркам мог бы назвать его даже большим дворцом.

Несмотря на весь заносчивый шик, здесь было почти уютно. На чисто выметенных и плотно пригнанных друг к другу плитках лежала тень от двух больших кипарисов, а посреди дворика, ближе к стене, бил маленький фонтан: девушка, склонившаяся над низким бассейном, с никогда не пустеющим кувшином. Умиротворяющее журчание воды, видимо, и создавало этот уют.

Женщина была тут. Она сняла порядком уродующую ее шапку и осталась с непокрытой головой. Пшеничные волосы для удобства были убраны в косы. Скифская прическа не шла ей, слишком массивная для узких плеч, тонкой шеи и мелких, но чем-то невыразимо пленительных черт почти треугольного лица. Серые глаза взглянули на Йонарда в упор.

Он был... почти смущен. Женщина показалась ему одновременно и моложе и старше, чем он подумал вначале. Пожалуй, не слишком красива... Или нет, тут дело не во внешности. Просто чересчур остро в ней чувствовалась кровь, которая была древнее здешних камней и чище хрустальной воды в фонтане. Патрицианка. Настоящая, без подмеса. Из тех, кто умрет, но не позволит недостойному наступить на свою тень. Йонард видел таких. Но всегда — издалека. Он опустился на одно колено и склонил голову.

— Ты узнал меня.

Она не спрашивала, а утверждала.

Но Йонард посчитал необходимым уточнить:

— Ты — госпожа Франгиз, которую все ищут.

Берг сказал это с глубоким удовлетворением. Один фрагмент головоломки, заданной старым приятелем, встал на место.

— Кто это — «все»?

Она сделала Йонарду знак подняться. На каменную скамью в тени деревьев, рядом с фонтаном, Франгиз так и не присела, и поэтому Йонарду тоже пришлось стоять, глядя на нее сверху вниз.

— Жена свергнутого правителя... Кому я могла понадобиться?

— А как ты думаешь? — мягко спросил Йонард.

Серые глаза потемнели. Задумалась? Сердится? По лицу никогда не поймешь. Патрициев с младенчества учат владеть собой. Йонард вел разговор, словно ступал по топкому болоту, выверяя каждый шаг. Она была отчаянной, эта женщина-царевна. И она была в отчаянии: об этом говорили и глаза, обведенные темными кругами бессонницы, и розовая нижняя губа, заметно припухшая, словно ее кусали в волнении, а больше всего — ее безумная выходка.

Йонард понятия не имел, чей это дом и чей садик, но Франгиз чувствовала себя здесь хозяйкой... так что, поразмыслив, он не стал исключать вариант, при котором он мог бы остаться в этом садике навсегда. С перерезанным горлом.

— Мой единственный друг в тюрьме. Значит, меня ищет враг, — уверенно предположила она. — Это человек, который называет себя советником, Тенью Орла и наследником Кинра. Так?

— Так.

— Пока он не слишком преуспел.

— Но еще может поправить положение.

Франгиз поморщилась:

— Ты прав. Мне тоже нечем гордиться. Но я совсем одна! Так легче спрятаться и выжить... но невозможно победить.

— Мне кажется, — очень осторожно произнес Йонард, внимательно глядя в серые глаза женщины, — ты немного лукавишь. У тебя есть еще один друг. Тот, кто дал мне эту безрукавку...

Она вздрогнула. Уверенность женщины как будто дала трещину.

— Он был моим другом. С самого детства. Мы выросли вместе. Когда отец посватал меня за него, я была вполне довольна. С другого берега Понта мне привезли старинную книгу. В ней не было ни слова, ни единой буквы, ни на одном языке мира. Но зато там были рисунки. Дивные рисунки, способные свести с ума своей невозможной, нездешней красотой. Звери, которых я никогда не видела. Наверное, только там, откуда привезли эту книгу, водятся львы с крыльями? Ты ведь был там, воин?

— И там... И во многих других местах. Но львов с крыльями я не видел. Возможно, мы с ними не столкнулись, — дипломатично ответил Йонард.

— Я вышила ему безрукавку. А за месяц до свадьбы вернулся из Персии его брат... Даний.

Франгиз выдержала свою роль до конца. Не отвела глаза и не сбилась с тона. Только пальцы сжали ткань ее грубого одеяния, оставляя заметный след.

— Зачем ты искала со мной встречи, госпожа? — мягко спросил Йонард.

— Затем, что я не хочу всю жизнь прятаться по углам в своем собственном городе. Я хочу, чтобы мой муж вернул себе трон, чтобы в Акру снова приходили корабли купцов, чтобы на парадную лестницу дворца складывали образцы тканей и ковров, а не оружие. Я хочу, чтобы все стало как раньше!

— Это понятно, — кивнул Йонард, — а от меня-то ты чего хочешь? Почему ты подошла ко мне?

— Разве непонятно? — удивилась Франгиз. — Ты — тот, кто называет Рифата братом, ты носишь его знак, значит, он отправил тебя ко мне... И тебе удалось подойти к коварной тени близко... так близко, как никому из нас.

— И что?

— Убей его. Убей Тень Орла. Ты это можешь, воин!

На улыбку она бы, пожалуй, обиделась. Да и нечему тут было улыбаться, если честно.

— Тебе не нужен воин. Тебе нужен самоубийца. — Йонард не удержался и все-таки фыркнул.

— Ну правильно. Поэтому я и подошла к тебе. — Франгиз тоже фыркнула. Получилось так похоже, что Йонард невольно улыбнулся. — Ты ведь понял, кто я такая. И все равно пошел за мной. Значит, уже сунул голову в петлю.

— А сейчас ты пытаешься эту петлю затянуть? У тебя интересный способ выбора друзей.

— Мне не из чего выбирать, беру что есть, — Франгиз пожала плечами, — у правителей не бывает друзей, это плата за власть. Ты говорил со мной, значит, уже виновен в измене Тени.

— А свидетели?

— Найдутся. За донос Тень платит двадцать серебряных монет. От меня они получают еще десять. Больше у меня, к сожалению, нет. Сейчас. Но если Даний вернет трон, у меня будут все подвалы дворца, чтобы наградить друга... и все войско Акры, чтобы наказать врага. Так что подумай, северный воин...

— А если я сейчас свяжу тебя, красавица, и отнесу Тени в подарок ко дню Урожая?

— И как ты выйдешь отсюда с такой ношей, воин?

— Через дверь, — Берг указал подбородком на узкую калитку, через которую вошел.

— Она заперта. И откроется лишь по моему слову.

— Значит, ты скажешь это слово.

Внезапно Йонард шагнул к женщине. Она качнулась назад, но легионер был быстрее. Огромная ладонь легла на тонкую шею и обхватила ее пальцами, грозя свернуть, а широкий кинжал оказался у самого горла.

— Не нужно меня пугать, госпожа. Когда я по-настоящему испуган, я становлюсь по-настоящему опасным, — проговорил он и, качнув кинжалом, медленно, подчеркнуто медленно убрал его от горла Франгиз. Но руки с ее шеи не снял.

Она стояла тихо, как птичка, накрытая ладонью охотника. Йонард подумал, что малость переборщил и слегка ослабил хватку. Германец опасался, что она воспользуется моментом и закричит, переполошив весь верхний город... но Франгиз молчала. Только дышала часто и неглубоко. При каждом вздохе под бесформенной хламидой обрисовывалась грудь — небольшая, но, похоже, высокая... Йонард с усилием поднял глаза... и подумал, что, пожалуй, еще никогда его большая ладонь, похожая на плохо струганное весло, не касалась такой длинной шеи с тонкой, словно прозрачной кожей. Светлые волосы щекотали запястье. Йонард не замечал, что давно уже жадно ловит ноздрями горько-сладкий запах этих волос, а рука уже не сжимает шею женщины, а осторожно, почти робко ласкает. Франгиз стояла не шевелясь. И вдруг легкая рука медленно, словно во сне, поднялась и легла на плечо наемника. Женщина повернулась. Йонард заворожено смотрел в ее запрокинутое лицо. Глаза Франгиз совсем спрятали пушистые ресницы. Они слегка подрагивали, и это было еще невероятнее, чем ее дыхание. Теплые, близкие губы приоткрылись.

Не веря происходящему ни на полнотога (да быть этого не могло!), Йонард опустил руку на талию женщины. Она вздрогнула. И длинным, медленным, невыразимо сладким движением подалась к нему.

Вот так оно, оказывается, и бывает!

Не то чтобы раньше бывшего гражданина великого Рима никто не пытался соблазнить. Не то чтобы раньше никогда ему не хотелось поддаться соблазну. Не то чтобы никогда раньше ценой за любовь не была его голова. Женщины, они довольно часто думают, что оно того стоит... и часто оказываются правы.

Но тут было что-то еще. Чего с ним не случилось прежде. Не удивительно, что он не смог дать этому название.

Чтобы справиться с накатившей так некстати волной возбуждения, ему понадобилось время. Сердце глухо колотилось о ребра, кровь шумела так, что звуки этого мира отодвинулись, даже веселый фонтан притих. Сожаление о невозможном было едва ли не острее, чем желание. Но Берг уже справился и с тем и с другим. И даже с тем, чему он не смог дать названия. И все же, прежде чем отстраниться, он притянул к себе женщину и поцеловал в приоткрытые губы.

В конце концов, она же так старалась!

От северного варвара Франгиз ждала любой грубости, даже насилия... И оказалась совершенно не готова к тому, что жесткие губы и огромные руки-лапы утопят ее в океане нежности! В этом долгом поцелуе не было страсти, он не предполагал продолжения... так целуют, прощаясь даже не надолго, а навсегда.

Когда Берг, наконец, отпустил ее, Франгиз не стояла на ногах, и ему пришлось помочь ей присесть на каменную, прогретую солнцем скамью. Сам он опустился на одно колено и почтительно взял в свои руки ее узкие ладони.

— Заигралась? — спросил он с кошмарной пронизательностью.

Франгиз кивнула. Между ними возникла удивительная близость, когда ничего не страшно и не стыдно.

— Не переживай. Мне тоже пришлось несладко, — Йонард криво улыбнулся.

Франгиз нервно ответила тем же. И вдруг звонко, заразительно засмеялась. Она смеялась долго, запрокинув голову и разметав по плечам легкие пушистые волосы. Йонард вторил ей.

Смех принес им обоим облегчение. И когда они, наконец, успокоились и смогли снова посмотреть в глаза друг другу, оба почувствовали, что мир изменился для них двоих. Изменился необратимо и навсегда.

Между мужчиной и женщиной возникло доверие.

* * *

Внезапно тишину и уют маленького дворика буквально вспорол короткий истощенный

крик. Франгиз вздрогнула, вывернулась из объятий северянина и метнулась к дому. Помянув Таната и все грязное воинство его, Йонард последовал за ней, без заполошной спешки, но очень быстро. Крик был... нехороший. Так не кричат, когда в кладовку заберется мышь... скорее — змея. Большая ядовитая змея. Которая уже успела кого-то укусить. Пересекая короткий светлый коридор, Йонард был почти уверен, что наткнется на свеженького покойника.

И, разумеется, не ошибся.

Он миновал двери, ведущие в комнаты слуг, большую широкую лестницу на второй этаж, светлую анфиладу и вылетел, гремя сапогами, на парадное крыльцо, выходящее на соседнюю улицу.

На чисто выметенном, нагретом солнцем узорном ковре из цветных каменных плит лежал плотный немолодой уже мужчина. Он был лыс, но подбородок заканчивался острой бородкой клинышком. Где-то Берг видел и эту лысину, и этот клинышек. Но память ленилась подсказывать... Серые глаза мужчины, не мигая, смотрели в потолок, и солнечный свет не заставлял их жмуриться...

Йонард склонился над мужчиной и положил пальцы ему на горло. Кожа была еще теплой, но пальцы не ощутили того ритма, который сопутствует нам от первого вдоха до последнего. Сердце молчало.

Впрочем, ничего удивительного. Когда Берг приподнял тело, то увидел, что ровнехонько под левой лопаткой торчит плоская рукоять ножа.

Служанка, обнаружившая тело хозяина и переполошившая весь дом, оказалась особой средних лет, с огромными, но ухоженными руками и копной роскошных темных волос. Йонард отметил эти детали, потому что именно своими замечательными руками и именно сейчас она драла свои замечательные волосы. При этом служанка раскачивалась из стороны в сторону, как кобра перед прыжком, и смотрела так же стеклянно... И еще выла. Все остальное можно было легко пережить, но этот вой был явно лишним.

Франгиз уже была здесь, совсем рядом, но Йонард поначалу даже не заметил ее, настолько тихо и неощутимо было присутствие женщины. Она стояла на коленях, прямо на камнях, у тела, и молча, медленными, осторожными движениями гладила свисавшую руку мертвеца. Только тихо, спокойно гладила.

И тут все встало на место. Йонард понял, почему лицо покойника показалось ему знакомым. Он плохо знал Верхнюю Акру, но такую фигуру, как судья, не знать было просто невозможно.

Стало быть, ее отец.

Йонард встал, шагнул к служанке, отвесил ей две крепкие пощечины и с удовлетворением убедился, что к женщине возвращается разум.

— Позаботься о госпоже, — бросил он и ринулся вниз по улице. Кого ловить, он примерно знал. Такое нечто, что не оставляет следов, не имеет человеческого запаха, не издает звуков и при этом дерется за троих.

* * *

Во дворец правителя германец вернулся уже под вечер. По дороге он перекусил, поэтому, миновав кухню, Берг направился в помещения, отведенные для стражи.

Никого он, разумеется, не поймал. Слабым утешением было то, что кроме него убийцу судьи искала целая орава стражников, и с тем же успехом.

Германец чувствовал кожей, что здесь что-то не так. Какая-то во всем этом была неправильность. Весь день он надеялся, что вот-вот ухватит мысль за хвост, но та уворачивалась, не давалась. Из-за этого он злился и вроде бы даже кому-то нагрубил... Или нет?

Очень хотелось спать, и Йонард вознес безмолвную молитву богам, чтобы хотя бы на эту ночь они избавили его от страшных тайн, пленительных красавиц и демонов,

растворяющихся в воздухе.

Но было еще одно дело — отравы, подмешенная в соус.

Ритул, хвала богам, был жив и здоров и вел себя совершенно обычно. Разве что был более вьедлив, чем всегда. Наружные караулы он проверил шесть раз, вместо трех, а внутренние вообще зашпынял, проверяя каждый час. Приглядевшись, Йонард постиг причину служебного рвения: Ритул был необычайно трезв для столь позднего часа и того гнусного настроения, в котором он пребывал все последнее время. Радоваться командиру наемников и впрямь было не с чего. В первый раз за все время кампании ему и его людям задержали жалованье. Он был опытным человеком, умел ловить ветер ноздрями и имел «третий глаз» на спине. Он знал — это очень плохой признак.

Тень прекратил выезды в город и заперся в своих покоях, допуская к себе только особо доверенных слуг. Утром в покои понесли запеченную с орехами и изюмом степную дрофу, и, спустя короткое время, слуга побежал назад с поджатыми губами и какой-то уж очень задумчивый. Вернулся он скоро, бежал рысью, прижимая к груди две амфоры, похоже, с вином. И лицо у него при этом было такое, словно паренек узрел богиню Венеру в том виде, как ее обычно ваяют скульпторы...

Непонятное поведение слуги выяснилось сразу после очередной проверки караулов.

— Послали слуг на базар за вином, — рассказывал Ритул, освобождая голову от тяжелого шлема и обтирая льняным полотенцем загорелую шею, — а те вернулись пустые. Напрочь пустые, представляешь? Нет, ты вообще когда-нибудь, где-нибудь, хоть в какой-нибудь забытой богом дыре видел ТАКОЕ?

Йонард, внимавший Ритулу, согласно покивал, нигде, мол, не видел... А про себя подивился: ну ладно сухие пути, караванные тропы перерезать легко, было бы желание, да — люди, да — оружие. Но как можно перегородить море?! Воистину, Танкар знал какое-то заклятье, из особо запретных.

— Я считал, что у Правителя свой поставщик, — сказал Берг, просто чтобы что-то сказать.

— Я тоже так считал. И Керболай так считал.

— И что?

— Мы ошиблись. Все трое. Сегодня утром поставщик не явился. Запасы в погребе почти закончились. А на базаре — ни капли, представляешь?

Не в силах смириться даже с мыслью о такой вселенской несообразности, Ритул по-женски всплеснул руками и брякнулся на каменную скамью.

— А как это восприняли парни?

— Как-как... Поединки я запретил. Под страхом разрывания лошадьми.

— Да-а, — протянул Йонард, — ситуация. Золота нет, вина нет, набить морду нельзя... Осталось вывести из города всех смазливых рабынь и утопить в море.

— И что? — на этот раз не понял Ритул.

— И будет нам счастье в добродетели.

Дверь в комнату приоткрылась, и в щель просунулась физиономия мальчишки, загоревшая в темное дерево — местного нищего, которого Ритул, повинувшись минутной блажи, взял во дворец и приблизил к себе. Пацан исполнял обязанности «слуги за все», если коротко, то перечень его должностных обязанностей звучал так: «принеси, подай, поди в Тартар, не мешай» — хлопотная должность и не слишком прибыльная, но выбирать ему, видимо, не приходилось. Впрочем, раздавленным тяжелой долей парень не выглядел. Он оскалил зубы, вроде как улыбнулся, и мотнул головой вниз и в сторону.

— Господин, привели Фасиха. Ух, и лицо у него! — мальчишка даже зажмурился.

— Какое лицо? — строго переспросил Ритул, пряча улыбку.

— Как будто он сел на рыбий скелет во время богослужения, — пояснил паренек, руками и пальцами изобразив всю бездну отчаяния несчастного полуперса.

— Пойдем, — позвал Ритул, — хоть какое-то развлечение...

Йонард с готовностью поднялся, а про себя подумал, что если сейчас произойдет как

раз то, о чем он подозревает, то развлечение и впрямь будет еще то, куда там Порнаю.

Прежний правитель Акры принимал своих гостей, и официальных, и частных, в так называемом «малом» зале. По старинному скфарнскому обычаю там стояли длинные столы и широкие и низкие скамьи вдоль них. Тронный зал, устроенный по примеру византийских дворцов, открывался редко, и прием там считался немилостью.

Но Ритул провел Йонарда именно туда.

На постаменте из трех невысоких ступеней стоял трон. Настоящий, без дураков. Массивное, богато украшенное кресло с подлокотниками в виде спящих львов было призвано внушать трепет. Властитель ни к кому не поворачивался спиной, и поэтому за тронном была предусмотрена узкая маленькая дверца. Берг сообразил, что отсюда и должен появиться правитель перед началом церемонии, и лишь затем откроются большие двери.

Он не ошибся.

Тому, кто скромно называл себя советником, но появился из «императорской двери» в тяжелых, затканых золотом одеждах, величия было не занимать. Когда он выплыл в зал, медленно и торжественно, глядя слегка поверх голов (лишь боги знают, как у него это получалось при его-то росте), Йонард даже слегка попятился, а Ритул сделал попытку спрятать голову в панцирь и прикинуться черепахой. Правда, глаза его смеялись, а правый даже подмигнул... Через несколько мгновений и Йонард понял, в чем дело. Тень величественно опустился в кресло — и вдруг растерянно моргнул. Воины, стоявшие в карауле, были слишком хорошо вымуштрованы, чтобы в тронном зале заржать, как в казарме, но уголки губ и щеки у них подозрительно дергались. Йонард и сам пару раз откашлялся. В горле запершило.

Тень, в своих почти негнувшихся одеждах, сидел на троне, а ноги в удобных кожаных сандалиях висели над полом на высоту целой ладони.

Советник ерзнул, но облачение немедленно встало колом и подперло его под горло. А двое слуг уже открывали парадные двери в зал.

Тень покраснел от гнева, сжав подлокотники. Йонарду показалось, что он близок к мысли сбежать. Да и пусть бы... Но эта мысль пришла потом. Как и все здравые мысли. А прежде Йонард шагнул к креслу и резко потянул подол облачения вниз. Тень хотел было вскочить, но скованное смущением и гневом лицо его вдруг разгладилось. Платье натянулось и скрыло непристойно висящие сандалии.

Отступая на свое место, Йонард поймал благодарный взгляд Ритула, избавленного от искушения.

Впрочем, тому, кого торжественно ввели под высокие своды большого зала, было не до смеха. «Ввели» — это было именно то слово. Йонард затруднился сразу определить, что именно делали с пожилым торговцем двое бойцов Ритула: сопровождали, чтобы он не заблудился, охраняли, чтоб не сбежал или поддерживали, чтоб ненароком не хлопнулся в обморок — вид он имел бледный и не на шутку испуганный.

Впрочем, маленькие светлые глаза под шторками тяжелых век не утратили цепкости. И немного странную позу советника на троне, и неуместное веселье охранников Фасих заметил.

Купец оправил складки накинутаго второпях шерстяного греческого плаща и поклонился. Не как один вельможа другому. Фасих поклонился Тени как царю. Понял, старый пройдоха.

— Приветствую тебя, господин... советник, — небольшая пауза прозвучала многозначительно.

— Приветствую и тебя, — Тень очень величественно замолчал и слегка повернул голову.

— Фасих, — шепотом подсказал Ритул.

Тень кивнул: помню, мол. Вот только совсем чуть-чуть забыл.

Торговец, любивший за чашей хорошего вина добродушно пошутить: «чтобы у тебя было столько золотых диргем, сколько царей мне должны», мгновенно, с молодым

проворством упал на колени, ткнулся в пол, вскочил, сделал пару шагов к трону, настолько быстрых, что Тень едва не отпрянул назад, когда полуперс снова грохнулся в поклоне.

— Я вижу, ты вхож ко дворам владык, — благосклонно заметил Тень, едва разжимая губы.

— Господин советник прав, — осторожно подтвердил Фасих, — и высокочтимый Даний меня часто принимал... только в другом зале... там, — он неопределенно махнул пухлой ладошкой, потихоньку отходя от первого испуга. Невооруженным глазом было видно, что у него «изо рта торчат вопросы»: где, собственно, сам «высокочтимый» и почему пришлый советник согревает своей пришлой задницей узорные подушки трона, специально заказанного аж в Анатолии. Но старик был слишком осторожен, чтобы их задать. Или просто знал ответ.

— Скажи, э... Фасих, тебе нравится новый порядок? Не находишь ли ты, что вашему городу пошла на пользу крепкая рука?

Фасих с готовностью кивнул. Чего бы не кивнуть, шея не переломится.

— Это правда, господин советник. Торговля, конечно, несколько пострадала. Но порядка стало гораздо больше. Гораздо больше! — Фасих обежал взглядом шеренгу плечистых ритуловых воинов и прикрыл глаза плотными веками. То ли «ослеплен вашей мощью и доблестью», то ли «глаза бы мои на вас не глядели».

— Так значит, ты, э-э, Фасих, поддерживаешь новый порядок?

— В день, когда оседлали небес скакуна, когда дали созвездиям их имена, когда все наши судьбы вписали в скрижали, мы покорными стали... Не наша вина, — произнес старик медленно, нараспев, приложив руку к сердцу. А, закончив, склонил голову. То ли перед Тенью, то ли перед всемогущим Фатумом. А может, для того, чтобы скрыть выражение лица.

Тень напрягся.

— Значит, поддерживаешь, — с нажимом сказал он. — И ты согласен, почтенный Фасих, что поддержание порядка требует средств?

— О да, бесспорно, господин советник, — серьезно покивал Фасих. Он, услышав о деньгах, напротив, немедленно расслабился, чуть не клонув носом в ковер. — Поддержание ТАКОГО порядка требует огромных средств. Тут господин советник ничуть не ошибся.

— На то я и советник, чтобы не ошибаться, — буркнул Тень, — я рад, старик, что мы понимаем друг друга. Это понимание может здорово облегчить жизнь нам обоим.

— Господин советник позволит узнать, насколько облегчить? — мягко спросил Фасих.

Тень на мгновение потерялся. Он, конечно, говорил о понимании, но не ожидал, что им с этим стариком уже даже слов не нужно.

— Ты согласился со мной, что для поддержания порядка нужны деньги, так? — дождавшись кивка, Тень продолжил: — Казна Акры... не совсем покрыла наши расходы.

— Как могло произойти такое чудо? — удивился Фасих. — Неужели Дания ограбили?

Молодой воин, стоявший у дверей, невольно фыркнул. Остальные сдержались.

На щеках Тени обозначились белые круги.

— Я бы поостерегся так шутить, старик. Ведь это твои соплеменники виноваты в том, что казна Акры опустела. Это они сбежали из города, как худой раб от строгого господина.

— Осел идет за морковкой, а евер за золотыми диргемами, — ответил Фасих. Разговор его, похоже, забавлял.

— Я тоже умею шутить. И несколько десятков ваших воров, которых вы почему-то называете «вольными торговцами» убедились в этом на собственной шкуре. И если мне снова захочется посмеяться, я велю заточить еще пару десятков кольев.

— А разве эта работа прекращалась?

Тень отпрянул в кресле, позабыв о сандалиях. Он был зол.

— Ну, хватит! Я вижу, хорошего обращения вы не понимаете... — Он наклонился вперед и с нажимом проговорил, глядя в лицо торговца: — Я могу щелкнуть пальцами, и ты окажешься в темнице. Прямо сейчас. И там ты, конечно, найдешь более приятных собеседников, чем Тень Орла.

— Но можно и не щелкать? — понятно спросил старик.
— Если ты такой сообразительный, зачем задаешь глупые вопросы?
— Вопрос был не глупым. Он был очень простым. Возможно, слишком простым для мудрейшего советника, — Фасих вздохнул. — Я всего лишь имел в виду, на сколько старый Фасих может облегчить жизнь вам и себе? На какую сумму. А также на какое время и под какие проценты.

Едва старика увели к выходу, Тень слез с трона, ругаясь сквозь зубы, и рванул с себя золототканое облачение. Ничего не получилось. Застежки были на плечах, у самой шеи, а ткань почти не гнулась.

Йонард по собственному желанию подошел и двумя движениями ножа облегчил муки Тени. «Доспехи» поползли вниз, но застряли на уровне пояса, стреножив советника, как жеребца. Впрочем, с этим он справился сам, с подачи Йонарда докромсав кожаные шнурки.

— Степной лис его отец! — от души высказался Тень, высвобождая ноги. — Вытащил из меня двенадцать процентов. А я не собирался давать больше шести! Еверы!!! Знаешь, мне порой кажется, что боги их слепили специально, чтобы поиздеваться над остальными своими детьми.

— Значит, жалование нам будет выплачено? — спросил Ритул.

— Ты же слышал, — раздраженно ответил Тень. — Завтра. После вечерней стражи.

— Что ж. Лучше бы это оказалось правдой.

Тень, уже направивший свои почти царственные стопы к маленькой дверце за тронном, остановился.

— А ты часом не забываешься, наемник?

— Ни в коем случае, — Ритул почтительно склонил голову, — не забываюсь, господин советник, и ни о чем не забываю. Ни о безопасности вашей особы, ни об интересах своих людей.

— Ни о собственном кошельке!

— И это не последнее дело для наемника, — согласился Ритул.

Тень мягко, по-кошачьи, всем корпусом развернулся к Ритулу и проговорил сквозь зубы, с присвистом:

— Ну так помни об этом всегда. Помни, кто ты есть. И не пытайся стать чем-то большим. Ты продал свой меч. Я его купил. В Пантикапее я подобрал тебя без единого медного обода, в компании грязного азиата. Приличных людей от тебя воротило! И я вполне могу вернуть тебя обратно, в ту канаву, из которой ты вылез. Правда, в несколько подпорченном виде. Например, с дырой в рубашке. С левой стороны. Напротив сердца.

— Кстати, об азиате... Я давно хотел спросить, только случая не было. Как он погиб? Может, знаете?

С Тени мгновенно слетел весь лоск. Он сделался белым. Даже радужка темных глаз посветлела.

— Ты! Портовая крыса! Обвинил меня!!! Я даже толком не понял, в чем!

— Потому что я пока ни в чем вас не обвинял, — очень спокойно и четко проговорил Ритул. Страх в нем не было совсем. — Я пока не знаю, нужно ли мне обвинять вас или кого-то другого. Но очень хочу узнать. И обязательно узнаю.

— Это угроза?

— Ни в коем случае, — покачал головой Ритул.

— Ты все-таки забылся, наемник. И я скажу, о чем ты забыл. А забыл ты о том, что девять кораблей в порту — МОИ корабли. И по сорок гребцов на каждом — МОИ люди. Я возвысил тебя над ними, ценя твой опыт. Но без меня ты никто и ничто. И если я прикажу своим людям укоротить тебя на забывчивую голову...

Тень оглянулся. Нет, шум за спиной ему не почудился. Он обвел внимательным взглядом СВОИХ людей, которые, заслышав перепалку, подвинулись ближе и взяли Тень и Ритула в плотное кольцо. Без приказа! И на этих, насквозь знакомых лицах Тень прочел кое-что, что ему совсем не понравилось. Пожалуй, он тоже кое о чем забыл...

— Надеюсь, завтра, после вечерней стражи, я увижу совсем другие глаза, — буркнул он и скрылся за дверцей. На сегодня с него было достаточно.

— Ты не перегнул копы, друг? — спросил Йонард, спускаясь по лестнице вслед за Ритулом. — Если завтра Тень получит деньги, он вполне может утопить тебя в море.

— Он ничего не получит, — уверенно ответил Ритул, сворачивая в крыло, отведенное для стражи, — Фасих не даст ему денег.

— Почему? — удивился Йонард, — двенадцать процентов — хорошая прибыль.

— Старик так отчаянно торговался только для того, чтобы усыпить бдительность Тени и уйти из дворца живым. Я уверен, завтра, еще до утренней стражи, он покинет город.

— Да с чего ты взял?

— Со срока. Фасих договорился с Тенью на год. Если б на месяц, я бы еще поверил. Но на год?! Этот Фасих далеко не дурак. Дураки, они, знаешь, редко становятся богатыми. Разве что от рождения, да с умными советниками, — на этом слове Ритул поморщился, словно разжевал горошину перца. — При том, как здесь идут дела, Тени нужно думать не о золотых монетах. И не о троне предков. А о том, как унести отсюда свою задницу. И я бы на его месте сделал это уже завтра, еще до полуденной стражи. Сразу за Фасихом.

— Тебя послушать, так он должен был просить полуперса взять его с собой и спрятать в трюме одного из своих кораблей.

— А что, идея богатая, — Ритул криво улыбнулся, — и она еще может прийти в голову этому недоумку. Если он чуть лучше соображает или чуть больше напуган, чем я думаю. Пожалуй, стоит выставить у его покоев усиленную стражу. Из самых верных людей. Поможешь?

— Да зачем он тебе сдался? Пусть бежит, если пришла охота. — При мысли, что все может закончиться так просто, Йонарду полегчало, даже петь захотелось. Впервые лет за восемь.

— Э, нет! — Ритул рубанул воздух ладонью. — Никуда он отсюда не уйдет. По крайней мере до тех пор, пока не заплатит нам все, что задолжал.

— Но если Фасих не собирается давать денег, то где же Тень их возьмет?

— Не моя печаль, — отрезал Ритул, — пусть хоть сам чеканит, лишь бы меди не добавлял.

Вечером, на углу улицы жестянщиков и парусных мастеров, Йонарда остановил паренек, который пытался заработать себе на жизнь продажей предсказаний. В предсказанья Йонард, в общем, верил. Но не в те, которые пишутся на глиняных табличках и подаются в дешевых трактирах после пары пиал такого же дешевого кислого вина... Впрочем, с вином в Акре, кажется, с недавних пор перебои.

Паренек смотрел на Берга, переминаясь с ноги на ногу. Да он есть хочет, осенило северянина. Он нашарил в кошельке пару монет, кинул пареньку не глядя, сунул табличку с предсказанием за пазуху и зашагал в сторону ближайшего трактира.

Йонард заказал хорошо прожаренную баранину. Непричесанная девушка с хмурым лицом и тяжеловатой походкой проворно поставила перед ним деревянную доску с мясом, кувшин с подкрашенной соком водой и шлепнула рядом зеленую лепешку.

— Это что? — едва не обиделся Йонард.

Не говоря ни слова, девица забрала лепешку и отошла. Берг заметил, что новая услуга оказывается всем подряд. И многие не отказывались. Стоил гашиш дешево, и Йонард, оглядев трактир, с неприятным удивлением заметил самоуглубленные взгляды посетителей, вялые жесты и общее настроение... «Как будто во сне, — понял Йонард. — Словно мы все спим, и нам снится сон. Один на всех. Не то чтобы кошмар, а такая вот непонятная тягомотина, из которой так тяжело выбираться по утрам».

Подчиняясь настроению, он вынул из кармана табличку с предсказанием.

Разумеется, никаких сногшибательных откровений он не прочел. Судьба уготовила ему опасность, лишения и неизбежные, как божий гнев, богатство, власть и любовь царицы. Он часто такие таблички видел, еще в Вечном Городе... И откуда столько цариц наберется?

Глава шестая

За несколько суток полумрак стал привычным. Узкая светло-розовая полоска в маленьком отверстии под самым потолком означала, что еще один день прошел, раскаленный солнечный диск медленно спускается к морю освежиться, а он, Даний, пока жив.

С огромным изумлением правитель города отмечал, что сердце его полно тоской, печалью, любовью... но не страхом. И даже не беспокойством.

Тень позаботился о том, чтобы Даний оказался в положении попугая в клетке, на которую набросили большой и плотный платок. Всю охрану тюрьмы сменили. Теперь службу здесь несли совершенно чужие светлокожие люди, не понимающие местного языка. Рабы тоже были другие. Глашатаи не появлялись в этом квартале, вероятно, на то был особый приказ Тени.

Впрочем, все эти меры оказались бесполезными.

Дважды Дания под охраной, в глухом паланкине, выносили в город. Один раз под окнами тюрьмы мелкий торговец поспорил с менялой. И каждый вечер Данию приносили еду: кашу с хорошо проваренными рыбьими головами. Ему, пятнадцать лет правившему этим городом, одного этого было вполне достаточно, чтобы сделать выводы.

Даний считал дни до смерти. По его подсчетам выходило, что единственное, что еще может отсрочить крах Тени, это закон Эльхара. Данию он достался от предшественника. Этот закон гласил: если умирает высокопоставленный сановник, каждый полноправный гражданин города обязан внести в казну богатый подарок в знак скорби... Три дня назад Даний перестал есть, по опыту зная, что в еду отраву подмешать гораздо легче, чем в воду. Кашу он выливал в отверстие в полу, надеясь, что никто этого не заметит, а вот воду приходилось пить. Ничего не поделаешь. Без еды еще можно было потянуть, а вот без воды... Не то чтобы Даний держал Тень и его прихвостней за полных придурков, просто, просчитав эту партию, он отчетливо увидел, что у него вовсе не самая плохая позиция. Пожалуй, с такими фигурами можно и выиграть. Вот только еще найти бы способ их двигать.

Высоко над головой раздался звук, который Даний слышать не привык, во всяком случае, на закате. Еду ему сегодня уже приносили... Однако это определенно открывали двери.

Для стороннего наблюдателя, если б он вдруг оказался здесь, ни поза Дания, ни выражение его лица не изменились. Но на самом деле весь он подобрался. Дверь, открывшаяся в неурочное время, могла означать очень многое...

— Здравствуй, узник, — бодро окликнул его Тень. Как и в прошлый раз, он остановился на лестнице, чтобы казаться выше. Он был в том же белом плаще, тех же щегольских сапожках из тонкой кожи, в том же шлеме. Словом, он был определенно таким же, как и в прошлый раз. Видимо, умел владеть собой не хуже Дания. — Ну, как тебе здесь сидится? Смотрю, обжился.

Тень обежал камеру глазами, приметив пустую миску (пахло от нее тошнотворно), жесткую постель, дыру в полу. Тонкий луч неясного света под самым потолком.

— Да ничего, неплохо, — ответил Даний. И улыбнулся Тени.

Это вышло случайно, но совершенно искренне. Он действительно обрадовался визиту врага. Пытка скукой была страшнее пытки голодом. Хотя бы потому, что вторую он устроил себе сам и мог прекратить в любой момент.

На Тень Орла улыбка Дания подействовала как полновесный удар в зубы. Он даже качнулся.

— Чему, позволь узнать, ты так рад?

— Жизни. Знаешь, я уже не помню, когда в последний раз так хорошо спал...

— Блохи не кусали? — осведомился Тень.

— Об этом я позаботился. — Улыбка Дания стала еще шире, в глазах замерцали золотистые искорки, захотелось улыбнуться в ответ — боги знают, отчего. — Еще несколько лет назад я издал специальный указ о том, чтобы в тюрьме постель и платье узников регулярно обрабатывались раствором полыни. А как ты?

— Да уж лучше тебя, — скривился Тень, — хотя на счет раствора полыни... правда, что ли, помогает?

— Хочешь убедиться? — Даний гостеприимно подвинулся, уступая край топчана.

Тень на секунду замер.

— Спасибо, — буркнул он, — что за роскошь — самому доставить тебе отличного заложника.

— Эй, ты не забыл? Я без оружия. — Даний поднял ладони с растопыренными пальцами. Рукава шерстяной хламиды сползли, обнажив до локтя сухие руки с толстыми жгутами мускулов.

Тень про себя подивился: у изящного Дания были руки гребца.

— Это еще ничего не значит, — ответил он, — даже если бы ты разделся догола, я бы не был ни в чем уверен.

— О-о, как ты заговорил, — Даний добродушно рассмеялся, — вижу, пять недель на троне Акры пошли на пользу. Ты пока еще не равен мне, но разговаривать с тобой уже интересно. Тогда тем более — присядь. Даю слово, не трону. Моему слову ты веришь?

— Я верю своему мечу, — отозвался Тень и сошел вниз, — а больше никому и ничему. Этот город лжив. Лжет земля под ногами, лжет море, лжет даже воздух — он упоительно сладок, но в нем разлит яд. Я плохо сплю, — неожиданно для себя признался он.

— Это не воздух, — серьезно сказал Даний, взгляд его стал сочувствующим — это бремя власти. Я почти не спал пятнадцать лет.

— Как же ты выдержал? — изумился Тень.

— Отдавая. Постепенно отдавая от бремени власти тем, кто мог нести. Не тем, кто хотел — это важно! Тем — кто мог.

— И что у тебя осталось?

— Теперь, здесь — не так уж много. Но, чтобы помочь тебе, думаю, хватит.

— Помочь мне? — вытаращился Тень. — С чего ты взял, что я пришел просить о помощи?

— С того, что ты пришел.

— И ты готов помочь своему тюремщику? — недоверчиво хмыкнул Тень.

— Ну должен же я хоть как-то отблагодарить человека, который дал мне возможность наконец выпаться. — Даний не издевался. Похоже, он, действительно был настроен доброжелательно.

— Я все еще могу приказать тебя убить.

— Я знаю. Но пока ты не отдал такого приказа. Хоть и не без колебаний.

— Откуда ты знаешь?

— Я жив, — просто ответил бывший правитель и мягко подтолкнул Тень, — я тебя слушаю.

— Городская казна... наполняется медленнее, чем мне бы хотелось, — сказал Тень.

— Точнее она пуста.

Тень вскинул голову. Но последние лучи заката погасли, и камера погрузилась во тьму. Ламп узникам не полагалось.

Станным образом, не видя сухого, насмешливого лица Дания, говорить стало легче.

— Ты попал в точку, — признался Тень, — казна пуста. Хотя я принял меры. Сначала вдвое увеличил налог на прибыль, потом запретил вывоз денег из города.

Темнота ответила тихим смехом.

— Когда-то я пытался сделать то же самое. Как все же похожи людские глупости!

...Я получил Акру разоренной войной с кочевниками и, войдя в хранилище и увидев вынесенные двери и пустоту, я сел и заплакал. Честное слово, я сидел на полу и размазывал

сопли, как ребенок. Хорошо — никто не видел, иначе какой я после этого был бы правитель? Потом, конечно, я взял себя в руки и твердым шагом пошел во дворец, чтобы сделать огромную глупость. К несчастью, меня никто не остановил. Может быть, никто и не знал, что нужно делать. Тут было... плохо. Не то слово. На улицах толпились люди и требовали хлеба. Им было нечего есть: поля сожжены, а крестьяне угнаны в рабство или убиты. Дома разрушены. Я думал, хорошо, что тепло. Потом оказалось — плохо. Не на что похоронить убитых, их тела так и лежали во дворах и над ними уже начали клубиться мухи. Запахло эпидемией. А оба лекаря лежат так же, со вспоротыми животами и тоже с мухами!

— И что ты сделал? — спросил Тень, замороженный помимо воли.

— Сделал? Я же говорю, глупость. И эта глупость стоила жизни многим. Особенно старикам. Но этот город простил мне их жизни, за что я и по сей день перед ним в неоплатном долгу. И если он захочет взять долг моей головой — я готов платить. Это будет только справедливо.

Даний замолчал. Ненадолго. Потом заговорил снова. Слова просились наружу. Он не хвастался и не каялся, он просто разворачивал свою жизнь, как свиток:

— Сначала я послал остатки своей гвардии отнять хлеб у тех, у кого он еще был. А потом велел раздать его на площади голодающим. И его не хватило. Его не хватило даже половине! Те, кто остались голодными, пошли ко дворцу. У меня хватило ума выйти на балкон, чтобы объяснить народу, что хлеба больше нет... Можно подумать, тому, кто умирает с голоду, можно что-то объяснить!

Охрана едва успела втащить меня внутрь. Во дворце свалили решетку. На первом этаже не осталось ни одной целой вазы... Прошло уже много лет, а мне до сих пор, когда прохожу по тому коридору, кажется, что сандалии ступают по лужам крови. Крови было много. Больше, чем нужно, наверное... Но зато те, кто остался, действительно хотели работать, а не бить чужую посуду.

На следующий день я отменил налог на ловлю рыбы и коптильни. Ту зиму мы пережили только благодаря морю. Море не дало нам умереть. Кстати, в Акре до сих пор самый богатый рыбный рынок на побережье. Но нужно было что-то решать с хлебом. Крестьяне, напуганные набегом, не хотели возделывать землю. Они вообще не хотели выходить за городскую стену!

Я принял беглых рабов из Пантикапея. Большой отряд. Мне пришлось их всех выкупить, но они того стоили. Я объявил их свободными людьми и дал оружие. Мне говорили, что рабы убегут и станут разбойниками. Некоторые так и сделали. Но большинство стало передовым отрядом Акры. За их спинами крестьяне уже больше десяти лет спокойно сеют хлеб.

Франгиз сняла с себя золотые браслеты и серьги и надела простое платье из выбеленного полотна. Когда вслед за ней переоделся весь двор, оказалось, что денег достаточно, чтобы построить пять кораблей. На следующий год они вышли в плавание. Их вели не купцы, а граждане Акры, и они вышли под флагом города. Два корабля погибли в шторм — капитаны были неопытны. Но три вернулись с драгоценнейшим грузом.

— Золотом?

— Солью.

Даний снова замолчал. А когда заговорил, голос его изменился, стал жестче:

— Все это было замечательно и мудро, но могло лишь помочь не умереть с голоду. Люди все равно уходили из города, потому что здесь можно было только выжить. А они хотели жить... И если стены — кости города, деньги — его кровь, а базар — сердце, то люди — его душа. Никто не может жить без души. Однажды ночью я встал, надел темный плащ, взял черную краску и на белой стене дворца нарисовал летучую мышь с раскинутыми крыльями. На следующую ночь ко мне пришел человек. И мы заключили договор. Самый странный из всех возможных. Через шесть лет Акра стала самым процветающим портом на побережье. Но правителем я больше не был. Я считал деньги, возводил дворец и поднимал чашу с вином за процветание Акры. Больше я не делал ничего.

— Ты отдал слишком много.

— Не думаю, — Даний грустно улыбнулся, но в темноте Тень не увидел этого. А голос его был спокойным и ровным. — Я ничего особенного не отдал. Потому что и не был правителем. А приобрел дружбу могучего клана и десятилетие мира и процветания. Думаю, сделка была выгодной. Во всяком случае, я никогда не жалел о ней...

— Откуда ты узнал, что казна пуста? — перебил Тень. Этот вопрос с самого начала не давал ему покоя.

— Это легко. Если рыбак не выходит в море, пахарь в поле, а купец на рынок, откуда взяться деньгам? Если старый Кир закрыл свою мастерскую по выделке кож, Зулейка перестала выпекать булочки с корицей и марципаном, братья Касперида вместо дамских ножных браслетов куют клинки для твоих наемников, то денег не будет. Если хлебная лепешка дорожает, а золотой динар дешевет, это очень плохой признак.

— Кто? — сквозь зубы просвистел Тень. — Кто?! Я сменил всю охрану тюрьмы до последнего раба. Кто посмел нарушить приказ и рассказал тебе все это?

— Хочешь знать? Пожалуй, я скажу тебе и об этом. Почему бы нет? Разумеется, не даром. — Даний сощурился и вроде бы даже подмигнул — Тень не был уверен в темноте.

— И что ты хочешь взамен? Свою жизнь?

— За свою жизнь я торговаться не могу. Во-первых, сейчас она мне не принадлежит, во-вторых — это противно богам. Мы договоримся по-другому. Я скажу тебе то, что ты хочешь знать. А ты сделаешь то, что я не могу сделать сам.

— Что? — сухо поинтересовался Тень.

— Ты сейчас занимаешь мои покои?

— По праву победителя.

— Это неважно. В третьем по счету окне от входа повесь желтую занавеску с красной полосой.

— Для чего это нужно? Тайный знак? Кому?

Даний покачал головой:

— Один вопрос — один ответ. Я тебе рассказываю, как узнал то, что от меня скрывают, либо, что означает знак. А ты вешаешь занавеску.

— Я могу позвать палача и вырвать все ответы пыткой, — пригрозил Тень.

— Я буду молчать, — ответил Даний. Он сказал это так просто, что Тень не усомнился — так и будет.

— Хорошо. Кто меня предал, я узнаю, допросив всех в этой тюрьме, — решил Тень, — а от тебя хочу знать про занавеску. Для кого она.

— Для Франгиз. Если она еще в городе, будет знать, что я жив.

— Небеса!!! — Тень уже было привстал, но снова рухнул на скамью рядом с Данием, потрясенный до глубины души. — Ну откуда ты узнал, что твоя жена в бегах?

— А я и не знал, — улыбнулся Даний, — только надеялся.

«...Зато теперь знаю, — подумал он, когда тяжелая дверь закрылась за Тенью Орла. — О, как много я теперь знаю! Раз в десять больше, чем до твоего визита, враг мой. Раз в двадцать больше, чем вынес отсюда ты».

Даний откинулся на жесткое ложе и отер со лба крупные капли пота. Разговор потребовал от него напряжения всех сил и дался нелегко. Но узнал Даний действительно много. Самое главное — Франгиз жива и на свободе. А Тень действительно остался один. Иначе он бы не пришел. И не сидел бы так смиренно, выслушивая его воспоминания. «Красная занавеска с золотой полосой! Или золотая с белой?.. Чушь какая!»

Даний вскочил и забегал по камере. Потом не выдержал, рухнул на пол, сунул голову в колени и сдавленно захохотал. Похоже, он нагородил достаточно всякой ерунды и повесил приличное количество цветных флажков, чтобы Тень, просеивая их странный разговор через сито своего недоверия, не заметил и не отбросил то главное, ради чего, собственно, Даний ломал здесь комедию.

Правитель Акры сделал свой ход. Теперь оставалось ждать, как ответит противник. Но

если Даний все просчитал правильно, то ответ может быть только один.

Он успокоился, расчесал волосы пятерней. Сел на постель. Потом лег. Попытался уснуть. Сон не шел.

Бремя власти... Оно снова давило на плечи.

* * *

Южные ночи темны. Даже звездные. Даже если над плоскими крышами висит крупная медово-желтая луна, такая близкая, что кажется, ее можно достать рукой, и воздух легкий, как китайское шелковое полотно — все равно не разглядеть в ночи ни рук собеседника, ни лица. Отчего так? Наверное, только боги, которые когда-то сотворили и море, и это побережье, и волшебные ночи — лишь они и знали, как это получается и для чего нужно.

Возле таверны «Под полосатой занавеской» было тихо, темно и безлюдно. Как всегда, впрочем, в этом тупичке, вопреки традиции не ведущем ни к порту, ни к базару. Дома здесь стояли по большей части заколоченные. Сейчас в этом не было ничего удивительного, много в последнее время появилось в Акре заколоченных домов. Но эти дома стояли так давно. Возможно, по этой причине беда, постигшая славную Акру, здесь почти не ощущалась.

Кабачок «Под занавеской» никогда не был заведением шумным, однако люди приличные и, вообще, имеющие возможность выбора, предпочитали здесь не селиться. Витал вокруг запахок чего-то такого... Не то чтобы кого-то в этом тупичке убили с особой жестокостью, или плясали нагими, или в кости жульничали — но что-то противное богам тут определенно творилось. И боги это место каким-то образом пометили.

Говорили, что люди здесь пропадают... Впрочем, были в Акре и другие места, где пропадали люди безо всяких чудес. Например, печально известный залив, где только в прошлом году утонули трое. Правда, все трое по пьяному делу.

Возможно, кабачок «Под занавеской» жители благословенной Акры не любили совершенно зря, а возможно — и за дело. Так или иначе, а заведение это имело своих завсегдатаев и, поскольку все еще существовало, надо думать, хозяин его как-то сводил концы с концами.

Быстрая тень скользнула внутрь кабачка так проворно, что даже спавшие на улице коты не шевельнули ушами.

Внутри было темно, тихо и, против обыкновения, совершенно безлюдно. Час был уже слишком поздним. Или еще слишком ранним.

— Хотел бы я, чтобы именно ты однажды привел мою смерть, — приветствовал посетителя голос из темноты.

— Почему так? — помимо воли заинтересовался человек-тень.

— Чтобы мне пришлось устать от ожидания, — меланхолично объяснил еще молодой человек с узким лицом, к которому как будто приклеилось выражение брезгливого любопытства.

— Хотел бы я, чтобы в конце этого мира именно ты судил богов.

Каллистос лишь приподнял бровь, намекая на объяснение. Задавать вопросы ему было лень.

— Ты никогда и ничем не бываешь доволен. Враг твой мертв. Почему ты не радуешься?

— Уж прямо-таки и враг. У меня нет врагов. Ненависть и страх мешают правильно вести дела. Судья был мне вполне симпатичен — как человек. И судьей был неплохим. Пока не влез в мои дела. Казнь двух моих людей мне не понравилась. Я хотел с ним встретиться...

— Чтобы договориться? И что, думаешь, получилось бы?

— Почему нет? Знаешь, отчего у Фемиды в руках весы, а на глазах повязка? «Кидай сюда мзду поувесистее — и считай, что я ослепла».

Гость Каллистоса захохотал.

— Но теперь-то он мертв. Ты сберег свои деньги. Чем же ты, плесень тебя обнеси,

недоволен?

— Тем, что повар жив. Скажи, твой человек целил в судью? Или действительно ошибся?

— Один из казненных был его братом. Так что, я думаю, он действительно ошибся. Иначе судью нашли бы в другом виде... Ошибку я исправлю. И все же ты мог бы хоть как-нибудь выразить свое отношение к столь прискорбной кончине уважаемого человека.

Каллистос ничего не ответил, не улыбнулся и не нахмурился. Просто вытянул вперед руку. Пустую. Неуловимое глазу движение кистью — и на ней появился тугой кожаный кошелек. Человек-тень принял его с легким поклоном, слегка подбросил на ладони, внутри приятно звякнуло. Он удовлетворенно кивнул и подкинул кошелек снова. И не поймал. Ловить было нечего — денежки грека растаяли в воздухе.

Каллистос, аплодируя, бесшумно сдвинул ладони: раз, второй... на третьем хлопке человек-тень исчез. Так же, как до этого мешочек с серебром.

Каллистос встал, отставил жесткий высокий стул, оправил одежду и отдернул полосатую занавеску. Его уже ждали, а он не хотел заставлять ждать слишком долго.

* * *

Этот коридор был выдолблен в камне многими поколениями жителей хитрого города. Всех его секретов не знали даже вольные — «цари» Нижней Акры и признанные хозяева катакомб. Огонек лампы покачивался в такт шагам, тени плясали, раздваиваясь и растраиваясь веером от сандалий Каллистоса. Три — счастливое число. На одном из перекрестков Каллистос шагнул к стене, прижался к ней всем телом, словно старался вжаться в камень. Он даже сделал попытку втянуть живот, которого у грека отродясь не было.

Огромная каменная плита повернулась совершенно бесшумно и так быстро, что огонек лампы погас. Упала тьма. Теплая, слегка влажная и тихая-тихая.

На то, чтобы вновь зажечь светильник, понадобилось время. Но это было необходимо. Дальнейший путь лежал по узкой лестнице, которая лишь наполовину была творением рук человеческих, а на вторую половину — разломом в скале. О безопасности и удобствах тут никто не думал. Это был, насколько знал Каллистос, самый нижний уровень, ниже троп «вольных торговцев» и, проходя этим коридором, грек не мог не думать о том, что как две половинки скалы разошлись однажды, так они могут и сомкнуться... может, и прямо сейчас.

Лаз-щель открылся в большую сырую пещеру. Свет от маленькой лампы не мог осветить ее всю, он выхватывал лишь небольшие куски: причудливую колонну, образованную подземной рекой, когда-то колотившейся в эти стены, торчавший из пола сталактит, серебряный блеск на стене. И люди. Много людей. Очень много людей для такого места и такого часа. Причем, самых разных: от блохастых оборванцев с бельмами на глазах до людей вполне приличных, вида благообразного, в одежде, говорящей о хорошем достатке. Все они — и те, и другие, и третьи, которых не разглядеть — сидели прямо на полу, либо на плетеных ковриках, принесенных с собой.

Каллистос выбрал местечко посуше и устроился там.

На низком подобии подиума стоял человек в темно-красном плаще. Рядом с ним — большой глиняный кувшин. Человек, его звали Левкипий, был молод, моложе хозяина таверны «Под занавеской». Пожалуй, среди самой разношерстной публики, собравшейся здесь, не было лишь стариков. Оттого и обстановка была своеобразная. Ничуть не похожая ни на торжественные обеды Дания, ни на заседания городского суда, ни на собрание бродячего легиона, осиротевшего после крушения Рима... вообще ни на что. Каллистосу здесь невероятно нравилось.

Голос Левкипия был негромок, но заполнял всю огромную пещеру, каждый ее уголок. Неизвестно почему, звук в пещере вел себя отменно. Здесь можно было говорить, не повышая голоса — все присутствующие слышали каждое слово...

— Каллистос здесь, — отметил он, — больше опоздавших нет. Остальные заняты пополнением казны Братства.

— Своей собственной, — подал голос сосед Каллистоса.

— Это все равно, — великодушно отмахнулся Левкипий, — наполняя свой собственный сундук, мы увеличиваем наше общее богатство, ибо все мы — одна семья.

Никто не улыбнулся. Потому что улыбаться тут было нечему, Левкипий говорил сущую правду.

— Если больше возражений нет, вознесем молитву, спарты, тому, в кого кто верит. Неверующие просто посидят тихо и подумают о том, какая тяжелая ноша — жизнь и как облегчает ее вера.

Молились беззвучно, чтобы не мешать друг другу.

— Спешу донести, — продолжил Левкипий, когда разговор с богами иссяк, — что в своем подвале в семь локтей глубиной уважаемый Каллистос прячет двух посланцев из славной Кафы.

— Чего хотят эти мерзавцы?

— Эти, как справедливо заметил наш брат Феликс, во всех отношениях достойные мужи, хотят продать нам зеленых лепешек, сколько можно перевезти за раз на двух осликах.

— Под осликами они имели в виду себя?

— Себя или свою маму, это для нас неинтересно, — перебил Левкипий, — для нас интересны две вещи: цена и сроки. Наши запасы не бесконечны. С тех пор, как Танкар объявил траур по своему другу Фриму и оставил Акру без крови лозы, дела наши совсем неплохи. Я думаю, что по этому поводу мы могли бы поднатужиться и высказать пару-тройку добрых слов в их адрес. Тем более что один из них уже покойник и похвалить его — дело, угодное богам.

Несколько мгновений все молчали. Потом кто-то глубокомысленно изрек:

— У Фрима последняя жена — красотка. И молоденькая совсем. Надо бы ее...хм... утешить.

— Ну вот, ведь можем же, когда захотим!

На этот раз почтенное собрание сдержанно посмеялось.

— А что случилось с Фримом? — спросил шепотом сосед Каллистоса.

Ответил с подиума Левкипий:

— А случилась с ним неприятность в масштабах вселенной несущественная. Его прирезали на базаре за мгновение до казни на колу.

— Чем же старик так досадил новому советнику?

— Да ничем особенным. Просто и без фантазии попытался его ограбить.

— Ограбить? — изумился кто-то впереди.

— Ну, или убить. Большое дело! Я на месте Тени отнесся бы к этому с юмором... Но Фрима бы все равно казнил.

— Так может, он и отнесся с юмором.

— Это вряд ли. Обычно тот, кто умеет смеяться, умеет и думать. А если бы Тень умел думать, он бы не позволил еверам удрать со всем городским золотом.

— Не со всем, — встрял тот же голос.

— Наше золото принадлежит не городу. Наше золото принадлежит Братству, — отрезал Левкипий, — и сейчас мы теряем время, а значит — теряем золото. Кстати, о золоте. Новый советник, храни его боги для достойной смерти, дал понять уважаемому Каллистосу, что был бы совсем не прочь взять у Братства в долг пару-тройку сундуков серебра.

— Левкипий, ты же хотел говорить о золоте!

— Золотом он тоже возьмет, — заверил Левкипий.

— Но мы будем думать не о том, возьмет ли он, а о том, дадим ли мы, — раздался женский голос, молодой и звонкий, — и о том, что мы за это возьмем, я права?

— Клео, твой ум превосходит твою красоту. А день твоей работы стоит дороже, чем ночь твоей любви.

— Сомнительный комплимент, Левкипий, — рассмеялась девушка.

— Но тебе он понравился? Тогда закончим тереть воздух жерновами. Правила вы знаете. Кувшин здесь. Он пуст. Наполните его и объявите Братству свою волю.

Левкипий сошел с подиума и протолкался через небольшую толпу к человеку, который стоял чуть в стороне и зябко кутался в серый плащ. Наружу торчала лишь темная острая борода.

— Вы принимаете и женщин? — удивился он.

— А чем они хуже? Мы принимаем всех, обездоленных жадными еверами, — с пафосом провозгласил Левкипий, — с другой стороны, если евер обездолен, то мы примем и его.

— А если он не обездолен, а просто хочет войти в долю?

— Соображаешь. Далеко пойдешь, если не остановят. Мы принимаем всех, кто хочет к нам прийти и сможет остаться. А чтобы остаться, нужно всего лишь сдавать каждую неделю в казну Братства три серебряные монеты.

— А кто не сможет? Железо под лопатку и в море?

— Зачем? — искренне удивился Левкипий, — пусть идет на все четыре стороны. Сам сдохнет с голоду.

Меж тем кувшин наполнялся, а толпа редела. Спарты бросали монеты (серебряная — «за», золотая — «против») и, выполнив долг, покидали пещеру.

— Три монеты от каждого в неделю... Этак вы скоро задвинете Танкара и его вольных торговцев в самый темный угол подвала. А он знает об этом?

— Он умный. Как думаешь, почему он не перерезал горло Рифату, когда боги отдали его Танкару в руки?

У нового члена Братства сделалось лицо человека, узревшего жителей Олимпа.

* * *

— Понимаешь теперь, почему я не перерезал тебе горло? — спросил Танкар.

Они сидели в кабачке «Под башмаком» в одиночестве. Двери были заперты и даже забиты гвоздями, а набор на столе стоял странный: вместо хлеба, мяса, лука и вина большая миска воды и гора льняных тряпок, отстиранных почти добела. Бывший начальник городской стражи старательно смывал чужое лицо, нарисованное поверх своего.

— А я думал, ты пощадил меня потому, что у меня был роман с Вани.

— А у тебя был роман с Вани? — Танкар прищурился. — Я вот сейчас шо подумал: может, я с Левкипием и один справлюсь?

— Не справишься, — Рифат макнул лицо в миску, вынул и замотал головой, отфыркиваясь, как пес. — Он мерзавец, но умный мерзавец. Я подобрался к нему близко, но вряд ли смогу достать так, чтобы самому остаться в живых. А разменивать его жизнь на свою — дороговато, а? Или в самый раз?

— Нужды нет. Он сам сделал за нас почти всю работу. Теперь осталось подождать, пока спарты и Тень начнут делить Акру. А потом отвернуть башку тому, кто останется.

— Так ты и вино для этого?.. — изумился Рифат. — И траур по Фриму?

Рыжий властитель Нижней Акры невозмутимо кивнул.

— Интересно, каково это — быть таким умным?

— Как будто ведешь слепых, — признался Танкар. — Иногда — очень тяжело. Иногда — терпимо. Всегда — интересно. Ты у своего брата спроси. Он тоже знает.

Рифат помрачнел. Карие глаза его как будто закрылись шторами.

— Если он такой умный, почему до сих пор в тюрьме?

* * *

Даний спал беспокойно. Даже не спал — дремал вполглаза. Ночь была прохладной и,

против обыкновения, облачной. Утро ожидалось дождливое.

Бывший правитель чутко прислушивался к тишине, гулким шагам охранника в коридоре, лязгу железного засова, тонкой и раздражающе-ритмичной музыке падающих капель с постоянно сырых стен. Он ждал. Спокойно, терпеливо, не впадая в отчаяние, не поддаваясь страху. Отчаиваться было пока рано. А страх существует лишь для тех, кто не знает своего будущего. Даний знал точно: если те, кого он ждал, те, кого он позвал, поставив на кон все, что имел, если они не появятся в ближайшие три ночи, он умрет. Даже если никто его не отравит. Он умрет от голода.

Он ничего не услышал. И не увидел, до тех пор, пока на плечо, укрытое влажным плащом, не легла тонкая, почти невесомая рука и тихий голос не спросил:

— Ты — Даний, заказчик?

Он совершил, наверное, самый великий подвиг в своей жизни — не вздрогнул, непонятным образом совладав с собой.

— Санджи! Вы воистину летучие мыши, бесшумные и видящие в темноте! Хвала всем богам!

— Летучие мыши не видят. Они слышат, — поправил голос.

Теперь Даний разобрал, что рядом с ним подросток или...

— Как тебя зовут?

— А тебе зачем?

— Должен же я хоть как-то к тебе обращаться! Если твое имя — тайна, назови любое, какое тебе нравится.

— Чиони. Меня зовут Чиони.

Девушка! Лет пятнадцати, не больше. Теперь Даний разглядел и красивый разрез раскосых глаз, и пушистые ресницы. Нос, рот, подбородок — все было затянуто плотной черной материей. Девушка была тонкой, но не изможденной худобой нищего, а подтянутой стройностью эфеба.

— К делу, Даний. Кто он? Кого я должна убить для тебя и как ты заплатишь?

— Очень щедро, — улыбнулся Даний, — моя щедрость превзойдет твои самые смелые ожидания, девушка-летучая мышь. Но и задача будет трудной.

— Я слушаю тебя, Даний. Уже давно. Но пока ничего не услышала.

Девушка не сердилась. Она пока даже не досадовала, лишь предельно деликатно напоминала, что время дорого. Она стояла посередине камеры, почти сливаясь с темнотой. Даний второй раз имел дело с Санджи, но в прошлый раз это был пожилой воин. В этот раз прислали девушку. Впрочем, судя по тому, как ловко она миновала три цепи охраны и справилась с довольно сложной системой тюремного лабиринта, Чиони была ловким и опытным бойцом невидимой армии, которая сотрясала государства, меняла царей, как балаганных кукол, возводила и обрушивала храмы. «Общество слияния Земли и Неба» — так они именовали себя, просто и без особых претензий. Даний уважал и боялся этой тайной власти восточных земель. Но кроме них у него ничего не было.

— Ты не слишком молода? — бросил он.

— Сомневаешься, что я справлюсь? — Чиони, похоже, удивилась. — Воин Санджи жизнью отвечает за каждый заказ.

— Ты девушка. Твою мишень охраняют мужчины. Воины. Их много.

— Тебя тоже охраняют мужчины, воины и их тоже не мало, — девушка была уязвлена, но уверенности в себе не утратила.

— Это аргумент, — признал Даний. Он встал и оказался ростом почти на две головы выше Чиони. — Ты проникла сюда. Ты сделала это без шума. Это сильно.

Девушка вздернула подбородок.

— Теперь выйди отсюда. Не одна. Вытащи меня из тюрьмы, тогда я поверю во все, даже в то, что ваши воины приручают драконов.

— Санджи не занимается кражами, даже кражами царей, — презрительно бросила девушка, — на это есть младшие братья. Говори, кто он — и прощай. Я выполню задание,

можешь не сомневаться.

— Но как я расплачусь, сидя в тюрьме? С собой у меня нет ни монетки.

— Хитер, — оценила Чиони. Она думала одно мгновение. Потом сдернула с себя черную накидку. Это почти ничего не изменило, девушка так же сливалась с темнотой, вся остальная одежда была пошита из той же ткани.

— Накинь, — велела она, — и постарайся дышать потише, тебя слышно на берегу Хуан-Хэ. Знаешь, лучше постарайся дышать через раз. И, ради Поднебесной, разуйся.

Даний думал, что путь этот он будет вспоминать в кошмарах. Он шел за своей юной проводницей и защитницей по коридорам тюрьмы, в которой должен был умереть. Эти стены видели столько зла, что им пропитались даже камни. Вдоль всего коридора были выдолблены желоба для стока крови, а в конце располагались большие колодцы, из них пахло сыростью и чем-то еще, не таким мирным и безобидным. Назначение у колодцев было простое: туда сбрасывались тела тех, кто умер под пыткой. Потом подземная река уносила их в море, в дар Посейдону. Даний серьезно сомневался, что мертвое тело, без мысли, без страсти, может быть интересно божеству... С другой стороны, а куда их еще девать? Отдавать в таком виде родственникам было как-то уж слишком жестоко. Его предшественник в свое время позаботился, чтобы в рот умершего обязательно вкладывали монетку для уплаты Харону. Даний счел, что это правильно. Глупо или умно, но правильно.

Среди всей этой, наводящей тоску, обстановки, Чиони, похоже, чувствовала себя вполне на своем месте. Ее походка была легка, дыхание почти неслышно, тело сливалось со стенами и, натертое специальным составом, не могло выдать себя даже запахом. Может, она и не видела в темноте, но какой-то способ ориентироваться у нее определенно имелся. Когда Даний оступился и чуть не упал, она мгновенно очутилась рядом и поддержала. Правитель инстинктивно ухватился за протянутую руку и удивился — она была крепче железа.

По глухим и темным коридорам они проскользнули стремительными теньями, Даний и не знал, что может ходить так быстро, не переходя на бег, что это вообще возможно. Оказалось — вполне. Жить захочешь — и не такое сможешь. Он уже напрочь потерялся в лабиринте, не представляя, где выход и куда они, собственно, движутся, но его проводница не испытывала никаких сомнений и он доверился девушке-летучей мыши. Неожиданно следующая дверь оказалась выходом наружу, во двор. Пахнуло свежестью летней ночи. Они дымом просочились во двор. Каким чудом или заклинанием Чиони удалось заставить scandalную дверь выпустить их потихоньку? Но это была еще не свобода, далеко не свобода. Насколько помнил Даний, во дворе дежурили двое охранников. Сейчас это были люди Тени. Он адресовал Чиони вопросительный взгляд — она его даже не заметила. Девушка направилась прямо к внешней стене. Даний попытался слиться с темнотой, со страхом ожидая окрика или звука спущенной тетивы... Охранники, теперь Даний отчетливо видел их, сидели к ним лицом. Чиони осматривалась, обращая на них внимания не больше, чем на стоящую поблизости бочку с водой. Наконец, что-то, видимо, высмотрев для себя полезное, она подала Данию знак следовать за ней. Он ничего не понимал, но повиновался. И лишь подойдя к страже почти вплотную, он сообразил: оба воина были мертвы. У обоих, чуть выше кольчужного ворота и чуть ниже застежек от шлема торчали маленькие серебристые звездочки. Даний даже вспомнил название этого на вид безобидного, но смертельного оружия — «сюрикен».

— Ты шла сюда через этот двор? — шепотом спросил он и получил вместо ответа яростный взгляд темно-карих глаз. Даний понял и замолчал. Меж тем Чиони надела на руки какие-то нелепые перчатки... похоже, со стальными когтями, и знаком велела Данию цепляться за спину. Он решил, что сходит с ума. Даже после шести дней поста он был вдвое тяжелее Чиони. Он замялся, но второй взгляд стегнул его, как вымоченная в уксусе плеть.

Оказавшись на улице, Чиони сняла перчатки-когти и аккуратно убрала их в широкий пояс. Даний протянул ей накидку.

— Нет, — сказала она. Впервые после разговора в камере Чиони соизволила разомкнуть уста.

— Что «нет»? — не понял Даний.

— Я ответила на твой вопрос. Я не шла этим путем к тебе, в камеру я влезла по внешней стене.

Выходит, она отправила в Тартар двоих охранников так, что Даний, шедший след в след, ничего не заметил. Он уже не удивлялся.

В каком-то проулке, забытом всеми богами за полной ненадобностью, Чиони нашла приоткрытый ставень, и оба, беглец и его похитительница, оказались в заброшенной лавке.

Чиони зажгла масляную лампу. Ее движения были экономны и точны. Даний поймал себя на том, что любит и, чего-то застыдившись, отвел глаза. Здесь было кресло для посетителя, скамеечка для ног, небольшой стол, где кроме пустого кувшина и двух опрокинутых пиал белел забытый или брошенный в спешке шелковый платок для торга. Таких лавочек, как догадывался Даний, нынче в Акре было много.

— Почему мы здесь? — вполголоса спросил он.

— Здесь нас будут искать в последнюю очередь, — ответила Чиони, — и не найдут.

— Почему? — как заморская птица попугай повторил Даний.

— Здесь есть подземный ход. Итак, я тебя слушаю. Я ведь прошла проверку? Ты больше не сомневаешься в моих способностях?

— Я в них и раньше не сомневался, — с улыбкой признался Даний, — я ведь не в первый раз имею дело с Санджи. «Летучих мышей» начинают готовить к служению Поднебесной с самого рождения, так? К пятнадцати годам вы уже опытные воины, не ведущие счет головам.

Чиони кивнула, признавая все сказанное Данием.

— Мне шестнадцать. И счет головам я не веду уже год.

— Представляешь, как я «обрадовался», когда мне доложили, что в порту объявился какой-то китаец и его не смогли поймать два десятка не самых плохих воинов Акры!

Чиони презрительно фыркнула.

— Разве здесь есть воины?

— Да, мы больше привыкли торговать, пасти скот и возделывать землю, — кивнул Даний, — наши руки нечасто и неохотно берутся за меч. Наверное, в этом наша слабость. Но в этом и сила.

— Где же здесь сила? — не поверила девушка. — Твой город в плену и он даже не завоеван. Он сдался без боя.

— Так и есть, — согласился Даний, — все верно. Кроме одного — Акра пока не сдалась. А силу ее ты еще, боги дадут, увидишь...

— Так кому же ты желаешь смерти? — перебила Чиони. Видно, разговор ей наскучил.

— Я никому не желаю смерти. Я просто хотел уйти из тюрьмы. Другого способа не было. Когда жизнь стала... слишком уж интересной, я вспомнил донесение моей портовой стражи и решил, что это — шанс. Прости, если обидел. Мое обещание заплатить по-царски остается в силе, — заверил Даний.

— Никому не желаю смерти, — повторила Чиони. Извинения Дания она, похоже, пропустила мимо ушей. — А тому, кто занял твое место? Кто посадил тебя в тюрьму и готовился казнить?

— Тому, кто нарисовал знак Санджи на стене дворца и отправил тебя мне на помощь, — закончил Даний. Он не улыбался, похоже, не шутил. — Мы с ним не ссорились, мы сыграли. Скажем, в шахматы. Или в нарды. Сейчас кости упали так, что я получил преимущество. И его обязательно нужно развивать, иначе грош ему цена.

— Ты хорошо играешь в шахматы? И в нарды? — Даний оба раза кивнул. — И не используешь магию?

— Зачем? — удивился он, — так же неинтересно. И потом, что за вопрос, Чиони? Я же не маг.

Девушка, которую забавлял разговор и как-то странно и приятно тревожил пристальный взгляд сощуренных светлых глаз спасенного, даже не сразу поняла его ответ.

— Что?! О боги!

— Почему ты так удивилась?

— Но ты маг! Совершенно определенно. В тебе есть сила, и не маленькая. Поверь мне, нас учат видеть такие вещи. Ты очень сильный маг.

— Если и так, я об этом не знаю, — улыбнулся Даний, — как-то обходился до сих пор. Хватало вот этого, — он постучал пальцем по лбу. — Но то, что ты сказала, интересно.

— Если и в самом деле интересно, можно проверить прямо сейчас, — спокойно предложила Чиони.

— Как?

— Я не маг. И мне, чтобы погасить огонь, нужно сделать вот так, — она вдруг резко обернулась, выбросила вперед ладонь и остановила ее в дюйме от горящей лампы. Огонек дрогнул, трепыхнулся и погас. В полной темноте Чиони договорила: — Ты можешь погасить его, вовсе не двигаясь с места.

— Взглядом? — неловко пошутил Даний.

— Волей. Воле обычного человека нужна рука. Воле мага — нет.

Она не успела договорить: темное помещение заброшенной лавки вдруг осветилось. Мрак расступился, и Даний смог разглядеть Чиони. Она стояла в странной, напряженной позе, лицом к двери. Меж пальцев тускло поблескивал сюрикен.

— Я не думал, что это так просто...

— Это ты?! — Чиони шумно выдохнула, опустила плечи. И вдруг с размаху села прямо на пол и, сдернув глухую маску, сжала ладонями щеки. — О нет!

— Я сделал что-то не так? Извини. Но я подумал, если можно погасить огонь, то можно и зажечь. А что?

— Погасить — просто, — сказала Чиони. Она уже взяла себя в руки и смотрела на Дания почти спокойно, только донельзя изумленно, как на зверя с двумя головами. — Зажечь — почти невозможно. Огонь — родственник солнца. Чтобы вызвать его из небытия, нужно обладать силой богов... Хотела бы я знать, зачем я тратила время, рисковала, вызволяя тебя из неволи? Ты мог раскидать по камешку не только городскую тюрьму, но и городскую стену.

— Ну извини, — развел руками Даний, — я же не знал. А ты тратила время не просто так, а за вознаграждение...

Чиони с некоторой опаской передвинула зажженную Данием лампу и уселась на стол.

— Ты обещал заплатить по-царски, — произнесла она. — Санджи хорошо знают, что это значит. Иногда нам отдают целые провинции, царские регалии и наследников трона для воспитания и служения.

— Я буду еще щедрее, — заверил Даний.

Чиони вздернула левую бровь.

— Я догадался, что вы здесь ищите. И могу помочь найти.

Девушка развернулась к нему всем корпусом, словно большая хищная птица:

— Ты знаешь, где сейчас воин Санджи?

— Для начала, я знаю, что он мертв. Прости. Я, наверное, причинил тебе боль?

— Жизнь открывает двери смерти, смерть открывает двери жизни, — флегматично ответила Чиони. — Мы готовы к смерти в любой миг. Я уверена, что Тонга встретил смерть абсолютно готовым к ней. — Она немного помолчала, потом вскинула голову. — Как он умер и где его тело? Он должен быть достойно похоронен в освященной земле.

— Чиони, — Даний мягко улыбнулся, — ты — воин, но так молода. Скажи, ты можешь спокойно слушать о предательстве?

— Почему ты спрашиваешь? Разве я дала понять...

— Я спрашиваю потому, что сам все еще не могу спокойно об этом говорить. Хотя, по твоим меркам, наверное, уже стар...

У меня было много времени для того, чтобы понять, что произошло с моим городом. Я многое вспомнил. Мне было больше нечего делать. Я вспомнил весь тот день по минутам.

Еще я вспомнил все увиденное и услышанное в детстве: старые легенды, слухи. Я знаю, как враги добрались до сердца дворца. Знаю, кто открыл двери. И знаю еще — тот, кто совершил одно предательство, уже не остановится перед другим, лишь бы сохранить свое положение самой большой и жирной курицы на мусорной куче.

Я назову вам имя того, кто оборвал жизнь воина Санджи. О том, куда он дел тело, вам придется узнать у него самого. Он наверняка еще жив.

Чиони сидела неподвижно, со сцепленными в замок руками и, не отрываясь, смотрела на огонь. Даний только сейчас как следует разглядел ее лицо и пожалел, что не сделал этого раньше. На такое лицо стоило смотреть каждую секунду, пока оно открыто миру: матовая кожа даже на взгляд совершенна, а в чертах есть что-то трогательно-детское и в то же время невероятно женственное...

— Ты действительно по-царски щедр, Даний, — сказала она, разрушая чары. Правитель вздрогнул, точно пойманный на горячем, и быстро отвел глаза. — Ты полностью расплатился за мое время. Если мы получим тело нашего воина для достойного погребения, Санджи еще останутся тебе должны...

— Его имя Керболай, — уверенно назвал Даний.

Глава седьмая

«Человек рождается на смерть, а умирает на жизнь...»

Медленно ступая вслед за погребальной повозкой, Франгиз пыталась молиться, но все время сбивалась на то, что в аллегорической мысли этой есть какая-то буквальная правда. Иначе отчего бы в жизнь человек приходил голым, босым и беспомощным, а в место вечного успокоения отправлялся разодетый в золото и греческую ткань, в сопровождении целой толпы коней, собак и рабов, почти по самую голову засыпанный браслетами, монетами и прочими тяжелыми золотыми вещами.

Когда хоронили прадеда, отец рассказывал, жрецы вскрыли ему живот, вычистили и наполнили шафраном, толченым ладаном, семенем сельдерея и аниса. Потом тело покрыли воском и чуть ли не неделю таскали по всем имениям.

С отцом обошлось.

Она сама обмыла его теплой чистой водой и одела в собственноручно сшитые одежды из чистого льна. Материю рвала, а не резала, узелков не делала.

Все напрасно!

Пришла младшая сестра, Монима, вместе с толпой родственников. Вмиг углядела все: и руки, сложенные крестом, и чашу с освященной водой, и миску с кашей. Покричать она всегда любила, но тут превзошла себя. Самыми мягкими из ее высказываний были: непочтение родича и презрение к обычаям, а также, что скажут соседи и как ей, Мониме, смотреть им в глаза после того, как старшая сестра опозорила весь дом, весь род и ее лично на всю Акру.

По мнению Франгиз, позорить Мониму было все равно, что солить море. Она и сама с этим отлично справлялась. Девятнадцать лет — не замужем и не жрица. Зато любовных историй больше, чем белых мух по зиме. Но ни один мужчина так и не взял ее честно, по договору.

В доме отца Монима сразу расположилась как хозяйка, принялась писать письма и рассылать их в имения, винокурни и эргастерии, скрепляя их кольцом с печатью, которое после смерти отца мог взять только дядя. Или муж Франгиз. Но один был по торговым делам в Синопе, а другой томился в заточении. И негодница воспользовалась этим сполна.

Четыре рабыни, шипя и переругиваясь, срезали с покойника погребальные покровы. Они обрядили его в богатое платье с широкой вышивкой золотом и самоцветными камнями, надели браслеты и кольца, в уши вставили серьги, на лоб надвинули золотой обруч так, что у покойника открылись глаза...

На самом деле, если уж Монима взялась так рьяно придерживаться старинных обычаев,

так ей следовало все имущество покойного поделить на три части: треть оставить семье, треть — на погребение, а еще треть на поминальную трапезу для всех друзей, слуг, воинов и просто заглянувших на тризну отдать долг памяти. Но едва Франгиз намекнула на это сестре, как услышала в свой адрес такую отборную брань, что даже рабыни зажали уши.

Сейчас процессия медленно двигалась к скале молчания. Ее сопровождали вой наемных плакальщиц, грохот, отпугивающий демонов, и жалобное мычание коров, которые не понимали, зачем и куда их гонят по такой жаре, да еще в гору.

Франгиз было жалко коров. Их, по письменному требованию Монины, привели из деревни к воротам две девушки лет по тринадцать, босые, со спутанными волосами. Обе пока не замужем. Франгиз боялась подумать, что это могло значить, и от всей души надеялась, что сестрица ограничится коровами.

Монима шла впереди, с подобающим выражением скорби на красивом лице темного оливкового оттенка. Отец никогда не делал между ними разницы, хотя сестра была дочерью рабыни-нубийки. Об этой особенности Монины все давно и благополучно забыли бы, несмотря на цвет ее кожи... если б она сама по двенадцать раз на дню не напоминала всем и каждому, что она — госпожа.

Погребальные пещеры располагались низко. Их входы, заваленные камнями, были густо окрашены белым, чтобы предупредить путников об опасности оскверниться, прикоснувшись к жилищу мертвых.

«Почему смерть — скверна? — думала Франгиз, приближаясь к родовой усыпальнице. — Уж скорее — страх. Темный страх перед неизвестностью... Но ведь жил же тот, кто сказал: «Не бойтесь, ибо смерти нет!» И уже полтысячи лет можно не бояться. Зачем же эти белые двери?!»

Из камней сложили четырехугольный «корабль», застелили его парчой и, набросав как попало, но щедрой горстью, монет и золотых украшений, отошли к повозке. Ее, согласно обычаям, аккуратно разбили. Отца переложили на «корабль». Заголосили плакальщицы, разрывая на себе одежды. Мужчины загремели оружием.

Вывели коров.

Франгиз отвернулась. Ей случалось убивать. На охоте, из лука. Получалось это у нее хорошо, но никогда не нравилось. А сейчас было и вовсе противно.

Жалобное мычание оборвалось. Франгиз осторожно открыла глаза, чтобы убедиться: две бурые груды лежали там, где положено — у ног мертвеца. Теперь был черед коня, тащившего повозку. Его крепко взял под уздцы сотник личной стражи господина судьи, плечистый мужчина в летах. Конь нервничал, переступая копытами. Крики плакальщиц раздражали его, а запах свежей коровьей крови пугал. Хамат — Франгиз наконец вспомнила имя сотника — нежно погладил ноздри коня и стал что-то тихо, ласково говорить ему и дуть на веки... Когда появился кинжал — никто не заметил.

Франгиз про себя тихо порадовалась за двух больших злобных псов, принадлежавших отцу. Раб, смотревший за ними, накануне забыл запереть ворота, и где сейчас носило рыжих демонов — неизвестно. Они, конечно, прибегут домой, но это будет нескоро. Так что псам повезло.

Неожиданно ритм стука мечей в щиты изменился, став быстрее, и вой плакальщиц взлетел на целую октаву. С изумлением и ужасом Франгиз услышала и узнала слова древнего стиха:

Выходишь ты из тесных стен
В мир бесконечных перемен.
Там даже вечности самой
Не существует — лишь покой.
Непостоянна, как волна,
Минутой кажется она...

Хамат шагнул к одной из девушек, пригнавших коров, и, заломив ей руку за спину, заставил опуститься на колени. Другая, смекнув, в чем дело, метнулась было бежать, но ее перехватили. Монима сама взяла нож из руки сотника.

Франгиз словно вынесло вперед.

— Ты что, белены объелась?

Перехватив руку сестры, ту, с ножом, она сжала ее так, что Монима вскрикнула. Девочка, ослабев от страха, осела на камни, глядя прямо перед собой огромными неподвижными глазами.

— Ты недостаточно опозорила семью, — прошипела Монима, — тебе нужно было прервать прощальную церемонию?

Девчонка, наконец, вышла из ступора и тонко заорала:

— Я недостойна сопровождать господина! Я не сохранила себя! Уже две луны, как я не девственна. У меня есть мужчина, кузнец Рахим. Он обещал взять меня в свой дом этой осенью.

— Я тоже не девственна, — поддержала подругу вторая, — клянусь богами!

Монима на мгновение растерялась.

— Они обе лгут, госпожа, — одна из плакальщиц подвинулась ближе к той, за которой чувала власть, — прикажи их проверить. Бочка с вином у нас есть.

— Бочка с вином?

— Госпожа, их надо раздеть донага и заставить присесть на корточки над открытой бочкой. Если запах проникнет в них, значит они и впрямь не девственны.

— И что, потом их нюхать, что ли, немых? — обалдел Хамат.

— А то ты раньше никогда этого не делал? — сощурилась старуха.

— Я вообще не касаюсь женщин, — отрезал Хамат и брезгливо поморщился, — я признаю лишь любовь меж равными, а равным воину может быть только другой воин.

В процессии начались перешептывания, кто-то попытался спрятать улыбку. Монима, злая, как свежая кошачья моча, вполголоса распорядилась: девок забить в колодки и продать первому же торговцу, который забредет в деревню. За полцены, как порченный товар. Их увели.

Церемония продолжалась.

Двое мужчин, кряхтя от натуги и обливаясь потом, который, согласно преданию, смывал все грехи, отваливали тяжелые камни.

Кровью жертвенных животных обрызгали лицо и тело покойного. Потом Хамат и еще трое плечистых стражников взяли ткань за четыре угла и, ведомые Монимой, внесли его в пещеру. Франгиз вошла следом и затеплила от факела небольшой светильник с маслом, взятым из храма.

«Дай тебе Господь дорогу легкую, судью милосердного, сон спокойный, память долгую, — про себя заговорила она, — пусть простится тебе, как сам ты прощал, и пусть встретит тебя тот, кто умер за нас, и определит тебе место не по заслугам твоим, а по милосердию своему...»

Франгиз не заметила, как в пещере стало темно. Факельщики ушли. Остались лишь она, Монима, Хамат и молчаливый стражник у дверей. И еще отец, уже не принадлежавший этому миру.

— Так ты говоришь, он перед смертью стал христианином? — спросила Монима.

— Ты ведь этому не веришь.

— Ты моя сестра. Вряд ли ты станешь мне врать, — Монима грустно улыбнулась, — тем более перед телом того, кто дал жизнь нам обоим. Хотя отец всегда любил тебя больше, чем меня.

— Это неправда! — возразила Франгиз. — Он любил нас обеих одинаково сильно.

— Да? Только вот тебя он выдал замуж честь по чести и сделал царицей Акры, а меня отдал Фасиху... «во временное пользование, для произведения потомства». Я родила двоих сыновей, но не видела ни одного. Их сразу отдали кормилице, а меня вернули отцу. Ты,

бесплодная смоковница, можешь понять, что значит никогда не видеть своего ребенка?!

— Не упрекай меня моей бедой, Монима!

— Ты у нас точно, бедная, — язвительно согласилась сестра. — А знаешь, что по твоей милости мне уже завтра придется идти в порт? Или на базар?

Франгиз подняла на сестру удивленный взгляд.

— Ты читала завещание отца?

— Нет конечно, — еще больше удивилась Франгиз, — должно пройти девять дней...

Монима, — дошло до нее, — ты сломала печать?

— И не жалею об этом. Кто предупрежден, тот не побежден.

— Ты о чем?

— О том, что дом, земли, рабы, скот — все принадлежит Данию. Так распорядился отец.

— Но мой муж в тюрьме. Он может не дожить даже до утра...

— Значит, все отойдет Рифату. Велика разница! Они оба с радостью сложат все к твоим ногам.

Франгиз шагнула вперед и порывисто обняла сестру.

— Неужели ты думаешь, что я прогоню тебя из дома? Ты родная кровь моя, Монима! Как ты могла! Ты останешься, у тебя будет все, что только возможно. И если тебе мало моего слова, я могу поклясться вечным покоем нашего отца.

— Вы же не клянетесь!

— Для того чтобы ты успокоилась, я совершу этот малый грех.

Монима покачала головой.

— Не нужно. Я тебе верю. Лучше, в знак того, что мы и вправду сестры и ты не держишь на меня зла, возьми из моих рук кровь виноградной лозы. Она в последнее время так дорога в Акре.

Монима протянула ей маленькую глиняную бутыль.

Франгиз сделала большой глоток, все еще дивясь такой перемене. В пещере было душно, наверное поэтому вдруг закружилась голова. Лицо Монимы внезапно оказалось близко, шепот резал уши:

— А еще у вас, христиан, говорят, принято, чтобы покойник не оставался один.

— Да, надо чтобы кто-нибудь с ним... потому что... — Франгиз не понимала, почему язык отказывается ей повиноваться. И отчего земля вдруг утратила надежность и поехала куда-то вправо.

— Почему — меня не волнует. Я-то пока, слава богам, не христианка, — фыркнула Монима, — а обычай хороший. Он мне нравится. Ты, сестрица, лишила отца двух прекрасных рабынь — значит, послужишь ему сама. Согласись, это вернее, чем все слова и клятвы. Прощай. И прости меня по твоему обычаю.

Франгиз уже ничего не видела и не слышала. Она падала в глубокий колодец... падала и падала и никак не могла достичь дна.

«Я падаю туда, куда падают звезды. Похоже, так будет продолжаться целую вечность...» — подумала она, прежде чем погаснуть, как задутый светильник.

Еще в бытность свою правителем, сидя на троне благословенной Акры в прежние, счастливые, но не сказать, чтобы уже очень благополучные годы, Даний частенько задумывался, где могут прятаться люди, чье присутствие в Акре могло бы не понравиться и ему лично, и совету полиса. Он догадывался, что город кишит разными темными личностями. И, наверное, где-то были у них какие-то норы или дыры... Но когда Чиони, преобразившись в девочку-служанку, провела Дания, не самого последнего человека в Акре, прямо через главные ворота постоянного двора, не самого лучшего, но и не худшего в городе, он слегка обалдел. Хозяина, толстого, добродушного, но невероятно хваткого Кастора, он знал лично, и думал, что неплохо. Два раза в год Кастор дисциплинированно приходил на заседания совета, говорил там от цеха хозяев постоянных дворов, всегда очень коротко и по

делу, кланялся Данию — с достоинством, но сердечно, иногда беседовал с ним на разные темы, например о пошлинах, ценах и налоговых льготах на персидские ткани. Даний считал его мужем умным и в меру порядочным, как и любого преуспевающего гражданина Акры. Оказалось, добродушный толстяк был ящиком с двойным дном. Почему-то Даний не удивился.

Он слегка застрял в дверях, но Чиони совершенно спокойно провела его мимо хозяина, кивнув тому, как старому знакомому.

— Господин Шан обедает у себя или спустится к нам? — полюбопытствовал тот.

— У себя, я принесу ему все с кухни сама, не беспокойся, Кастор, — ответила Чиони, не замедляя шага.

Даний прошел мимо хозяина к лестнице, ведущей наверх с замиранием сердца. Не потому, что боялся быть узнанным. Формально он все еще оставался правителем, так что встреча эта ничем ему не грозила, кроме выпивки с хозяином... но неужели этот странный дар, в который он так и не смог до конца поверить, неужели он и в самом деле работает? В глубине души Даний в это не верил. Даже после того, как в десятый раз подряд вспыхнула потушенная свеча — не верил. К счастью, веры от него никто не требовал. Услышав о его сомнениях, Чиони пожала плечами и спокойно посоветовала:

— А ты закройся.

— Покрывало, что ли, надеть? Как женщина? — не понял Даний. — Так высоковатая женщина из меня получится. И походка не та.

— Подумаешь, беда! — невольно рассмеялась Чиони, и ее серьезное лицо стало на миг совсем детским. — Мало ли высоких и неуклюжих женщин. — Но, увидев, как вытянулось лицо Дания, пояснила: — Покрывало тут не при чем. Ты просто представь, что ты — кто-то другой. Женщина. Или толстый торговец коврами. Или мальчишка. Представь во всех деталях, до шнурка на сандалии, до веревочки на поясе, до свежей царапины на левой щеке, ближе к глазу. Придумай, как появилась эта царапина, куда и зачем ты идешь.

— И что?

— И все. Просто носи этот образ в себе и показывай всем встречным вместо своего настоящего облика.

— Я не понимаю, как это возможно, — признался Даний.

— Тебе и не нужно понимать. Просто сделай это. А понимают пусть другие, те, кто делать ничего не умеет.

Даний ей так и не поверил до конца, но методично проделал все, что посоветовала девушка-летучая мышь. Он даже изобразил углем на струганной столешнице мальчишководоноса, которого не раз видел из окна дворца: старая серая рубаха едва не до пят, вкривь и вкось зашита на плече, сбитые о камни босые ноги, русые волосы, неровно остриженные и стянутые шнуром, чтобы пот не заливал глаза. И два больших глиняных кувшина — по одному на каждую руку. Эти кувшины чуть не сгубили все дело.

Хозяин, спокойно кивнувшей вслед Чиони, вдруг смерил Дания подозрительным взглядом и зычно рявкнул:

— Эй, парень, а ты куда? Кувшины на кухню.

Даний растерялся.

— На кухню кувшины, или ты глухой? Кухня вон там, через нее и на улицу выйдешь.

Чиони, сообразив, в чем дело, пришла на помощь:

— Вода к нам в комнату. Хозяин приказал, для омовения.

— А-а, — сразу успокоился Кастор, — так бы и сказал, а то молчишь как пень. Или ты немой? Или по-нашему не понимаешь? Хотя постой-ка... Не глухой ты и не немой. Я ведь тебя, мошенник, знаю! Ты в верхнюю Акру воду носишь. А что ты в нашем квартале делаешь?

Даний не знал, может ли ответить. Остался ли голос его собственным или превратился в ломкий голос уличного мальчишки. И вообще, можно ли ему открывать рот. Чиони легонько подтолкнула его к лестнице, но Кастор уже покинул свое место в дверях, ведущих

на кухню, и шел к ним. Его интерес к парню-водоносу рос просто на глазах и грозил перерасти безопасные пределы. Даний потянулся к нему мыслью... почувствовал сопротивление и слегка надавил. Кастор, шедший к нему, размахивая руками, вдруг запнулся. Светлые глаза его стали оловянными и словно застыли. Он покачнувшись и сел на пол.

— Что ты натворил?! — Чиони метнулась к хозяину, опустилась на колени, пощупала пульс, оттянула веко.

— Чтоб я знал, — растерянно ответил Даний. — Я что, убил его?

— Какой приказ ты отдал?

— Он стал проявлять лишний интерес. Я хотел, чтобы он успокоился.

— Он в обмороке. — Чиони в упор взглянула на Дания. Взгляд широко посаженных темных глаз правитель прочитать не смог. Но вряд ли он был восхищенным. — Ты просто погасил его, как свечу. Я еще не видела, чтобы кто-то смог так быстро справиться с сильным, возбужденным человеком, да еще в его собственном доме.

— Но с ним все в порядке?

— Да. Похоже, да. Но сколько он так пролежит — неизвестно.

— Нужно его куда-то перенести. Но в его комнатах наверняка жена и слуги.

— На скамейку, в сад, — сообразила Чиони, — подумают, солнышком сморило. Бери его за ноги.

— А ты его поднимешь? — усомнился Даний. — В нем верных сто лагов веса.

— Ты бери свою часть, а за меня не беспокойся, — пропыхтела Чиони, — и кувшины брось, несчастье! И без них подозрительно, а с ними вообще бродячий театр.

— И как я, по-твоему, их оставлю? — огрызнулся Даний, с трудом отрывая от земли тяжеленное обмякшее тело.

— Сотри их в своей голове, — приказала Чиони. — Ну видел же ты когда-нибудь этого парня без кувшинов?

Даний честно попробовал. Но поскольку сам он был лишен возможности видеть результат, он так и не понял, получилось или нет. Чиони больше не возмущалась, но, возможно, у нее просто не было на это сил. Хозяин постоянного двора весил даже не сто лагов, а полных двести.

Вероятно, картину они собой являли еще ту. Но Даний не решился использовать свои неожиданно обретенные способности, чтобы как-то прикрыть это безобразие и, вознеся молитву всем богам разом, положился на удачу.

Когда Кастор был водружен на каменную скамью, правая рука положена на грудь, а левая сунута под голову, Даний и Чиони наконец попали на лестницу, ведущую вверх, в комнаты, которые заняли воины Санджи. Где-то посередине пути Чиони вдруг привалилась к перилам, сунула голову в колени и зашлась. Даний испугался было, но оказалось, девушка смеется взахлеб.

— Кувшины-то, ох, кувшины!!!

Даний терпеливо дождался, пока она отсмеется, и подал ей руку. Но девушка встала сама.

— Пойдем. Я познакомлю тебя с Шаном. Не удивляйся. Он — великий воин.

Даний кивнул, уже не спрашивая, чему, собственно, он не должен удивляться. Решил, что там видно будет. Может, у него и само как-нибудь получится — не удивиться.

* * *

Танкар с трудом вынырнул из полусонной одури. Что-то происходило с этим миром. Похоже, что-то неправильное. Землетрясение? Или... Уже в следующий миг он взлетел, словно подброшенный баллистой, а через мгновение уже прижимал к земляному полу человека...

— Шамир?

— Пока да, — кряхтя и потирая шею, отозвался тот. Он попытался сесть и, когда это удалось, сам, похоже, удивился: — Еще б немного, и вместо Шамира тут был бы свеженький покойник. С чего встречаешь старых приятелей так неласково?

— С пятых суток бессонницы, — отозвался Танкар и потянулся к изголовью.

Жил правитель нижней Акры даже не по-спартански. Эфебия, где в нечеловеческих условиях закаляли душу и тело лучшие воины старой Эллады, показалась бы дворцом в сравнении с неглубокой пещерой, где была брошена пара шкур, поставлен кувшин... и все.

В кувшине была вода. Шамир понял это, когда Танкар, вместо того чтобы чинно испить из него, опрокинул сосуд себе на голову и затряс ею, как пес.

— Теперь говори. Я уже проснулся, — объявил он.

И правда, тяжелая муть в его глазах разошлась, они снова заблестели.

— Я думал, ты в поместье... Пришел, а там...

— Тень тоже так думал. И был страшно разочарован, когда вместо меня нашел лишь старого раба, глухого на оба уха и немого на весь язык... Так что поместья у меня больше нет.

— Постой, у тебя же нет немого раба!

— Но Тень об этом не знал, — Танкар усмехнулся, — рассказывай, с чем пришел, Шамир. Я жду только тебя, иначе давно был бы далеко в горах.

Шамир скинул плащ, расстелил его и выудил из-за пазухи маленькую обезьянку. Она сидела в руках человека, прижав уши, неподвижно, как статуэтка из светлого дерева.

— Эй, я ее не придавил? — забеспокоился Танкар и потянулся к маленькой Тире. — Ву-уй!

Он отдернул руку, но было поздно. Палец, прокушенный аж в трех местах, быстро набухал кровью.

— Вот чертовка! — восхитился Танкар. — А я уже ей было поверил.

— Вся в тебя, — пряча улыбку, заметил Шамир.

— Скажешь тоже! Я не кусаюсь.

Шамир осторожно освободил зверька от тонкого кожаного мешочка и сунул ей дольку засахаренного апельсина. Тира проворно схватила лакомство, зажала в ладошке, но за щеку почему-то не сунула.

Запустив тонкую сухую руку в мешочек, Шамир сказал «опа» и двумя длинными пальцами вытянул за замочек длинную золотую цепь из тонких звеньев. Танкар взвесил добычу на руке, цокнул языком:

— Сотни на две потянет. А при хорошем базаре и на две с половиной.

— Верные две с половиной. А при хорошем базаре — три, — поправил его Шамир, — ручная работа, мастер из Ирана, ювелир Рашудия. Очень хороший мастер.

Вслед за цепкой Шамир выудил из мешочка один за другим сразу три кольца: два с рубином и одно с желтым, молочного оттенка топазом. Топаз был невероятно крупным.

— Барахло, — поморщился Танкар, — на мзду портовой страже.

— Лучше Вани подари.

— Обойдется. Она и так слишком много воли забрала. Никакой на нее управы.

Из мешка показался хитрый ножной браслет с тремя переплетенными цепочками. Вещица была хороша, на первый взгляд. А на второй — так и вовсе прекрасна. И явно не дешева.

— Вот это я подарю Вани, — решил Танкар.

— Она же слишком много воли забрала, — поддел Шамир.

— Вот и подарю цепь. С намеком.

На плащ одно за другим легли: пара сережек, сцепленных между собой хитрым замочком, наверное, чтобы не потерять, маленькая золотая ложечка, тонкая нить красивого розового жемчуга и еще одно кольцо с прозрачным, как слеза, чистейшим бриллиантом.

Больше в мешке ничего не было.

Двое, сидевшие перед мешочком на коленях, поглядели друг на друга. В глазах Танкара

приятель прочел смертельное разочарование. Шамир хитро улыбнулся.

— Погоди. А почему она до сих пор цукат не съела? — сообразил Танкар.

— Тира, — позвал хозяин, — поди сюда, девочка.

С некоторым трепетом Танкар наблюдал, как его друг бесстрашно засунул палец в пасть зверька, полную тонких, белых и необыкновенно острых зубов. Но Шамир никакого беспокойства не испытывал, да и мартышка тоже. Видно, подобное было у этой парочки в порядке вещей. Тира издала короткий, протестующий визг, и на ладонь Шамира упало массивное золотое кольцо с большим изумрудом.

— Оно, — шумно выдохнул Танкар, — шоб я так жил, оно! Старина Фрим, ты отмщен!

— Что, и вино пить теперь можно?

— Хоть захлебнись, — ответил Танкар, не глядя на приятеля. Он не отрываясь смотрел на кольцо голодным взглядом и, похоже, в эту секунду мир для него исчез.

Неизвестно, сколько бы он так простоял на коленях, впившись глазами в изумруд, но его прервали. У входа в пещеру послышались голоса. Они звучали уверенно и достаточно громко, чтобы породить эхо. Шамир потянулся было за ножом, но приятель не проявил беспокойства, и хозяин смысленной обезьянки решил, что опасности нет.

И впрямь, так в нынешнем обиталище Танкара могли объявиться лишь званые гости. Двое незнакомых Шамиру мужчин грубовато, но осторожно толкнули в убежище третьего. Сам он идти не мог. Нет, с ногами у него был полный порядок, их даже не связали. Затруднение было с головой. На ней красовался большой плотный мешок, спущенный почти до пояса.

— Тот самый? — коротко и непонятно спросил Танкар, с любопытством глядя на мешок.

— Его сын. Но он тоже подойдет. Во всяком случае, твою хитрую шкатулку он починил быстрее, чем мы распускали завязки кошелька...

Танкар криво улыбнулся и сделал знак рукой. Шамир понял его правильно, и, прихватив мартышку, шагнул к выходу. Он не обиделся на приятеля. Много будешь знать — не успеешь состариться. Но те полдня, пока шел с предгорий в порт, он невольно ломал голову, зачем предводителю вольных торговцев понадобился мастер-механик. И так ничего и не придумал.

Хотя, согласно грегорианскому календарю, близкая осень уже должна была принести прохладу, этот день был жарким и отчего-то душным. Плотное марево качалось над метелками ковыля и размывало обычно четкую линию горизонта, превращая синий цвет в пепельный. Хотя, возможно, во всем был виноват едкий пот, заливающий глаза.

— Сделаем остановку. Лошади устали, — сказал невысокий полноватый человек в одежде не слишком богатого скфарна, но с лицом и манерами большого господина из полиса. Его широкая ладонь цепко держала поводья. Чалая лошадь под ним и вправду дышала тяжело.

— Лошади устали! А я?

Девятилетняя девочка, похожая на мальчика, в грубых штанах, заправленных в сапоги, льняной рубахе, с головой, повязанной шарфом, натянула поводья, останавливая своего коня, послушного гнедого. Конь был гораздо старше отцовского чалого, но дышал легче. Зато девочка почти падала. Целый день, от самого восхода солнца, по степи. По петляющему следу степного волка. И все это время девочка не слезала с седла наравне с мужчинами, сжимая в руке плетъ, готовая «заполевать» хищника, если он вдруг окажется рядом. Она знала — за промах ее не накажут, а вот за жалобы... И девочка ничего не говорила, хотя воздух уже начинал дрожать, а затылок потяжелел, словно к тонкой светлой косе привязали бурдюк с водой.

Волка они пока не добыли.

Отец пошевелил плечами, разминая уставшие мышцы. Глаза его, щурясь, оглядывали степь. Чалый и Гнедой опустили морды, выискивая траву.

— *Пить хочешь?* — спросил отец.

Еще бы! Казалось, она, как герой старой греческой басни, способна выпить море. Девочка сдержанно кивнула. Отец протянул тыквенную флягу. На дне еще оставалась вода.

— *Прополощи рот и сплюнь,* — велел он. — *Не глотай. А то разомлешь и свалишься прямо под копыта.*

Девочка все же не утерпела и сделала совсем крохотный глоток. Отец притворился, что ничего не заметил.

— *Мы разве не домой?* — спросила она, возвращая флягу.

— *Как только добудем волка.*

— *А если нам сегодня не улыбнется удача?*

— *Заночуем в степи.*

Отвечал отец коротко. И только поэтому девочка догадалась — он тоже устал.

— *Разве нам нечего есть?* — спросила она. — *Почему этот волк так важен?*

Отец посмотрел на нее внимательно, светлыми сощуренными глазами. Он был добрым отцом. Никогда не бил. Но и не улыбался никогда. А глаза его против солнца она разглядеть не могла.

— *А ты уже смирилась с неудачей? Запомни, Франгиз, сдавшихся гораздо больше, чем побежденных. Едем. У нас еще есть время до заката.*

Отец тронул поводья.

Франгиз послала коня за ним, хотя в висках стучали молоточки и линия горизонта качалась перед глазами. Неожиданно день потемнел, словно случилось солнечное затмение, затылок стал неимоверно тяжелым... Франгиз подумала, что зря поддалась слабости и проглотила воду. А потом мир исчез.

...В темноте светил огонек масляной лампы. Он освещал часть пещеры с вырубленной в стене квадратной нишей — очень небольшую часть. Сама пещера уходила глубоко в скалу молчания и терялась там.

Франгиз с трудом поднялась и села, опершись о стену. Голова болела. Во рту ощущался какой-то неизъяснимо гадкий привкус. Мутило, должно быть, от духоты. Сейчас она сообразила, отчего в том сне, который пришел к ней в беспамятстве, ей снилась душная степь.

Огонек лампы горел очень ровно.

«Значит, — подумала Франгиз с какой-то пугающей отстраненностью, — тока воздуха здесь нет».

Это открытие огорчило, но совсем не напугало ее. Возможно, дело было в обстановке. Она же была замурована в Скале Молчания, месте последнего успокоения своих предков. Можно сказать, в гостях у мертвых. Мертвые не испытывают ни страха, ни сожалений, ни напрасных надежд. Наверное, те, кто лежал здесь, в нишах, уходящих далеко в глубину скалы, подарили ей часть своего спокойствия, помогли коснуться вечности.

Франгиз не имела ни малейшего понятия, сколько времени она спала, или была без памяти, и который сейчас час на поверхности. Но стороны света могла определить точно: по традиции покойника укладывали головой на запад, лицом на восток. Франгиз тоже сидела лицом на восток. Правильно, стало быть, сидела. Осталось только подогнуть колени.

Она помолилась за упокой души отца.

Потом помолилась за мужа, чтобы Господь помог ему перенести все тяготы заточения и простил ему грех неверия.

Потом Франгиз попросила помощи и защиты себе.

Потому что умирать, запертой в чужой, пусть даже и почитаемой могиле, по прихоти мерзавки Монимы, она не собиралась ни в коем случае. И ведь не зря же приснился ей этот сон про давнюю неудачную охоту... в тот раз они провели в степи пять суток, прежде чем все же добыли волка. Наверное, душа ее отца все еще витала где-то рядом и коснулась ее снов, чтобы помочь не впасть в отчаяние. А она и не собиралась. Из-за младшей сестрицы?

Много чести!

Франгиз, попросив прощения у предков, взяла из каменной ниши лампу и поднялась, чтобы осмотреть выход, заложенный камнями. Очень большими они не были. Самый тяжелый, как помнила Франгиз, поднимали двое мужчин. То есть женщина в безвыходном положении вполне могла бы с ними справиться. Франгиз налегла на выступающий камень, пытаясь его толкнуть. Он не пошевелился. Вообще.

С минуту она поразмышляла о том, не стоит ли погасить лампу, чтобы не делить с огнем такой ценный воздух. Но потом решительно водрузила ее на место. Их было двое, живых, в этом царстве смерти. Им обоим, как всем живым, нужно было дышать. Франгиз показалось, что, загасив огонь, она совершит что-то страшное.

Копье с древком, переломленным пополам, уже не годилось для битвы, но ей вполне могло послужить. Если бы только удалось найти хоть малейший зазор между плотно приваленными камнями. Франгиз попробовала сначала там, где было ловчее, потом там, где, казалось, должно было получиться. Потом во всех остальных местах, до которых могла дотянуться, не пропуская ни пяди. А когда ей наконец удалось затолкать в щель плоский железный наконечник и она, пыхтя, повисла на древке всей своей тяжестью, оно с хрустом переломилось у самого основания.

Камень даже не шелохнулся.

— Ничего, — тяжело дыша, пробормотала Франгиз, — этого добра здесь полно.

Второй наконечник вошел вслед за первым. Закусив губу и не замечая боли, Франгиз сосредоточенно колотила по нему большим и плоским обломком чего-то, возможно, жернова от ручной мельницы. Колотила, не останавливаясь ни на секунду, даже чтобы вытереть пот. И когда каменная глыба шевельнулась... Франгиз зажала неистово молотящее сердце и принялась стучать снова, еще быстрее, еще ожесточеннее. Камень и в самом деле шевельнулся, но наконечник копья, вбитый в щель едва не наполовину, выскочил, и глыба встала на место. Франгиз словно воочию увидела, как груда камней поменьше, наваленная снаружи, прилегла к выходу из пещеры еще плотнее.

Могила не отпускала.

Франгиз устала больше, чем галерный раб. Она даже не заметила, как удушливая жара сменилась прохладой. Но холод ей не грозил.

Пользуясь дружеским огоньком, которому она сохранила жизнь вопреки разуму и логике, женщина обыскала пещеру и притащила к выходу грудку острых предметов.

Огромная каменная глыба лениво ворохалась в своем гнезде. Пожалуй, ей уже становилось ясно, что эта маленькая женщина с хрупкими руками и безжалостно прикушенной губой не отстанет. Она просто не умеет сдаваться, не знает, как это делается. Пожалуй, уступить придется камню. Тем более что ему, в отличие от Франгиз, было совершенно все равно, где лежать.

Прошло уже несколько часов, а Франгиз все стучала по наконечнику копья, пытаясь сдвинуть гору камней. Стучала упорно, не останавливаясь ни на миг и не снижая темпа. И потихоньку, по волоску, по капле, гора начинала поддаваться. Не силе, сил у женщины уже не было. Ее неистовому желанию жить. Мертвое уступало живому.

Ей так и не удалось выяснить, кто сильнее: она или гора.

Внезапно, дергая и раскачивая заколоченную в зазор железку, Франгиз, привалившаяся к скале, не услышала — почувствовала, как та содрогается.

Бросив работу, женщина прижалась к стене не только ухом, всем телом.

Она не ошиблась. Стена дрожала.

Там, в мире живых, что-то происходило. Кто-то пробивался к ней, отваливая камни один за другим.

Франгиз шумно дышала. Только сейчас она позволила себе заметить, как здесь душно.

Но кто решился осквернить свежую могилу уважаемого человека? Кто-то из родственников? Кого послала Монима? На всякий случай Франгиз зажала в руке железку, очень кстати оказавшуюся сломанным серпом. В другую руку она взяла плоский осколок

жернова.

Глыба, с которой она сражалась не насмерть, а на жизнь, вдруг повалилась наружу, и в проеме показалась темная копна волос, перехваченных повязкой.

Без раздумий Франгиз приподнялась на носки и с размаху опустила камень на затылок неожиданного спасителя. Тот кульком повалился на пол погребальной пещеры.

Снаружи тек воздух. Он был упоительно сладок. Франгиз жадно дышала. Она и не знала, что дышать можно вот так, как пить после изнурительной жажды. Силы оставили ее сразу. Она опустилась на каменный выступ, не ощущая его холода, и потянулась к кувшину с вином. И к лепешкам.

То ли со страху, то ли в запале, Франгиз так приложила неизвестного, что, похоже, успокоила его навеки. Прошла, казалось, целая вечность, а он не шевелился и даже не стонал. Женщина поднялась и присела на корточки рядом с темноволосым мужчиной. Попыталась нащупать на шее «родник жизни», но из-за того, что собственное сердце прыгало в горле, как взбесившийся заяц, она никак не могла понять, жив неизвестный или уже нет. Крови не было. От старой лекарки Франгиз слышала, что это может быть очень плохим признаком. Она попыталась перевернуть мужчину. Весил он едва ли не больше, чем каменная глыба. Или это она так устала?

Женщина потянулась к кувшину, смочила уголок шарфа и, приподняв голову незнакомца, обтерла его лицо, склонилась над ним, ощупывая голову. Внезапно он открыл глаза.

— О-о! О-о-о! — огромное тело вдруг содрогнулось, сжалось и шарахнулось к стене. Лицо исказил запредельный ужас. Мужчина попытался вжаться в камень и раствориться в нем, закрывая лицо ладонями с растопыренными пальцами.

— Эй, ты чего? — заорала Франгиз, испуганная не меньше незнакомца. Ее крик разнесся по огромной пещере, отразился от стен и вернулся волной такого рева и воя, что мужчина вообще сник и стек по стене на пол.

— Я не знаю, кто ты, демон, но если ты попытаешься взять Ксана-удильщика, готовься — будем драться! — выкрикнул он ненормально высоким голосом и в конце сорвался на визг. Франгиз некстати вспомнила, что в детстве задавалась вопросом, умеют ли мужчины визжать. Оказалось — еще как умеют. Любой поросенок обзавидуется.

— Я не демон, — произнесла она, как ей показалось, очень убедительно.

— Не демон?! — Мужчина подозрительно сощурился. — Докажи!

Франгиз перекрестилась большим пальцем.

— Убедился?

— И правда, не демон. — Ксан-удильщик слегка успокоился, хотя плечи его все еще вздрагивали. — Но тогда кто же ты, создание, чей облик так страшен?

— Страшен? — оскорбилась Франгиз.

— И что ты делаешь в могиле?

— А что в ней делаешь ты? Судя по тому, что ты пришел сюда один и ночью, вряд ли что-то богоугодное!

— Это точно, — кивнул Ксан. Он, похоже, сообразил, что опасности нет, и успокоился. — Я пришел сюда за золотом. Судью похоронили только сегодня, и человек он был не бедный.

— Ты — грабитель могил, — осенило Франгиз.

Женщина гадливо поморщилась и отступила на шаг.

— Точно. Потомственный. И отец мой был грабителем могил, и отец моего отца. А отец моего деда был рабом, удравшим с галер царицы Орсобатис. А ты, значит, была выбрана в спутницы судьи в царство мертвых. Добровольно?

— Ну, — Франгиз поколебалась, но все же сказала правду, — не совсем.

— Повезло тебе, значит. Ну хорошо, займусь я, пожалуй, делом. — Ксан-удильщик распрямился и поднял с пола упавший фонарь.

— Ты не прикоснешься к этой могиле! — Франгиз попыталась загородить дорогу, но

Ксан всего-то выбросил вперед ладонь. И она наткнулась на нее, как на стену.

— Эй, девочка! Я с самого детства ворочаю камни величиной с тебя. Я все равно заберу золото.

— Я все равно попытаюсь тебе помешать, — упрямо возразила она.

— Ты уже попыталась. Теперь посиди. Пей вино, ешь лепешки. Твоя совесть чиста.

Франгиз бросило в жар.

— Я боролась за свою жизнь!

— Я тоже, — ответил Ксан, разбирая мешок, — у меня, знаешь ли, семья.

Пока Удильщик рылся в могиле и набивал свою торбу золототканой греческой материей, драгоценными золотыми украшениями, посудой, украшенной камнями, оружием в узорных ножнах, упряжью, платьем, башмаками и просто золотыми и серебряными монетами разного достоинства, Франгиз не мигая смотрела в противоположную сторону.

— Все, — объявил грабитель и, крикнув, приподнял раздувшийся мешок, — отличный улов, клянусь своим фонарем.

— Потому ты и Удильщик? — спросила Франгиз.

— Ага. Эй, ты что? Никак плачешь? Вот чудное дело. Ты ведь христианка.

Франгиз кивнула, пытаясь справиться с собой.

— Значит, веришь, что душе на том берегу Леты не нужно ничего, кроме последнего причастия.

— Как ты можешь грабить мертвых?! — воскликнула она, глотая слезы.

— По-твоему, было бы лучше, если бы я грабил живых?

— Лучше, если бы ты жил честно.

— Если бы я жил честно, сегодня ты бы умерла в этой пещере.

— М-м, — Франгиз помотала головой, — я бы выбралась. Камень уже начал шататься.

Удильщик поманил ее рукой. Франгиз, наконец, выбралась из пещеры в Скале Молчания. В ночную прохладу. Как будто пересекла те самые летейские воды, о которых говорил Ксан, в другую сторону. Чувствовать на лице ветер, пахнущий морем, было настоящим блаженством.

— Гляди! Выбралась бы она.

Франгиз посмотрела в ту сторону, куда указывал Ксан, и содрогнулась. Она и не представляла, с чем попыталась спорить.

— Это было бы очень трудно... Но я бы выбралась.

— Надо же, какая! — Ксан качнул головой и, поставив на землю мешок и фонарь, принялся ставить камни на место, заваливая вход.

— Погоди, — Франгиз вдруг метнулась назад, схватила из каменной ниши все еще горевший светильник, в последний раз бросила взгляд на разоренное погребальное ложе своего отца и, загасив огонек, забрала лампу с собой.

— Тебя куда проводить? — Ксан грузил мешок на смиренного ослика, тщательно вывязывая хитрые узлы. — Чего молчишь-то?

— Некуда мне идти.

Ксан выпрямился, оторвал взгляд от осла и внимательно посмотрел на женщину.

— Некуда пойти, кроме чужой могилы? Ну ты, мать, дожила!

— Так получилось.

— Плохо получилось, — изрек Ксан с таким видом, будто высказал что-то умное. Франгиз фыркнула.

— У тебя есть семья?

— Семья меня сюда и засунула.

— Все у вас, у богатых, не как у людей. И денег у тебя, небось, нет. Ну правильно, откуда у тебя деньги?

— Из могилы я не возьму, — возмутилась Франгиз.

— Ты... — Ксан вздохнул тяжело, словно все еще держал на плечах тяжелый мешок. — Тяжко тебе будет.

— Справлюсь.

Ксан-Удильщик посмотрел на нее долгим взглядом. Потом смерил грудю камней у входа. Словно что-то прикидывал про себя.

— Пойдем, — сказал он, наконец, — вниз-то все равно по пути.

Франгиз больше не оглядывалась на Скалу Молчания. Ксан-Удильщик вел в поводу покладистого ослика, и стук его копыт по камню в теплой, хотя и ветреной ночи действовал успокаивающе. И когда они подошли к большой, почти высохшей пихте, неизвестно каким ветром занесенной на этот берег, от которой дорога расходилась на две, Франгиз, ни о чем не спрашивая, свернула за Ксаном и его четвероногим приятелем.

* * *

Тяжелее всего оказалось бодрствовать в четыре часа утра.

Франгиз с трудом удавалось держать голову прямо. Забыв приличия и воспитание, она зевала во весь рот, даже не прикрываясь рукавом. Самым обидным было то, что все вокруг в этот несуразный час выглядели отвратительно бодро. Впрочем, помойники! Разве ж можно с них требовать, чтобы они вели себя как нормальные приличные люди?!

...В касте отверженных и презираемых Франгиз приняла на удивление радушно. Ей показалось, что она, как блудный сын, вернулась к родному очагу после долгих странствий и вдобавок принесла богатые подарки.

Когда, уже под утро, сдав мешок и наскоро познакомив ее с Каллистосом, Ксан-Удильщик исчез в зыбком и неясном свете зарождающегося дня, Франгиз не держали ноги. Она не спала уже третью ночь, гробница отца отняла последние силы, но Удильщик, вместо того чтобы пройти в город через ворота, как человек, протащил ее «обезьяней тропой». Франгиз впервые прикоснулась к тайне катакомб, но почти ничего не увидела, даже не осознала, что ей открылся кусочек той жизни, какую она, царица по рождению, жена правителя не могла узнать ни при каком ветре. Пещера и пещера... После отцовской могилы ей было уже все равно.

Увидев ее, Каллистос вздрогнул. А потом рассмеялся. Не говоря ни слова, он взял из шкафа начищенный поднос и жестом предложил взглянуть. Франгиз нехотя подняла слипающиеся глаза... и проснулась мгновенно. Потому что из серебряной глубины на нее смотрело такое жуткое создание, что дальше уже некуда!

Каллистос не стал будить слуг, сам принес ей воду, гребень, чистое полотенце. Когда она умылась и причесалась, перед ней уже стояла глубокая миска с похлебкой и лежала свежая пшеничная лепешка.

Франгиз приняла это как должное. Ей прислуживали всю жизнь люди поважнее этого грека, хозяина небольшой таверны. Она почти свалилась на жесткий топчан в небольшой каморке, и ей было все равно: хоть война, хоть камни с неба, хоть конец света — Франгиз уснула так крепко, что ее с трудом будились лишь через сутки.

Был самый обычный день в Братстве спартов. Посетители разошлись полчаса назад, и лишь сейчас спарты получили возможность присесть.

Франгиз валила с ног не усталость, а сон. Она всегда вставала вместе с солнцем. Здесь же пришлось с солнцем ложиться. По сравнению с этой ежедневной пыткой, все остальное было вполне терпимо.

— Малех, Кирсан! — Каллистос с неизменным спокойным и доброжелательным выражением лица, держа стило и табличку, аккуратно выводил греческие буквы и арабские цифры.

Два паренька, братья, сев напротив грека, с удовольствием и некоторой гордостью вывернули свои кошельки. Грек внимательно пересчитал содержимое, записал, ободряюще улыбнулся. Получив свою долю и по лепешке с луком, ребята устроились у окна. Ели они тоже второй раз за день. Первый — когда просыпались.

Подошла очередь Франгиз.

Она улыбнулась греку, потому что было положено улыбаться, и опорожнила свой кошелек. Денег там оказалось даже больше, чем у обоих братьев вместе взятых. Каллистос одобрительно вскинул брови и, сверх обычной четвертой части, подвинул к ней целую серебряную монету. Франгиз тоже получила лепешку и луковицу и присоединилась к братьям. Ее место занял хитрющий черный мужчина, похожий на италийца.

— Как тебе это удается? — Кирсан подмигнул. — Поделись секретом.

— Она просто красивая, — «объяснил» брат, — была бы у нас с тобой такая грудь, хотя бы одна на двоих...

Франгиз слушала парней вполуха, и жевала лениво, хотя была страшно голодна. Но спать хотелось больше, чем есть.

С помойниками Франгиз связал случай... или судьба, как посмотреть. С другой стороны, чудом избежав гибели в скале, не умирать же с голоду на улице того города, который некогда лежал у твоих ног... и ел из твоих рук!

Когда Каллистос со спокойной прямоотой объяснил ей, что все в этом мире стоит денег, в том числе пища, вода и укрытие, Франгиз приготовилась ко всему: грубости, вымогательству, грязным намекам. Даже к признанию в большой и возвышенной любви к ней. Или к Данию. Но грек сразил ее наповал, предложив работу.

— Я не рабыня и не служанка, — оскорбилась было Франгиз.

— А я и не предлагаю тебе мыть полы или ублажать меня в постели.

...Центурия Каллистоса продавала зеленые лепешки. Вообще, как успела выяснить Франгиз, кроме их десятка, на грека работало много самого разного народу: важные купцы, содержатели постоянных дворов в квартале. Даже городские стражники приходили в таверну за своей долей. Те, кто крутился в толпе и предлагал «сладкие сны» всем подряд, считались самым низом, первой ступенью лестницы, конец которой, если верить греку, поднимался выше Олимпа, упираясь в небеса. Взобраться по ней мог любой. Но только с самого низа, пройдя все ступени, не пропустив ни одной...

Три дня Франгиз помогал паренек по прозвищу Меот. На четвертый день она осталась одна.

Улица ее оглушила. Здесь кричали глашатаи и торговцы, лаяли собаки, визжали обезьяны и дети, почти не отличавшиеся от обезьян ни видом, ни повадками, гремели повозки, хлопали ставни и калитки, пахло цветущими розами, лавром, гнилыми рыбьими потрохами и потом.

Франгиз никогда не была так одинока и беззащитна. С самого раннего детства ее окружала толпа слуг. На охоту, прогулку и жертвоприношение в храм ее вывозили, окруженную кольцом охраны. Дом Франгиз был очень приятной и удобной тюрьмой. Выйдя замуж, она всего лишь сменила одну тюрьму на другую, более роскошную. На приемах ее отделяло от гостей несколько шагов пустого пространства, которое никто не смел пересекать под страхом быть убитым на месте.

В ночь, когда на Акру обрушилась Тень, Франгиз впервые осталась одна. То, что мнилось привычным и надежным, в одночасье обернулось страшным и враждебным.

Она тенью пересекла свой любимый сад, стараясь не попасться на глаза даже случайным свидетелям — Франгиз никому не верила и всех боялась. Путь от дворца до отчего дома всего в несколько кварталов занял почти два часа. Франгиз заблудилась.

Женщина думала, что после ссоры с Монимой, Скалы Молчания, Ксана-Удильщика и темных, запутанных троп нижней Акры ее уже ничем не удивить. Она ошиблась.

Оказалось, улица жила совсем другой, особой жизнью. Мальчишки, которые продавали воду, четко знали «свои» кварталы. Нарушителей могли жестоко избить и лишить кувшинов. Писарь, сидевший у городских ворот на плоском камне, покрытом вытертой ослиной шкурой, был состоятельным человеком. А меняла Дубай, который выглядел как последний нищий, и вовсе имел собственный дворец в Верхней Акре, другое имя, и выдал дочь замуж за большого сановника из Пантикапея. Постоялый двор был целой державой со своим

правителем, судом и армией. Стражи ворот имели четкие указания, с кого и сколько брать сверх положенной городской пошрины, а жадность каралась битьем палками и утратой доверия десятника, что было несравнимо хуже.

Люди на улице попадались разные. Не просто богатые и бедные, местные и приезжие. Они были веселыми, злыми, озабоченными, подозрительными, беспечными, глупыми, жадными. К каждому нужно было подобрать свой «ключик», чтобы зеленая лепешка перекевалась в руки покупателя, а медная денежка — в кошелек продавца. Вести торговлю следовало не как попало, а правильно, дабы уберечь себя от тысячи опасностей, подстерегающих отверженных в городе, который их презирал и относился хуже, чем к собакам. Что ж, система, придуманная помойниками для таких вот случаев, работала безупречно, в этом Франгиз убедилась почти сразу: первый же человек, к которому она подошла, принял ее за «красотку». Заметив ее растерянность, Меот подскочил, улыбнулся, назвал себя сыном женщины и, подтвердив предположение нахала, назвал такую цену, что того словно ветром сдуло. Потом ей часто сально улыбались, грубили, пытались напугать. Оскорбляться и грубить в ответ было нельзя.

Сначала она робела. Потом ее захватил азарт. Улица была жесткой и неуступчивой. Чувствовать себя умнее, сильнее, хитрее улицы было лестно.

Когда она в первый раз вытряхнула перед Каллистосом кошелек, невозмутимый грек слегка шевельнул бровью... Что в его случае означало как минимум обморок от удивления. Франгиз оказалась способной.

Лепешка с луком, полученная от грека в конце дня, оказалась невысказанно вкусной.

Женщина ни о чем не думала, она испытывала чувственное наслаждение, которое приносили неподвижность и сытый желудок. Она не заметила, как таверна опустела, и Франгиз осталась наедине с греком.

Он подошел неслышно. На что была легконога Франгиз, но грек и тут ее переплюнул: он был как большая поджарая кошка из страны Афр.

— Ну что, довольна ты своим сегодняшним заработком? — мягко спросил он.

Франгиз так отупела от усталости, что даже не вздрогнула.

— Каллистос, я всем довольна и очень хочу спать.

— Я вряд ли ошибусь, если предположу, что ты валишься с ног. И больше всего хочешь, чтобы жизнь как-то переменялась, и тебе не приходилось бодрствовать по ночам.

— Ты не ошибаешься, Каллистос, как всегда. К чему этот разговор?

— К тому, что пора тебе жизнь менять.

Сон мгновенно слетел с нее, словно от ведра ледяной воды.

— Ты хочешь меня прогнать? — Франгиз сама удивилась тому, что со дна души поднялся не страх, а острое сожаление.

— Я хочу протянуть тебе руку и помочь подняться на следующую ступень.

— Но братья сказали, через несколько месяцев, — удивилась Франгиз.

— Они, может, и через несколько месяцев, — согласно кивнул грек, — а тебе уже пора.

Франгиз выпрямилась, пытаясь осознать случившееся.

— У тебя будет своя центурия, как у меня. И свой квартал. И денег у тебя будет намного больше.

— Насколько больше? — осторожно спросила Франгиз.

— Ты знаешь, сколько стоит земля в городе?

— Нет, — она мотнула головой, — мне не приходилось покупать землю.

— Очень дорого, можешь мне поверить. Так вот, через год ты сможешь купить землю. Еще через год — построить дом.

— И что я должна для этого сделать?

— Немного, — грек был серьезен, и Франгиз тоже пригасила улыбку, — но это немного — обязательное условие... Братство спартов вне закона. И любой новый человек, который приходит к нам, может оказаться «крысой». Один человек может разрушить всю нашу лестницу в небо. Поэтому нам приходится быть очень осторожными. Пока ты еще

почти ничего не знаешь, — продолжал грек, — но, получив землю и людей, будешь знать очень многое. Братство должно тебе доверять.

— И как мне заслужить доверие Братства? Полагаю, клятвы недостаточно, — сухо спросила Франгиз.

— Недостаточно, — подтвердил Каллистос. — Я доверю тебе свою жизнь. Ты будешь держать ее в руках примерно так же, как сейчас держишь луковицу. Ты сможешь в любой момент послать меня к палачу. Для меня есть лишь один способ не беспокоиться по этому поводу.

— Ты должен держать в руках мою жизнь.

— Догадалась. Значит, и я не ошибся, тебе и впрямь пора подниматься. Держать тебя на улице — расточительство. — Каллистос немного помолчал. — Способов всего два. Пролить кровь. Или осквернить храм. За любое из этих деяний в Акре полагается веревка. Выбирай, какое тебе ближе. Но думаю, раз ты христианка, осквернить языческий храм тебе будет легче.

— Каллистос, ты спятил, — убежденно сказала Франгиз, — или глупо шутишь.

— Ты сейчас подумай вот о чем: на улице люди долго не живут. Даже такие способные. Любой может отобрать деньги и товар, избить, надругаться или даже убить. Никто не станет тебя искать. Ты — самый бесправный житель полиса. У тебя нет земли, нет собственности, нет покровителя. Сколько ты еще сможешь прятаться по сточным канавам? В конце концов тебя ждет либо ошейник рабыни, либо коврик «красотки», либо нож убийцы. А Братство предлагает тебе жизнь, защиту и месть, если не сумеет тебя уберечь.

— Бог сказал: «не мсти, ибо мщение — мой удел», — машинально отозвалась Франгиз.

— Хорошо, не будем. Но все остальное будет твоим. Сейчас ты ляжешь спать в моей комнате. Когда выспишься, тебе принесут еду. Хорошую еду. Какую ем я. После того как поешь, ты либо выйдешь из таверны — и тогда можешь больше не приходить, тебя для нас нет. Либо дождешься меня и еще двоих братьев. Ждать придется недолго. И тогда, если пройдешь испытание, станешь одной из нас. Я его тоже прошел, — добавил Каллистос. А потом встал и вышел, оставив Франгиз в растерянности.

Она сидела неподвижно, наверное, с полчаса. Сон, такой желанный, вдруг ушел, бросил ее, как вероломный друг. Женщина встала, достала из шкафа масло и наполнила им светильник, давно, тысячу лет назад, унесенный со Скалы Молчания. Затеplился крохотный огонек.

— Здравствуй, — очень тихо, одними губами прошептала Франгиз, — опять мы с тобой одни. Против целого света. Только Ксан-Удильщик больше не появится, чтобы чудесным образом откопать нас. Но ведь мы бы и без него справились?

Пламя в лампе качнулось и потянулось к развернутым ладоням Франгиз, словно ласкаясь.

— Тогда мы не будем ждать утра. Мы уйдем прямо сейчас. Правильно?

Огонек согласно дрогнул.

— Значит, решили. Уходим.

Сборы заняли меньше времени, чем потребовалось бы стриженной девке, чтобы косу заплести. Франгиз завязала в платок все заработанные деньги, кроме последней монеты. Спасибо Каллистосу, Меоту, братьям и всей остальной центурии — она кое-что знала об улице. И о Братстве. Все постоянные дворы и гостинные дома в Акре кишели спартами, а значит, были для нее закрыты. Что бы не говорил Каллистос о свободе выбора и о том, что искать ее не будут, Франгиз слишком хорошо понимала, что узнала за эти десять дней достаточно, чтобы стать опасной. Поэтому хитрый грек и поторопил испытание кровью. Ее будут искать. И найдут. Значит, нужно сделать так, чтобы не нашли. То есть, чтобы и не искали.

У таверны Каллистоса, как и у всех заведений Братства, была страшноватая тайна. В полу имелся люк. Самый обычный, как в любом кабачке, любом доме Акры, люк от погреба. Только этот люк вел не в погреб. Это был колодец. Очень глубокий колодец с отвесными

стенами. Без веревки. Ни одна веревка не достала бы до его дна. Потому что уходил он на глубину ниже обычных путей контрабандистов, ниже «обезьяньей тропы», где проходили дороги помойников. Колодец спускался туда, где все еще несла свои воды подземная река, ушедшая с верхних ярусов.

Франгиз отвалила доски, загораживающие люк. Оттуда пахло сыростью и холодом.

Теплый шерстяной плащ она повесила на край, так, словно бы он сам зацепился. Даже застежку надломила, не пожалела. А на столе, в узелке — все тяжелым трудом заработанные деньги. По-хорошему — полгода жизни. «Все правильно, — усмехнулась Франгиз, — мертвым деньги не нужны. Мертвым вообще ничего не нужно в этом мире, кроме доброй памяти...»

А Франгиз и памяти не нужно — ни доброй, ни худой. Чем короче память — тем длиннее жизнь.

Франгиз не стала отпирать дверь. Не стала трогать ставни. Вместо этого она поднялась на второй этаж, в комнату, любезно предоставленную греком. Она и впрямь была чудо как хороша, но женщине было не до любования. И даже не до любопытства. Ее предположение подтвердилось — наверху ставни не запирались. Вероятно, чтобы свежий ночной ветер прогонял духоту и запахи таверны. И так не слишком грузная, за последние дни, от скудной пищи и тяжелой работы, Франгиз дошла до того, что превратилась в собственную тень. Только что кости не гремели. И хорошо, что не гремели. Шума ей здесь совсем не нужно. В щель между окном и приоткрытым ставнем она проскользнула легко. А дальше?

Тут было даже пониже, чем во дворце. Правда, и плюща не было. Ну, значит, обойдемся без плюща, только и всего.

...Каким-то чудом ей удалось не переломать ноги. Она даже почти не ушиблась. Улица была пустынна. Час между собакой и волком: когда ночные хищники уже уходят в норы на дневку, а их прирученные сородичи еще спят, как и их хозяева. Помойники уже освободили город, а до утренней пробудки и смены стражи оставалось чуть больше часа... Но Франгиз все же, как учили «братья», тщательно проверила, «не ведет ли она козу».

Слежки не было. Пока что ее побег остался незамеченным.

«Ах, братцы... Я оставила в этом страшном доме частицу своего сердца!»

Но она так и не оглянулась ни разу.

* * *

Франгиз была не единственной, кому в ту ночь не спалось. Видимо, виновата была полная луна. Она хоть и прятала за облаками свою хитрую физиономию, но мелкие гадости исподтишка строила. Сон она украла у половины Акры. Даже часовые ради разнообразия не пытались спать на посту, опираясь на копьё, и расталкивать их, рискуя получить на два пальца железа в живот, не пришлось.

Йонард тоже не спал, но он не из-за луны, плевал он на луну, просто было его дежурство.

Не спал и Ритул, за компанию.

— Ты тоже видел? Кто-то испакостил западную стену дворца: намалевал жуткую тварь!

— Летучую мышь, — кивнул Йонард.

— Ну, может быть. Я подумал, какой-то демон, из местных. Ее замазали, но я не сомневаюсь, тот, кто должен был ее увидеть — успел.

Йонард согласно промолчал. Загадка черного человека-призрака из кухонного коридора прояснилась, и ее с чистой совестью можно было выкинуть из головы.

— Что теперь делать? Усилить караулы?

— Бесполезно. Если Летучие мыши нацелились кого-то здесь прикончить, они это сделают. Им все равно, обычная охрана или усиленная. Они — духи ночи.

— На чьей они стороне? — спросил Ритул.

— Ни на чьей. На своей собственной. Они исполняют заказы. За деньги. За очень большие деньги, — счел нужным добавить Йонард.

— Насколько большие?

— Мы с тобой до стольку даже вдвоем не сосчитаем.

— А на плечах унесем?

Йонард добросовестно подумал:

— Да. Но не всегда.

— На какую же дичь снарядили таких охотников? — озадачился Ритул. На трезвую голову думать было непривычно, клонило в сон, но он добросовестно сопротивлялся.

— Судья? — наугад предположил Берг. Он попытался припомнить все, что слышал от Танкара, но быстро бросил это занятие. Образ торговца расплывался и утекал, хитрый евер был не по зубам прямому северянину. Но зато вспомнился другой человек: лысый земляк Одоакр, начальник римской стражи. Он тоже был весьма искушен в интригах, а кроме того, читал труды математиков: Евклида и Пифагора.

— Через одну точку на плоскости можно провести много линий. А через две — только одну, — изрек он, наконец.

— Это ты к чему? — Ритул смотрел на него терпеливо и вроде бы не думал, что его друг спятил.

— У нас есть две точки. Одна — это судья. Другая — дворец. Черный человек здесь был. Я его видел.

— И не сказал?

— Я думал, мне чудится.

— Если воину что-то чудится, командир об этом должен знать, — отрезал Ритул.

— Я понял. Мне продолжать, или как?

— Или где, — передразнил Ритул, — я сам продолжу. Черные убили судью. А потом появились во дворце...

— Сначала во дворце, — поправил Йонард.

— Не перебивай, с мысли собьешь! Они появились здесь, и ты их спугнул. Значит, они нацелились на кого-то во дворце. А страшная морда с ушами на западной стене значит...

— Ничего это не значит, — перебил Берг, — если бы во дворце Черные искали жертву, к утру мы имели бы труп.

— Но ты же его спугнул!

— Потому что он шел не выполнять заказ. Иначе просто не попался бы мне на глаза. Или мы бы имели два трупа. Второй — мой, — уточнил Берг.

— Что же он тут делал? Не в гости же ходил, — озадачился Ритул и сам же ответил: — Если не исполнял заказ, значит — получал. Заказчик — во дворце.

— И эту тварь на стене дворца намалевали, — вставил Йонард.

— И кто это сделал?

— Тот, кому среди всей этой беды вдруг понадобилась черная краска.

— А кому она понадобилась?

Оба обалдело посмотрели друг на друга.

— А ему-то зачем?

— Деньги, — предположил Ритул, — закон Эльхара... Судья — большой человек, за него много золота внесут.

— Не-ет, — Йонард скривился, словно съел кислое, — Черные — очень дорогие ребята. За судью они бы забрали всю казну вместе с дверным засовом. А может, и с дверью.

— Чудак он. Сказал бы нам, мы бы его бесплатно грохнули. Что ж он не сказал?

— Значит, это не он, — подытожил Йонард и запил водой большой, густо поперченный кусок мяса. Он уже не морщился.

— Но черную краску несли ему!

— Значит, их двое.

Луна, снова вылезшая из-за туч, заглянула в маленькое угловое окно, где коротали ночь

за трапезой двое воинов, подивилась их совершенно трезвым и не на шутку озадаченным лицам и снова укрылась за дымной завесой облаков.

— Может, кальян покурим? Для обострения ума? — предложил Ритул.

— Может, рабынь позовем? — огрызнулся Йонард. — Тоже, говорят, помогает.

Стратегический совет зашел в тупик.

И тут в двери громко постучали.

Получив разрешение войти, страж дворца отсалютовал своим командирам, обоим разом, и вытолкнул вперед женщину, кухонную рабыню, судя по выпачканным сажей рукам. Лицо ее закрывали белокурые волосы, растрепанные и засаленные, а тело льняная хламида не первой свежести. От красотики пахло луком и потом. Ритул поморщился.

— Как это понимать?

— Сказала, Йонард за ней послал, — отрапортовал страж и поспешно сгинул в коридоре.

Увидев, что Берг не один, женщина испуганно отшатнулась и попыталась исчезнуть вслед за стражем. Но Ритул уже вставал из-за стола...

— Кто это?

— Ты же видишь, женщина, — буркнул Йонард. — Захотелось расслабиться.

Ритул смотрел на него пристально и не верил ни единому слову.

— Кто ты такая? — сказал он, обращаясь к ней. — Только не вздумай врать. Ты понимаешь меня?

Ритул взял ее за подбородок и повернул лицо к свету лампы. Из-под спутанных волос на него смотрели серые глаза, те самые, которые он так и не смог забыть.

— Ущипни меня, Йонард, — попросил он.

— Убери руки, наемник, — голос хлестнул, как плеть, Ритул аж попятился. — Три шага назад. Перед тобой особа царской крови.

Он повиновался, почти не соображая.

Йонард опустился на одно колено и почтительно склонил голову.

— Я хотел вас достойно похоронить, госпожа, — невпопад ляпнул Ритул, понял, что сказал глупость, смешался и замолчал.

Она повернулась к Йонарду.

— Я, кажется, сделала большую глупость. Прости. Но страж сказал мне, что ты один.

Ритул, все еще под впечатлением, тем не менее, подошел к двери, распахнул ее, оглядел коридор, закрыл и задвинул засов.

— Но и ты хорош! Мог сказать, что знать меня не знаешь! Тогда бы хоть один из нас остался на свободе.

— Госпожа моя... — не вставая с колена, Йонард поднял голову, — вы ошибаетесь. Сильно ошибаетесь, считая этого грозного удра своим врагом. Он ваш друг. Возможно, самый преданный и надежный из всех.

Франгиз пытливо всмотрелась в лицо командира наемников.

Ритул почувствовал, что краснеет, и начал злиться. Чтобы скрыть гнев, он попытался презрительно улыбнуться. Улыбка вышла жалкой, но невыносимо обаятельной. Франгиз мгновенно растаяла:

— Это так? Выходит, у меня в Акре был еще один друг. А я об этом не знала.

Ритул покачал головой и, наконец, отлип от двери, сделав знак Бергу, чтобы тот вставал, и вообще, прекратил дурачиться.

— Больше чем друг, царица, — признался он. — Вы голодны?

— Я... да, — с виноватой улыбкой Франгиз скользнула за стол, причем потянулась не к фруктам, а к белому мясу. Йонард мысленно дал себе пинка, что не подумал об этом сам.

Пока она утоляла голод, мужчины смотрели друг на друга, как два нашкодивших кота.

— То, что вы сделали, госпожа, чрезвычайно опасно, — сказал Ритул, когда с трапезой было покончено, — значит, причина, которая толкнула вас на это, невыносимо важна.

— Я слышала, что у стен встали лагерем кочевники.

Ритул кивнул.

— Они пока не напали, но мы ждем этого. Тень отдал приказ готовиться к обороне города.

— Какое племя? — перебила Франгиз, — какой у них тотем? Кто их ведет?

— Это важно?

— Это может быть сейчас самой важной вещью в мире. От этого зависит, будем мы жить или умрем.

— Ну, будем мы жить или умрем, это не самая важная вещь в мире, — улыбнулся Ритул, — а что касается тотема — парни, которые подъезжали под самые стены и бранились с Отаром, таскали с собой на длинной палке голову коня. Сказали, очень искусно сделана, почти как живая... Тебе это о чем-нибудь говорит, госпожа?

— Скфарны! — Франгиз счастливо улыбнулась — и словно солнце взошло, осветив узкую полутемную комнату.

Оба воина мгновенно заулыбались в ответ, не осознавая этого. Счастливая Франгиз — это было настолько прекрасно, что до них даже не сразу дошла суть разговора.

— Это что-то меняет? То, что это скфарны?

— Это меняет все! Причем — в лучшую сторону. Скфарны — это кочевое племя, в котором до двенадцати лет воспитывался мой муж, они заменили ему родных. Их мать-предводительница, Сатеник, принимала роды у его матери, а когда, через три года, та умерла, воспитывала Дания как сына. Это долгая история, их семья тогда была в изгнании, в общем...

— В общем, там, под стенами, самое боеспособное войско со времен Александра Великого, а во главе его — твоя свекровь, — подытожил Ритул.

— Мне нужно за стену, — выпалила Франгиз, — и чем быстрее, тем лучше!

— Понятное дело, — кивнул Ритул, — но, боюсь, мои ребята окажутся не такими понятливыми. Понятия не имею, как тебя отсюда вытащить.

— Я имею. Можно пройти низом. Обезьяньей тропой. Я знаю, где она начинается. Но мне не справиться одной.

Глава восьмая

Море шумело вдали глухо, как бы печалась о чем-то. Огромное, мягкое и серебристое, залитое голубым сиянием луны, оно сливалось у края земли с синим южным небом и дремало, отражая в самом себе прозрачайшую ткань перистых облаков, почти не скрывающих алмазные искры звезд. Постепенно темнея, небо все ниже склонялось над морем, словно желая услышать и понять то, о чем так настойчиво шепчут волны, в тихой дреме вползая на берег.

Далекое, почти у самого горизонта, горы, сплошь заросшие деревьями, уродливо изогнутыми сильными морскими ветрами, тянули вершины в синюю пустыню над ними. Резкие очертания их округлились, окутанные теплом и лаской мягкой южной ночи.

Свежий ветер, наполненный дыханием моря, нес по степи древнюю как мир и такую же прекрасную песню. В ней смешались и сонный плеск волн на берегу, и шелест высохшей травы. Ветер тек широкой ровной волной, но иногда он точно прыгал через что-то невидимое и, рождая сильный порыв, уносил в степные просторы острый запах воды и соли.

Луна взошла. Ее диск был велик и кроваво-красен, она казалась вышедшей из недр этой степи, которая со времен сотворения ее богами так много поглотила человеческого мяса и выпила крови... оттого, верно, и стала такой жирной и щедрой.

Степь тоже дремала, но дремала напряженно и чутко. Казалось, в следующее мгновение все встрепенется и зазвучит в стройной гармонии неизъяснимо сладких звуков. И эти звуки поведают обо всех тайнах мира, разъяснят их уму, а потом погасят его, как призрачный огонек, и увлекут душу за собой, высоко, в темно-синюю бесконечность.

И вот уже возникли эти звуки... У костра в степи запели. Сначала это был сильный и

одновременно бархатный, грудной женский голос. Он пропел два-три слова и возник другой, начавший песню сначала, а первый все лился в унисон ему... Третий, четвертый, пятый вступили в том же порядке... И ту же песню, опять сначала, запел хор мужских голосов. Каждый женский голос звучал будто бы отдельно, все они казались чистыми прозрачными ручьями и, точно скатываясь откуда-то сверху, по уступам прыгая и звеня, вливались в темную, густую реку мужских голосов, тонули в ней, вырывались из нее, заглушали ее — и снова один за другим взвивались, такие же сильные и чистые, высоко вверх.

— Слыхал ли ты, чтобы где-нибудь еще так пели? — спросила Сатеник, поднимая голову к Йонарду и улыбаясь тонкими высохшими губами.

— Нет, — честно признался северянин.

— И не услышишь. Мы любим петь. Только те, кто любит жизнь и волю больше себя, могут так петь... — Сатеник замолчала, глядя куда-то в степь сквозь пламя костра. Редкие порывы ветра вырывали из огненных языков мириады ярких брызг, тихо гаснущих на лету. Сгустившаяся мгла отодвигалась, на мгновение приоткрывая слева — бескрайнюю степь, вправо — безмятежное море и прямо, напротив старой Сатеник, фигуру Йонарда Берга. Он полулежал, опираясь на согнутую в локте левую руку, на широкой ладони покоилась его голова со спутанной гривой волос. Крупные черты лица, потемневшего от солнца, в свете пламени костра стали резкими, почти грубыми, точно вытесанными топором в камне. И, словно наделенные собственной волей и разумом, жили своей отдельной жизнью ярко-зеленые глаза Берга. Они мягко тлели в темноте, как глаза зверя, чья логика непостижима для людей.

— Так ты говоришь, что ходишь? Тоже ходишь по свету? Хорошо! Верное дело. Славная доля. Так и надо: иди вперед и ничего не бойся. Иди до тех пор, пока не насмотришься на все это: на весенние ручьи и зелень первых трав, на цветущую алым цветом степь, на желтые листья, гонимые ветром, на серые тучи, лежащие на склонах гор по зиме... а насмотрелся — ложись и умирай. Вот так! Все просто, как эта жизнь вокруг нас. Мой народ живет просто, поэтому нам доступна мудрость... Хочешь, расскажу, что было, что будет и чем дело кончится? — Старуха лукаво, совсем как молоденькая, взглянула на Йонарда.

Германец, почти против воли, подал Сатеник правую руку ладонью вверх. Об этом способе смотреть в будущее он слышал достаточно, чтобы побаиваться.

— Что было, я и сам знаю. Чему быть, того не миновать. Скажи лучше, чем дело-то кончится?

Старуха рассмеялась низким переливчатым смехом:

— Дело? А какое дело-то, Йонард? Их у тебя столько, что не всякий за целую жизнь соберет то, что есть у тебя в твои двадцать с небольшим. Ха!

— Самое важное. — Йонард принял правила игры и улыбнулся старухе.

Она тихонько поглаживала протянутую ладонь высохшими, но сильными пальцами, но смотрела не на сплетение загадочных знаков судьбы, жизни и Венеры, а прямо в глаза северянина. Ох, давно никто не смотрел ему прямо в глаза с тех пор, как в них отразилось зарево горящего Рима. Иногда Йонарду казалось, что люди просто боятся смотреть на огонь, который он так долго носил в себе... бояться обгореть, что ли? Глупые. Те костры давно погасли. Роман вкушает сухой хлеб и горький мед чужой милости, старина Одоакр выжимает золото из виноградной лозы в собственном поместье, а Проба... вышла замуж и счастлива, наверное... Что еще может с ней быть? Муж ее, должно быть, пищик или звездочет. Ученый человек, никогда не «осквернявший руки» оружием... Богатый, это уж наверняка.

Йонард привычно коснулся рукояти меча, который снял незадолго перед этим. Отблески огня горели на чеканной поверхности ножен. Северянин чуть изменил позу и легко потянул клинок на себя, когда Сатеник остановила его резким повелительным жестом:

— Не буди меча без цели!

— Цель найти нетрудно, — усмехнулся германец.

— Она должна быть достойной.

— Достойной чего? Жизни? Или смерти?
— Цена жизни — смерть, — веско сказала Сатеник, не отводя своего пронзительного взгляда, — цена свободы — холодность сердца. Лишь цену любви никто не знает.
— Цена любви — золото, — криво усмехнулся Йонард.
— Ты хотел бы, чтобы тебя полюбили?
— Меня уже любили. И не один раз.

— Что ты понимаешь в жизни, ребенок! Настоящее чувство не может вместить в себя сердце человека. Кто знает, зачем он живет? Никто не знает. И не спрашивай себя об этом никогда, не надо. Живи как живется, и все тут. Ходи по земле да смотри вокруг себя, и не люби никогда и никого, тогда и тоска не страшна... Но ты не слушай, что я тебе говорю, нет, не слушай! Это я от старости из ума выжила, болтаю невесть что. Одно только верное слово скажу тебе: берегись женщины. Я по глазам твоим вижу, что ждет тебя самое страшное испытание, какое только боги могут послать смертному — испытание любовью. Ты проиграешь его.

То ли от костра, подобравшегося слишком близко, то ли от чего еще, Йонарда бросило в жар. Ему вдруг показалось, что все мысли его, даже самые тайные, видны как на ладони, и не одной Сатеник, всей степи.

— Слушать не хочу больше о женщинах! Расскажи лучше о войнах и сражениях. Ты рассказываешь о древних битвах так, словно сама рубилась там, — глаза Берга полыхнули зеленым огнем.

— Мальчишка. Еще когда твоя мать не знала твоего отца, я уже водила свой род в походы на арохов. И все рода меня знали и слышали обо мне. Я стреляла из лука на четыреста шагов, и лишь немногие мужчины могли со мной соперничать. Посмотри, — старуха провела рукой по правой стороне груди, она была ровной и плоской. — Да, я вскормила своих детей одной грудью. Но им хватило жажды битвы и воли в моем молоке. Все они погибли в жестоких схватках...

Воспоминания затуманили темные глаза Сатеник, похожие на колодцы без дна. Йонард уже подумал было, не собирается ли мудрая и бесстрашная предводительница скфарнов побабьи пустить слезу. Нет конечно! Просто огонь угасал. Но кто-то подбросил хвороста, и при свете огня Берг понял, что ошибся.

— Сейчас все мое племя — мои дети, сыновья и дочери. Они — свободный народ, сильный и воинственный. Нас боятся. Нас всегда боялись и будут бояться, а значит — уважать. Хотя ты и сам скоро узнаешь, что уважение и страх могут держаться лишь на острие меча. Но мы уйдем непобежденные. Уйдем к своей судьбе, на колесницах, запряженных четверками золотисто-розовых нисейских коней. Не простые кони, сами Огонь, Вода, Земля и Ветер понесут эти колесницы. А править самой первой будет наш прародитель Скфарн. Он заберет нас с собой в лазурные чертоги своего лунного дворца, и там мы впервые навсегда распряжем коней и построим дома не на колесах, а на земле, ибо только там и есть наш единственный дом. Здесь, в этой степи, дома у скфарнов нет.

Йонард слушал древнее предание, и перед глазами его мчалась рдеющая багровым светом колесница, увлекаемая в иссиня-черную бездну небес золотисто-рыжими конями. Кони, словно каждый из них сам был живым воплощением огня, светились во тьме, рассекая в стремительном беге и время, и пространство. Тысячи золотых искр вспыхивали в гривах, струились вдоль мощных, гибких шей, оседали на длинных волнах хвостов и, не удержавшись там, срывались в бездонную пропасть — стрелы падающих звезд чертили в небе загадочные и таинственные узоры. Тихая и печальная мелодия звездного дождя заставляла сердце тревожиться и грустить о чем-то несбыточном, невозможном и от этого еще более желанном и необходимом.

Йонард не сразу понял, что эти чарующие звуки он слышит в действительности, а не в своем воображении, так увлекла его легенда рода скфарнов. Еще не придя в себя от удивительных видений, то ли наяву пригрезившихся ему, то ли в полудреме, он поймал себя на том, что напряженно прислушивается к нежному перебору серебряных струн и к

сильному, широко разносящемуся окрест голосу певца. Он пел-рассказывал, вплетая в мелодию и звуки моря, и дыхание ветра, и звездопад...

— Рождалась мелодия дивная эта
И все замирало вокруг, вторя ветру,
Который, разбуженный гривой коня,
Летел вслед ему, нежно гривой звеня.

Певец рассказывал, что у одного юноши был любимый, неразлучный с ним крылатый конь. Когда юноша летел на своем белоснежном красавце с золотой гривой на свидание с возлюбленной, буйная грива и шелковый хвост коня издавали чудную мелодию. Все живое и неживое, даже солнечный ветер, «взрывающий из-под ног пыль золотую небесных дорог», по которым мчался крылатый, замирало в сладостном забытии, слушая дивную мелодию. Но злая соперница в черной зависти отрезала коню крылья — и он умер. Велико было горе юноши, потерявшего друга. «И буйная грива, и шелковый хвост коня потемнели, намокли от слез». Но слезами горю не поможешь и мертвого не оживишь. Поэтому в память о своем неразлучном спутнике юноша сделал каркас из дерева, обтянул его шкурой, а конец грифа получившегося инструмента украсил головой коня. Из золотой гривы он сплел струны, а из хвоста сделал смычок... «Лилась над степями мелодия та и вдаль за собою звала. И солнечный ветер взрывал из-под ног пыль золотую небесных дорог...» Чем дольше вслушивался Йонард в слова песни, тем больше голос певца казался ему знакомым. Он силился вспомнить, где и когда его слышал, но точно вязкий туман окутывал память. Берг вопросительно глянул на старую Сатеник, так же неподвижно сидящую на кошке, поджав под себя ноги и глядя в огонь.

— Кто это?

— Певец. Вот уже две недели, как прибились они к нам. Он и девчонка его, Айсиль.

— А откуда они?

— Э, родной! Разве спрашивают у идущего человека, откуда он и куда идет. Нет. Не спрашивай, не ответит. Знаю только, что вышли они на нас со стороны заката. Певец этот, девчонка его Эроном зовет, хотя, сдается мне, при рождении было у него другое имя. Да вряд ли он и сам его помнит. По виду так он не старше тебя, Йонард, а ты загляни ему в глаза. За одну жизнь глаза такими не становятся. Душа его, точно чудесная птица, раз в тысячу лет сгорающая и возрождающаяся из пепла. Ты слышал, какие он песни поет? От хорошей жизни такую не сложишь. «Хочешь петь — пей» — это он так говорит. И сам, похоже, всегда то ли под хмельком, то ли просто навеселе. Я так посмотрю, все, чего бы он не коснулся выпить, хоть кумыс, хоть айран, даже простая вода — все его веселит, да и только. Видела я людей в хмельном угаре, так нет, этот не из тех. В нем самом что-то бродит. Сила такая, что перед ней силы человеческие, что сухой прибрежный тростник, ветром колеблемый.

— Он опасен?

— Очень. Особенно для тех, кто попытается встать рядом с ним.

— Он любит власть? — предположил Йонард.

— Наверняка он и слова такого не знает. Его предназначение — не власть над себе подобными. Она скучна ему, я это вижу.

— Слава?

— Богатство, слава, почитание — все это дым, который клубится над неумением людей ценить и уважать самих себя и рабской их привычкой унижаться.

— Он сам это сказал?

— Я говорила с ним. Он не сказал. Я поняла.

— Ты разожгла мое любопытство. Пожалуй, познакомлюсь с ним.

— Попробуй, — старуха хитро посмотрела на Йонарда. В глазах ее мелькнула насмешка.

Берг не откладывал на завтра то, что нужно было сделать еще вчера. Легко поднявшись и прихватив с собою меч, он направился напрямик туда, где слышались теперь уже совсем другие звуки вперемешку с взрывами хохота. Йонард шел по лагерю скфарнов, меж больших четырехколесных крытых войлоком повозок, мимо походных гэров с округлыми крышами. Несмотря на то, что ось звездной колесницы заметно сместилась далеко за полночь, в кочевом лагере не спали. Люди привыкли высыпаться в седле во время длительных, однообразных и оттого усыпляющих дневных переходов. И тем более лагерь не мог спать сейчас, когда в воздухе носилось ощущение тревоги и боевого азарта. Все знали, что утром будет большой совет рода, на котором старейшины всех племен и мать рода скажут слово своим детям. Они укажут им путь, по которому пойдут все, до последнего человека. И жизнь, и смерть каждого в отдельности будут уже не важны. Они — дети семи богов, их сила в единстве.

Почти перед каждым гэром горел костер. Ленты пламени то прижимались к земле под порывами ночного ветра, то, в моменты затишья, огненными языками возносились к черному провалу неба. Йонард видел лица сидящих перед кострами скфарнов. Со многими из них он уже успел перезнакомиться. Они на диво быстро почувствовали в северянине такую же мятущуюся кочевую душу и приняли его как своего, скфарна, лишь по недоразумению родившегося где-то далеко от их костров, но, мудростью богов, все же нашедшего свой дом и свое племя. У некоторых гэров его окликали, германец, смеясь, отвечал, а иногда сам, заметив приятелей, увесистым хлопком по спинам заставлял оборачиваться. Его сместило, как они моментально узнавали его, несмотря на кромешную тьму уже в двух шагах от очерченного оранжевым светом круга. Скфарны протягивали ему чаши с горячей хорзой, предлагая выпить за встречу. Йонард сначала отказывался, помня об обете, но потом, видя недоумение и обиду приятелей, рассудил так: это — не вино. Это и впрямь было нечто необычное. Йонард пробовал разные вина; пил он мутный арак, сок черного и белого тута... Но здешний напиток вызывал у него стойкое удивление тем, что с него и вправду можно было захмелеть. Обычное кобылье молоко. Чуть закисшее, как могло показаться на вкус. Напиток младенцев. Пить его следовало, лишь сняв с огня, потому как стоило ему остыть, и поднести его ко рту можно было только крепко зажав нос. Йонард на хмель был крепок. Поэтому сначала он выпил за первенца Тарка, потом за новую жену Осира, потом за новую повозку Агима, за лучшего жеребца Импаса, за второго ребенка от второй жены Илоса... и еще за чьих-то родичей вплоть до седьмого племянника внука сестры приемного сына, за победу в прошлогодних скачках, за самый тугой лук и меткий глаз племени, самый острый акинак... Потом начали пить за прародителей скфарнов. Так, переходя от одного круга к другому, Йонард брел сквозь лагерь, попутно узнавая текущие новости.

Под ноги ему почему-то все чаще стали подворачиваться какие-то приبلудные, с клочкастой шкурой псы. Сначала ему казалось, что их шныряет под ногами не больше четырех, но потом они каким-то чудом расплодились, как их же собачьи блохи. Причем кусались так же пребольно, как только Берг в очередной раз наступал на хвост или лапу. Он как раз пытался поставить ногу между двух или трех псин, зачем-то сбившихся в кучу, когда у костров начали славить Сатеник. «Этим дело не кончится», — подумал Йонард, подходя, наконец, к костру, где все еще звучал зульд. Как только германец приблизился, чья-то фигура, сидевшая лицом к огню, отложила инструмент в сторону и направилась было во тьму.

— Эй, вы! Трое! — громко сказал Йонард, как ему показалось, достаточно внятно. — Оба ко мне!

Фигура обернулась.

— Я тебя знаю, — нерешительно произнес Йонард. — Только не помню, откуда. Ты — Эрон.

— Да. Эрон — это я, — кивнула фигура и тут же любопытствовала: — А кто быстрее добежит до водопоя, верблюдов или ишак?

— Ишак, — не раздумывая ни мгновения, ответил Йонард и тут же спросил: — А почему? — И сам же себе ответил: — Потому что верблюд еще в сундуке! Так! Интересно, откуда же все-таки я все это знаю?

Йонард в замешательстве уставился на Эрона.

— Как ты здесь оказался, друг? — улыбаясь, спросил певец, — мне казалось, ты собирался в Кут. Или ты уже был в Куте?

— Я был в Куте? — Йонард смотрел в открытое лицо Эрона с возрастающим ужасом. Он осознал, что ничего не понимает.

— Ну не мог же я всю дорогу быть пьяным?

— Почему? — удивился Эрон.

Этот бредовый диалог прервался самым невероятным образом: прямо перед ними из темноты возник конь с сидящим на нем человеком. Конь едва не налетел на стоявших в темноте Йонарда и Эрона. Всадник качнулся в седле, взмахнул плетью, зажатой в руке, и, выкрикнув лишь одно слово — Скачки! — дернул повод. И мгла сомкнулась за ним уже по другую сторону костра. И тут же загудели голоса, вперемешку с конским ржанием, резкими всхрапами, ударами копыт по каменистой почве. Со всех сторон несло: «Скачки! Скачки! Во славу Таргатай! Во славу великой матери нашей, Таргатай!»

Берг и певец, до этого бывшие, казалось, одни во всем лагере, сразу оказались среди толпы мужчин и женщин, как молодых, так и уже в годах. Повсюду мелькали конские бока, головы и крутые крупы. Собаки, крутившиеся под ногами, добавляли суеты и гама.

Неожиданно для северянина, Эрон вдруг, точно птица, взмыл на спину ближайшего к нему коня. Это оказался скакун рыжей масти. Его вытянутое тело легко несли крепкие сухие ноги. Певец развернул коня, и Берг увидел высокую гибкую шею с гордо поднятой головой и струящуюся золотыми потоками гриву. «Точь-в-точь солнечный конь из песни», — восхитился Йонард.

Певец сбросил наземь хламиду, в незапамятные времена бывшую роскошным халатом, и остался в штанах из тонкой, но куда более прочной ткани, подпоясанных широким черным поясом. И сам конь, и полуобнаженный всадник в ярком пламени костра казались отлитыми из цельного куска золота. Застыв всего на миг, словно дав полюбоваться собой, Эрон легко тронул повод, и оба, и всадник и конь, исчезли в ночи.

— Сегодня можно выиграть большую награду! — услышал Йонард. Молодой скфарн мотнул головой в сторону, куда унесся Эрон, спеша как на пожар. Вокруг толкались кочевники, торопливо снимая путы с коней. Йонард сам толком не понял, как он очутился верхом на темно-сером коньке, каких в основном и можно увидеть у скфарнов. Такие зверушки, конечно, не идут ни в какое сравнение с благородными нисейскими скакунами, отрадой царей и вельмож, но они обладают бесспорным преимуществом: хороши и в повозку, и под верхового. Таких лошадей зовут здесь баирами. Запряженный в повозку баир может одновременно везти на себе еще и всадника.

То, что лошадь очень сильна, Йонард понял сразу. Под его немалым весом баир даже не переступил ногами, лишь слегка прижал уши, кося на северянина карим глазом.

Как успел заметить северянин, на эти скачки скфарны собрались без упряжи и седел. Видно, по обычаю. Стиснув коленями серые бока баира и накрепко зажав в своем мощном кулаке темную прядь гривы у самой холки, Йонард направил коня туда, где на краю становища, за водоотводной канавкой были слышны крики людей и конское ржание. Туда, к подножью небольшого холма, стекались огненные ручейки зажженных факелов. Пьянящее чувство всеобщего возбуждения захватило и германца. Он, как и все, заорал что-то, размахивая свободной рукой. Меч, до сих пор болтавшийся за спиной, слетел вниз и был подхвачен чьими-то руками.

Старейшины племени сидели в центре широкого круга на принесенных заранее толстых коврах. Ковры эти были ярко окрашены, с четким орнаментом, на каждом — свой, и все лежали прямо на земле. За исключением одного. Он покрывал колесо, снятое с повозки. И на это возвышение взошла и воссела как полновластная правительница на трон предков

мать племени скфарнов Сатеник. По обе руки от нее пылали костры. Около них стояли люди с огромными охапками обмотанных войлоком сучьев. Зажигая факелы от пламени костра, они передавали их другим, те в свою очередь обегали стоящих полукругом всадников и отдавали им чадающие от бараньего жира светильники. И было их столь много, что северянину показалось, что степь горит.

Холодный бледный лик луны, поднявшийся уже довольно высоко, заливал серебристым светом близкие холмы, первые вестники предгорий, поднимавшихся где-то в ночи темными громадами.

Йонард, как и все вокруг, получил дымный, пахнувший горелым жиром и бойко трещавший факел. Искры с него летели во все стороны, а когда и что покрупнее, и Берг отвел руку, оберегая коня. Впрочем, серый, кажется, не беспокоился. Видно, в отличие от Йонарда, вполне привык к подобным ночным развлечениям. Пробираясь вперед сквозь толпу, Йонард увидел здесь тех, с кем недавно поднимал чаши. Обильные возлияния всем семи богам и каждому по отдельности, видимо, никак не отразились на боевом духе скфарнов. На одном из скакунов, под стать тому аххору, что увел под собой певец, северянин узрел Танкара. Точнее, сначала он услышал его своеобразное с пришепетыванием: «Шо, так и ехать вдоль по гребню того холма и обратно? И вы так и называете это большие гонки? Дети! Вы ни разу не видели больших гонок гребных лодок в акрской гавани», — втолковывал Танкар кому-то из своих новых приятелей. Те старались внимательно слушать, хотя едва ли им удавалось расслышать хоть слово: гул нарастал. Рыжая грива Танкара топорщилась не хуже конской, за которую он держался. Его приятелями оказались Тарк и Осир. Откуда-то слева вынырнул на гнедом жеребчике Импас, мимо пронесся Агим, держась на спине коня и управляя им одними коленями, потому что обе руки у него были заняты. Одной он сжимал высоко поднятый факел, а другой придерживал поднятый ко рту внушительный бурдюк с аракой. За ним последовали еще трое таких же, мучимых жаждой. И тут над всем этим людским и лошадиным столпотворением, над оставшимися далеко в стороне круглокрышными гэрами на черных повозках, медленно и величаво поплыл звук большого медного гонга. Как по волшебству все вокруг смолкло.

Сквозь просвет между двумя головами лошадей Йонард увидел Сатеник. Она стояла у высокого треножника, сложенного из деревянных шестов и скрепленных кожаными ремнями у самого верха. К этим ремням и был подвешен гонг. Ярко начищенный, он блестел почти как дневное солнце. В руке Сатеник держала короткий меч. Она взмахнула им, и снова чистый звук поплыл над степью... Да полно, Сатеник ли это была? Йонард не верил своим глазам. Статная, величественная, в островерхом головном уборе из тисненой кожи. Поверх платья из тончайшего шелка с искорками золотых нитей надет кожаный панцирь с укрепленными на нем железными пластинами. Йонард удивленно присвистнул; он доподлинно знал, сколько весит такой доспех. Ничего себе, старушка! Запястья Сатеник под длинными широкими рукавами были схвачены тяжелыми золотыми браслетами в виде сплетенных змей... или драконов. Юбка широкими складками лежала на кожаных сапогах. Все женщины племени носили такой наряд. Широкие разрезы по бокам почти до самого пояса позволяли женщинам уверенно чувствовать себя на лошади, как с седлом, так и без. А плотные, такие же, как у мужчин, штаны под этими юбками уменьшали мужской интерес к разрезам. Девушки племени скфарнов просто и без особых затей носили мужскую одежду: длинные, из тонкой беленой шерсти рубахи, штаны из шерсти погрубее и кожаные куртки без рукавов. Только и отличишь по длинной косе да височным кольцам.

Несколько таких отчаянных дев Йонард заметил в толпе. Они намеревались наравне с мужчинами принять участие в состязаниях, закон племени это позволял.

Когда последний удар гонга стих, Сатеник подняла меч над головой, и в свете костров он сверкнул, подобно молнии.

— Пусть победит сильнейший, — негромкий голос матери племени Йонард услышал скорее сердцем, чем ухом, — во славу Таргатай!

Рев толпы ответил царице. Факелы взметнулись вверх. Резкий, словно удар окованной

железом плети, сигнал гонга хлестнул по нервам людей и животных. Йонард забыл обо всем. Забыл, что еще трех дней не прошло, как он вернулся из опаснейшей вылазки, забыл о женщине, которая пришла с ним и которая смутила его сердце, забыл о леденящей крови истории про трех прекрасных демонов, рассказанной приятелем... Забыл даже о том, что сегодня, возможно, последняя мирная ночь, а завтра — шторм. Йонард помнил только одно — он должен быть первым! Время замедлило бег. Берг видел, как мало-помалу пригибаются к земле под напором ветра тоненькие языки огня, и снова не спеша выпрямляются, устремляясь в провалы ночи. Как вторят им развевающиеся складки пламенеющего шелка, как медленно, точно во сне, разворачивают всадники коней. Но не это удивило Берга, а то, что он, как ему показалось, оглох, потому как не слышал ни звуков, ни голосов. Он заорал что было сил, и от его крика шарахнулись в стороны несколько всадников, оказавшихся поблизости... вернее, кони всадников. Так как последние орали ничуть не хуже и не тише. Баир под Йонардом встал на дыбы, но северянин удержался на его спине, вцепившись в гриву.

Кто-то пронесся мимо Берга. Он привстал, сиюсь разглядеть более удачливого соперника... конь! Просто конь, без всадника. Йонард едва успел заметить незадачливого седока, скатившегося прямо под копыта его баира. Конь перемахнул человека, не задев тяжеленными копытами. Баир отлично видел в темноте.

Лавина дико орущих скфарнов с горящими факелами вырвалась на простор степи, постепенно вытягиваясь в длинную огненную реку. Темный ветер дохнул в лицо Йонарда, остудил его и отчасти вернул способность соображать. Баир под ним шел ровным, размашистым ходом. Он так легко нес тяжелого Берга, словно и впрямь был крылатым. Впереди Йонард заметил рыжую шапку волос и мощным посылом рванулся за Танкаром. Промелькнули и остались далеко позади полуголые бронзовые тела полулюдей-полуконей с раскрытыми в диком крике ртами. Йонард на ходу, путаясь в рукавах и перекладывая факел из одной руки в другую, попытался избавиться от рубахи, но тут его чуть не скинули с лошади, ударив в бок. Йонард мгновенно рассвирепел. Не так-то просто было скинуть с коня Берга, сидевшего на нем как кошка на дереве. Хотя некоторые завистники утверждали, на лошади он сидит как сорока на колу... ну и где они теперь. Сильно-сильно позади. Йонард рванул на себе рубаху, и она слетела с него, как сухой лист с голого куста. Тем временем баир Йонарда поравнялся с аххором Танкара. Теперь они шли в безумной скачке бок о бок, если кому-то и удавалось вырваться вперед хотя бы на полкорпуса, то другой в тот же миг догонял товарища. Кони неслись во весь опор, и вскоре Йонард с Танкаром оставили позади основную массу соперников. Впереди горел только один факел. Не сговариваясь, приятели рванули вдогон.

Неожиданно огонь, за которым они гнались, свернул с вытоптанной, выжженной солнцем плотной земли в заросшую густой травой низинку. «Хочет обойти холм и выйти к становищу напрямик, — сообразил Йонард — хитер, змей... и выпить не дурак. По всему видать — наш человек». Прильнув к спине коня, Йонард и Танкар во весь опор неслись за убегающим от них хитрецом. Кони резали грудью спящие ковыли, залитые сизым туманом, коротавшим ночь в этой укромной ложбинке. Разбуженные бегом коней и светом факелов, из травы взметнулось облако разноцветных мотыльков, которое тут же закружилось вокруг огня, обжигая нежные крылья. Перед ними по траве тянулся широкий след сбитой росы. Огонь впереди казался все ближе и ближе. И вдруг он погас.

— Упал! — не останавливаясь, крикнул Йонард Танкару. Рыжий в ответ согласно мотнул головой. Это было единственное объяснение. Не донести факел было все равно, что проиграть скачку.

Они приблизились к тому месту, где в последний раз видели огонь.

— Осторожно! Не раздавить бы, а то в траве не заметим — крикнул Танкар. Первое предупреждение пришлось как нельзя более кстати. А что касалось второго, оно было излишне. Не заметить даже в самой густой и высокой траве ТАКОЕ... удалось бы лишь слепому от рождения.

В колеблющемся свете факелов, оборотив к ним жуткую, похоже, изрядно порубленную морду, стояло чудовище. Глаза его то вспыхивали зеленым, то гасли. Мощное, состоящее, казалось, из одних литых мышц тело казалось ужасающе тощим, но даже теперь ребра не выступали из плотного панциря шкуры. Зато сама шкура была точно сначала снята со зверя, затем разрезана на куски, кое-как сшита и натянута назад, да еще, похоже, задом наперед. В это верилось легче, чем в то, что чудовище могло выжить, когда его рубили на части. Страшный зверь был покрыт не шерстью, а шрамами и рубцами с запекшейся кровью. Ужасающие челюсти, усеянные множеством острейших зубов, каждый величиной с большой палец руки, зловеще щелкнули. Будто всего остального было мало! Конь Йонарда шатнулся прочь и осел на задние ноги. Создание, своим видом отдаленно напоминающее собаку, низко опустило морду к чему-то влажно поблескивающему, лежащему между передними лапами, и испустило душераздирающий вой. Йонард слышал, и не один раз, как воют собаки, как воют волки, как воют впавшие в безумие люди... и всегда этому была какая-то причина. Почему взвыло это исчадьё Таната, Берг сообразить не успел. Его баир, похоже, обладал некоторым опытом в делах подобного рода и собственным мнением на счет всяких вылезающих из травы чудовищ. Он ударил в землю копытами, всхрапнул и в несколько мощных махов вынес Йонарда из низины.

— Хрофт! — выругался Берг, с немалым трудом подчиняя коня своей воле. Он огляделся, пытаясь сообразить, в какой стороне осталось страшное видение. Слева и справа к нему приближались два огонька, казавшиеся в темноте слабыми и безопасными. В мгновение ока северянин слетел с коня и погасил факел, сунув его в траву. Крепко стоя обеими ногами на земле, он пригнулся и потянул из голенища широкий нож.

«Интересно, — как-то отстраненно подумал он, — кто же был тот, кого чудовище собралось пожрать в той балке?»

Додумать интересную мысль Берг не успел. Правый огонек очень быстро приближался. Йонард пригнулся, чуть присев и расставив руки, выдвинув правое плечо чуть вперед. Он был готов. Позвать на помощь Танкара как-то не пришло в голову. Не из бравады. Скорее из опасения выдать себя голосом раньше времени. Быстро густеющий утренний туман, который не мог пробить уходящий уже лунный свет, изменял очертания предметов, скрадывал звук шагов, застилал белесой пеленой окрестности. В двух шагах можно было разминуться. Но того, кто выехал прямо на Берга из тумана, не увидеть было так же невозможно, как и то чудовище в траве.

— Ты, Эрон? — обрадовался Йонард, выпрямляясь.

— А кого ты здесь поджидал? Гонки прошли правее, — знакомая усмешка в голосе певца окончательно уверила Йонарда, что он не ошибся.

— Ты видел?.. — не сдержался Йонард, шагнув к певцу, но договорить не успел. Слова застряли в горле. Потому что в тот миг, когда он повернулся к Эрону, глаза того мигнули зеленым пламенем. Зажав в руке потухший факел, он смотрел на певца, не в силах сообразить, что же ему следует предпринять. Эрон сам помог ему. Подъехав поближе, он зажег факел берга от своего.

— Ты спрашиваешь, не видел ли я огромного, страшно израненного боевого пса, единственного выжившего из всей своры и, после долгой голодовки, поймавшего, в конце концов, свою первую добычу.

Йонард молча кивнул, сглатывая набежавшую слюну.

— Откуда ты...

— Видел, видел, — коротким кивком подтвердил Эрон, — и поэтому, чтобы не мешать ему, свернул вон в ту ложбинку. А поднимаясь из нее, заметил два огня, которые стояли на месте и не двигались. Довольно странно для больших гонок во славу Таргатай. — Эрон улыбнулся. — Кто с тобой?

— Танкар! — обретя, наконец, голос, зычно крикнул Йонард.

Через мгновение Танкар собственной персоной вылетел прямо на них из тумана.

— Ну конечно, мог бы и сам догадаться. Где Йонард, там и Танкар, а уж где Танкар,

там без Йонарда не обойдется.

Танкар тоже был под сильным впечатлением. И сообразив, что их теперь трое, возбужденно размахивая факелом, заорал:

— Скорее! Мы ешо догоним его!

— Кого? — поперхнулся Йонард, — этого... это... эту жуть?

— Чудовище, — подтвердил рыжий, — вы же его видели? Такое невозможно не заметить. Давайте его поймаем! Это ж какое удивление оно мне устроило, мама дорогая!

Йонард с Эроном переглянулись.

— Ну вы даете, горячие еверские парни, — сказал Берг, трогая с места своего баира.

— Гляньте-ка наверх, — указал Эрон в сторону от холма. По его гребню, уже пройдя половину пути до вершины, двигалась живая огненная лента... Очень быстро двигалась.

— Хрофт! Что же мы здесь торчим, как три жерди посреди поля?! — рывкнул Йонард и, сжав баира коленями, послал его вверх по склону.

Берг гнал своего баира наперерез всадникам, мчащимся по самому по краю холма.

Трое верховых, окруженных желто-алым сиянием, разбили туман и выметнулись наверх, успев увернуться, чтобы не быть накрытыми катящейся лавиной огня, ора и конского топота.

По ровной степи «крылатые кони солнечных дорог», аххоры, не знали себе равных в беге, но по холмам, крутым подъемам и спускам темно-серый баир шел и быстрее и легче, и скоро вырвался вперед. Так они и летели: по сторонам два рыжих пожара — аххоры, а в центре, словно припорошенный пеплом, баир. Тугое полотно воздуха рвалось со слышимым свистом, взъерошивая гривы коней и поднимая дыбом волосы всадников, земля летела под ноги с пугающей, и в то же время возбуждающей стремительностью. Азарт скачки снова захватил Берга и, повинувшись внезапному порыву, он закричал на всю степь: «Таргатай!!!» Звучное эхо из сотен голосов скфарнов подхватило крик Йонарда, как ураган — беспомощную птицу; со всех сторон несло: «Гатай! Гатай! Гатай!»...

— Хрофт! — изумленно выругался Йонард, — вот что значит пить араку по скфарнски, не разбавляя.

Впрочем, германец почему-то был уверен, что бог его племени не обиделся, потому как привык, что Йонард поминает его обычно перед замахом двуручника. А здесь, в пьянящей неистовой скачке, имя покровительницы рода Сатеник само слетало с губ, словно он тоже был одним из ее сыновей.

Он мчался по утренней степи и во все горло орал самую воинственную из всех песен одиннадцатого легиона, а навстречу ему вставало юное, умытое солнце. Приятели не отставали. Так, втроем, словно связанные, они и влетели на всех махах в лагерь кочевников. И почти одновременно остановились, подняв коней на дыбы, перед Сатеник и вождями племен. Вслед за ними в лагерь ворвалась и остальная толпа, тотчас заполнив собой все свободное пространство между крайними гэрами лагеря, возвышением, покрытым ковром и, как только сейчас заметил Йонард, лошадиной шкурой, черной, как уголь, пригвожденной к земле четырьмя акинаками. Йонард мгновенно сообразил, что это такое. Знак войны! Род Сатеник принял решение идти на Акру. И выбирал воинов, достойных принять участие в походе. Каждый, кто считал себя мужчиной, должен был, неся в руке горящий факел, подойти к шкуре, наступить на нее одной ногой, крикнуть громко, чтобы все слышали, свое имя, а затем, отступив, воткнуть факел в землю. Следующий поступит так же, и так до тех пор, пока медлительным не придется перескакивать через плотное огненное кольцо вокруг лошадиной шкуры. А это уже считалось в племени не слишком почетным, на такого горе-воина мать племени ласково не посмотрит.

Все происходило именно так, как представлял себе германец. Их факелы: его, рыжего Танкара и, что было удивительно, Эрона-певца, уже давно были воткнуты в землю. Они отошли в сторону, опередив скфарнов, сгоняющих табун на отдых, и стали наблюдать за другими, жаждущими битвы, славы и богатой добычи. Йонард уже знал, что лишь десятую

часть племени отпустила Сатеник в этот поход. И значит, каждый, кто пойдет с ними под стены Акры, должен стоять десятерых. Северянин видел, как наступили на шкуру Инпас и Агим, Нингир, Акхит и Тарк. Все они выдержали испытующий взгляд черных, как ночное небо, пронизательных глаз Сатеник. А некоторые, и юные, и зрелые, и в годах скфарны с густыми шапками волос и неухоженных бород, слабели перед этими глазами даже до дрожи в коленях, способных сдвинуть лошадь так, что она садилась... Наверное, в этот миг сама Таргатай смотрела на скфарнов глазами Сатеник. Некоторых короткий, отстраняющий взмах сухой властной руки выталкивал за грань невидимого круга, назад, к гэрарам. В свои двадцать с небольшим, Йонард был уже опытным воином и понимал, что эти люди могли и не дрогнуть в схватке, и лечь на поле брани, уложив рядом с собой не одного врага. Но на то Сатеник и мать рода, что должна заботиться обо всех своих детях. Чтобы не остались без защитника и добытчика жены, маленькие дети, старики. Отец новорожденного, приятель Йонарда, Илос отошел к гэрарам, туда же отправился и молодой всадник, почти мальчишка... Увидев слезы обиды и разочарования на его совсем еще детском лице, Сатеник поманила его, улыбнулась мягко:

— Ты — последний в своем роду мужчина, Кенем. Прежде чем идти в бой, ты должен дать жизнь трем воинам-скфарнам, — донеслось до германца.

— Хорошо, мать Сатеник, — заносчиво крикнул тот, — прямо сейчас и начну. У меня есть невеста!..

Вслед юноше полетел беззлобный смех.

Когда же, наконец, определилось, кто идет в поход, а кто остается, Сатеник вновь взошла на колесо и ударила акинаком в гонг. Тревожные длинные звуки поплыли над степью, будоража и выгоняя из низин остатки утреннего тумана. Солнце было уже высоко. Род Сатеник был истинно велик и не оскудел пока героями. Один из вождей племен подошел к женщине и протянул большую чашу, которая горела в лучах солнца, как яркий костер, потому что была отлита из чистого золота. Чаша была невероятно тяжела, но Сатеник подняла ее одной рукой, высоко, так, чтобы видели все. И осушила ее всю во славу Таргатай.

Поход на Акру начался.

* * *

Говорят, война — грязное дело. Правильно говорят. Любой воин это подтвердит. Много злых дел совершается под щитом завоевателя, много напастей терпит покоренный народ, много неправды творится и после, когда победители делят добычу. А и начинается любая война с грязи. Правда, такой грязи воин не стыдится. Не стыдится и вождь, потому что победа и слава войска напрямую зависят от того, насколько вождь не побоялся испачкаться перед началом похода. Предводитель той отчаянной части скфарнов, которая рвалась в поход, уже в годах, но энергичный Сандак, явно был из тех вождей, что испачкаться не боятся. Его цветные одежды покрылись толстым слоем грязи. На ногах он был уже засветло. С тремя военачальниками, которые тоже шли в поход, он успел осмотреть оружейные мастерские и кузни, поставленные прямо тут, в степи. Наравне с мечами, скфарнские умельцы ковали и плотницкий инструмент, не забывали про гвозди. Берг тому не дивился. Высокий вал окружает благословенную Акру, и стены не присядут, чтобы баир смог их перескочить во славу Таргатай. Да и крылья у коней, как в легенде, не вырастут. На стены взбираются с помощью штурмовых лестниц, а чтобы наготовить их в достатке, нужно в достатке топоров. Понадобятся крепкие веревки: их крутили в знакомой низине, занимались этим в основном женщины. Плотники, раздевшись почти донага, оставив лишь короткие штаны, ладанки на узких шнурках да головные повязки, старательно тесали огромный древесный ствол. Тут же, неподалеку, группа людей собирала огромную треногу с толстенными, в руку, цепями. Готовили таран, которому предстояло поспорить с железными воротами крепости.

С части повозок сняли верх, чтобы установить на них легкие, но мощные и

необыкновенно точные баллисты. Эти, казалось бы, довольно простые орудия, на самом деле требовали к себе строгого отношения и настоящего мастерства, и уже с восхода молодые скфарны-наводчики под руководством мастера Борнака принялись метать камни в мишени, установленные на холме на расстоянии двух полетов стрелы.

К полудню не было в лагере человека, который не падал бы с ног от усталости, и Сандак, скрепя сердце, объявил, что учения прекращаются, пока не спадет жара.

* * *

Море было на диво спокойным. Волны с томительной медлительностью не набегали, а наплзали на берег, кудрявясь и шипя почти по-домашнему. Иногда какая-нибудь из них, видно, самая озорная, толкалась пушистой макушкой в босые пятки сидевших на песке мужчин и тут же отступала. Зато солнце жарило люто. Не удивительно, что попрятались крабы, исчезли куда-то неугомонные чайки, даже большой ястреб, который неподвижно висел в небе, высматривая добычу довольно долго, наконец, понял, что сегодня ему пообедать не судьба, и тоже скрылся. Казалось, ни одно живое существо не может выдержать долго в этой печи. Но это только казалось.

Крупный мужчина с необычными светло-зелеными глазами, намотав на голову льняную тряпицу и обнажив могучий торс, невозмутимо устроился прямо на солнцепеке. По рождению он был северянином, но уже не первый год скитался под здешним немилостивым солнцем. Белая кожа его давно приобрела оттенок темной бронзы, и обгореть он ничуть не боялся.

Его приятель родился и вырос здесь, на этом берегу, и ему прятаться от солнца было бы вовсе странно.

Мужчины задумчиво жевали вяленую, жестоко-соленую рыбу. Ни вина, ни воды у них с собой не было, но никаких неудобств по этому поводу они не испытывали.

Ленивое, мерное дыхание море настраивало на такой же ленивый, размеренный лад. Но двое сидящих на песке мужчин были далеки от праздных мыслей. И разговор меж ними шел не пустой.

— Рим тоже пал... Но каждый шаг по его каменным мостовым готы оплатили сполна, кровью!

Рука северянина сжалась в кулак, зарываясь пальцами в песок.

— Чьей кровью? Их? Или вашей? — негромко спросил его собеседник. Голос едва перекрывал шум прибоя, но он знал, что будет услышан.

После довольно долгого молчания Йонард-Берг разжал кулак.

— Всякой хватало, — признал он. — Но мы не пробовали откупиться золотом. Мы сражались.

— Пробовали, — так же спокойно возразил Танкар, — просто ты, друг, об этом не знал. И кровь защитников таки да, высокая цена. Но не самая высокая.

Светло-зеленые глаза уставились на Танкара, прося, нет, требуя объяснений. Тот поднял ладонь.

— Когда по этой большой и удручающе гладкой степи, как гигантская стая саранчи, катилась армия Великого Александра, города-полисы платили дань трижды. В первый раз — золотом правителей и жрецов, во второй — кровью героев, а в третий — соленым потом. И каждая капля его, даже взятая со спины грязного раба, была дороже всего золота храма... Рим пал не тогда, когда последних его защитников резали на ступенях Колизея, — продолжил Танкар, — а лишь тогда, когда римляне подставили свою шею под ярмо готов. Когда стал капать с их спин соленый пот.

— Меня там уже не было, — буркнул Йонард и отвернулся. Ему было больно. Все еще больно, несмотря на... сколько же лет прошло? Пять? Неужели всего пять? А кажется — целая жизнь.

Друг услышал его. Но ничем не показал, что слышит. Он смотрел на море, которое, как

пес, терлось об его босые ноги, и видел что-то свое.

— Я не хочу платить дань кровью жителей полиса, — произнес он, — потому что от крови один шаг до пота. Попробуем обойтись золотом. Оно, в сравнении со всем остальным, дешево, и его так много.

— Много? — Йонард вынырнул из своих раздумий и невольно улыбнулся. — Знаешь, я видел, как золото и драгоценные камни рабы грузили на телеги лопатами.

— Лопатами не получится, — признал Танкар, — да и не понадобится... Тень здесь пришлый. Он опирается на мечи наемников. И платит им полновесной монетой. Откуда он ее берет?

— Из сундуков Дания.

— Но они не бездонны. К счастью.

— Он наполнит их вновь. Он же правитель.

— Это он думает, что правитель, — Танкар усмехнулся, — я не хочу его разочаровывать. Но мы с тобой сделаем так, чтобы он не смог вновь наполнить эти сундуки.

— Во имя всех богов павшего Рима, как это возможно? — изумился Йонард, — мне случалось облегчать карманы честных граждан. Но чтобы украсть ВСЕ деньги в городе?!!

— Ты удивишься, когда узнаешь, как это легко, — заверил Танкар, — если знать, как работает система... Ты был в Акре. Ты видел. Кузнец не машет молотом, портной не достает иглу, садовник не берется за лопату, пекарь не печет хлеб.

— Почему?

— Тень сделал ошибку. Почти сам. Ему лишь чуть-чуть подсказали. — Танкар прищурился. — Тени нужны были деньги. Наличность. Он решил увеличить налог. Отныне весь прибыль должен был поступать в казну. Растишь яблоню — яблоки отдай, имеешь курицу — курица твоя, а яйцо — правителя. И так во всем. Не прошло и месяца, как базар опустел. А за ним опустели и сундуки в кладовых дворца.

— Почему?

— Да потому что драгоценный металл, яшму и лазурит есть не будешь. Есть будешь хлеб. И мясо. А если его мало — оно стоит дороже. Чем меньше в городе мелется муки и печется хлеба, тем быстрее тратятся деньги.

— Хлеб можно привезти из-за моря. Персы так делают постоянно.

— Все можно привезти из-за моря, — фыркнул Танкар. — Смотри!

Он сел. Тонким, кривоватым пальцем начертил круг на песке. Поставил на нем точку.

— Это — Акра. Мы выращиваем хлеб. Он у нас хорошо растет, и поэтому мы его продаем. Мы разводим овец. У нас тепло, и руно получается шелковым. Мы делаем нежнейший сыр, потому что только здесь растут такие сладкие травы. А вот это — Персия. — Вторая точка появилась рядом с первой. — Хлеб там растет плохо, но они много воюют и еще ткут дивные ковры. — Рядом с точкой появились значки, обозначающие ковры и невольников. — Вот — Греция.

— Вино, — сказал Йонард, помимо воли увлеченный странной игрой.

— Не только. Еще масло, медь, мрамор и другие вещи.

Появилась еще одна точка, в некотором отдалении.

— Гиперборея. Пенька. Лес. Мед. Сырое железо. Меха.

Палец Танкара соединил точки.

— Теперь смотри еще внимательнее, это важно. Допустим, некий купец едет в Акру, чтобы продать медь и купить соль. А другой — продать соль и купить невольников. Третий везет рабов, чтобы обменять их на зерно. А зерно меняют только на медь!

— Получается круг, — кивнул Йонард.

— Ну да. Колесо. Оно вертится безупречно до тех пор, пока каждая спица на месте. А, представь себе, на рынок не привезли, скажем, соли?

— Купец не станет менять свою медь ни на невольников, ни на зерно. Он продаст ее здесь, заберет все деньги и поедет за солью в другое место.

— Если захочет продавать. При таком базаре, как сейчас, он скорее возьмет свою медь

и поедет с ней в Кафу. Или еще дальше... Все. Колесо слетело с оси.

— Ну-ну. А как тебе удастся сделать так, чтобы на рынок не привезли соль?

— Легко, — Танкар криво улыбнулся, обнаружив недостаток зубов. — Соль — товар дорогой. Ее везут издалека. Пока на дорогах было спокойно, караваны приходили вовремя. Но недавно случилась маленькая неприятность. Воинственные кочевники-скфарны решили попробовать Акру на меч. И перекрыли все пути к городу.

Зеленые глаза потемнели от догадки.

— Так это ты их?..

— Не я. Вернее, не лично. Я, видишь ли, был немного слишком занят, шобы носиться по степи, разыскивая скфарнов. Но я, к счастью, не один. За прошедшие дни ребята перехватили два соляных каравана. Соль на рынке есть. Пока. Но она втрое дороже. Еще месяц — и ее не станет.

— Умно, — признал Йонард, — И жестоко. А как же горожане? Соль — это жизнь.

— Мы, жители полисов, ребята запасливые, — хмыкнул Танкар, — ты спроси Вани, сколько чего у нее на черный день запрятано — удивишься! Соли — целых два куска. Один величиной с мою голову, вместе с ушами. Другой — с ее задницу. И она еще далеко не самая запасливая хозяйка в Акре. Нет, в наш народ я верю.

* * *

То, чего так боялся замерший в ожидании город, случилось на рассвете. Огромный диск из красной меди, расположенный на сторожевой башне, загудел призывно и тревожно. Каждый житель Акры, начиная с двух, примерно, лет, хорошо знал этот сигнал: гонг звал на стены всех, способных держать оружие. Кочевники все-таки напали.

Узкие улочки Акры могли закружить-запутать любого, кроме, пожалуй, тех, кто сделал свой первый шаг именно по этим седым от времени, прокаленным солнцем камням. Люди покидали свои дома, в основном это были мужчины и вездесущие любопытные мальчишки, иногда к ним присоединялись молодые сильные женщины — и устремлялись в направлении ближайшей к ним сторожевой башни, ничуть не беспокоясь, что путь им преграждают высоченные заборы. Мужчины несли тугие луки и запас стрел к ним, острые пики и более дорогие, но и более опасные секиры. Грудь более зажиточных горожан прикрывали кожаные доспехи с плотно нашитыми медными пластинками, но большинство жителей шли на стены так же, как в поле, в простой льняной одежде. Женщины тащили кувшины с земляным маслом и тюки овечьей шерсти. Мальчишки неслись налегке, далеко опередив неповоротливых взрослых. На перекрестках они встречались с соседями, перебрасывались словами, полными тревоги и злости, и двигались дальше. Заборы, встречавшие их на пути — каменные, деревянные, живые, из плотного колючего кустарника — вдруг перестали быть преградой. Целые секции поднимались, раздвигались, либо исчезали совсем. Дорога на стены была открыта. Людские ручейки текли, сливаясь в реку... Не очень-то она оказалась полноводной. За последние недели Акра опустела и сейчас напоминала пустую раковину, которую покинул моллюск. Только вот створки этой раковины оставались плотно закрытыми.

На стенах деловито сустились наемники нового советника, гоняя полуголых рабов. Рабы таскали дрова, складывая поленья «домиком», укрепляли над ними большие медные котлы, подтаскивали поближе тяжелые бревна. Рядом были сложены деревянные чурбаки, похожие на испуганных ежей. Они были обтянуты овечьими шкурами, утыканными гвоздями.

Воины Тени заняли места около бойниц.

На стенах было ветрено. Это казалось странным, если учесть, что внизу, в прохладных садах и рощах благословенной Акры и на ее залитых солнцем площадях почти не ощущалось дыхания моря и степи. А здесь ветер быстро пропитывал влагой одежду, забираясь под нее и неприятно охлаждал разгоряченное тело. Пожалуй, тут можно было даже простыть. Если

ожидание затянется. Но никто из воинов и горожан не обольщался на этот счет. Вряд ли скфарны позволят им замерзнуть. Скорее, здесь будет даже слишком жарко...

Появился Отар. Этого неразговорчивого, угрюмого северного воина успели хорошо узнать в городе. Он занимался обучением граждан, решивших послужить Тени мечом. С ним уважительно здоровались, приветливо махали руками. Он снискал себе признание горожан тем, что, в первый раз получив для воинов не слишком свежую рыбу, отдал приказ пленить всех подручных неосторожного торговца. Не разбирая, раб это или старший приказчик, он загнал их в опорожненные бочки, забил дно и велел своим ученикам пинками катить их до самой судной площади на базаре. Второго раза не случилось. Воины Отара всегда ели свежую рыбу и лепешки из хорошей муки и сейчас готовились все это отработать.

Жители города ждали, не подходя близко к бойницам. Они, как никто, знали, на какое невероятное расстояние могут бить луки скфарнов, и как неправдоподобно точны их метательные машины. Поэтому они не видели, как пришло в движение пестрое море из людей и коней, и эта волна неторопливо, но все равно очень быстро поползла к стенам Акры, чтобы утопить ее в крови и, сломав створки раковины, выковырять оттуда сокровище.

В это время по комнатам и коридорам дворца правителя метался человек, который едва ли мог напомнить важного, величавого советника. Его темные волосы, промокшие от пота, стояли дыбом, рот был перекошен, глаза горели лихорадочным огнем, а с уголка тонких губ капала слюна. Глаз Посейдона, заключавший в себе трех мудрых и прекрасных демонов, бесследно пропал. Хотя все трое, хором, уверяли своего хозяина, что подобное невозможно.

* * *

Высоко над черной, необыкновенно щедрой землей, вознесся городской вал благословенной Акры. По воле пришельца, отважного Бальдра, она, как предрассветная греза, возникла когда-то на зыбкой и одновременно нерушимой границе между морем и вечной степью, став разделительным камнем, пилоном. Стены ее были сложены из плит, скрепленных раствором, секрет которого еще хранили здешние мастера. Он был замешан на яичном белке и птичьей крови и крепостью превосходил камень. Толщина этих стен в самом узком месте равнялась ширине большой повозки, а в самом широком в мирные времена стражи играли в мяч. Высотой же вал превосходил все ранее виденное: встав у его подножья, можно было увидеть узкие бойницы лишь с риском свернуть себе шею. У любого, кто хоть раз увидел бы эту твердыню вблизи, затея скфарнов вызвала бы недоумение: глаза убеждали — взять Акру штурмом невозможно. Но степные воины и не собирались рассматривать городские укрепления. Они собирались влезть на стены, перерезать гарнизон, добраться до сокровищницы правителя и его великолепной конюшни, взять все, что смогут унести и снова раствориться в глубине великой степи. До следующего раза, когда снова понадобятся золото и лошади. А что касается высоты и толщины стен, так еще совсем недавно их повозки стояли у подножий гор. Те всяко были повыше. Да и потолще.

Борнак спешил. Его мастера снимали с телег и устанавливали на земле баллисты. Камни для них уже подвезли.

Первый залп был пристрелочным. Камень перелетел расстояние, отделявшее скфарнов от городской стены, и упал в ров, наполненный грязной, дурно пахнущей водой, взметнув фонтан мутных брызг. Воины, стоявшие на стенах, заорали что-то, видимо, обидное, так как сразу за этим порыв ветра донес до скфарнов их смех. Борнак даже не повернул головы. В-первых, он не знал языка, на котором его оскорбили. А во-вторых, ему было совершенно неинтересно, что думают эти несчастные о нем самом, о добродетелях его матери и жены, о том, откуда растут его руки и куда смотрят глаза, и о его дальнейшей карьере в качестве мастера баллист. Возможно, уже к вечеру их тела будут сброшены со стены вниз и достанутся степным волкам или стервятникам. А может случиться и так, что его собственное тело братья возложат на погребальный костер и станут справлять по нему тризну. В мире, где за каждым охотится смерть, стоит ли обращать внимание на обидные слова? Он просто

дал несколько отрывистых точных указаний наводчикам, и следующий дружный залп всех камнеметов смел нескольких насмешников со стены. Под прикрытием камней и стрел пешие скфарны побежали к стенам, неся длинные штурмовые лестницы. Таран медленно пополз к воротам.

Он был окован железом и представлял собой огромное бревно, подвешенное на цепях. Над ним был сооружен навес из натянутых в несколько рядов лошадиных шкур. Перед штурмом молодые воины-скфарны несколько часов выдерживали шкуры в морской воде, не спрашивая, зачем это нужно, но потихоньку погибая от любопытства. Теперь они получили ответ. Со стен на них полетели горшки с маслом, а следом — горящие стрелы. Но, стучась в шкуры, стрелы только шипели и гасли, не причиняя вреда. Наконец таран дополз до ворот и ударил: раз, другой, третий... А потом уже эти удары сплелись в монотонную и угрожающую музыку штурма.

Со стен полетели стрелы, но скфарны прикрывались от них щитами. Ров задержал их ненадолго. Он давно стоял нечищеным и обмелел, а местами и вовсе высох, берега его осыпались, из крутых став пологими. Скфарны миновали его и, приставив к стенам лестницы, полезли вверх, воинственными криками подбадривая друг друга.

Защитники опрокинули котел с кипящей водой, но порыв ветра отнес большую часть в сторону. Снизу послышался смех. Воины Акры пытались жечь лестницы факелами и рубить веревки, но луки кочевников и баллисты Борнака не давали им высунуться из прикрытия каменных стен. Трое дюжих горожан подкатали и сбросили вниз тяжелое бревно. Один из кочевников не смог увернуться и с криком полетел вниз, увлекая за собой еще двоих. Но остальные успели пригнуться, а штурмовые лестницы, связанные из сырого дерева, выдержали удар бревна и лишь немного прогнулись, но не сломались. Спустя каких-нибудь несколько мгновений первые скфарны вскарабкались на стены, держа наготове оружие. Их встретили мечи воинов Тени, закованных в железные доспехи. Доблесть и азарт столкнулись с хладнокровием и опытом. И проиграли. В первой схватке горожанам даже не пришлось браться за оружие. Смельчаки-скфарны под обидный смех посыпались со стен, кто мертвым, а кто еще живым. Страшный конец ждал их внизу. Мечи, копья, секиры крушили скфарнов по всей стене. Но они продолжали с отчаяньем лезть вперед. Защитники стояли крепко и почти нигде не давали нападавшим закрепиться. Еще минута... последний рывок — и оглушающий рык разочарования. Кочевники, истратив первоначальный задор и наткнувшись на твердую защиту, стали откатываться назад.

Удары тарана тоже прекратились. Воины Отара, под его руководством, сбросили вниз несколько огромных чурбаков и тяжелых камней, и нескольким из них удалось привести таран в негодность.

Скфарны отходили от стен, а вслед им неслись смех и обидные крики. И стрелы. Целая туча стрел. Бегущие воины падали под этим дождем и больше уже не вставали. Наверное, ни один из смельчаков не добежал бы до своих. Но внезапно сплошной ливень из стрел превратился в редкий дождик и вскоре совсем иссяк.

Остатки штурмовых отрядов благополучно отошли на безопасное расстояние, унося с собой горечь поражения, злость, обиду и недоумение.

Первая попытка степных воинов взять Акру на меч захлебнулась.

* * *

— Почему Отар приказал прекратить стрелять? — Дородный горожанин в кожаном нагруднике преградил дорогу молодому воину в кольчуге и требовательно уставился в глаза.

Воин попытался обойти сердитого мужчину, но тот бесцеремонно схватил его за руку.

— Он позволил этим разбойникам уйти, чтобы они снова вернулись безобразничать под стенами, так, что ли?

— Они все равно вернутся. — Голос, который прозвучал совсем рядом, добавил воину бодрости. Он вывернулся из цепких лап горожанина и с независимым видом отошел. Не

далеко. Ему тоже было интересно, почему его наставник отдал такой странный приказ.

— Я видел тех, кто взобрался на стены, — устало пояснил Отар, — совсем мальчишки. Не старше твоего сына, Миний. Скфарны послали их вперед, чтобы попробовать крепость стен, выяснить наши слабые места, узнать, каким оружием мы владеем. Ну и заодно выпустить лишний пар. Настоящий штурм еще впереди. Так что стрелы нам пригодятся. А может, и не только стрелы. Я бы на твоём месте почистил меч, Миний. А заодно выяснил, почему ни одного из твоих соседей не было сегодня на стене.

Под пристальным взглядом Отара горожанин стушевался:

— Я давно их не вижу...

Отар отстранил его рукой и прошёл к лестнице. Он куда-то торопился.

* * *

Танкар сидел на кошме и с сосредоточенным видом пытался вытащить из пятки занозу. Пятка была грязной, применить зубы не представлялось возможным, а пальцы явно негодились. Йонард смотрел на это самоистязание, потому что ничего более интересного не наблюдалось. Мысли его бродили далеко. Сначала он попытался вспомнить по именам или хотя бы в лицо тех мальчишек, которые ещё утром заодно хвастались друг перед другом своим оружием и вслух мечтали, что они сделают с золотом, которое возьмут в Акре. Попытка не удалась. Погибших было много. Да и не слишком хорошо Йонард знал этих мальчишек. В круг воинов, где коротали длинные южные ночи он и Танкар, их ещё не пускали. И теперь он их уже не узнает. Впрочем, как воин, он понимал и вполне одобрял действия Сандака. Неудачный штурм дал военачальникам бесценные сведения и одновременно остудил слишком горячие головы, которые могли взбаламутить войско в самый неподходящий момент. И практически не повлиял на боеспособность скфарнов. Так что всё было правильно. И Сатеник наверняка всё знала и всё одобрила. Она ведь и сама водила скфарнов в бой. И города, говорят, брала.

От царицы скфарнов мысли перескочили на тот вечер, когда они впервые встретились, и на предсказание, которое старая ведьма сделала Бергу то ли шутя, то ли всерьёз.

Йонарду уже давненько сравнялось двадцать зим. Солнце с тех пор сделало полный круг, может быть, четыре раза, а может и все шесть. По меркам своего народа, он был уже зрелым мужем. А в некоторых племенах, где доводилось гостить, и вовсе считался стариком. Будь судьба к нему малость помягче, он уже давно был бы хозяином дома, мужем красивой и статной светловолосой женщины и отцом полдюжины детишек...

— Она, наверное, старше меня лет на десять, — пробормотал он, забывшись.

Танкар, который только что весьма удачно подцепил злую занозу, замер. И медленно выпрямился, с неподдельным интересом разглядывая приятеля.

Вернувшись из города и неожиданно приведя с собой самую высокородную особу в Акре, Йонард рассказал ему почти всё. По крайней мере, так думал Танкар. И вот теперь, похоже, выяснилось, что друг его умалчал о самом интересном. Впрочем, у Танкара были глаза и, по его собственному выражению, кое-что, к чему они крепились...

— На пятнадцать, — невозмутимо уточнил он. — И ты далеко не первый, кого смутила эта русоволосая Афродита.

— А кто ещё? — моментально проснулся Йонард. И замер.

— Не смотри на меня так, словно я поймал тебя на краже моих новых башмаков, — сказал Танкар. Он улыбался, — если ты таки думаешь, шо можешь шо-то спрятать от вольного торговца, то ты неправильно думаешь. Разве спрячешь солнце на дне корзины?

Йонард молчал, не зная, что тут можно сказать.

— С тех пор, как ты вернулся, я не узнаю своего друга, — осторожно проговорил евер.

— Она... необычная женщина.

— Конечно, — сразу согласился Танкар, — между прочим, это шобы ты знал, один отважный воин из-за неё потерял целое царство. Прекраснейшее из царств.

Йонард встрепенулся, являя собой один сплошной знак вопроса.

— Наш бывший правитель Даний, да хранят его боги в узилище, и наш новый, но от этого не менее дорогой брат Рифат — родичи.

— Я заметил, что они схожи лицом и поведением, — отозвался Йонард, — но думал, это от того, что они оба — высокородные господа.

— Они родные братья. Да. И не удивляйся, пожалуйста, так старательно. Для гражданина Рима это как-то даже неприлично. В вечном городе бывало и не такое. Между прочим, Рифат — старший. Безрукавку, которую он уже пятнадцать лет не спускает с плеч, так шо все думают, он в ней и родился — ее своими руками вышила ему Франгиз. Она была просватана за Рифата, и престол Акры должен был занять именно он, а не Даний. Но отец их, Иданфирс, сказал: не сумел удержать женщину, не удержишь и власть, тем более, шо она тоже женщина. В некотором роде... Вот так, брат мой, Йонард.

— Как же Даний сумел завоевать чужую невесту? — удивленно спросил Йонард.

— Сомневаюсь, шо он ее завоевывал. Даний — не воин. Он игрок. Хороший игрок, — уточнил Танкар, — и везучий. Он ее выиграл. Рука судьбы метнула кости, и выпало две шестерки. Она полюбила его, и из ее рук он получил диадему.

— Да... — тихо, почти про себя проговорил Йонард, — любовь такой женщины способна изменить лицо мира. И она же может разрушать города.

— Глупость, — фыркнул Танкар. — Любовь — это священная амброзия, дар богов. Она всегда благословенна. В яд ее превращает человеческое в нас.

— Ты говоришь так, словно тебе самому довелось испить этой амброзии, — с любопытством заметил Йонард.

— А мне и довелось, — не стал отпираться Танкар. Он откинулся на подушках и вытянул ноги. — Давно дело было...

Я тогда еще моложе тебя был, а Вани — совсем соплячка. Мать была жива. Отец взял меня с собой в Кафу, помочь проследить за погрузкой. Ну и за спиной посмотреть... В порту я сошел с корабля, чтобы выпить вина в таверне, купить Вани какое-нибудь колечко и вообще пройтись. Только далеко я не ушел. Шагах в десяти от нашей посуды собралась небольшая толпа. Мне стало интересно, и я протолкался вперед. Оказалось — ничего особенного: девчонка нищая танцует. Молоденькая! Показалось, совсем недавно за мамкину юбку держаться бросила. Ей и впрямь в ту пору еще пятнадцати не было. Худая, смуглая. Одета в лохмотья, которым самое место на заднем дворе. Босая. Но чистая. Зубки белые, ровные, как у акулы. И глаза отчаянные. Такие глаза, которые раз увидишь — все, считай, пропал. Я и пропал. Стоял так, словно меня заморозили. Уже и народ весь почти разошелся. И тут я заметил, шо девчонка-то на меня поглядывает. И вроде бы даже улыбается. Видно, усекла, шо я с самого полудня на нее любуюсь, с места не сошел. Я уж совсем хотел было заговорить. Но тут Танат вынес на нас компанию молодчиков, которые явно с самого утра кувшин наклоняли и так устали от этой работы, шо на ногах не стояли...

На этом месте Йонард фыркнул.

— И ты благородно спас девушку, а она в благодарность подарила тебе...

— Я ее действительно спас, — подтвердил Танкар, — и спрятал на нашем корабле. Потому шо понял, шо она почему-то портовой стражи боится едва ли не больше, чем своих обидчиков. Мне это показалось странным, но к тому моменту было уже наплевать: пусть хоть все странности мира окружают мою красавицу. Я предложил ей плыть со мной в Акру, сказал, что корабль этот принадлежит моей семье и, как только вернется отец, я попрошу у него разрешения жениться.

Йонард присвистнул. Он был порядочно удивлен.

— А что она?

— Она страшно смутилась. И убежала.

На следующий день я пытался разыскивать ее по трущобам, расспрашивал бродячих торговцев и фокусников — бесполезно. Она как сквозь землю провалилась. Я не хотел возвращаться! А перед самым отплытием на борт, изрядно напугав отца, неожиданно

вломилась стража, и не портовая, а дворцовая. Мы уже решили — смерть наша пришла. Но — ошиблись. Десятник передал богатый подарок для меня: настоящий дамасский кинжал в ножнах из шкуры льва. И таможенные льготы для всех кораблей семьи. На неограниченный срок. Оказалось, нищенка, которую я нечаянно спас — дочь самого правителя, Алкмена. Она имела скверную привычку сбежать из дома и танцевать в порту.

— И что, ты больше никогда ее не видел? — спросил Йонард, помимо воли попавший в ловушку этой невероятной истории.

— Отчего? Кафа не так далеко от Акры. Я с ней увиделся ровно через полгода. И до сих пор вижу.

— Она же царица. И жена царя!

— Ну и шо? — великолепным образом удивился Танкар. — Убегать из дворца она не разучилась.

Йонард покрутил головой. Сказать, что он был ошарашен, значило ничего не сказать.

— А я-то все удивлялся, почему в Кафе все прошло так, словно маслом смазали. Розовым, индийским. Теперь не удивляюсь.

— Кстати, насчет масла, — подхватил Танкар, — ты не забыл, куда горшочки-то заныкал?

Йонард досадливо отмахнулся. Он был весь захвачен неожиданной мыслью: если Танкар, рыжий, тощий, беззубый смог добиться любви царицы, да так, что она не побоялась рискнуть своей жизнью, чтобы наставить рога своему венценосному супругу — тогда что может помешать ему, Йонарду?

Он приподнялся на руке.

— Собираешься остаться здесь, убить Дания и занять трон? — глядя в сторону, спросил Танкар. Йонард от такой прямоты даже вздрогнул.

— Или хочешь взять ее с собой. В седло, позади себя. Дом — поле, крыша — небо...

Йонард сел.

— А какое тебе, собственно, дело, чего я хочу?! Ты же меня не спрашивал, когда влез в постель к царице! Вот так живешь, а потом узнаешь что твой властелин на самом деле сын твоего приятеля.

Сонная расслабленность вмиг слетела с Танкара. Йонард даже не понял, что произошло, настолько быстро это случилось. Он вновь обрел способность видеть, слышать и отчасти соображать, лежа на животе, прижатый сверху худым, но тяжелым телом Танкара. Похоже, у горла его неподвижно замер кинжал. Надо думать, дамасский. С ножнами из шкуры льва. Хорошо, должно быть, режет. В Дамаске худых клинков не делают... Глаза рыжего торговца оказались совсем близко. И были они как два бездонных колодца, из которых на Йонарда взглянула смерть.

— А вот об этом ты будешь молчать даже под пыткой, — спокойно и четко произнес Танкар, — ты понял? — Почти помимо воли Йонард кивнул. — Алкмена может погибнуть из-за своей собственной неосторожности. Но от моей я ее уж как-нибудь уберегу.

— Даже если придется убить друга?

— Надеюсь, шо не придется, — веско произнес Танкар. Он отодвинулся, и Йонард с изумлением понял, что ножа у приятеля в руках нет. Он вообще не доставал оружия!

Прошло, наверное, несколько минут, прежде чем Берг почувствовал, что его «отпускает». Он убивал и рисковал быть убитым чуть не с рождения. Но вдруг понял, что смерти-то он, пожалуй, не видел. До сих пор.

— Ты ведь не захочешь делить любимую с другим? — мягко спросил... даже не спросил, а уже ответил Танкар.

Йонарда передернуло:

— Да уж! Не понимаю, как это получается у тебя.

— Получается... как-то. Потому шо не хочу превращать свою амброзию в яд.

Рыжий торговец отвернулся и вплотную занялся занозой. Это было, без сомнения, серьезнейшее занятие, требующее предельной концентрации внимания. Отвлекать друга не

следовало. Берг встал и вышел из шатра.

Над головой висело близкое небо, приколоченное мириадами серебряных гвоздиков к тому, к чему его там следовало приколотить в самом начале времен. Эта привычная картина всегда наполняла сердце северянина спокойствием. Что бы не случилось с ним самим, с городами, империями — небо не упадет: эти гвоздики всегда выглядели очень надежными. Горьковатой струйкой вплеся в его мысли запах полыни. Скфарны почитали эту траву как божество. И это было правильно. Если звезды держали небо, то полынь связывала воедино землю великой степи, не давая ей улететь вслед за ветром. Где-то в этой темноте переступил с ноги на ногу горячий конь. Фыркнул. Но никого не разбудил. Огни были погашены.

Спотыкаясь и в четверть голоса поминая Таната и Хрофта, Йонард упрямо двигался вперед, не совсем понимая, какая сила его ведет, но догадываясь, что лучше ему этого не знать. И лучше не спорить. Пару раз он чуть не убрался носом в священную полынь, споткнувшись о чьи-то тела. В ноздри ударил запах крепкого перебродившего молока. Догадки Берга оказались верными. Вели его никак не светлые боги, потому что направления он не потерял и спустя всего лишь полчаса вышел к цветному шатру Сатеник, в самом сердце лагеря.

Пожалуй, предводительница кочевников, которая нагадала ему любовь, могла бы помочь хорошим советом. Она была мудра, эта женщина. Как, наверное, становится мудрым каждый, кому удастся разменять восьмой десяток. Но Сатеник, должно быть, уже спала. Будить ее явно не стоило. Помимо всего прочего, это вполне могло стоить жизни если не самому Йонарду, то паре отличных ребят, с которыми он не раз за эти дни делил трапезу.

Он уже почти решил повернуть восвояси, когда вдруг понял, что не один здесь не спит. Буквально в нескольких шагах от него светлела под звездами шелковая накидка. А над ней серебрилась корона из мягких русых кос. Франгиз. Йонарда прикрывал серый бок баира. Конь спал чутко, но сквозь дрему уже разобрался, что этот странный человек, который шастает здесь в ночи, пахнет так же, как все скфарны и, стало быть, свой. Беспокоиться и звать хозяина он не стал. Женщина сидела неподвижно, не поворачивая головы. Боялась? Мечтала? Любовалась звездами? Йонард уже совсем было решил обнаружить свое присутствие, когда она заговорила. Тихо, едва слышно. Йонарду пришлось напрячься, чтобы уловить слова:

— Как странно! Небо. Звезды. Ветер с моря. Я уже много лет не чувствовала этого ветра. В городе морские ветры умирают.

Берг тут же изменил решение. Не будет же женщина, даже такая... беспокойная, как Франгиз, разговаривать сама с собой. Приглядевшись получше, Йонард увидел, что у ног ее полулежал мужчина в неприметной одежде кочевника. Йонард постарался совсем слиться с темнотой.

— Я виновата перед тобой, — продолжила Франгиз. — Ты мог бы уехать с отцом. Сейчас жил бы в Синопе, имел бы свою торговлю, корабли, семью...

— Дюжину детей, дом в рассрочку, долги, брюхо и лысину, — с тихим смехом продолжил мужчина.

— Сейчас не время для шуток, — перебила она странным, тихо звенящим голосом, — возможно, часы наших с тобой жизнью перевернуты в последний раз!

— Мне нравится, как ты это сказала: «наши с тобой жизни...» Тс! Тихо, женщина. Не нужно рвать мне волосы, иначе одну из своих потерь я сегодня восполню, лысина у меня все же появится... Часы и впрямь перевернуты. Но, я надеюсь, время у нас еще есть. У всех нас. И у Дания тоже. По крайней мере, на городской стене я не видел его отрубленной головы.

— Замолчи!.. Не говори так, даже в шутку не говори, — женщина зябко повела плечами, хотя ночь была — и надо б теплее, но некуда. — Не хочу слышать! Если бы я не вышла за него замуж, сейчас ничего не угрожало бы его голове!!!

— И дюжина детей, персидский диван и лысина были бы у него...

— Рифат! Рифат, как ты можешь?! Пятнадцать лет ты стоял у моего трона, пятнадцать лет хранил покой моего царства. И никогда ни о чем не просил, хотя, видит Бог, ты знал, что

отказа не будет. А сейчас, когда все рухнуло в один миг, только твоя сабля, только твоя верность и остались у меня... Лишь на них моя надежда. И снова ты ничего не просишь.

— Прежде чем стать твоим мужем, Даний двадцать лет был моим братом, — спокойно проговорил бывший начальник городской стражи. — Что я должен просить у тебя, чтобы ты перестала мучиться, что завтра я пойду на штурм, а ты останешься в гэре? Чем ты должна расплатиться со мной за спасение моего же родича? «Будем гордыми людьми, ибо жизнь дешевле чести. В одиночку или вместе — будем гордыми людьми». Я люблю тебя, Франгиз. Давно люблю, сильно люблю. Но моя любовь — она не в том, чтобы привести тебя в свой дом, запереть под замок и даже солнцу не показывать. А всего лишь в том, что я всегда на твоей стороне. Даже если ты против меня — я все равно на твоей стороне. И прошу я лишь об одном, но это одно для меня бесценно — не грусти. И не думай, что за поворотом колеса фортуны обязательно темнота. Кто знает — может быть, именно сейчас оно выносит нас к свету, а?

Йонард развернулся и бесшумно ушел. Голос его друга и с недавних пор — брата, отважного воина, не проигравшего ни одной битвы, в том числе и с собственным сердцем, еще долго звучал у него в ушах. В нем не было боли, не было обиды, не было горечи. А был в нем счастливый смех победителя. И обещание будущего счастья.

Йонард так не умел. И был уверен, что уже не научится.

Глава девятая

Певец Эрон по давней привычке есть с руки и укрываться небом никакого шатра себе не поставил и ни к кому из новых друзей не напросился. Он устроился на отшибе, чуть в стороне от лагеря, там, где большой камень прикрывал от ветра его вытертый коврик. Там пасся его конь. Там же спала его жена, девочка-танцовщица, которая когда-то безоглядно ушла за ним, не взяв с собой ничего, кроме своего сердца. Сейчас она, укрытая теплым плащом, бродила по тропинкам своих сновидений и чему-то улыбалась. Эрон смотрел на нее с недоверчивой нежностью. Так странно нашедшее его счастье казалось ему одновременно и вещью вполне обычной, даже необходимой, и — совершенно волшебной.

Эрон улыбался и вертел в руках массивное золотое кольцо с огромным, дивно ограненным зеленым камнем. Кольцо передала ему старая Сатеник, и смотрела она при этом странно, словно поднесла ему чашу, сама не зная, сладкое вино в ней, золотой песок или страшный индийский яд. Да и у Йонарда с Танкаром, которые стояли рядом, лица были еще те. Пожалуй, они изрядно подивились, почему, едва оказавшись у него в ладони, кольцо не превратилось в скорпиона...

Эрон повернул камень, просто подковырнув его длинными, тонкими пальцами музыканта.

В том месте, где серебряный лунный свет отражался в котелке воды, появился странный блеск и в стороны побежали быстрые змейки. Эрон с любопытством приглядывался к этому явлению и, казалось, совсем не удивился, когда из белесой дымки над водой вдруг сошел силуэт высокой красивой девушки в сияющих доспехах, с суровым неулыбчивым лицом и рекой мягких, совершенно белых волос, сверкающих в свете луны, как снежные шапки горных вершин.

Он привстал и поклонился.

— Добрая ночь, красавица.

Красавица свела брови:

— Ты кто?

— Я? Я певец. А ты?

Воительница передернула плечами — лунный свет змейками побежал по начищенным доспехам.

— Я чувствовала, что что-то не так. Как к тебе попало это кольцо?

Голос ее звучал повелительно... и все же, казалось, она была растеряна.

— Случайно, — Эрон развел руками, — и, думаю, ненадолго. Но я рад знакомству. Вы живете в этом кольце? И вам... не тесно?

— Неужели эта бестолочь, Тень Орла, — имя дева выговорила с невыразимым сарказмом, — умудрился потерять кольцо? Матушка всегда говорила, что это невозможно.

— А кто ваша матушка? — влез любознательный Эрон, ни мало не смущенный тем, что воительница явно разговаривала сама с собой и его, похоже, в упор не видела.

— Ее зовут Зея. Она — повелительница змей, — снизошла до ответа его ночная гостья.

— Тогда, действительно, странно. Змеи очень мудры и необыкновенно честны и прямодушны.

Блондинка заметно смягчилась. Она вышла из серебристой дымки и, сделав всего шаг, опустилась на край ковра. Движения ее были бесшумны, и лишь когда она ступала, слышался легкий чистый перезвон. Белый шерстяной плащ укрыл длинные стройные ноги, но певец успел заметить, что обута дева в сандалии с серебряными бубенчиками.

— Удивительное дело! Первый раз слышу от сына человека добрые слова о нашем племени.

Эрон покопался в сумке и протянул красавице тыквенную флягу.

— Это что? — подозрительно спросила она. — Уж не тот ли перебродивший виноградный сок, упившись которого Геркулес убил своих детей? Я не пью ничего кроме свежей ключевой воды!

— «Вода не утоляет жажды. Я как-то пил ее однажды», — ответствовал Эрон, улыбаясь, — красавица, я ошибся, или у тебя действительно какое-то затруднение? Среди нас, сынов человеческих, бытует такая примета, которая вполне тянет на мудрый совет: если перед тобой действительно трудное дело, без фляги доброго вина за него лучше не браться, толку не будет. И потом, у тебя ведь, наверное, нет детей?

— И что, это зелье в самом деле помогает?

— Да не так чтобы очень, — честно признался Эрон, — но таков обычай.

Дева усмехнулась, но флягу пригубила. И скривилась.

— По-моему, не слишком вкусно.

— Да, это не фалернское, — согласился певец, — но для соблюдения обряда сгодится. — И, в свою очередь, сделав глоток, кивнул ей, приглашая рассказывать.

— Видишь ли, певец... Мы, в общем-то, все время, когда нас не призывает хозяин камня, спим. Но спим очень чутко и все слышим. Не только разговоры или действия, мы слышим, как движутся мысли. Особенно — недобрые мысли, понимаешь?

— Стараюсь, — серьезно кивнул Эрон и подбородком указал на флягу.

— Мы слышали, когда люди в серых плащах пришли под землей чтобы украсть Глаз. Мы слышали все их короткие мысли так отчетливо, словно они, как глашатаи, выкрикивали их посреди площади. Мы предупредили Тень. И с тех пор все было тихо. Мы были... Я была совершенно уверена, что все в порядке.

Воительница приняла протянутую флягу, сделала добрый глоток и, уже не морщась, кивнула:

— Грееет.

— Ага, — согласился Эрон, — от холода тоже помогает. И от грусти.

— Мне не бывает грустно. Мне бывает непонятно, и от этого...

— Грустно? — подсказал певец.

— Да нет! — блондинка снова глотнула из фляги. — Не грустно. Просто как-то... Я не люблю, когда чего-то не понимаю.

— А по-моему, это здорово. Когда все понимаешь — это скучно.

— Дело вкуса, — пожала плечами его собеседница, — мне скучно, если я ничего не понимаю.

Видимо, с непривычки к вину, ее слегка повело. Она смотрела в темноту, иногда переводя взгляд на блески костра, но вряд ли что-то видела. Взгляд ее был пустым. Между прочим, глаза его странной гостьи были светло-зелеными, она их немного щурила и,

вероятно, от этого вокруг них появились морщинки. Эрон уже понял, что судьба свела его с одной из тех странных волшебных существ, которых в изобилии наплодили распоясавшиеся людоподобные боги греков. Такая встреча могла стать величайшей удачей в жизни. А могла — и самой страшной бедой. Как получится. Или — как посмотреть. Иногда ведь многое зависит от точки зрения? А с его точки зрения, красавица смотрелась совсем неплохо. И невероятно... телесно, если так говорят. Эрон знал, что эта дева в доспехах — дух. Просто дух темноты и лунного света. Но все же не мог отделаться от мысли, что рядом с ним сидит живая, настоящая женщина. С нежной розовой кожей на щеках, пушистыми ресницами, чуть припухлыми мягкими губами. А под плотным плащом прятались стройные ноги, тонкая талия и, наверное, роскошная грудь.

— Вы слышите мысли? — уточнил певец.

— Да, — кивнула девушка.

— А скажи тогда, о чем я думаю?

Блондинка хихикнула.

— Это не очень-то скромные мысли.

— Я обидел тебя?

— Нет... почему-то. Почему-то я не обиделась. И это тоже странно. Может быть, это твой эликсир? — она снова глотнула из фляги под поощряющий кивок певца.

— А может, это одиночество? — спросил Эрон.

— Змеи — одинокие существа.

— Но и для них наступает пора, когда хочется быть вместе, чувствовать тепло друг друга...

Зульд заиграл очень тихо, почти на грани слышимости. И так же осторожно в нежную мелодию вплеся голос:

— Я — все сильнее люблю,
Ты же — как лед холодна.
Сердцем, сгорая, молю:
Дай хоть немного вина!
Я за единственный взгляд
Все к твоим брошу ногам,
Я за единственный взгляд
Жизнь и свободу отдам...

— Остановись, — властный взмах руки оборвал песню.

— Тебе не понравилось?

— Мне кажется, я чувствую тепло солнца на своей коже, — хрипло проговорила она, вытягивая руки.

— Ты никогда не видела солнца? — догадался Эрон.

— Мы — существа ночи.

— И вас... много? — наконец решился он.

— Трое. Три сестры. Я бы хотела, чтобы они тоже ощутили тепло солнца.

— А они — тоже там?

Блондинка кивнула. Фляга в ее руке была еще почти полной, но глаза подозрительно блеснули. Змеи не плачут. Или?

— Пускай выходят и послушают, — предложил Эрон.

— Ты с ума сошел, певец?! Мы выходим лишь по одной. И ненадолго. Нас, всех троих, этот хрупкий мир может не выдержать и разлететься на куски.

— Ничего, небось, не разлетится, — Эрон легкомысленно махнул рукой, — поверь мне, мир — вещь гораздо более крепкая, чем принято думать. Он и не такое выдерживал. Ты слышала, что пока говорит лютня, смерть ждет?

— Нет, — удивилась блондинка, — а это так?

Вместо ответа Эрон повернул камень еще раз. И еще.

Немного в стороне, там, где тень от большого камня была всего гуще, зашуршали складки черного плаща, и мягкий, слегка манерный голос произнес приветствие. А из огня, как бесстрашная саламандра, шагнула дева, отряхивая искры с рыжих кудрей.

Мир не рухнул.

Певец Эрон играл, не глядя на своих могущественных гостей, словно не видел. Но играл для них. Он пел о вечном море, рождающем ласковые волны, теплых летних днях и человеческой любви, простой как «да». О том, чего мудрые змеи-боги не знали и не могли знать. Три прекрасных и грозных сущности ночи прижались друг к другу, как три котенка в корзине. Фляга Эрона пошла по кругу. Они ни о чем не говорили, но их судорожно сцепленные руки говорили о многом.

— Не удивляйся, певец. И не смотри так. Мы не виделись уже полтора тысячелетия, — пояснила блондинка.

— С тех пор, как стали взрослыми, обрели силу, и мать поселила нас в изумруде, — добавила чернокося красавица.

— А в детстве мы были очень дружны, — вспомнила рыжая, — мы так весело проказничали!

— Как же вас зовут, прекраснейшие из демонов? — спросил Эрон.

— Зовут? — удивилась рыжая. — Нас никак не зовут. Просто кольцо крутят.

— Зачем нам имена, — черная дернула плечом, — разве ты не знаешь о том, что все на свете имена вначале придумала смерть, чтобы ей легче было искать свои жертвы... Наша мать знала об этом. Поэтому она не дала нам имен.

— Чтобы вы стали бессмертными? — догадался Эрон.

— Чтобы смерть нас никогда не нашла, — уточнила светловолосая воительница.

Показалось или нет? Неужели в ее голосе прозвучало... сожаление. Эрон только собрался развить эту тему, но вторая сестра, с черными, как кровь земли, блестящими косами, улыбкой, одновременно печальной и властной, закрыла ему уста.

— Ты сделал нам драгоценный подарок, — сказала она, — за него стоит отблагодарить. Скажи, певец, чего ты хочешь?

— Улыбку от огненной девы, поцелуй от темной и мудрый совет от снежной. Три желания вместо одного, ловко я вас поймал? — Эрон рассмеялся.

Сестры в недоумении переглянулись:

— А как же алмазный дворец до самого неба, диадему владыки мира и жену-царевну?

— Дворец мой вот, — Эрон обвел рукой степь, — он и в самом деле достигает неба. Миром я уже владею, так же, как мир владеет мной. А жена моя спит под плащом, другой не нужно — эта мне дана богами.

Рыжая улыбнулась. Не ослепительно, но тепло и лукаво. Черная церемонно коснулась мягкими губами щеки певца.

— Никогда не пой для бессмертных, — сказала дева со снежными косами. Она взглянула в глаза Эрона так пронзительно, что он даже попятился. — Если только жизни твоей не будет угрожать смертельная опасность. Но и тогда не пой. Постарайся выкрутиться как-нибудь по-другому.

— Ты дал нам встретиться...

— И ощутить солнечное тепло на своей коже...

— И только потому мы уходим с миром. И этот мир ничем не платит нам за наше внезапное и глупое пробуждение. Иначе он заплатил бы своим певцом. Ты ушел бы с нами.

— Нам пора, — сказала вдруг рыжая, — я уже слышу, как трещит по швам ткань ночи.

— Скоро рассвет, — кивнула ее темная сестра. Тени, сгустившиеся под камнем, словно втянули ее в себя, мгновенно, как будто той и не было.

Эрон обернулся к костру — весело трещал огонь. Спала Айсиль. Рыжая тоже исчезла.

Воительница со снежными косами и суровым лицом вдруг проказливо улыбнулась, протянула ему флягу:

— Ты колечко, если вдруг невзначай потеряешь... не ищи. Не нужно. Изумруд — не твой камень. Прощай, певец.
И рассыпалась лунными бликами.
Степь медленно светлела. Где-то за горизонтом проснулось солнце.

* * *

Шла третья луна. Всего лишь третья. Причем в рост, а не на убыль. Тень ворочался в своей широкой, но жесткой и душной постели под плотным балдахином. В последнее время он почти совсем перестал спать без специальных снадобий, которые готовила ему старая рабыня без имени, но с ловкими и точными руками. Иногда, когда врожденная осторожность брала верх над усталостью, он думал, что старуха с крючковатыми желтыми пальцами держит в руках его жизнь. Чуть больше травы... Однажды он даже припугнул ее. Вернее, попытался припугнуть. Она подняла на него выцветшие глаза и, шамкая беззубым ртом, изрекла довольно-таки загадочную фразу: «Часы моей жизни перевернуты в последний раз, господин. А твоему песку еще края не видно. Так что путать снадобья мне ни к чему. При другом ветре — может быть. А сейчас — пей, господин, и о худом не думай».

Сегодня он не призвал старуху. И сейчас жалел об этом. Небо уже светлело на востоке, а сна все не было ни в одном глазу. И многодневная усталость давила на плечи. «Бремя власти», так, кажется, сказал Даний? Скорее, это был страх. Точнее — паника.

Шесть дней назад...

Он ворвался в помещение караульной стражи, как смерч в курятник, взметнув волну дикого ужаса и в одно мгновение превратив бывалых воинов в перепуганных детей.

— Воры! Мерзавцы! Казню всех!

— Спокойно. Спокойно, господин советник, — Ритул перехватил руку с местной кривой саблей, писавшую замысловатые узоры в воздухе, и без особого труда прижал к боку Тени.

— Клянусь богами, вы либо все на свете проспали, либо в сговоре с местными голодранцами, — выплюнул Тень перекошенным ртом. — И если это так, то, даю слово, я никого не помилую!

— Очень хорошо, — похвалил Ритул, не разжимая железных тисков, — а теперь еще тише и, если можно, по порядку. Похоже, у нас что-то случилось? Я угадал?

— Ты угадал?! Звездочет гребаный! Гадатель базарный, попугай с табличками! — Тень дернул рукой, потом еще раз, снова не преуспел и, наконец, перестал дергаться.

— Если бы здесь были мои воины, я заставил бы тебя проглотить свои слова, будь ты хоть сто раз советник, — очень спокойно и совсем без угрозы произнес Ритул, — но, поскольку мы одни, мы это опустим. Я вижу, господин, вы взволнованы. Позвольте узнать — чем?

Тень опустил на каменную скамью, покрытую старым ковром.

— Пропал перстень. Из спальни.

— И все? — Ритул скривился. — Вы меня разочаровываете, господин советник. Столько шуму из-за обычной безделушки? Можно подумать, это перстень Поликрата.

Тень Орла провел пятерней по темным редеющим волосам.

— Так и есть, — сказал он. — Можно сказать.

Ритул вскинул глаза и внимательно осмотрел Тень, словно видел впервые.

— Да? Похоже, вы меня снова заинтересовали. И давно это у вас? Я имею в виду — с богами и демонами?..

Тень одарил наемника сложным взглядом, одновременно озверелым и затравленным.

— То, что вы никогда не выходите на солнце... Это ведь не просто потому, что вы не любите жару? — проникательно спросил Ритул.

— Мне нужен человек, который охранял мою спальню, — проговорил советник. На

вопрос Ритула он не ответил. — Ты знаешь, кто это был. Приведи его. Я сам вытащу из него правду, даже если мне придется порвать его на куски зубами! — Светлые глаза советника начали наливаясь кровью, лицо покраснело. — Не надо смотреть на меня как на неразумного младенца. Мой приказ достаточно ясен. Дай мне этого негодяя! Все.

— Нет, не все, — Ритул поморщился. Хотелось сесть, но делить скамью с «господином» как-то не улыбалось. — Оборона дворца состоит из трех линий. Вор должен был пройти их все. Тех, кто охранял ворота, дворец и вашу спальню. Придется опросить два десятка человек. Ты уверен, что выдержишь, если тебе придется лично каждого рвать зубами? Челюсть не затечет? — вдруг сорвался Ритул.

— Кольцо пропало из спальни! — рявкнул Тень. Он вскочил и, опираясь на низкий стол, всем телом подался к Ритулу. — Кто бы ни был вор, он должен был войти в дверь.

— Или в окно. Я заметил, вы часто держите ставни открытыми. — Наемник снова успокоился. Он не сделал ни малейшей попытки отстраниться.

Постояв так с полминуты носом к носу, они оба сдали назад. Тень снова опустился на скамью. Ритул присел на стол.

— Если вор проник в вашу спальню через окно, внутренняя охрана дворца могла ничего не заметить.

Тень вцепился в волосы и с остервенением потянул их в разные стороны.

— Что же мне делать? — произнес он, глядя в пол. И тупо повторил: — Что же мне делать?

Ритул рассматривал его со все возрастающим любопытством.

— Я думаю, вам, советник, лучше всего ничего не делать, — сказал он, наконец, и вытянул ноги чуть не до середины комнаты.

— Ты в своем уме? — Тень даже очнулся от ступора. — Ты хоть понимаешь, ЧТО я потерял?

— Думаю, что понимаю, — кивнул Ритул, — и думаю — то, что должно случиться с такой вещью, решают не люди. И если вам действительно нужен совет — предоставьте эту беду...

— Богам? — хмыкнул Тень.

— Или демонам, — в тон ему закончил Ритул.

Пять дней назад...

— Даний сбежал! Камера правителя пуста!

— Как — пуста?! — Тень в тот момент завтракал нежнейшими булочками с мягким маслом и пчелиным медом и как раз откусил... Хвала богам — не подавился.

— Стражники убиты, — пояснил вестник беды. В этой роли выступил прикормленный Ритулом мальчишка. — А Даний пропал. Господин Бобон говорит, ему помогли, без сомнения.

— Как-как ты назвал узника?

Мальчишка растерянно сморгнул:

— Бы... бывшим правителем, господин...

— Бывшим?! — Под руку подвернулось блюдо с маслом. Тень прицельно швырнул его в голову незадачливого гонца. Но тот пригнулся, и жирный снаряд разорвался прямо над его лохматой макушкой, испортив ковер и обитую греческой тканью стену. Парнишка скрылся, на ходу слизывая масло с руки.

Три дня назад...

День выдался пасмурным. С утра все небо было затянуто тучами, без малейшего просвета. Солнце спряталось, как раб, сбежавший от хозяина. Тень был на стене. Неудачный штурм Акры взбудрил горожан. После него скфарны долго жгли погребальные костры и пели свои дикие песни, больше похожие на волчий вой. А жители полиса стали посматривать на наемников с уважением. Тень ждал второго штурма, намереваясь блеснуть воинским

умением и укрепить личную власть... Но скфарны не спешили. Они отложили луки и взялись за лопаты. На расстоянии полета стрелы от городской стены начал расти второй вал. Скфарны использовали землю, сухие ветки, плетеные корзины — вал поднимался споро и в скором времени грозил сравняться со стеной. Недоумевая, Тень обратился к Ритулу. Но тот тоже пожал плечами. До сих пор ему не приходилось сталкиваться с такой тактикой ведения осады, и он заметно нервничал. Некоторую ясность, к общему изумлению, внес средний сын торговца тканями, дородного Миния:

— Они насыплют вал вровень со стеной и будут метать с него стрелы и камни. А потом начнут штурм с осадных машин.

— Откуда знаешь? — изумился Отар.

— Так поступали римляне... — просто ответил мальчишка.

Ближе к полудню решили сделать вылазку. Скфарны, вооруженные лишь лопатами, казались заманчивой мишенью. Две дюжины наемников на лучших лошадях из конюшни Дания собрались у ворот. Доспехами пренебрегли, надеясь на скорость и внезапность.

Тяжелые, укрепленные гиперборейским железом ворота распахнулись, и оттуда с гиканьем и устрашающим воем, переходящим на визг, вылетела легкая конница, сжимая в руках кривые сабли.

Скфарны даже лопат не побросали. Да что там — и ухом не повели. Словно не заметили несущуюся прямо на них вопившую и визжавшую смерть. А земляной вал в одно мгновение ошетинился луками, и сплошная стена стрел обрушилась на наемников. Каждому досталось штуки по три... Причем — только людям. Лошадей даже не ранили. Видно, кочевники уже считали их своим имуществом и не хотели портить.

Два дня назад...

Толпа горожан стояла у ворот дворца, затопив окрестные улицы, улочки и проулки. Тень наблюдал за ними, скрывшись за ставнем и стараясь ничем не выдать своего присутствия. Он тихо изумлялся про себя — если раньше ему казалось, что Акра обезлюдела, то сейчас он воочию убедился, народа в ЕГО городе хватало. Его было даже многовато. Хватило бы и половины. Или четверти. Пожалуй, сейчас он бы охотно вообще остался один.

Пока что толпа вела себя вполне мирно. Не швыряли в окна камни, не старались высадить ворота. Даже не задирали дворцовых стражей. Просто стояли. Молчаливо и грозно. Город хотел видеть своего правителя, Дания.

— Им сказали, что он болен? — спросил Тень, не оборачиваясь. Отчего-то ему казалось, что есть какая-то связь между его взглядом и неподвижностью толпы — и стоит ему отвести глаза, это многоликое чудовище бросится на почти беззащитный дворец.

— Да, господин советник, — ответил Ритул.

— И что?

— Они хотят сами пойти к нему.

— Они что, спятили? Думают, я пушу всю эту неумытую рать шляться по дворцовым палатам, чтобы они все разворовали и испортили?

— Горожане хотят, чтобы Дания навестили лучшие люди города. Они здесь, в чистой одежде, с вымытыми руками и лицами. Они обещают, что не беспокоят больного, — все это Ритул произнес совершенно бесстрастно, так, словно и впрямь исполнял мелкое поручение, а не докладывал о смертельной угрозе.

— Сколько мы сможем продержаться, если они решат прорываться силой?

Ритул задумался:

— Почти все воины на городских стенах. С теми, кто остался — час... Пожалуй, чуть меньше. Если решите уходить тайным ходом, времени хватит.

— Может быть, впустить двоих и дать им денег? — вслух подумал Тень.

— Я думал, что денег нет, — удивился Ритул. Нехорошо так удивился.

— Пообещать, — быстро поправился Тень.

— А если откажутся? Придется их убить.

Ритул замолчал. Дальше и так все было ясно. Смерть выборных — штурм — смерть дворцовой стражи — уход через тайную дверь. Все то же самое, только крови больше. И некоторое ее количество с роковой неизбежностью будет его собственной. Но удр ничего не сказал. Советовать вообще было не его дело. В конце концов, один советник тут уже имелся.

— Сказать им, что Даний умер?

— Они захотят видеть тело. Потом — вдову. Потом — завещание.

— Чтобы вас всех забрал ледяной ад! Это все затеяли твои люди! Ну зачем они полезли к этому лавочнику?!

— Не далее как две недели назад вы напомнили мне, что это ВАШИ люди, господин советник, — тихо проговорил Ритул. — Но если спрашиваете — я отвечу. Они — наемники. Им нужно платить деньги. То, что вы получили по закону Эльхара, когда погиб судья, закончилось пять дней назад. С тех пор ваши воины не видели даже медной монеты с обрезанными краями. Они лишь хотели получить то, за что продали свои мечи. А раз у вас денег нет, они решили взять их в этой невезучей лавке...

— Но зачем им понадобилось убивать торговца?

— Он защищал свое имущество, — флегматично ответил Ритул.

— Тогда почему, демоны тебя забери, ты приказал впустить сюда этих подонков? Почему ты не закрыл перед ними ворота!

— Толпа растерзала бы их.

— И что? — удивился Тень. — Они это вполне заслужили.

— Чем? — холодно спросил Ритул. — Мои парни действовали как воины. Воин ест с меча. Если хозяин не дает ему кусок мяса и кружку вина, он не ходит с протянутой рукой и не собирает деньги с молитвой. Он сам берет все, что ему нужно.

— Вина в городе — купаться можно, — с ожесточением проговорил Тень. — С ума сойти, то пусто — то густо. Откуда оно вдруг появилось? Да еще в таком количестве? Мне доложили, что сегодня утром у северных ворот какой-то сумасшедший поил воинов бесплатно...

— Он благодарил своих спасителей и защитников от диких скфарнов, — бросил Ритул.

— Очень вовремя! И почему вино? А не мясо, не хлеб, не женщины? Почему не золото?

Ритул издал странный горловой звук. Тень обернулся к наемнику. На лице удра был написан запредельный ужас.

— Не допустите боги!!! — быстро произнес он и сделал рукой знак, отводящий беду. — Вы и впрямь хотите, чтобы на улицах Акры просто так раздавали золото? Лучше не надо!

— Философ! — разозлился Тень. — Если твои люди сами решили добывать себе пропитание, то пусть сами и защищаются! Я прикажу выдать этих двоих толпе...

— Мои воины не нарушили ни одного из взятых на себя обязательств, — сквозь зубы сказал Ритул, — и если вы прикажете им оборонять дворец, они умрут за вас, все до одного, не отступив ни на полшага. Но сначала заплатите им все, что должны!

— Если бы они, упившись дармовым вином, не убили торговца, им не пришлось бы умирать ни за меня, ни за себя! — заорал Тень, окончательно выйдя из себя. — Они сами устроили все это!

— Они? — Ритул пожал плечами и отвернулся. Ему стало неинтересно.

По случаю жары узкое арочное окно, выходящее во внутренний крытый дворик, было распахнуто настежь. Крики и вопли рабов и женщин привлекли его внимание. Сначала они были удивленными. Потом в них появился страх. Наконец, голоса стихли. А когда зазвучали снова, Ритул с удивлением разобрал свое имя, произносимое на южный манер: Ратхул. А он и не знал, что дворцовым рабам оно известно.

Он пересек комнату и до половины высунулся в окно. Для этого ему пришлось повернуться боком.

Ритул ожидал прорвавшейся толпы, драки, зверского убийства стражников или обслуги...

Рабы, бросив свои дела, столпились под окном. Среди них Ритул заметил и несколько своих воинов, не занятых в караулах и на стенах. Они стояли неправильным полукругом, какие-то непривычно тихие.

Спустившись вниз, Ритул направился к ним. Еще издали он заметил, что его воины явно спешили. У Матея со сна всколочены волосы, Ингвар натянул кольчугу прямо на голое тело, Даг и Сарват босы. Но вооружены — все — до зубов. Вот только применять оружие никто не собирался. И, похоже, больше вообще никуда не торопился.

Ритул положил руку на плечо босому Дагу. Тот вздрогнул, повернул голову, взглянул на него шалыми глазами и поспешно отступил.

Довольно быстро Ритулу удалось проложить себе путь, расступались перед ним охотно. Даже, пожалуй, слишком охотно. Оказавшись впереди всех, Ритул понял причину.

Впервые в жизни у него зашевелились волосы. По позвоночнику медленно стекла тонкая струйка ледяного пота.

Ожил его самый любимый ночной кошмар: на аккуратной, выложенной узорными плитками дорожке, у самого забора, сидела совершенно жуткая тварь. Собакой Ритул не назвал бы его даже в жесточайшем пьяном приступе любви ко всем «зверушкам», когда он (случалось) резал охотничьи силки и отпускал «побегать» свирепых цепных гепардов царя Форнака. Казалось, пес побывал в одном из древних сражений и попал под удар боевой колесницы с бешено вращающимися лезвиями. Он был изрезан весь, и выломанный зуб кривил пасть в жуткой ухмылке.

Ритул слишком хорошо помнил, как рвали их эти твари в памятную ночь захвата Акры. И еще он помнил, как не сошелся счет. И он чуть было не отдал приказ откопать всех псов и заново пересчитать. Но — не встретил понимания. И теперь этот недостающий совершенно спокойно сидел в кольце вооруженных врагов, не проявляя ни страха, ни враждебности. Его глаза, карие, с красными белками, смотрели стеклянно, словно пес плохо понимал, что происходит. Или вообще был не в себе. Про человека Ритул сказал бы «одержим демоном». Но бывают ли одержимые собаки?

Кто-то осторожно тронул Ритула за локоть. Это оказался молодой Даг.

— Посмотри ему в рот... В пасть... Слева.

Ритул пригляделся. И испытал второе за день потрясение. На этот раз от собственной способности к предвидению. Потому что в пасти кошмарная тварь держала массивное золотое кольцо с большим, дивно ограненным изумрудом.

Для того чтобы сделать следующий шаг, Ритулу пришлось призвать все свое мужество.

Пес глухо, предупреждающе зарычал.

— Грохнуть его, да и все! — предложил кто-то.

— Похоже, его уже пытались грохнуть. И не раз. Только не помогло.

— Никому ничего не делать, — распорядился Ритул. Приказ пришелся по душе.

— Даг! Приведи сюда Тень Орла. Скажи, то, что он здесь увидит, его порадует.

Молодой воин задом выбрался из круга и бросился к задней двери.

Тень появился спустя вечность.

Стражники и рабы более чем охотно расступились перед человеком, которого ТАКОЕ могло порадовать! И он оказался рядом с Ритулом, лицом к лицу (или к морде?) с недобитой тварью.

— Похоже, история повторяется, — сказал Ритул, указав на посланца богов подбородком. — Только вместо рыбки у нас собачка. Он никому не позволяет приблизиться. Думаю, он хочет вернуть вещь только вам. В руки.

— Ты что, хочешь сказать, что я должен подойти к ней... к нему?

В голосе Тени прозвучал ужас.

— Пожалуй, скорее «к ней», — сказал вдруг Ингвар, — это сука.

Ритул хмыкнул.

— Как хотите. Но несколько дней назад мне казалось, что за этим камешком вы готовы прыгнуть в пасть дракона... А ведь это всего лишь собака.

— Если ЭТО — собака, то я — дракон, — высказался Тень, и этот трусливый и паникерский возглас, как ни странно, тоже нашел полное понимание у отчаянных наемников.

— Может, арбалет? — подал голос Сарват.

— Может, заткнешься, — посоветовал Ритул.

— А почему? — спросил Тень шепотом, словно пес понимал слова.

— Он прыгает на пять шагов. Вырвет горло раньше, чем ты успеешь хотя бы наложить стрелу, — так же тихо ответил удр.

Повисло тягостное молчание. Тягостное для людей. Собаку, казалось, ничто не беспокоило. Она сидела, широко расставив передние лапы, и смотрела вперед оловянными глазами. Псом явно управляла некая сила, которой человеческая суета и человеческие страхи были глубоко и искренне безразличны.

Все это могло продолжаться очень долго. Тень Орла явно не горел желанием совершить подвиг и в этом, как ни странно, все остальные были с ним вполне согласны. Удр подумал, что пса следует пристрелить из окна, а потом либо выбить зубы, либо выпилить клятый перстень. Он уже собрался распорядиться... но пес вдруг повернул к нему морду и издал низкий предупреждающий рык. Ритул понял, что любая попытка открыть рот для него отныне сопряжена со смертельным риском.

Пес вдруг моргнул, как человек, которому в глаз попала соринка. Встал. Люди качнулись назад.

Его движения были неестественно угловаты и скованы, словно собаку тянули на невидимой цепи. Тянули прямиком к Тени. Когда советник это сообразил, то попытался развернуться и боком вклиниться в собравшуюся толпу. Но наемники, стоявшие за его спиной, не сговариваясь, сомкнули плечи.

А тварь подошла к человеку на почти негнувшихся лапах. Подняла израненную морду. Левое ухо было начисто снесено прямым северным мечом.

— Боги! — ахнул кто-то.

Вблизи страх внезапно пропал, уступив место острой жалости. Ритул вдруг понял, что видит перед собой старого воина, много раз смотревшего в лицо смерти, потерявшего все: свое племя, свою землю... выжившего чудом. И снова призванного на службу. Неожиданно для себя он спокойно протянул ладонь с подогнутыми пальцами. Дал псу обнюхать. И положил на огромную голову. Пес рыкнул, но скорее удивленно. Ритул аккуратно провел пальцем по свисающим брылям.

— Ты можешь его убить? — спросил Тень.

— И пытаться не стану.

— Почему? — Тень облизнул губы, не замечая, что за ним следят десятки глаз.

— Это не пес. Сейчас в нем сидит десяток демонов. Одно враждебное действие, и он порвет всех. Мы не сможем его остановить. Даже стрелами. Даже арбалетным болтом в сердце. Или в голову.

— А потом? Когда я возьму кольцо? Что он сделает?

— Не знаю, — в голосе удра вдруг прорезалось злорадство. — Я — воин, а не звездочет. И не попугай с табличками. — Он немного подумал и добавил: — Скорее всего, когда демоны покинут его, с ним можно будет справиться.

— Ты уверен, что этих тварей когда-нибудь покидают демоны? — спросил Даг.

— Уверен. Он же всего лишь пес. Только в человеческом сердце демон может свить гнездо надолго. Здоровый и чистый разум зверя отвергает скверну.

— Держи его, Ритул. Я иду, — вдруг решил Тень.

— Держу, — кивнул наемник. В чем заключалось это «держание», Тень не понял. На его взгляд, Ритул просто поглаживал пса по лбу, по загривку, по брылям. Но ничего уточнять Тень не стал, просто сделал шаг вперед. Потом еще один. И протянул руку. Рука мелко

дрожала.

Оказалось, жуткая тварь именно этого и ждала. Пес разжал зубы. Перепачканное слюной кольцо с большим зеленым камнем упало в протянутую ладонь.

Ноги владыки Акры подкосились, и он сел в траву. Ритул ожидал от освободившегося пса всего. В конце концов, он был специально натаскан, чтобы оборонять эту территорию от чужаков. Удр даже аккуратно переместил руку так, чтобы быстро выхватить нож. Но, видимо, после подневольной службы изначальной силе, псина решила, что эта земля больше не принадлежит ей. А она — земле. Поэтому собака отряхнулась, как делают это все собаки, когда неприятности позади. И молча легла у ног Ритула.

Первым улыбнулся Ингвар. Потом — Даг.

— Как ты его назовешь?

— Ее, — поправил Ритул, тоже улыбаясь, — это дама. Не знаю. Надо подумать.

Тени помогли подняться и отряхнули плащ. Рабы расходились, шумно переговариваясь.

— Я чуть не обоссался, — признался Даг.

— Чуть? А ты проверь...

— Я думал — все, — возбужденно признался Тень, ошалело косясь на собаку, — сейчас отхватит клешню по самое плечо.

Сарват панибратски хлопнул его по спине и тоже улыбнулся.

Тень не сразу понял, что произошло. А когда понял, с удивлением уставился на Ритула. Тот улыбался во весь рот.

— По местам, — скомандовал он, — представление окончено, театр уезжает.

Наемники расходились, перешучиваясь. Но, уходя, каждый счел своим долгом хлопнуть по плечу своего командира. И Тень.

— Теперь они точно умрут за тебя, — бросил Ритул — даже без денег умрут. Как за одного из своих.

— Я струсил, — помолчав, признался Тень.

— Я тоже, — просто ответил Ритул. И, помолчав, добавил: — Я вижу, сокровище вернулось... Теперь ты, наверное, сможешь сделать так, чтобы парням не пришлось умирать.

Он развернулся и пошел к дверям. Псина потрусил за ним как привязанная.

* * *

Над дворцом правителя Акры догорал рассвет. Белая крыша слегка светилась нежным розовато-желтым светом, выделяясь на фоне такого же белесого неба. С моря дуло, но от его легкого, ненавязчивого дыхания становилось не зябко, как это бывает на севере, а приятно и свежо. Это был самый лучший миг дня, когда удушающей жары еще нет и в помине, нет усталости, нет раздражения на неосторожных слуг, строптивых подданных и несговорчивых женщин. Утро в Акре было единственным временем, подходящим для того, чтобы просто радоваться жизни.

Тень как раз занимался этим. Вернее, пытался заниматься. Прошлая ночь далась ему нелегко. Он так и не сомкнул глаз. Воспоминания и сомнения кружились над его подушкой как стая летучих мышей.

В день, когда так внезапно и так странно вернулось кольцо, Тень решил, что теперь ему сам бог глубин не страшен, не то что глупый и пьяный демос. Светловолосая воительница, пожав красивыми плечами, посоветовала пустить слух, что скфарны уже в городе.

— Хорошо, — кивнул он, — я пошлю людей... А что делать потом?

— Ничего, — лаконично ответила она. — Больше ничего не понадобится, вот увидишь.

— А если вдруг?..

— Ну, уж если «вдруг»... Тогда зови. Следующий совет получишь бесплатно.

За спасение жизни и трона воительница потребовала сущую безделицу: праздник. Праздник в честь своего отца. Неужели и боги тщеславны?

Тень пообещал ей праздник, и красавица исчезла, кажется, раньше, чем хозяин ее отпустил.

А воинственная толпа, собравшаяся перед дворцом правителя, и впрямь растаяла быстрее, чем медуза, вытащенная из воды на солнце.

Тень смотрел, как последние розовые краски покидают небо, и размышлял о странном желании светловолосого демона, когда в дверном проеме возник Ритул. За удром тенью следовало порождение мира мертвых, свирепая, беспощадная тварь, которую теперь звали Эвридикой. Верно, потому, что она все же вернулась из мира мертвых, в отличие от своей тезки... вот только Тень так и не понял, когда тут следует смеяться.

— Господин? — позвал наемник.

— Чего тебе нужно, змей? Крови моей или плоти? — добродушно спросил советник.

— Мне уже много лет ничего не нужно от людей. Кроме золота. Впрочем, годится и серебро. А в плохие времена брал я и медь, и боги огради меня от них снова, в те времена я был злой как собака.

Тень невольно покосился на Эвридику. И впрямь — имечко, нарочно не придумаешь.

— Зато теперь ты добрый, как царская нянька, — скривился Тень, — жалование вам выплатили?

— Не полностью, — уточнил Ритул, — но сейчас я не за жалованием. К тебе пришли, господин.

— Кого — боги! — могло принести с утра?

— Если судить по их бородам, это знатные люди. А если по животам — то очень богатые.

— А точнее можно?

— Можно и точнее. Это родня судьи, убитого девять дней назад на базаре. Они принесли что-то круглое под шелковым платком. Наверное, подарок в казну на смерть главы своей семьи.

— Богатый подарок?

— С голову барана. Если это не какой-нибудь горшок почтенного возраста, которые так любят ученые люди, значит подарок и впрямь богатый.

— Тогда зови, — велел Тень. Настроение у него заметно поднялось.

Пожалуй, у него вообще не осталось поводов для грусти. Деньги для наемников, эти невероятно могучие талисманы послушания, появились в количестве даже большем, чем требовалось. Рыжая сдержала свое слово, подсказала, как найти помойников и как с ними говорить. В тот же вечер во дворец доставили две полных шкатулки серебра.

И потребовала красавица сущую малость, обещания быть на празднике в честь Посейдона. Воистину дева сама не знала, каким великим благом одарила хозяина. Впрочем, откуда демонам знать о деньгах?

Тень с легким сердцем пообещал ей быть на празднике и принял серебро. А с ним и все условия Левкипия. Тем более что тот, видно на пару с рыжим демоном, вдруг проявил странное бескорыстие. Договор, который подписал Тень, содержал всего два пункта...

— Куда звать? — голос Ритула прервал приятные размышления Тени, — в тронный зал?

Советник задумался. В тронный, после позора с висячими сандалиями, его как-то совсем не тянуло. В трапезной следовало угощать гостей: это можно было сделать в обед, но никак не с утра. Сидеть за пустыми столами было как-то неловко. И какой темный бог послал гостей с утра пораньше? Впрочем, если с подарком...

— Я приму их на террасе, — решил Тень, — зови туда и подай местного вина.

Ритул скривился, будто случайно, по ошибке проглотил конское яблоко.

— Ничего, — хихикнул Тень, — тебе же его не пить, а лишь приказать подать. Можешь даже не смотреть в эту сторону.

— Не смотреть не могу, — пожаловался Ритул, — кто-то должен охранять тебя, господин. Их трое.

— Они же пришли вручить подарок? — удивился Тень.

Ритул пожал плечами. Спорить у него охоты не было. Уступать он тем более не собирался.

Терраса располагалась в западном крыле. Солнцу до него еще добираться и добираться, зато густой плющ, плотным покрывалом закутавший белоснежные столбы, был необыкновенно красив.

Дверей между террасой и внутренними «летними» покоями не было. Была арка в пять локтей шириной. В нее вошли трое. Высокий старик с прямой спиной и маленькой, уже полностью седой бородкой, острым носом и высокими скулами. Старик был в обычном здесь, персидском халате. Сопровождали его мужчины помоложе, в «городском», то есть греческом платье. Черты лица у них были ровно те же, но подбородки бритые, а зря, были они маленькими и сразу переходили в шею. То, что молодые сопровождают старика, а не наоборот, Тень просек сразу.

Тот, что стоял справа, и был заметно моложе остальных, держал на вытянутых руках нечто, покрытое платком.

Троица поклонилась, но не «царским» поклоном, а так, как кланяются высокому сановнику. Тень решил не обижаться, царем он и впрямь себя пока не называл. Но голову в ответ склонил чуть менее радушно, чем собирался.

Появились слуги. Подали вино.

Тень кивком пригласил гостей к столу и первым поднял чашу в знак того, что вино не отравлено.

— Прости, господин советник, принять угощение мы не можем. — Слова прозвучали негромко, но звучный голос старика, казалось, наполнил все видимое пространство. Ритул, стоявший у перил, мгновенно напрягся и положил руку на меч. Эвридика осталась спокойной.

— Что так? — Тень вздернул подбородок. — Или не по вкусу местное вино? Это верно, по сравнению с греческим оно кисловато.

— Вино наше прекрасно, как земля и солнце, — быстро возразил старик, — кровь лозы это дар богов, и отвергать ее, значит искушать их терпение. Но даже если бы мы умирали от жажды и ты предложил нам глоток один на троих, мы были бы не вправе его принять.

— Между нами кровь, советник, — встрял молодой и шагнул было вперед.

Эвридика и ухом не повела. Среагировал Ритул. Меч удра уперся в горло мстительного гостя. Но остановил его не меч, а повелительный взгляд старика. Молодой почтительно склонил голову и отступил назад.

— Я решил, что вы принесли подарок в казну, по закону Эльхара, — удивленно проговорил Тень.

— Подарок в казну мы внесем, и это будет очень богатый подарок, советник, — с достоинством сказал старик. — Семья Геронидов чтит древние законы. Но сначала, согласно другому закону, мы должны получить виру за смерть своего старейшины. И заплатить должен убийца.

Тени показалось, что он начал что-то понимать.

— Вы пришли требовать правосудия? Я должен найти убийцу?

— Он найден, — старик едва заметно усмехнулся, — и семья требует не правосудия, а виру. Правосудие уже свершилось.

Старик щелкнул пальцами и, подчиняясь его знаку, молодой снял шелковый платок со своей таинственной ноши.

Тень невольно вздрогнул.

Гость держал в руках большое оловянное блюдо, засыпанное солью. На блюде лежала человеческая голова и смотрела на советника выпученными глазами.

— Его нож оборвал жизнь нашего родича, — пояснил старик, — и мы за это взяли его жизнь.

— Убийцу судьи искала вся городская стража, — припомнил Тень, — и не нашла.

— Потому что мы нашли его раньше, — старик поклонился.

В Ритуле внезапно заговорило любопытство:

— И что, он все девять дней так и торчит на блюде? — спросил он.

— Убийца умер сегодня ночью, — ответил старик.

Только сейчас Тень заставил себя присмотреться к голове и заметил рваные ноздри и губы, следы от ожогов и срезанные куски кожи. Кем бы ни был этот человек, смерть досталась ему тяжелей, чем иным достается жизнь. Она не была к нему добра.

Тень вздрогнул.

— Убийца умер не сам, — меж тем обстоятельно продолжил старик, — мы позволили ему умереть. После того, как он назвал нам имя того, кто приказал и заплатил деньги. Это был грек Каллистос. Хозяин таверны.

— А где его голова? — заинтересовался Тень.

— Он пока жив, — произнес старик. И многозначительно замолчал.

Тень переводил взгляд с одного лица на другое. Гости, все трое, не мигая, смотрели прямо перед собой и, казалось, чего-то ждали.

— Уж не хотите ли вы сказать, что я виновен в смерти судьи?!

— По твоей просьбе, господин, этот недостойный отнял жизнь у нашего родича.

Тень вскинул подбородок.

— Старик, клянусь богами, мне не нужна была эта смерть!

— Я знаю, — тот печально склонил голову, — наш родич погиб по ошибке. Поэтому семья требует виру золотом, а не кровью.

Тень налился тяжелой душевной злостью. Отшвырнув в угол пиалу он встал. По цветной мозаике вино разлилось красной лужей.

— Ты слишком много себе позволяешь, старик.

Ритул бросил вопросительный взгляд, готовый по одному движению брови хозяина зарубить визитеров.

Двое молодых одновременно выступили вперед. При входе они оставили свое оружие, но, сомкнув плечи, загородили старика собой. Тень, белый от злости, искал на боку оружие. Ритул уже сомкнул пальцы на рукояти. Эвридика подобралась, готовая к прыжку. Молчание повисло такое напряженное, что, казалось, в маленьком помещении сейчас разразиться гроза.

Внезапно Тень шумно выдохнул и опустил руки.

— Вира золотом — это сколько? — спросил Ритул.

Молодые так же слаженно отступили.

— Судья был главой семьи, — старик многозначительно цокнул, — вира золотом должна покрыть все расходы на похороны и обеспечить достойное приданое его незамужней дочери.

У Тени не нашлось сил даже чтобы рассердиться.

— Еще ни один дрянной повар не обходился мне так дорого, — пожаловался он, ни к кому конкретно не обращаясь, — столько и хороший повар не стоит!

* * *

Испуганным диким конем проскакав по коридору, Тень Орла ворвался в покои правителя, которые уже привык считать своими, и с размаху бросился на ложе. Подушки полетели в стороны.

Рука нащупала кожаный мешочек.

Тень огляделся: шторы были задернуты. Он бросился к дверям, закрыл их, торопливо наложил тяжелый кованый засов и повернул изумруд.

— Это ты виновата!

— Я? — изумилась женщина, прекрасная, как лунная ночь на побережье вечного моря. Черные блестящие волосы струились по плечам, сияла белозубая улыбка. Казалось, гнев хозяина ее забавляет.

— Ты и твои сестры! Это вы потребовали крови. А теперь я должен всей Акре.
— Правитель всегда должен своему городу. Что тебя удивляет?
— А тебя не удивляет ничего! — Тень схватил сосуд с маслом для ламп, отлитый из цветного стекла, и с размаху запустил в стену.
— Ты хоть знаешь, ЧТО мне предложили!
— Погасить долг крови, взяв в жены девушку из обиженной семьи, и произвести от нее наследника, — предположила черноволосая, чуть прикрыв пушистыми ресницами нестерпимо сияющие глаза. — Догадаться не сложно. Это мудрость древних: убил кормильца — корми сам. Взял жизнь — дай жизнь. Это справедливо.
— Это отвратительно. На кой мне сдалась эта Монима? Что я буду с ней делать?
— Ах, вот что тебя беспокоит, — кивнула черноволосая, — ты обручился этим кольцом сразу с тремя демонами и больше не можешь быть мужем женщине. Но, дорогой мой, этой девушке не нужен муж. Ей нужна диадема. Дай ее ей, и она будет довольна.
— Но как я объясню ей, что я... Вас, что ли, показать?
— Да ничего не объясняй, — черноволосая пренебрежительно махнула узкой ладонью, — не понравилась она тебе — и все. Отсели в другие покои и призывай только для трапезы.
— Это твой совет? — сощурился Тень. — И чем я за него заплачу? Вы ведь даже не мигнете бесплатно. Просто удивительно, до чего вы похожи на здешних купцов, я уже начинаю думать, не родственники ли вы часом?
— Можно сказать и так, — черноволосая улыбнулась. — Людей, как и демонов, создали боги. А мой совет — это такая малость. Я возьму за него совсем недорого. Хотя бы... — она огляделась, — вот это блюдо с апельсинами. Это ведь недорого, правда? Что могут стоить обычные апельсины?
— Зачем они тебе? — изумился Тень. Но черноволосая уже пропала, не удостоив его ответом.

* * *

На площади дурным голосом орал царь всех ослов: серое, даже почти в яблоках, крупное копытное с большими карими глазами, сейчас вдохновенно прижмуренными. Он тянул морду, как будто пытался поцеловать небо, и прижимал к спине длинные уши, словно боялся оглохнуть от собственных воплей.

Хозяин его, маленький плешивый человек, одетый как небогатый горожанин, давно уже смирился с судьбой, пославшей ему столь голосистого напарника. Пока он еще торопился доставить товар кривому Абасу, его бурная деятельность даже собрала небольшую толпу зевак. Он прыгал вокруг осла и тележки, тянул его за уздечку, манил хлебом, обмакнутым в патоку, пинал коленом, а получив острым копытом в голень, охромел, и, разразившись потоком проклятий, выломал жердь из собственного забора. Этой жердью он принялся охаживать осла по бокам. Но хозяина упряма посетила не самая лучшая идея. Если пинки и тычки ослик воспринимал с терпением стойка, то палку встретил как оскорбление и личный вызов. Он взвился на дыбы, как легендарный Буцефал, взбил копытами воздух и испустил первый душераздирающий вопль, от которого спавший на заборе кот в изумлении свалился во двор, а небольшая колония обезьян, неторопливо бредущая из фруктового сада, с визгом шарахнулась врассыпную.

Неожиданно собственный голос ослику очень понравился. Он, видимо, и не предполагал, что его горло способно издавать столь сладостные звуки.

Теперь хозяин крикуна больше никуда не торопился. Кривой Абас давно закрыл свою лавку, и получить свои кровные четыре монеты еще до заката уже никак не светило. И поэтому Саул, подогнув ноги, сидел на камнях мостовой, провожая взглядом заходящее солнце, и неизобретательно, скучно ругался:

— Хоть бы ты охрип, отродье дохлой обезьяны, хоть бы земля раскололась под твоими

копытами, и ты рухнул в Тартар, пугая своими воплями дурно пахнущих демонов, хоть бы твоя не в меру громогласная и неблагочестивая молитва утомила богов, и они в отместку превратили тебя в старую плешивую щетку...

Осел самозабвенно орал, не обращая внимания ни на ругань хозяина, ни на толпу.

Солнце позолотило верхушки кипарисов, погружая город в мягкое, предзакатное тепло.

— Эй, почтенный? — Саул поднял голову. Перед ним стоял сухонький старик, одетый опрятно, с тощей, торчащей бородкой. — Воистину ты счастлив, ибо боги послали тебе такое голосистое животное.

— Отстань, отец, — буркнул Саул, — я уважаю стариков, но сегодня у меня был не самый лучший день.

— Мой достойный собеседник кого-то потерял? — почтительно осведомился старик.

Саул вздрогнул.

— Хвала богам, нет!

— Неужели наши воришки, чтобы отсохли по локоть их грязные лапы, срезали у моего уважаемого собеседника кошелек?

— Боги уберегли меня от этой неприятности, мой кошелек пуст со вчерашнего дня, — буркнул Саул.

— Неужели... жена или дочь моего высокочтимого друга опозорила его уважаемый дом? — понизив голос, предположил старик, и большие глаза его округлились от ужаса.

Беседуя, Саулу и любопытному старичку приходилось перекикивать осла, и поэтому смысл вопроса не сразу дошел до несчастного. А когда дошел, он аж подпрыгнул, несмотря на то, что сидел, округлил глаза еще больше, чем старичок, и испуганно обернулся.

— Что ты такое говоришь, отец?! Не был бы ты так слаб, убелен сединами и участлив к чужому горю, за такой вопрос ты съел бы свою бороду. Моя супруга, Вани, прекрасна как пери и добродетельна как... как...

Не найдя подходящего слова Саул воздел руки к небу, словно призывая его в свидетели. Осел подкрепил просьбу особо громким и продолжительным воплем.

Старик, услышав такие слова, неожиданно расплылся в улыбке, обнаружив недостаток передних зубов, и голосом, совсем не старческим, тихо поинтересовался:

— Ну что, Саул, так и не признал родича?

Брови торговца взлетели вверх аж на два пальца, да не своих, сухих и тонких, а два мягких, толстых пальца какого-нибудь придворного сановника.

— Боги свидетели! Тебя бы и родная мать не признала. Что за темный демон добавил тебе лишних два десятка лет?

— Это твоя прекрасная как пери и добродетельная, как не знаю кто женушка, — хихикнул Танкар.

— Уй, страсти! Что же она такое натворила, что волосы твои, желтые, как золотые диргеми в подвалах владык Персии, в одночасье стали белы, как снега Гипербореи, кожа лица, нежная, как спелый персик, превратилась в печеное яблоко, а эти мраморные зубы, похожие на колонны во дворце правителя... Хотя с зубами у тебя вроде и раньше был недочет?

К середине его речи Танкар уже сидел на мостовой, держась за живот.

— Никаких таких ужасов, — сказал он, насмеявшись вволю, — она просто измазала меня рыбьим клеем, рисовой мукой и еще какой-то дрянью из маленьких глиняных горшочков, которые стоят дороже корзины соленой рыбы и могут превратить в прекрасную пери даже старую больную корову. Я прошел этот город, как нагретый нож кусок масла.

— Я торопился к Абасу, — сказал Саул, — но теперь уже не тороплюсь. Солнце село, и кривой наверняка свернул торговлю. Я не жалею, что из-за этой неразумной скотины лишился ужина, ведь взамен боги послали мне тебя, — голос Саула дрогнул.

— Считаешь, что мои худые мослы вполне сгодятся тебе на холостяцкую похлебку?

— Умолкни, бессовестный! Теперь мне нечем тебя накормить!

— Если это единственное, шо тебя печалит, так можешь выкинуть эту печаль прямо

здесь, — для верности Танкар ткнул пальцем в то место, где стоял, — неужели ты думаешь, шо женщина, чью добродетель ты превозносил так красноречиво, шо даже осел заслушался, оставила своего дорогого брата и еще более дорогого супруга без ужина?

Только тут Саул заметил, что старик прижимает к боку котомку, а в следующее мгновение его широкие ноздри поймали божественный аромат баранины с перцем.

— О! — Саул мгновенно просветлел. — Боги свидетели, твоя уважаемая сестра — драгоценный клад, которого достойны лишь цари и падишахи... а достался он тощому плешивому Саулу.

— Нет в мире справедливости, — поддержал друга Танкар и, развернув его за плечи, несильным толчком меж лопаток направил к дому. Взбеленившийся осел, почувствовав руку Танкара на загривке, внезапно замолчал, совершенно самостоятельно повернулся и бодро поцокал за хозяином, чуть потряхивая кончиками ушей.

У зятя Танкара было уютно. Последний серый свет уходящего дня сочился сквозь довольно плотный цветной витраж, и яркие пятна на каменном белом полу образовывали замысловатые рисунок, куда там персидским коврам. Вдоль стены, украшенной сложным барельефом, разместились скамьи под мягкими подушками. Низкий стол был невелик, как раз на пару десятков особо близких гостей. Довершали обстановку медные и серебряные светильники, привезенные купцами из закатных стран.

Танкар выложил барашка на большое блюдо, которое торопливо метнул хозяин. Следом за барашком из торбы появились лепешки, несколько ладных, ядреных белых луковиц и кринка с ароматным зеленым маслом. Вино было местным.

— Эх, под такую трапезу, да того бы, которое ты в своих подвалах от господина Рифата прятал! — Саул закатил глаза и блаженно причмокнул. — Эх, что за вино! В нем все: и сияние небесных садов, и сладость объятий любимой, и крепость настоящей мужской дружбы... О! Если бы мне предложили выбирать, глоток того самого вина или смерть всех моих кредиторов...

— Неужели ты, пройдоха, выбрал бы вино? — не поверил Танкар, вгрызаясь в баранью ногу.

— Я выбрал бы деньги, — честно признался Саул, — но с большим сожалением. Но скажи мне, брат, ты пришел верхом... Не низом? Почему? Неужели эта мелкая толстая крыса, новый советник, все-таки нашел и засыпал ВСЕ ходы? Я считал, что это невозможно.

— Правильно считал, — кивнул Танкар, — всех ходов даже я не знаю. Тем более, не знает их Тень. Но низ сейчас все равно шо базарная площадь в день принесения Даров.

— Не понял, — переспросил Саул.

— Да я и сам не понял, — скривился Танкар, — сунулся было вниз — а там прямо парадный выезд раджи Шакьяпура на боевых слонах.

— Помойные крысы, — сообразил Саул.

— И городская стража, — Танкар усмехнулся, — такое впечатление, шо там у них ешо одна таможня, только специально для помойников. И, шо самое интересное, груз везут мешками и на ослах.

— На ослах? — не поверил Саул. — Сроду о таком не слышал. Не пойдет осел в подземелье, — он покосился в сторону ослятни, где устроился на ночлег его упрямый друг.

— Эти — пошли. Это такие особые ослы. На двух ногах, с двумя руками и знаками отличия личной охраны советника.

— С помойниками? — Саул аж привстал.

— Лучшие друзья, — подтвердил Танкар.

— Это потому, что ты запретил пить вино, — Саул наставительно поднял кружку, — это была большая ошибка.

— Ошибка, — кивнул Танкар, — только не моя, а паршивой змеи Левкипия. И за то, шо мне сегодня пришлось идти верхом, вся их шатия останется внизу. Насовсем.

Рыжий сказал это очень спокойно, без угрозы, но по спине Саула пробежала холодная змейка. Бесцветные глаза его внезапно загорелись. С показным равнодушием он спросил:

— Неужели, старший брат, твое терпение, наконец, лопнуло?

— Можешь считать, шо оно таки лопнуло, — кивнул Танкар, намазывая толстую ноздреватую лепешку маслом и медом с обеих сторон. — Груз из Кафы прибыл, мастер готов, скфарны здесь. Да и гадюка Левкипий кстати свою дурную башку высунул. За раз и оттяпаем, шобы не высовывал, когда серьезные люди не просят.

Саул просиял, даже жевать забыл.

— Когда, брат?

— Скоро, брат. Совсем скоро. — Танкар обмакнул руки в блюдо с теплой водой и вытер о штаны. — Через два дня праздник Посейдона. Тень собирается быть на рынке. Туда его повезут сидя, а обратно — лежа.

— А наемники? — вскинулся Саул. — Они же бросятся жечь и грабить город!

— Они шо, мало вас грабили за последние месяцы? — холодно спросил Танкар.

Он медленно поднял глаза и «схватил» ими Саула, жестко, намертво. Тот даже не дернулся. Он и забыл, что друг и родич его может быть таким. Взгляд Танкара мог заморозить Понт в июльскую жару.

— Или чужое ярмо слаще своего?

— ...Осел, кажется, беспокоится, — тихо проговорил Саул, — я выйду гляну, а?

— Глянь, — равнодушно позволил Танкар. Саул встал из-за стола, сделал несколько неуверенных шагов к дверям.

— Пожалуй, не пойду я. Что с ним случится, с ослом-то. А и случится...

Танкар прищурился, хлопнул по столу рядом с собой. Глаза рыжего потеплели. Совсем чуть-чуть, но Саула мгновенно отпустило. Гроза прошла стороной. Он вернулся и сел. И несколько долгих минут они молчали, слушая вопли обезьян, разодравшихся где-то на соседней улице.

— Хорошо, когда в своем доме чувствуешь на горле руку чужака? — спросил Танкар.

Вместо ответа Саул мотнул головой и сказал, как о деле решенном:

— Советник не уйдет с базара. Будет надежный человек с ножом. Или даже два.

— Пять, — распорядился Танкар, — пятеро надежных людей. Найдешь? Или помочь?

— Зачем так много? — изумился Саул.

— В самый раз. Как бы мало не было... Значит, найдешь, — Танкар кивнул, словно не ожидал другого. — Это хорошо. Ты позаботишься о советнике. А я о том, чтобы наемникам стало не до грабежей.

* * *

Осел и впрямь беспокоился. И было от чего. В темноте сарая, у самой стены притаилась чужая тень с незнакомым запахом, странным предметом в руках и явно недобрыми намерениями.

Ослик вытянул морду, собираясь высказаться по этому поводу, но чужак опередил его, ловко сунув в приоткрытый рот сочную, свежую морковь. Осел тут же забыл о своих подозрениях и занялся трапезой.

Тем временем высокий худощавый господин в очень приличном городском платье попытался накинуть на осла веревку. Тот мотнул ушами, проглотил остатки угощения и вопросительно уставился на своего ночного гостя. Большие миндалевидные глаза его светились не столько умом, сколько житейской сметкой, вполне заменяющей ум. По крайней мере, в большинстве случаев.

Ночной гость расправил веревочную петлю и сделал вторую попытку. Сквозь приоткрытую дверь в сарай проникало слишком мало света, но осел как-то угадал его движение и отпрянул назад, пригнув лобастую голову. Животное фыркнуло, как показалось человеку, насмешливо. Чужак торопливо достал из подвешенного к поясу мешка вторую морковь. Мешок этот давно заинтересовал ослика. Пожалуй, именно из-за него, из-за мешка он и помалкивал до сих пор. Осел, как и все его собраты, не слишком хорошо видел в

темноте, но нюх имел отменный. Переступив копытцами, он потянулся к человеку. Тот отступил на шаг, маня его морковкой. Ослик, неслышно ступая по земляному полу, дотопал до двери и там нетерпеливо всхрапнул. Человек испуганно присел и сунул ему вторую морковку. Тот одобрил такое решение сочным хрустом, слышным, наверное, у северных ворот.

Дело застопорилось. Человек и ослик стояли посреди двора друг напротив друга и выжидали неизвестно чего. Впрочем, ослик прекрасно знал, что ему нужно. И был полон решимости это заполучить, или чужаку луна горшком покажется!

Он уже вытянул морду, но, угадав его намерение, потный от напряжения человек сунул ослу под нос сразу весь мешок, и когда животное потянулось к лакомству, быстро завязал за ушами. Как ни странно, осел не возразил.

Человек огляделся. Под навесом у забора приткнулась небольшая ладная тележка.

— И вот стою я у самого низкого в этом городе забора, готовлюсь, в случае чего, прийти на помощь, — давась смехом, рассказывала Чиони, — и тут открывается калитка и выходит Даний, запряженный в тележку. А на тележке, клянусь Поднебесной, стоит осел с головой в мешке. И хрупает морковку!

— Чиони, а ты уверена, что ослом был тот, кто ехал? — спросил Вонг. Он говорил совершенно серьезно, но глаза его подозрительно блеснули.

— Думаю, это даже не вопрос, — отозвался Даний. Он сидел на подоконнике, который уже «пригрел» и обжил за эту неделю, и не чувствовал никакого смущения.

В этой комнате, совершенно дикой на взгляд бывшего правителя, ему отчего-то было необыкновенно уютно.

«Свой» подоконник он обрел на второй день, и, увидев его сидящим там, господин Шан вместо выговора одобрительно кивнул совершенно лысой головой. Боги знают, что это значило.

Тут вообще была куча непонятных вещей. Прямо напротив Дания, на стене висел коврик, сплетенный из соломы, с изображением большой черной черепахи. Справа стоял сундук. На нем жил Вонг. Жил — означало, что молодой китаец и спал там, и сидел, и принимал пищу. Впрочем, в небольшой комнатке иначе было нельзя. Над головой Вонга была прибита полочка, где гости разместили небольшую фигурку белого зверя, похожего на кота. Напротив кота щурил глаза и показывал длинные когти диковинный усатый дракон из драгоценного нефрита. Над окном, где обосновался Даний, висело павлинье перо. Бывший правитель слышал, что павлиньи перья приносят несчастье, и хранить их в доме большая глупость. Но, видимо, Санджи рассуждали по-другому. На этом странности не заканчивались, а, пожалуй, только начинались. В центре комнаты располагалось непонятное сооружение, которое состояло из тридцати шести концентрических колец. В середине этой штуки Даний заметил стрелку. Она постоянно подрагивала, но больше чем на полградуса обычно не отклонялось. Вся эта диковина была установлена на квадратном основании ярко-красного цвета. Даний спросил у Чиони, для чего служит этот прибор, и, выслушав ответ, признал — не удивляться не получилось. Чиони ответила: ло-пань создан для того, чтобы жить в гармонии с пятью стихиями.

С пятью... Даний с рождения был уверен, что их всего четыре: земля, вода, воздух и огонь. А еще что?

Санджи держались с ним с вежливым отчуждением, иного он и не ждал, а потому не обижался. Но после того, как Даний уселся на подоконнике, немолодой и не слишком приветливый Шан неожиданно разговорился. От него правитель Акры узнал и о пятой стихии, и о трех гармониях, и о восьми вратах Дракона. Какой-то смысл во всем этом определенно был.

Шан с Вонгом и в этот раз, как всегда, сразу после не слишком обильного ужина, пустились в обсуждения каких-то недоступных уму понятий, касавшихся седьмого воплощения Чи-Ю и свидетельствующих об этом птиц Луань с головами, обвитыми змеями

и прикрытыми щитами (на взгляд Дания, весьма полезная предосторожность, особенно если змеи ядовиты). Обычно он с интересом прислушивался к их дискуссиям и даже вставлял комментарии, иногда огорчавшие Шана... и гораздо чаще смешившие Вонга. Но сегодня его мысли были далеко.

Чиони возникла рядом неслышно, как призрак, и, взглядом спросив разрешения, присела на подоконник. Как будто его «да» или «нет» и впрямь имели здесь значение! Впрочем, может быть, и имели. Даний не возражал против присутствия девушки.

— Испытание ты прошел, — объявила она.

— Ну уж, — возразил Даний, — сарай горожанина это еще не дворец правителя.

— Разница невелика, — отмахнулась Чиони, — сумел похитить одного осла, сумеешь и другого.

— Придется поверить тебе на слово.

— Даний... воины Санджи — одна семья, — вдруг сказала она, пристально глядя ему в глаза.

— И? — полукивнул-полуспросил он.

— Мы доверяем друг другу жизнь. И полная откровенность между своими — одно из условий выживания.

— Я в чем-то слукавил?

— Боюсь, что да, — вздохнула Чиони, — ты ведь не пользовался магией. Вообще. Почему?

— Решил, что и так справлюсь. Это ведь было совсем не сложно.

— Не обманывай меня. Ты не то чтобы не захотел. Ты не смог. Твоя сила не свободна. Ее связывают печаль и тревога. И они чем дальше — тем сильнее. Ее чувствую я, чувствуют Шан и Вонг. Скоро на тебя начнут рычать собаки и оглядываться дети. А потом ты станешь как маяк в ночи, и это — совсем не дело. Чужая тревога видна. Иногда — очень видна.

Даний переменял положение. Сейчас он сидел так, что почти касался затылком стены, а взгляд его блуждал по темным крышам низеньких сараев.

— Где-то здесь, в этом большом и жестоком городе, бродит хрупкая сероглазая женщина. Ее волосы — как апрельское солнце, смех — как золотые бубенчики. А воля — как дамасский клинок. Она совсем одна. А я не знаю, как ей помочь. Знаю лишь, что она жива и здорова.

— И это больше, чем могут сказать о своих близких многие в эти странные времена, — проговорила Чиони. Она оперлась рукой о подоконник и наполовину высунулась в окно, пытаясь поймать слабый ветерок.

— Ты любишь ее пятнадцать лет. Почти столько же, сколько я живу на свете. Я убивала... Но я еще никогда не любила.

— Какие твои годы, — улыбнулся Даний, — успеешь. Это никого не обойдет, как рождение, смерть и налоги.

Чиони шутки не приняла. Она сидела какая-то непривычно задумчивая.

— Считается, что воин Санджи должен быть свободен, — сказала она. — Полностью свободен. От страха, от тоски, от гнева. От всех привязанностей и чувств. Кроме чувства долга.

— Существенная оговорка, — кивнул Даний. Помолчал немного и добавил, как бы в раздумье: — Я убивал. Я любил. Я тосковал и гневался. Был должен и отдавал долги. Я боялся. Но свободным я никогда не был. Только сейчас... Свобода — это действительно высшая ценность на земле. Даже, может быть, выше любви.

— Но не выше долга?

— Нет. Не выше, — согласился Даний, глядя в темноту ночи рассеянным взглядом.

— Успокойся. Отпусти свою тревогу, — велела Чиони, — твоя женщина жива. А тебе нужны все твои силы. Нам всем они нужны. Постарайся, Даний. Иначе мы можем не пережить следующий день.

В начале августа, когда лето становится золотым: неярким, мягким, пленительным; когда алые розы в саду правителя пахнут особенно упоительно, а море ласково и почти не штормит, когда все вокруг дышит покоем и томной, неспешной страстью, в Акре чествовали бога глубин Посейдона. Традиция эта пошла еще от первых поселенцев, от Бальдра и его воинов. Тогда дары приносили северному морскому богу, за давностью лет никто уже не помнил его имени. Сейчас горожане готовились совершить жертвоприношение в честь Посейдона, храм его в этом знаменитом городе-порте был построен с размахом, и, при желании, мог вместить всех горожан.

Сразу после жертвоприношения все купцы, торгующие в Акре постоянно, должны были получить подтверждение своих прав из рук самого правителя. Эту скучную канцелярскую процедуру жители полиса давно превратили в «светскую» часть праздника: красивая, торжественная церемония в начале, лихая распродажа всего залежалого товара, больше похожая на налет вражеской конницы — в середине, и завершали все это ежегодное безобразие шумные гуляния с обильной выпивкой и неизбежная большая драка моряков с мастеровыми. Весь этот день даже купцы больше старались произвести впечатление и удивить, чем соблюсти выгоду.

Что будет с любимым праздником в этом несчастливом году, гадать начали уже за неделю. На базаре упорно ходили слухи, что праздник отменят. Либо из-за загадочной долгой болезни Дания, либо из-за скфарнов. Но, оказалось, новый советник намерен чтить традиции...

Боги его поддержали: день выдался на редкость ясный.

Но на этом, пожалуй, вся благодать и закончилась. С самого раннего утра, еще, кажется, до солнышка, по улицам начали шнырять бывшие грабители, воры, попрошайки, а ныне же — городская стража, хранители покоя благословенной Акры... Ну, какие хранители — такой и покой! Напугав и обозлив, сколько возможно, тех торговцев, которые еще остались в городе и сохранили желание приумножать свое состояние торговлей, ребята как-то ловко рассредоточились и почти уже не лезли в глаза, тем более что помалкивали.

По давней, неизвестно откуда взявшейся, но именно за давность и чтимой традиции, главным местом праздника считался не храм, а базарная площадь. Там собирались купцы, туда торжественно прибывали носилки правителя, там же и дрались. А начиналось действие еще засветло, у парадной лестницы дворца. Именно там загодя, иногда еще с вечера, собирались горожане, охочие до праздников. С первыми лучами солнца носилки Дания подавались к лестнице. Он сходил по ней вместе с женой, и русоволосая Франгиз своими простыми белыми одеждами, молочной шеей и точеными руками без единого браслета совершенно и с волшебной легкостью затмевала в пух и прах разряженного Дания. Супруги садились в носилки, для такого случая подавали открытые, и рабы несли их сначала в храм, потом по главной улице города к рыночной площади, а горожане шли рядом, позади и впереди, забрасывая носилки цветами, и господин Рифат считал новые седые волоски в бороде, потому что как, скажите на милость, можно в такой толчее обеспечить безопасность правителей? На площади уже заранее был сооружен помост, поставлены стол и маленькая скамья. Как правило, старшина цеха или же сам торговец, если он достаточно богат, «кланялся» Данию каким-нибудь дорогим товаром, а Франгиз — заморской диковинкой, привезенной специально для такого случая. Даний вертел ее в руках, удивлялся на всю площадь, благодарил щедрого дарителя и желал ему в грядущем году больших и честных прибылей, а потом церемонно передавал подарок специальному слуге, сам присаживался за стол и выводил крупно и разборчиво свою подпись на договоре. А тут уже грели воск и резали разноцветные ленты, и стоял еще один человек с золотой ложкой, часто — сам Никий, и под одобрительные крики толпы Даний скреплял новый договор своей печатью, подтверждая право купца торговать в пределах полиса на прежних условиях. Подходил следующий торговец — и все повторялось. Пока Даний и Франгиз исполняли

государственные обязанности, купцы «показывались» кто как может: продавали за мелкую монету, а то и вовсе «за костяную иголочку» разноцветные леденцы в форме печати Дания, но побольше, водили меж торговых рядов большую пятнистую дикую кошку, которая шипела и топорщила усы, гадали по книге на удачную или неудачную покупку (всегда выходило удачно) и ломали лепешку с теми, с кем в прошлом году умудрились поссориться.

Закончив с делами, Даний и Франгиз уплывали на своих носилках, оставляя вместо себя несколько бочонков недорогого местного вина, и Акра принималась славить Посейдона, своих правителей и саму себя, уже никого не стесняясь.

К утру приходили специально отряженные Данием плотники чинить прилавки.

На этот раз носилки подали закрытые.

Впрочем, сначала никто особенно не беспокоился. Все слышали, что Даний болен, а день, по всем приметам, обещал разгореться не на шутку. Между прочим, в прошлом году, ровнехонько в этот день, на базаре у Луки от жары все куры уснули...

— Нужно было наложить печати во дворце. — Ритул появился, как всегда, словно ниоткуда.

Тень подивился, как такой крупный мужчина может ходить так мягко? Или это он так глубоко задумался? О чем спросил наемник? Ах да, о том, что по такой жаре будет тяжело ехать на рыночную площадь правителю, который родом с севера и не любит солнца. Ох, знал бы он, до какой степени «не любит»! С тех пор, как Тень связал судьбу с демонами ночи, небесный щит стал по-настоящему опасен для него. Знал ли об этом Ритул? Догадывался — наверняка. Иначе с чего бы ему так квохтать.

— Ничего. Я выдержу. Это всего лишь солнце, Ритул. Главное, чтобы натянули полог.

— Самый плотный, какой только нашли, — успокоил Ритул, и по тому, КАК он посмотрел на хозяина, Тень уверился — еще как знает!

...Сначала пережить этот ужасный выезд. Потом — через дюжину дней — свадьба. Но это уже не так опасно. Женщина, кажется, Монима, глупа и тщеславна. Она станет послушной куклой в его руках. Это не Франгиз...

Несмотря на жаркое утро, Тень поежился и плотнее запахнул сияющий белый плащ из плотного шелка. Спрятал кисти рук. Голову покрыл шлемом и наклонил низко, пряча от прямых лучей. Вроде бы все...

Носилки приказали подать к самым дверям.

От дворца до рынка было семь кварталов, два поворота, одиннадцать перекрестков. Если устраивать засаду по дороге, Ритул без труда нашел бы с десятков отличных мест. А уйти от погони сможет даже безногий. И даже с теми стражниками, которыми удр располагал сейчас, а это была целая армия, поручиться за жизнь хозяина он не мог. Ритул закрыл Тень щитами со всех сторон, трижды говорил с охраной, лично отобрал рабов и пообещал им место в войске, меч и свободу, если этот день обойдет беда. Но сам он в это не верил, напроць не верил!

Вопреки ожиданиям, до храма они добрались вполне благополучно, и жертвоприношение совершили торжественно и спокойно. Никаких зловещих знаков жрец не усмотрел. И попробовал бы он, после щедрого подарка «на украшение храма»! Ритул не сомневался, что венок из серебряных монет после церемонии исчезнет в сундуке самого жреца.

Когда в лучах солнца, слепящих глаза и вызывающих нервную щекотку, дома вдруг расступились и открыли рыночную площадь, Ритул был больше удивлен, чем обрадован. Самую опасную часть пути они преодолели.

Плотники не подкачали, сполна отработав щедро обещанную плату. Помост соорудили за ночь, и вполне приличный. Ритул уже было одобрительно кивнул, но заметил гадливые взгляды своих людей и местных, все же пробравшихся к носилкам. Страшная догадка ожгла его как плеть. Он сощурил глаза и разглядел на досках бурые пятна. Они были старательно замыты и местами соструганы, но все равно заметны. Мерзавцы разобрали помост, где месяц

назад умер на колу казненный преступник. И сейчас собрали его заново, лишь перевернув некоторые доски.

И каждый из тех, кто поднимется на этот помост, будет знать это, с ужасом подумал Ритул.

Но тут уж сделать было ничего нельзя, и он, скрепя сердце, отдал приказ разворачивать носилки.

Когда занавески раскрылись, и вместо благородного, греческой лепки лица Дания площадь узрела круглую, курносую, со скошенным подбородком физиономию советника, люди единым сердцем, в едином порыве издали такой звук, что Ритул вновь подумал о своем завещании.

Тень, кряхтя, покидал носилки. Рабы занесли их прямо под навес, прямых солнечных лучей можно было не опасаться... но жара стояла страшная, а советника, к тому же, кажется, укачало. Лицо у него было какое-то зеленоватое. Но ступал он достаточно твердо, до тех пор пока не понял, КАКОЙ помост ему соорудили — тут ноги подвели его, и он запнулся. К счастью, молодой Даг был рядом и успел подхватить его под локоть. Тень хлестнул Ритула взглядом — как плетью с иглами дикобраза. Удр поежился. Взгляд — не стрела, убить не может, но больно от него бывает всерьез. Особенно если ну напрочь ни в чем не виноват. А если виновен — еще больнее.

Эх, жизнь наемника! Жизнь собаки на коротком поводке из монет: золотых, серебряных, а чаще всего медных. Вот так и позавидуешь дружку, тоже бывшему легионеру, осевшему недалеко от Мессантии на землю и забот не знавшему... Но позавидуешь лишь до тех пор, пока не вспомнишь, как явились к нему сборщики налогов в сопровождении таких же, вооруженных до зубов ребят в доспехах. И как Орик без спора отдал им две трети урожая, хоть и скрипел зубами так, что от ворот было слышно. А после он повел их в дом, усадил за стол, льстиво улыбался, словно напрочь забыл о том, что когда-то стоял в фаланге, и полчища варваров разбивались об нее раз за разом и не могли прогнуть, а щит его становился неподъемным от вражеских стрел, и он отбрасывал его, и ему тут же подавали второй.... И в этот миг полной беззащитности варвары не стреляли, так велика была сила его взгляда! Когда сальные глаза грабителей скользили по хорошенькому лицу и плотной фигуре Анны, той, ради которой Орик оставил свой меч, осев в теплых землях... он тоже терпел. И лишь когда один из незваных гостей схватил ее за руку, а второй приставил нож к горлу Орика — вот тогда его терпение лопнуло. И он объяснил этим увешенным оружием коровам, что значит воин, защищавший великий Рим! Доходчиво объяснил. Мечом. Все они остались там, внутри небольшой изгороди из сырых жердей. Сбежать не успел никто. А Орик ушел в горы.

Лишь по весне, когда Ритул выбрался навестить приятеля, смог он его увидеть. Но поговорить не смог. В месте, где встречаются две дороги, одна на Мессантию, другая к морю, на перекладине, слегка покачиваясь от слабого ветерка, висели несколько тел. У одного на груди была гвоздями прибита табличка: «разбойники». Специально для тех, кто владел высоким искусством чтения. Среди казненных Ритул узнал Орика и Анну...

Удр задумался так глубоко, что не сразу понял — происходит что-то непредвиденное. Сквозь толпу к помосту продирался Ингвар. Он был бледен, лицо перекосило не то страхом, не то злобой. Парень усиленно работал локтями и что-то пытался кричать, но ропот людского моря заглушал все остальные звуки. В глазах молодого воина Ритул разглядел настоящее отчаяние и подался ему навстречу...

* * *

Даний всегда любил розы. Стыдился этого «женского» пристрастия к нежным пурпурным цветам. Потом понял, чем они так влекут его — розы были похожи на его жену — и стыдиться перестал. Кусты, опоясавшие дворец еще одним кольцом обороны, были высоки, густы и хрупки, и несли необоримую уверенность в том, что острые ломкие шипы

вполне способны уберечь их вызывающую красоту. Впрочем, ведь берегли! Розы у дворца правителя и впрямь никогда не ломали, хотя никакого закона на этот счет не было. Даний никому не признавался в своей тайной любви, но вся Акра отчего-то об этом знала.

Он обернул руку плащом несколько раз и аккуратно отвел ветки, освободив проход. Шан и Вонг скользнули внутрь. За ними, такая же спокойная и сосредоточенная, шагнула Чиони. На одно мгновение они встретились взглядами, и Даний вдруг почувствовал, как жаркая волна бросилась в лицо, запылали уши...

Вчерашний вечер закончился совсем не так, как планировал Даний. Впрочем, он и начался неправильно. Во-первых, слишком быстро стемнело. Тонкая полоска заката вздрогнула, брызнула темно-розовым, подернутым пеплом цветом, и небо сомкнулось с землей. Даний подумал было, что надвигается шторм, но грозой в воздухе не пахло.

Бывший правитель Акры лежал на спине, закинув руки за голову. Матрац, набитый травой, был тонким и жестким, но Даний чувствовал себя на удивление уютно, словно его поддерживали невидимые воздушные струны... Шан сидел на корточках у стены, под черной черепахой, и сосредоточенно мял то одной, то другой рукой шерстяной мячик. Чиони хлопотала по хозяйству. Еще один «брат», смешливый Вонг, что-то творил с веревкой, вывязывая хитрые петли. Он пристроился у раскрытого окна, хотя свет луны был тусклым и мало чем мог помочь, но Вонгу, похоже, помощь не требовалась. Сложную науку вязать узлы пальцы его знали прекрасно. Вязать и развязывать. Вчера, на спор, Вонг вылез из мешка, завязанного снаружи: Даний потратил на узлы пол-ужина; Вонг — полвздоха.

Бывший правитель улыбался. Он часто улыбался в последние дни. И дело было не в сладости вновь обретенной свободы, вернее, не только в ней. Здесь, среди этих спокойных, немногословных людей было ему отчего-то хорошо, как в детстве, в отчем доме, рядом с братом, пока еще не разделили их женщина и трон.

Франгиз и Рифат... В последнее время он думал о них почти постоянно. Причем, сразу об обоих. И совершенно без ревности. Хотя сероокая красавица по-прежнему, как и пятнадцать лет назад, безраздельно владела сердцем Рифата. Но вот поди ж ты...

— Мы спать сегодня будем? — спросил Шан и потянулся со слышимым хрустом.

— Спать — дело хорошее. Нужное, — поддержал Вонг.

Даний не понял, пошутил тот или нет. Но Чиони прыснула, значит — пошутил.

Повисла пауза.

Даний вынырнул из своих глубоких размышлений и прислушался, но ничего, кажется, не происходило. Шан снова заскрипел мячиком, Вонг зашуршал веревками. Чиони брякала плосками. Он уже решил, что ему почудилось, когда Шан резко окликнул девушку:

— Чиони!

Она замерла, опустив голову с прямым пробором. Темные волосы были туго стянуты в узлы.

— Чиони, — повторил Шан.

Узлы мотнулись туда-сюда, и это детское движение показалось Данию невыносимо упрямым.

— Может быть, поговорим об этом завтра?

— Завтра кого-то из нас, возможно, не будет в живых, — очень тихо ответила девушка, без малейших следов привычной покорности в голосе. Со злости Вонг так затянул узел, что защемил палец и длинно выругался на языке Поднебесной. Но больше ничего не сказал.

И Шан тоже промолчал.

А потом встал и так же молча вышел вон из комнаты. Вонг последовал за ним, оставив Дания в легком недоумении, а Чиони в том странном настроении, которого Даний разгадать не смог.

Темнота обволакивала комнату, топила в своей жаркой тишине, затягивала. И уже не хотелось ее нарушать. Даний бы и задремал, наверное... Но новые способности позволяли четко различить, как в мягкой, обволакивающей, сонной ночи тонко дрожит тревога. Ну, не тревога, а чье-то напряжение.

Не чье-то, а Чиони.

— Может, ты свет зажжешь? — предложил он.

— Если ты хочешь, — тихо откликнулась она.

И эта непривычная, невозможная для Чиони кротость вдруг рванула сердце Дания нешуточным страхом.

«...Может быть, завтра кого-то из нас не будет в живых».

Да ведь ей страшно, понял Даний и резко сел. Сколько ей лет? Шестнадцать? Совсем еще ребенок.

— Иди-ка сюда, — позвал он, — посидим рядом.

Она вскинула голову. Даже в этой слабо освещенной комнате глаза ее сверкнули, как у кошки. Сверкнули — и поплыли прямо на Дания, делаясь все больше и больше, затягивая как омут. Шаги ее были совершенно бесшумными.

Даний с тревогой и недоумением наблюдал, как она подходит и опускается рядом. Свет из ее глаз бил, как маяк. И страха в них не было. Было бы странно, если бы эта железная девочка вдруг испугалась.

— Почему ты сказала, что завтра кого-то из нас, возможно, не будет в живых? — спросил Даний.

— Потому что так может случиться, — ответила Чиони.

— Ты считаешь, что я веду вас на смерть?

Она непочтительно фыркнула, и это слегка разбавило ее мрачную торжественность, слегка страшившую Дания.

— Если бы ты предложил плохой план, Шан никогда не согласился бы тебе помогать. И не взял бы нас.

— Тогда в чем дело? Почему он почти кричал на тебя?

— Потому что я отказалась ему подчиниться.

— Разве это возможно? — изумился Даний. — Я понял так, что у вас железная дисциплина. Воин Санджи умирает, но не нарушает волю старшего.

— Так и есть, — кивнула Чиони, — и это правильно.

— Ну и...?

Она снова замолчала, и Даний мгновенно узнал эту, вернувшуюся тревогу. Но отчего-то не решился нарушить ее вопросом. Происходило что-то, чего он не понимал, а Чиони понимала.

— Я тоже в своем праве, — сказала она, наконец.

— Ничего не понимаю, — признался Даний, — в каком праве?

— Древнем... И вечном. Я — женщина. Ты — мужчина.

В темноте она всего-навсего коснулась холодными пальцами его руки. Но Данию показалось, потолок, да что там потолок — небо падает, настолько неожиданно открылась ему цель Чиони.

— Девочка... — он даже головой мотнул. — Боги! Ты сошла с ума, не иначе. Я не знаю, что ты вбила себе в голову, но ты еще совсем ребенок. Тебе нужно еще расти. А потом обязательно появится молодой, красивый, сильный...

— Может быть, — не стала спорить Чиони, — а может быть, и нет. На нити судьбы тысячи узелков. Я знаю, что здесь и сейчас это будешь ты.

— Да за каким темным богом я тебе сдался?! Старый, морщинистый, женатый и без пяти минут покойник!

— А еще — величайший маг из всех, встреченных мною в жизни, — очень спокойно добавила Чиони. — И если завтра ты и впрямь встретишься со своей судьбой, твой сын или дочь достигнет подлинного величия.

— Ну, дела! Слушай, Чиони... ты глупость затеяла, и теперь я понимаю, почему Шан на тебя орал. Только не понимаю, почему он сбежал и оставил меня разбираться с этой... глупостью.

— Потому что я в своем праве, — повторила Чиони. — А еще потому, что ты в долгу

перед Братством. И это — твой шанс расплатиться. Другого может и не быть. Братству ОЧЕНЬ нужен сильный маг.

Даний испытал иррациональное ощущение, что ему изящно выкручивают руки.

— Чиони... а у тебя... раньше мужчины были?

— Разумеется, нет! — она, кажется, обиделась. — Только чистая женщина может родить Хуан-ди.

— Вот попал, — Даний взглянул на дверь. В окно. Зачем-то на потолок в трещинах. — А скажи... Я тебе хоть немного нравлюсь? Видишь ли, Чиони... В первый раз это может быть важно.

Тишина рассыпалась приглушенным серебристым смехом — словно бубенчик слегка придержали ладонью. И немыслимое напряжение тут же исчезло, будто приснилось. Вдруг стало легко.

— Ты мне очень нравишься, — сказала, как выдохнула, Чиони, тихо и страстно, — очень-очень!

— Ну, уже легче, — улыбнулся Даний и подчинился неизбежному.

И уже через мгновение перестал об этом жалеть.

...Чиони не сказала ни слова, молча последовала за Вонгом, словно ничего между ними не было и совершенно не с чего Данию было краснеть. И обмирать от страха за эту темноволосую волшебницу с мягкими губами и немыслимо длинными ресницами — тоже не с чего. Померещилось ему, или сон приснился?

Даний быстро, хоть и менее ловко, проник на территорию дворца, и кусты роз сомкнулись за ним.

— Непривычно как-то, — признался он, — всегда думал, что если идти в гости без приглашения, то ночью. А тут утро.

— А нет никакой разницы, — пожала плечами Чиони, — день — та же ночь. Только светло.

Дверь он нашел еще вчера. Убил на это почти весь день. Снаружи она ничем не отличалась от обычной каменной плиты, только была с секретом. С таким маленьким секретом, который стоил ему трона, а его стражам — жизни. И, возможно, сегодня еще кто-то отдаст за эту тайну жизнь. Даже наверняка. Санджи от гнева не бледнели и не краснели, не слали небу проклятья, даже не всплакнули. И не клялись ни в чем. Но за жизнь повара Керболая Даний не дал бы обрезанного медного обола, уж больно спокойны и даже благостны были лица его новых приятелей.

С замком, вопреки опасению Дания, никаких сложностей не возникло. Похоже, на тот странный дар, который обнаружился у Дания так внезапно, вполне можно было положиться.

Внутри оказалось темновато. Свет проникал лишь из маленьких узких окошек под самым потолком, прорубленных не на улицу, а в соседнее помещение, и не для света, а единственно для тока воздуха. В полумраке Даний почувствовал себя более уверенно.

— Шан, Вонг, — позвал он, — вы держитесь за мной. Сейчас принимаюсь, и соображу, где кухня.

— А ты что, не знаешь? — шепотом удивился Вонг.

— Откуда? Я здесь ни разу не был.

— Ты, верно, думал, что булки растут на деревьях, а дрофа бежит по степи прямо жареная и нафаршированная орехами?

— Точно, — согласился Даний, — так я и думал. А теперь обожди с остротами. Если здесь есть люди, то только в левом коридоре. Справа — кладовые.

Бесшумно, словно и впрямь были летучими мышами, Санджи последовали за Данием.

Глава десятая

— Где этот несчастный писец? Долго его еще ждать?

Монима гневалась с самого утра, а к полудню уже была похожа на эфу, которую

привязали к колодезному вороту.

— Кривой пошел за ним к городским воротам, — вспомнила молодая девушка.

— Боги! На что вы мне послали таких глупых слуг!

— А что не так, господа? — не поняла Сариды. — Писец сидит у городских ворот. Вчера сидел, и две луны назад сидел, и в прошлом году сидел.

— У госпожи свадьба, к ней царь посватался, а Кривой пошел к воротам!

— А куда он должен был пойти?

— Побегать он должен был к этим дурацким воротам, ослица! — рывкнула Монида.

Известие о свадьбе Монида обрушилось на дом судьи, как долговая расписка двадцатилетней давности, благополучно всеми забытая. Не успели опустить на погребальное ложе главу семьи!.. О том, что случилось со старшей сестрой, в доме помалкивали даже рабы. Было объявлено, что она добровольно последовала за отцом, и всякий, кто в этом усомнится, был уже заранее виновен в измене роду. Госпоже Франгиз не повезло. И следующая по счету царица Акры, тоже из дома Геронидов, упускать свой шанс не собиралась. Поэтому с самого утра вздрюченные слуги и рабы носились по самым разным поручениям, которые сыпались из Монида как просо из мешка, и норовили превзойти самих себя в услужливости и расторопности, коль скоро не получилось удрать и спрятаться.

Писец явился в дом судьи в самый разгар этого столпотворения.

Он был еще молод, белобрыс и носил греческое платье. Вошел он, держа под мышкой орудия своего ремесла, и от этого поклон его был не слишком ловок. Слуги писцу не полагалось. Увидев парня, Монида переменилась в лице, став еще краснее. Некоторые женщины в гневе необыкновенно хорошеют... но это был не тот случай.

— Кого вы мне привели? — напустилась она на Кривого Яфа, напрочь игнорируя парня.

— Как и велели, писца от городских ворот, — удивился Кривой, на всякий случай проворно отступая к дверям.

— Этот мальчишка — писец?! Что вы мне голову морочите, я знаю писца! Он — седовласый благообразный господин. Приведите мне его немедленно, а этого мошенника верните туда, откуда взяли.

— Госпожа, — вмешался паренек, сообразив, что крупный заработок уплывает из рук по волнам подводного моря, — я умею писать. А отец приболел.

— Ничего, для своей будущей царицы он встанет даже со смертного ложа, — буркнула Монида. — Говори, где ваш дом?

— Боюсь, госпожа, даже если он придет, он вряд ли окажется вам полезным, — парень учтиво поклонился, — он повредил правую руку, защебив ее дверным засовом. Два пальца совсем не действуют. И лекарь сказал, что это надолго.

— Нашел время совать руки в засов! — шумно расстроилась Монида. — Да умеешь ли ты составлять договоры, мальчик?

— Любой договор, госпожа, — тот снова поклонился, решив, что спина не переломится, — покупка дома, продажа скота, аренда корабля или мастерской, освобождение раба, наследство...

— Брачный договор составить сможешь? — перебила Монида.

— Как прикажет госпожа. Я составлю такой договор, который признает любой судья.

— Тогда чего стоишь, словно в землю врытый, — снова озлилась Монида, — садись и пиши!

— Тогда раздевайтесь, госпожа.

— Разде... что ты такое говоришь, поганец?! — опешила Монида.

— Госпожа так молода, что раньше, видимо, не выходила замуж, — тонко польстил сын писца, — в брачном договоре должно быть подробное описание невесты «со всеми изъянами», чтобы впоследствии супруг не мог отказаться от жены, потому что у нее, мол, левая нога короче правой.

— У меня обе ноги одинаковые, — с обидой сказала Монида.

— Значит, так и запишем: обе ноги одинаковые, — писец присел на круглый низкий стульчик, пристроив на колени дощечку для письма, — пальцев на обеих по пять, пропорциональной длины...

* * *

Керболай был растерян и напуган. Еще ни разу за всю его жизнь смерть не подходила так близко, не клала свою руку на плечо, не заглядывала в глаза. Гибель судьбы лучше всяких слов сказала повару, что он в большой беде. И что делать, как спастись — неясно. Впервые в жизни он пожалел, что носит железный ошейник. Гражданина полиса защищал закон. Даже нищий оборванец, подъедавший за чужими собаками, мог пойти к судье, и тот обязан был его выслушать. Раб, даже такой почтенный и богатый, как Керболай, считался всего лишь имуществом своего хозяина. Никаких прав у него не было.

Керболай забился в щель, как таракан. Он совсем перестал выходить из кухни. Только здесь, среди привычных запахов, утвари, знакомой с детства, и привычно согнутых спин он еще мог чувствовать себя в безопасности. Лишь здесь власть Керболая все еще была крепка. Сильные мира сюда не спускались.

Кухонная суeta успокаивала. Готовили торжественный обед в честь Посейдона, поэтому нужно было исхитриться так, чтобы не использовать ни одного из щедрых даров моря, только баранина и птица. Нехватка соли уже давала о себе знать, поэтому главное внимание следовало обратить на сладости: орехи в меду и цукаты.

Неожиданно повар почувствовал, что его некрепко взяли за руку.

Он вздрогнул и опустил глаза. Рядом стояла девочка лет двенадцати. Или пятнадцати — с этими местными девочками никогда не поймешь. Довольно хорошенькая. Правда, на взгляд повара, излишне худая. Вольная — ошейника на ней не было.

— Керболай, — позвала девочка, — сегодня великий праздник. День бога глубин, Посейдона. Что же ты до сих пор не совершил жертвоприношение в храме?

Как она сюда попала? Керболай оглянулся вокруг. Кухонные рабы суетились каждый на своем месте: поворачивали вертел, кипятили воду, отмеряли приправы на вес и ложкой, чистили посуду... Никто не обращал внимания на чистенькую девочку без ошейника.

— Жертвоприношение? — в растерянности переспросил он. — Но я не мореход.

— И ты не боишься гнева морского владыки?

— Что... что я должен пожертвовать господину моему, Посейдону? — с придыханием произнес Керболай. Взор его уже начал туманиться.

— Ягненка. Храм здесь, неподалеку. Я провожу тебя.

— А-а? — повар обвел глазами свое царство.

— Они все обречены. Никто из них не принес жертвы, и гнев бога глубин настигнет их всех с неотвратимостью судьбы, — торжественно и распевно сказала девочка, — ты — избран. Ты один будешь спасен.

Она легонько потянула Керболая на себя. Повар уже не мог сопротивляться и покорно встал.

— Ты, наверное, знаешь, что делать, — пробормотал он.

— Да уж, наверное, — фыркнула Чиони, краем глаза наблюдая, как Даний мягко и властно берет под контроль всех кухонных рабов разом. Вонг неторопливо прошествовал через зал, подражая вальяжной походке повара — все, кто окажется рядом, в ближайший час будут видеть в нем своего повелителя.

Чиони совершенно спокойно вывела Керболая в широкий коридор, полутемный и почти прохладный. Шан ждал их в одной из кладовых, судя по огромным глиняным кувшинам, там хранились запасы масла и меда.

На лбу Чиони блестели капельки пота. Глаза стали темными и необыкновенно сосредоточенными.

Неизвестно, что видел перед собой Керболай. Возможно, площадь, белые своды храма,

благоухающий розовый дым над алтарем... испуганного ягненка с блестящей черной шерстью и влажными глазами...

Или видел он что-то совсем другое? Чиони была очень слабым магом. Только сила тут была не нужна — лишь убежденность, что все идет как надо. А уж картинку зачарованный человек нарисует себе сам, да такую завлекательную, что не останется ни вопросов, ни желания их задавать.

...Темнота упала на глаза внезапно. В храме темно? Закрыты ставни?

Лишь через целое, томительно-длинное мгновение, Керболой сообразил: это не тьма, лишь полумрак. Темным этот закуток мог показаться лишь после слепящего света видения. А уж за храм Посейдона кладовую дворца можно было принять разве что спяну. Низкий потолок прижимал к земле, заставляя чувствовать себя неуютно. Темные стены давили. У одной повар с ужасом заметил разложенные на скамье орудия пытки.

Он совсем перестал понимать происходящее и замер на пороге, не в силах ни шагнуть вперед, ни развернуться и бежать. Чувствительный удар меж лопаток, не столько болезненный, сколько оскорбительный, заставил его против воли шагнуть через порог.

Прямо перед ним стоял невысокий и немолодой человек. В чистом, но латанном дорожном одеянии, стоптанных башмаках, желтокожий и совершенно лысый. Взгляд темных глаз под тяжелыми сощуренными веками был пристальным, но совершенно равнодушным.

— Молодец, Чиони, — обронил он, не отводя взгляда, — добавь света, масло возьми в крайнем кувшине, он почти пуст.

Керболой не осмелился повернуть голову, лишь немного скосил глаза в сторону страшных орудий пытки. И тут, словно что-то сдвинулось в глазах. Он сообразил, наконец, что видит перед собой: это была безобиднейшая хозяйственная снедь. Пара ножей для разделки мяса, старый сломанный вертел, масляный светильник.

Тоненькая девушка наклонилась над ним кувшин. Не без труда Керболой признал в ней ту, что предложила проводить его к храму. И подивился: как он мог принять ее за местную — девка была узкоглазой, плосколицей и, сказать прямо, страшненькой.

Что-то странное творилось с глазами.

Керболой не был испуган. Вокруг него происходила какая-то чепуха, но страха все равно не было. Наверное, потому, что лысый бродяга одного с ним роста и худая девчонка немного не то, что может напугать повелителя целой кухонной империи и владельца тайны. Пусть они и сотворили что-то с его глазами.

— Здравствуй, звезда Апраксина, лукавая рыбка. Воды небесные — дом твой, а солнце — родник...

Керболой стремительно обернулся на голос... Так торопиться не стоило. Человек, который выдал эту ахиною, убежать не собирался. И прятаться он тоже не собирался. Он сидел на скамье — неподвижно, и поэтому незаметно для Керболоя. А сейчас встал. Голос его был сухим и насмешливым. И только самую малость злорадным.

— Господин, — выдавил повар, глядя в сухое, темное от загара лицо Дания.

— А кого ты ждал, Керболой?

— Он барашка ждал, — подсказала из своего угла Чиони.

— Барашка? — переспросил Шан.

— Жертвенного. Черного такого. Глазки карие, носик влажный.

— Понятно. Опять за жалость цепляла. Больше никак не умеешь?

— За страх — неинтересно. За злость — противно. А за похоть — слишком легко. Там и магии никакой не надо...

— Меня будут искать, — сказал Керболой.

Он постарался сказать это внушительно, но, несмотря на доблестную попытку, голос сорвался, и в нем слишком явно прозвучал вопрос.

— Не будут, — Шан услышал как надо и ответил обстоятельно. — Они сейчас видят тебя на кухне.

— Барашка не будет, — Даний медленно, полукругом обошел повара и уселся на

низкую скамью напротив, ничуть не опасаясь, что раб может быть вооружен. В руках он держал лепешку. В два точных движения он сбил печать с горшочка, обмакнул лепешку в мед и с аппетитом вонзил в него зубы. Керболой без всякого удовольствия отметил, что бывший правитель города владеет даром, которому можно лишь позавидовать: в любых обстоятельствах он умудряется выглядеть совершенно на своем месте — и в тронном зале, и в этой полутемной кладовой, в компании со странными личностями, похожими на разбойников... Самому повару было здорово не по себе.

— Ты похитил меня, чтобы убить? — обреченно спросил он.

Даний с набитым ртом выразил удивление бровями.

— Тогда зачем? Не хочешь же ты сказать, что просто так пошутил.

— Какие шутки! — Даний обтер руки какими-то старыми тряпками и отбросил их под скамью. — Убийца у нас ты, а не я. Может быть, для тебя смерть — шутка что надо. Для меня — это дело серьезное.

— Значит, все-таки смерть. — Керболой оглянулся на дверь, но встретился глазами с Чиони и плечи раба опустились. — Не могу тебя осуждать... Только жалею, что не удавил тебя первым.

— Напрасные сожаления — верный путь к язве, — авторитетным тоном заявил Даний, — а убивать тебя пока никто не собирается. Речь идет вообще не о твоей смерти.

— В ночь, когда в Акру пришли чужаки, с ними был человек — негромко вступил Шан, и его голос сразу завладел вниманием Керболоя, — ты не мог его не заметить. Он был таким же, как я.

— Верно, — медленно кивнул Керболой, — был там один желтолицый. Но он погиб.

Даний болезненно дернулся, с тревогой взглянув на Чиони. Но у девушки вместо ее прекрасного лица была «маска для беседы с врагом». Шан и подавно был бесстрастен.

— Как он погиб, раб? Где его тело?

— Тело? — Керболой мотнул головой. — Но я не знаю! Наверное, в саду, в яме. Вместе с остальными.

— Ты его достанешь.

— Ты спятил, оборванец! — Керболой возмутился так, что даже бояться забыл. — Ты хочешь, чтобы главный повар дворца правителя Акры, как худая собака, рылся в яме с мертвецами?

Даний пожал плечами.

— А почему бы нет? Я в свое время не гнушался сам хоронить своих воинов. И несколько дней, отгоняя грифов, везти в седле мертвого товарища, привязанного к собственному телу...

Слушая эту речь, Керболой все больше зеленел. А под конец сложился пополам и выбросил на пол свой завтрак.

Чиони презрительно улыбнулась.

Даний выразительно цокнул языком, и во взгляде его светлых глаз впервые за все утро мелькнуло что-то, похожее на досаду.

— Что за жизнь! Все приходится делать самому. — Он протянул открытую ладонь.

Керболой недоуменно уставился на нее. Затем поднял глаза.

— Ключ, — сказал Даний. Очень спокойно сказал. Так спокойно, что Керболой сначала даже не понял, что разговор закончен. А вместе с ним, неизбежно, должна закончиться и его жизнь. И тогда он закричал, тонким фальцетом, как в детстве, когда за воровство и лень надсмотрщик порол его на заднем дворе старой, разлохмаченной веревкой.

* * *

Пока Ингвар проталкивался к Ритулу сквозь плотную толпу, он вспотел. У самого помоста, где горожане теснее всего налегали на цепь охраны, ему уже не хватало локтей, и он потянулся к ножу. Но тут вязкая человеческая масса вдруг закончилась, и он почти упал

на помост, у ног Тени.

Ритул быстро нагнулся.

— Корабли! — полукрикнул-полувыдохнул Ингвар.

— Что? — не понял Ритул, холодея.

— Корабли горят. Все девять.

— Скфарны?

Тень, стоявший в некотором отдалении, поймал последнее слово и повернул голову... Но спросить ничего не успел. Раздался зычный крик на неизвестном наречии. И в то же мгновение пять острых ножей одновременно покинули ножны.

Вернее, попытались покинуть...

Первый отчего-то застрял в чехле. Позднее его обладатель клялся, что почувствовал на своем запястье ледяную руку, а «глазами души» разглядел немисливо прекрасный лик снежноволосой воительницы в полном воинском доспехе. Второй нож из-за плотности толпы оказался прижатым к бедру. Третий устремился к горлу ненавистного чужака, но по неизвестной причине вдруг отклонился в сторону и упал далеко за помостом.

Четвертый в неимоверном прыжке перехватила Эвридика.

Пятый нашел свою цель, глубоко войдя в плечо Тени Орла.

Советник, мгновенно ослабев, опустился на помост, зажимая рукой быстро расплывающееся красное пятно на белом шелке плаща.

Стражи сомкнули ряд, закрыв господина собой и полностью отгородив его от толпы, которой, казалось, совершенно не было дела до того, что на площади убивают их господина... или тирана? Толпа услышала и подхватила одно страшное слово: «скфарны». Толкаясь, падая, давя друг друга, горожане устремились к своим жилищам, лавкам и мастерским. Площадь пустела на глазах.

Ритул растерянно оглянулся. Нахлынув на помост, горожане, испуганные нападением кочевников, умудрились снести и разломать крытые носилки правителя. Сам помост, правда, еще держался, но столбы, на которых был укреплен навес, уже трещали и шатались.

— Господин, — Ритул упал на колени рядом с раненым советником, — сколько у нас будет времени, если они снесут навес?

Тень, сощурился, смотрел на солнце, которое упрямо карабкалась вверх по небосводу, не обращая внимания на все безобразия, что творились внизу, под его светлым ликом.

— Боюсь, что нисколько, — как-то очень спокойно сказал он. — Ты и в самом деле только догадывался? Или все-таки знал, кто Они такие?

— Кто — они? — не понял Ритул. Удру в этот момент было слегка не до теологии. На его глазах стремительно мелело людское море, но откатная волна грозила затопить небольшой островок, где держали оборону против спятившего демоса горстка стражей и один старый израненный пес.

Один из столбов вдруг затрещал и повалился. Ритул метнулся туда, но не успел. Корабельный парус, натянутый над помостом, свернулся — и слепящее полуденное солнце ошпарило того, кто лишился имени, став Тенью Орла. Судорожно вскинув здоровую руку, Тень попытался закрыться плащом. И в этот момент затрещал и повалился другой столб, охрана дрогнула и отступила, и людская масса ринулась прямо через помост. Схватив господина, Ритул закрыл его собой и куда-то потащил... вернее, тащила толпа, он лишь старался по возможности не дать ему упасть. Страшная, как улыбка палача, Эвридика, держалась рядом, обеспечивая некоторый простор. Ее клыков все же побаивались, репутация у псов Дания в Акре была еще та! На выходе с базара их толкнули в какой-то проулок, узкий, как путь в рай для богатого, по религии госпожи Франгиз. Тут напор немного ослаб, людская река свернула в другое русло, и Ритул получил возможность перевести дух.

Они сидели на пороге какой-то заколоченной лавки. Эвридика шумно дышала, вывалив громадный мокрый язык. Ритул потрепал ее по загривку и перевел взгляд на Тень. Советник был бледен синюшной бледностью и, похоже, еле стоял на ногах.

— Дай, взгляну, — потребовал Ритул.

Тот не сопротивлялся. Обнажив плечо, и тем самым открывая солнцу незащищенное тело господина, наемник внимательно осмотрел рану. Потом оторвал от своей рубахи две полосы ткани: одну свернул в несколько рядов и сильно прижал к ране. Другой туго перевязал плечо.

— Дырка у тебя в плохом месте, — просто сказал он, — легкое не задето, но если не остановим кровь в ближайшее время — грузи корабль.

— Я ничего не понимаю, — сказал вдруг Тень. Голос его был тих, и в нем явственно слышалось потрясение. — Я должен был погибнуть, как только первый луч солнца коснется меня. Но я жив! Как это могло получиться? Неужели Они проявили милосердие?

— Надо пробираться во дворец, — решил Ритул, — иначе Их милосердие тебе не пригодится. Кстати, давно хотел спросить, а кто Они, собственно, такие?

Тень молчал, и Ритул внимательно пригляделся к хозяину. Вопреки опасениям, выглядел он неплохо. Даже бледность его уступила место легкому румянцу. Странному такому румянцу...

— Пить хочется, — сообщил Тень.

* * *

Несмотря на неудачу первого штурма, Сандак не спешил ввести в бой главные силы, отборных воинов в железных доспехах, ядро своего войска, приберегая их для встречи с «настоящим противником». Кем был этот противник, Сандак, конечно, знал. Но умалчивал. Скфарны не просто так оказались у стен Акры. Они шли на восток...

Второй раз военачальник Сатеник решил штурмовать Акру силами приставших к войску беглых рабов, самих жителей полиса, бежавших «из-под Тени», и тех безудержно храбрых, лихих воинов, что выкладывались в едином порыве, а после, если довелось выжить, сами не могли надивиться на свои свершения.

Получили свое место в предстоящем сражении и Йонард-Берг, Танкар и Эрон-певец.

Скфарны умели не только сражаться, в тяжелой работе им, пожалуй, не было равных, если только работа эта хоть как-то касалась любимого дела кочевников — войны. Огромный земляной вал был почти уже закончен. Лучники занимали места. Устанавливали уже пристреленные камнеметы, встав в «цепочку», быстро подавали друг другу заранее подобранные камни нужной величины и веса. Всадники, оставив коней, готовились к штурму. Башни высоко возвышались над землей, отбрасывая длинные тени. От этих древних приспособлений веяло легендами о блистательных походах Александра и царя Дария. Строить их и использовать в бою, для осады городов, скфарны научились как раз у этих двоих, которые неоднократно били их, и почти совсем было разбили, рассеяли по степи, стерли с лица земли... Но древние боги заступились за своих детей. Завоеватели упокоились в земле, а скфарны крепко усвоили их жестокие уроки.

От башен пахло свежеструганным деревом и горячей смолой. Воины без спешки и суеты занимали свои места, подчиняясь приказам десятников.

Починенный и укрепленный таран готовили к штурму.

Прозвучал удар гонга. И в то же мгновение с земляного вала посыпались стрелы и камни. Скфарны кидали их не жалея, потому что о том был специальный приказ Сандака. Многие стрелы летели к городу, неся на своем хвостовом оперении огонь, эти были очень опасны! Потому что в некоторые баллисты вместо обычных камней Борнак велел зарядить горшки с земляным маслом. Разбиваясь за стенами, они пачкали черной вязкой жидкостью стены, крыши, мостовые, а летящие вслед за ними огненные стрелы заставляли черные лужи вспыхнуть.

К счастью, Акра была на две трети каменной, и большого вреда эти пожары городу причинить не могли, но страху навели изрядно!

По плохо струганным опорам, цепляясь за поперечные брусья, Йонард вместе с остальными лез вверх. Неожиданно земля под ногами качнулась, скфарнов чуть не снесло

вниз, но, боги милостивы, удержались. И рванули наверх с удвоенными силами, сообразив, что башня двинулась к стене.

На узкой и шаткой площадке Берг оказался в числе первых. Штурмовой мостик, как большой шершавый язык, лизнул каменную стену. Йонард примерился и, стараясь не думать о высоте, в два прыжка одолел расстояние между башней и стеной. Оказавшись на твердом, он почувствовал себя настолько уверенно, что подскочившего к нему наемника встретил почти как родного — счастливой улыбкой. И прямым северным мечом. Это и сгубило парня. Улыбку он увидел и удивился, а вот выпад остро отточенной стальной полосы проглядел.

Следом за Бергом на стены прыгали все новые и новые воины, завязалась крепкая драка. Танкар отбросил шлем — подарок Сандака — и дрался так, где копьём, а больше привычным своим оружием, тяжелой гирькой на цепочке, и эта «игрушка» при всей своей легкости валила защитников города не хуже камнемётов Борнака.

Йонард заметил, что жители Акры, которых судьба и собственная добрая воля занесла в лагерь кочевников, почти все шли в бой без доспехов. Оказалось — правильно. Завидев на стенах своих, многие защитники из горожан бросали оружие и кидались обниматься, а кто и разворачивал свой меч против недавних союзников. Жизнь «под Тенью», при «новом порядке», опротивела свободолюбивым горожанам хуже несоленой похлебки.

Внезапно послышался треск, а за ним страшный грохот и крики: повалились ворота. Скфарны ворвались в город...

Он показался им пустым. Еще мгновения назад кишачий людьми, оцетинившийся мечами и копьями, огрызавшийся стрелами и камнями из баллист, город вдруг словно оцепенел. У ворот еще продолжалась свара, Отар со своими воинами держал северную башню, Даг закрепился в восточной, но передовой отряд скфарнов, растекшийся по улицам, улочкам и переулкам в предвкушении грабежа, уже начал недоуменно оглядываться.

Богатейший, по их представлениям, город не оправдывал ожиданий. Дома по большей части стояли заколоченные, лавки были закрыты. На пробу сбив засов с одной брошенной таверны, трое мальчишек-скфарнов обнаружили лишь низкие скамьи, тяжелые столы и необожженную глиняную посуду, которой цена — медная монета за десяток. Ценностей не было. Не было и хозяев, даже допросить некого. Выскочив из таверны, мальчишки бросились было вперед по улице, рассудив, что жители домов, близких к стенам, конечно, попрятались и попрятали свое добро, ну что с них, нищих, взять? Там, наверху, дома побогаче, и барахла побольше, и прятать, небось, подольше. Так что если они поспешат, так вполне успеют за этот поход взять богатые подарки своим невестам. Часть войска кочевников рассудила так же, и молодые скфарны неожиданно обнаружили себя в роли предводителей большой ватаги.

Отойти далеко от стен они не успели. За ближайшим поворотом пахло близким морем, взгляду открылся кусочек порта, где на спокойной воде бухты уже догорали корабли наемников. И тут ноги их словно приросли к мостовой. Задние налетали на передних, спотыкались, спрашивали, кое-кто даже помянул темных богов. Но передние ряды не двигались с места, словно путь им преградил сам Черный аххор... Постепенно крики и толкотня стихли.

Посреди улицы стоял старик. Самый обычный старик с длинной сучковатой палкой, одетый в нищенские лохмотья. Волосы его были совершенно седыми, лицо — морщинистым, как кора дерева, и силы в нем было, верно, не больше, чем в морском ветре, умирающем в этих узких улочках.

— Уйди, — крикнул юноша-скфарн, один из тех, кто выскочил вперед. Он был, в общем, не злым парнем, и стариков чтит. — Уйди, отец. Я не хочу тебя убивать!

— Он же не понимает по-нашему, — шепнул ему товарищ, которому тоже было отчего-то не по себе, но он, отчаянный храбрец, скорее попытался бы оседлать Черного аххора, чем признался, что источник странной тяжести, сдавившей грудь, этот немощный старик.

Вняв совету друга, юноша попытался объяснить жестами. Но тот вдруг

сделал шаг вперед, прямо на скфарнов. Потом еще один. Гордые победители едва не попятись, но сообразили, что старый человек хочет всего лишь подойти поближе, верно, он плохо слышит. Да и видит, должно быть, не очень. Он, может, и не знает, что город взят.

— Уходите отсюда, дети! — Голос его без труда перекрыл шум близкого моря и сражения, еще грохотавшего вдалеке. Казалось, он заполнил все пространство меж стенами, с легкостью настигая каждого. Говорил старик на языке скфарнов так, словно он был ему если не родным, то очень хорошо знакомым.

— Отец, город пал. Мы — победители. Хотим взять добычу. — Паренек вскинул голову и, преодолев неизвестно откуда взявшуюся робость, повторил свой жест. — Уходи с дороги, я не хочу тебя убивать.

Раздался звук, больше всего похожий на сухой шорох мелких камешков. Именно с такого звука в горах начинались лавины. Скфарнам потребовалось время, чтобы сообразить — старик смеялся.

— Если бы ты мог! Ах, мальчик, если бы ты только мог меня убить... Если бы хоть кто-нибудь это мог! — Старик тряхнул головой. — Судьба моя не так милосердна. Уйдут люди — придет вода, уйдет вода — придут люди, а я останусь на этом берегу...

— Эй, Торк, а его убивать нельзя, — произнес вдруг третий предводитель отряда, — он маркша. Его разум взяли боги.

— Я в полном разуме, ребенок! — Старик рассердился так, что изо всех сил стукнул палкой в землю. — Я говорю — уходите отсюда! Я пытаюсь вас спасти. Этот город обречен, он уйдет под воду еще до рассвета!

— Что ты такое говоришь, отец? — юноша почти против воли сделал шаг вперед, к старику. За ним потянулись остальные.

— Говорю, что знаю, — старик успокоился так же быстро, как и рассердился, — в этом городе обманули сразу трех демонов. Вы и в самом деле думаете, что это сойдет им с рук?

— Кому — «им»? — не понял скфарн.

— Обманщикам, конечно. Они должны расплатиться. А с ними — и весь город. Уходите отсюда.

— Чепуха, — определил второй, — он не маркша, он просто сумасшедший. Идем скорее, пока Импас со своими людьми не оказался впереди нас у царской конюшни.

Он взмахнул рукой с зажатым в ней коротким копьем. Паренек не был злодеем, он не собирался убивать несчастного сумасшедшего старика, с которого, к тому же, было совершенно нечего взять, даже славы. Он хотел лишь пугнуть его, чтобы тот не загораживал дорогу и не смущал своими непонятными словами его «отряд». Старик не шевельнулся, даже не поднял свой посох, в попытке защититься. Но именно в этот момент, ни раньше, ни позже, прочная, незыблемая земная твердь вдруг вздрогнула... раз... второй... третий. Дрожь земли прошла через пятки, обмотанные мокрыми шкурами, и ударила в голову.

— Что это? — юноша обернулся, не замечая, что голос его звучит слишком высоко, почти срываясь на тонкий крик.

Ответ пришел совсем не оттуда, откуда ожидался. Мостовая, выложенная каменными плитами, шевельнулась под ногами. Раздался треск.

— Эй, тут стена шевелиться!

Дом, смотревший окнами на море, вдруг покачнулся. Раздался треск, оглушительно прозвучавший в тишине. Каменная стена просела, перекосив крышу.

Юноши-скфарны зачарованно смотрели, как на земле в одно мгновение возникла глубокая щель, разделив надвое порт и город. Возникла — и начала расширяться. В нее посыпались комья земли. Неожиданно мостовая, где они стояли, в недоумении наблюдая за происходящим, вздрогнула и в мгновение ока осела, погрузившись вниз почти на локоть. Мальчишки попадали на колени, цепляясь руками за края щели. Те, кто устоял, напряженно оглядывались, пытаясь понять, что происходит и откуда пришла опасность. Перед их ошеломленными взорами предстала странная картина: огромный кусок города, с домами, дворами, постройками, деревьями — просел вниз. Это выглядело так, будто какой-то

огромный подземный зверь затягивает землю и все, что находится на ней, в свою вечно голодную пасть...

— Бежим! — крикнул скфарн. И отряд «великих воинов степи» ломанулся назад со всей возможной скоростью.

К чести мальчишек, бежали они не одни. Почти со всех улиц и переулков Акры стекались к воротам ручейки бесстрашных скфарнов. На кочевниках не было не только лица, но, на некоторых, и штанов.

По городу метались люди: мужчины, женщины, дети. Все что-то кричали, стараясь переорать других, выли собаки, бесновались отвязанные лошади.

Казалось, лишь один человек не потерял хладнокровия. Отар собирал разбежавшихся воинов и короткими, точными приказами восстанавливал порядок. Откуда-то притащили плотников, перепуганных, как и все остальные жители Акры, мало не насмерть. Они уже принялись молиться, решив: не иначе Отар велит доделать то, что не успели подземные демоны, и отдаст приказ вколотить их в землю. Ошиблись. Им велели всего лишь как можно скорее чинить городские ворота.

Скфарны в панике покинули город, где мать-земля вдруг повела себя так странно, и он остался за воинами Тени.

* * *

Над головами нависал темно-серый свод. Здесь он был высоким, почти в два человеческих роста. Еще дальше, в пещере, говорят, можно было пускать голубей. А в самом начале пути им пришлось ползти на четвереньках, и это было по-настоящему неприятно. А ведь как он рвался, как упрашивал дядю Танкара, как висел на старом Наиле. Ему, глупому, казалось, что старшим братьям выпала честь совершить подвиг... Тоже подвиг: проползти на карачках почти пол-лиги, то и дело тыкаясь носом в зад ползущего впереди! Но, спустя некоторое время, каменный свод над головами круто ушел вверх, и им удалось выпрямиться. Им — то есть деду Наилю, Рифату, незнакомому горожанину и самому Наке. То есть четверым. Наиль умел хорошо считать до сотни, причем и десятками, как полагалось, и дюжинами, как принято было в некоторых землях. Эту науку любой вольный торговец постигал с детства, так же, как умение объясниться на полутора десятках чужих наречий. Никто портовых мальчишек специально не обучал, считалось, это все равно, что учить кота мышей ловить. Нужные знания как-то сами собой откладывались в лохматых головах будущих «вольных»... Ну а у кого не откладывались, тех ждал эргастерий или что похуже.

Точно так же, само по себе, приходило умение распознавать, из каких стран и городов прибывали в порт гости: по цвету кожи, разрезу глаз, форме носа и подбородка. По едва различимым иногда особенностям речи, по характерным словам и жестам. Узнавать — и запоминать единожды виденное лицо навсегда.

Того, кто шел с ними как полноправный член отряда, Наке с ходу определил как местного грека, но не из тех, кто жил вблизи порта. Паренек ни разу в жизни с ним не сталкивался и был абсолютно уверен в том, что нестарый еще, полноватый, ровно остриженный и хорошо одетый мужчина с чистыми руками и тонкими, гибкими пальцами — богат. Наверное, даже из тех, кто два раза в год обедал во дворце с Данием и госпожой Франгиз. Тем более было удивительно, что шел он без повязки на глазах и без ножа у горла. И как будто дед Наиль и Рифат говорили с ним почтительно. Они называли его «господином механиком», и, забери Наке темные боги, если он знал, что это за звание. Неужели еще выше, чем «вольный торговец»?

Господин механик нес с собой торбу. Довольно тяжелую, судя по тому, что по лицу его то и дело стекали обильные струйки пота, а на спине, меж лопаток, расплылось здоровенное темное пятно. Горожанин шумно дышал, но так и не позволил ни Рифату, ни деду Наилю взяться за свой мешок. Золото у него там было, что ли? И еще, похоже, он, как летучая мышь, боялся огня. Стоило кому-нибудь неосторожно приблизиться к нему с зажженной

лампой, как господин механик шарахался в сторону и бледнел, а потом извинялся...

Позапрошлой ночью Наке видел, как с этим горожанином разговаривал дядя Танкар. И видел, как они обнялись, как братья, и похлопали друг друга по спине... А привезли его, говорят, с мешком на голове.

Но все эти странности разом вылетели из головы парня, как только они подошли к развилке, которую он знал как линии на собственной ладони.

— Здесь, — уверенно определил господин механик.

— Уверен? — спросил Рифат. Он недоверчиво щурился, держа масляный светильник на отлете. — Место вроде то, но я не вижу здесь ничего даже похожего на щель.

— И не увидишь. Мастер делал, — в голосе горожанина прозвучала гордость, — настоящий. Таких сейчас почти не осталось. Во всяком случае, не в Акре.

— Э, а ты поломать-то сможешь? — забеспокоился вдруг дед.

— Ломать — не строить, то — дело нехитрое, — ответил господин механик, — но, насколько я понял Танкара, у нас две стены и очень мало времени?

— Надо успеть, пока у «помойных крыс» сходка, — подтвердил Рифат, — они сейчас на третьем уровне. Нам тоже туда.

— А как же...

— А потихоньку. Они в пещере, играют в афинскую демократию и гордятся, что самые здесь умные. — Рифат презрительно плюнул под ноги. Плевок угодил на его собственный дорогой сапог из тонкой кожи, он поморщился, но вытирать не стал. — Обезьянья тропа в пещере не заканчивается, она идет дальше. Я был здесь только раз, но мне удалось заметить в тоннеле каменную кладку. Потом мы с Танкаром ездили по верху, в предгорья.

— И что? — заинтересованно спросил горожанин.

— Нам удалось понять, куда делась подземная река с третьего уровня. Почему он вдруг высох так, что там завелись «крысы». Эти говнюки перегородили плотиной русло Кири, там, где оно проходит по земле, заложили тоннель камнями и снова пустили реку. Ей что — она отыскала путь ниже.

Пока Рифат говорил, господин механик ощупывал стену, и быстрые движения его пальцев больше всего напоминали Наке легкий танец рук вязальщика сетей, на который можно было смотреть бесконечно. При этом богатый горожанин, как и вязальщики сетей, на свои руки не смотрел. Он вообще закрыл глаза. Товарищи Наке оглядывались по сторонам и прислушивались к тишине подземных коридоров. Если верить бывшему врагу, а ныне брату, Рифату, где-то здесь, среди этих бесконечных поворотов, как раз сейчас обделывали свои дела около полусотни опаснейших людей, так что осторожность была совсем не лишней.

Горожанин, похоже, наконец справился.

— Тут очень опасный механизм, — вполголоса сказал он, выпрямляясь, — боюсь, придется идти по одному. Все не поместимся, раздавит плитой.

— Тогда я первый, — сказал Рифат.

— Утихни! — Дед Наиль сморщился, словно съел кислое. — Первым я буду. Ты дорогу знаешь, без господина механика нам здесь вообще делать нечего, а за этого сопляка Вани головы отвернет всем троим, как курям.

Сказав так, старик встал к стене и прижался к ней как можно плотнее. Лицо его при этом было совершенно безмятежным.

Скрипа и скрежета они не услышали. Массивная каменная плита повернулась совершенно бесшумно и так стремительно, что показалось, старик просто исчез, растворился в стене, темные боги, которым он молился большую часть жизни, наконец, призвали к себе своего усердного слугителя.

— Теперь я, — вылез Наке.

Никто не возразил.

Большая торба, которую так осторожно нес господин механик, давно интриговала Наке. Он видел, как, вернувшись из опаснейшего рейда на побережье за маяком, дядя Танкар призвал к себе механика. Как почти тотчас в его гэр поспешила мать. И, спрятавшись

неподалеку, с огромным интересом наблюдал, как осторожно и точно Вани высыпала из привезенных горшочков крупный черный песок, взвешивала его на ладони и фасовала по маленьким кожаным мешочкам, плотно затягивая их и тщательно следя, чтобы ни крупинки не упало на пол. Факела мать не спросила и всю работу проделала почти наощупь.

Теперь эти же мешочки господин механик так же осторожно вынимал и со сводящей с ума аккуратностью укладывал в небольшое углубление под каменной перемышкой, перегородившей русло подземной реки, протекавшей здесь всего-навсего какие-нибудь четыре десятка лет назад. Дед Наиль с Рифатом расчищали и углубляли еще две такие же щели, а ему приказали внимательно слушать и дать сигнал, если вдруг в тоннеле кто-то появится. Но пока было тихо. «Помойные крысы» что-то делали в своей пещере, их голоса доносились до мальчика лишь иногда в виде невнятного шума.

— Я закончил, — объявил господин механик и выпрямился.

— Что теперь? — спросил Рифат.

— Чем-то прижать. Чтобы сила взрыва ушла внутрь. Под стену.

— Ты уверен, что это сработает? Откуда вообще Танкар взял этот странный песок?

— Откуда его взял господин Танкар, я не знаю, — горожанин, не спуская глаз с рук Рифата и Наиль, потянул за завязку одного из кожаных мешочков, — но полагаю, что произвели его в Китае. Больше нигде «гремучий порошок» не делают. Во всяком случае, я видел его только там. В Поднебесной вельможи любят развлекаться, любуются огненными фонтанами. Желтолицые еще не поняли, какого демона разбудили. Очень скоро эта сила изменит мир...

— Да впрямь! — скептически хмыкнул Рифат, выполняя указания механика.

— Доживем — увидим, — ответил тот и, дав знак отойти со светильником, осторожно наклонил мешочек, насыпая черную дорожку из «гремучего порошка» к тому месту, где Наиль с Рифатом заложили последний заряд.

— Сколько у нас времени? — деловито спросил дед Наиль.

— Должно хватить. Я рассчитал с небольшим запасом.

— Тогда зажигай. И пусть помогут нам все владыки Неба и Тартара.

Вытянувший шею Наке стал свидетелем совершенно невероятной вещи: на конце темной дорожки из песка загорелся огонек и пополз к каменной стене. Земля горела! Наверное, он бы и дальше разглядывал невиданное зрелище, если бы Рифат довольно грубо не толкнул его в спину.

Обратный путь показался вдвое короче. Они бежали, уже не беспокоясь о том, что их услышат, так, словно за ними гнались драконы.

Оказавшись за каменной «дверью», господин механик присел, вытащил из котомки тяжелый брусок и стальной штырь и тремя точными ударами разбил сложный механизм управления тайным ходом. Плита встала намертво.

Наке понял, что старшие товарищи чего-то ждут. Напряжение на их лицах стремительно нарастало. Рифат сжал кулаки. Господин механик торопливо считал, сначала про себя, потом вслух. Дед Наиль прикрыл глаза, прислушиваясь к тишине. Казалось, уши у него шевелятся. Наке открыл было рот, чтобы спросить... И в этот миг неведомая сила встряхнула подземелье. Раз... Потом еще раз. И еще! А потом камень загудел. Кири, запертая более сорока лет, возвращалась в свое старое русло. Наке подумал о помойниках, запертых в пещере, и вздрогнул.

— Интересно, свое золото они хранили там же? — спросил вдруг Рифат, словно прочитав мысли мальчика.

— Наверняка, — Наиль равнодушно пожал плечами. — Будет, чем заплатить Харону. Как раз хватит, их там много.

Господин механик собирал свою сумку. Он казался невозмутимым. Но Наке заметил, что руки его, ловкие и умелые, не могут справиться с узлом. Рифат тоже заметил и, не говоря ни слова, в одно движение затянул веревку. Его руки не дрожали.

— Я еще наверху хотел спросить, — проговорил он, подхватывая сумку, — мы с

Наилем — понятно, а тебе-то помойники что сделали? Когда Танкар сказал, что нужно сделать, тебя аж затрясло от радости...

— Я чту Гефеста, — тихо, едва слышно ответил горожанин, — как и все, кто возится со всякими устройствами. Весной они сожгли наш храм...

За каменной стеной тоннеля творилось что-то странное. Раздавались звуки, больше всего похожие на хруст яичной скорлупы... если представить себе яйцо, величиной с дом, и скорлупой, толщиной в руку. Подземелье еще раз крепко тряхнуло. Наиль и Рифат переглянулись.

— Похоже, они там основательно поковырялись, — предположил механик. Ему все еще было не по себе, но самообладание уже вернулось. — Устроили какие-нибудь склады, долбили камень. Вода сломала перегородки, и, видимо, земля осела.

— Так получается, Кири могла выйти на второй уровень? — сообразил Рифат.

Переглянувшись, они рванули к ближайшему выходу. Гул в подземельях под городом нарастал, становился громче и отчетливее, приближался. Казалось, армия великанов гонится за ними по пятам и вот-вот настигнет... И вдруг все прекратилось. Тяжело дыша, Рифат, Наиль, господин механик и мальчишка Наке привалились к каменной стене в двух шагах от тайного выхода в город.

Он был закрыт. Намертво завален рухнувшей плитой.

Переведя дух и отерев выступивший пот, Рифат совершенно спокойно сообщил:

— Это был единственный выход, который я знал.

— Я знаю еще четыре, — прерывающимся голосом проговорил Наке, — но они все в порту.

— Если волна ушла туда, о них можно больше не беспокоиться, — подтвердил механик общие подозрения.

Никто пока не успел испугаться. Но тело под теплой шерстяной одеждой вдруг необыкновенно остро почувствовало сырой и ощутимо прохладный воздух подземелья. Рифат поднял светильник, чтобы проверить уровень масла.

— Молодые, — скривился Наиль, — ни у кого ума нет. Мы поумираем, что делать будете?

Рифат хмыкнул. Потом вдруг в голос рассмеялся. Смех его в подземелье прозвучал гулко и неприятно, слишком громко.

— Меня, дедушка Наиль, пока больше интересует, что мы будем делать сейчас, — пояснил он. — Если, действительно, вся южная часть подземелий осела, то у нас неприятности...

Наиль сунул руку за пазуху и двумя пальцами выудил кожаный мешочек очень знакомого вида. Полный. Потом еще один. Третий он достал из-за спины.

Механик жадно наблюдал за его манипуляциями.

— Это все? — спросил он. — Все, что у вас было?

— А что? — с подозрением спросил Наиль.

— Этого мало.

Наке потряс головой, как пес после купания.

— Ты что? — дернул подбородком Рифат. — Оглушило?

— Мать дала... Сказала — на всякий случай... Велела от огня сильно беречь... — На глазах у изумленных мужчин Наке достал из пояса еще два кожаных мешочка с «гремящим песком».

— Теперь хватит? — Наиль, враз повеселев, дернул Наке за ухо. — Госпожа Вани — очень умная женщина, — признал механик и, подхватив мешочки с порошком, опустился на корточки.

* * *

Злое солнце, стоявшее в зените, без устали изливало на измученную землю жар своей

ярости так, что на корню горела трава. Круг темных камней, возле которого был раскинут большой шатер, впитал столько тепла, что неосторожно вскочившая на него ящерица мгновенно погибла от ожога, и теперь ее бурая тушка засыхала под непрерывным золотым потоком. День выдался немыслимо жарким. Ни о каком повторном штурме не могло быть и речи, воины бы просто не выдержали бега в тяжелых доспехах, духоты в тесной осадной башне и драки под разгневанным ликом Ахура-Мазды, жизнеподателя...

Берг был хмур и молчалив. Трепать языком не было никакого желания. Принесли вино, но оно оказалось теплым, и Йонард предпочел воду. Тоже теплую. Но ее, по крайней мере, можно было вылить за шиворот.

Впрочем, Йонард не видел смысла обманывать себя: не жара расчертила его лоб глубокими морщинами недовольства. Он был воином. Воины не любят проигрывать сражения, иначе какие же они воины?

Это сражение Йонард-Берг позорно проиграл. Как и все, кто был с ним: Танкар, Эрон, Сандак, воины-скфарны, беглые рабы, так и не увидевшие обещанной свободы. Горожане, которые уже встречали их как освободителей и широко улыбались и обнимались на стенах с армией, уже почти покорившей город... Они потерпели поражение даже не в шаге от победы. Они... просто отдали свою, уже практически одержанную победу. Отдали даром! Этого Йонард принять не мог и потому злился.

— До вечера они поднимут и укрепят ворота, — произнес Сандак.

Он тоже был хмур и зол, но, в отличие от Йонарда, не мог позволить себе роскошь просто отмалчиваться. Ведь это именно его бойцы побежали. Удрали из уже завоеванного города!

— Для того чтобы подвесить их как следует, нужно несколько дней, — возразил Борнак, — то, что они смогут сделать до вечера, я разобью с трех точных выстрелов.

— И шо потом? Встанешь в воротах и будешь на кефаре играть? — съязвил Танкар. — Или пригласишь Тень на рыбалку при лунном свете?

— Скфарны войдут в город, — сказал Сандак. Он поднял черные глаза на Танкара. — На этот раз на штурм пойдут не рабы и не мальчишки. Пойдут воины. Я поведу их. Сам.

— Кизик штурмовали шестнадцать раз, — поддержал его Борнак.

— А солнце встает на востоке, — фыркнул рыжий предводитель вольных торговцев.

Сандак метнул на него гневный взгляд, но Танкар словно не заметил недовольства военачальника скфарнов. Или на самом деле не заметил? Вообще-то, рядовых воинов на военный совет никто не звал. В шатер Сандака был со всеми подобающими церемониями приглашен господин Рифат, как брат законного правителя Акры, и приемный сын матери племени, Сатеник. А рыжий заявился сам. И Сандак впустил его, скрепя сердце... и памятуя о том, как горели черные корабли в заливе. И как проваливалась земля под ногами его бойцов. Ну а Йонарда высокородные скфарны сочли телохранителем Рифата.

— Что ты хочешь сказать? — сдержанно спросил Сандак. — Кроме того, что я и мои люди покрыли себя позором и теперь можем лишь надеяться достойно умереть на стенах Акры?

— Нам была нужна эта победа. — Сидеть, поджав ноги, Танкар не любил, но встать — означало самовольно возвыситься над вождами скфарнов. Очень сильно расстроенными вождами. И он заставил себя остаться на месте. — Тень Орла был здесь никем. Просто чужак, который пришел ночью, как вор, опираясь на мечи таких же чужаков. Он разрушил нашу жизнь, залил кровью горожан базарную площадь. Никому он здесь не был нужен... Жители полиса бросали оружие и братались с нами на стенах. И если бы сегодня мы победили, нас встречали бы как освободителей.

— Не понимаю, что изменится, если нас будут встречать как освободителей завтра? — буркнул Борнак.

— Тень Орла удержал город, — очень спокойно пояснил Танкар, — вот шо изменилось. Второй раз он оказался сильнее нас. Своим бегством из-под стен мы сами подтвердили его право на трон. Мы короновали его. И сделали это вернее, чем если бы

принесли ему присягу. Горожане увидели в нем владыку. И защитника. Я уверен, те, кто до сих пор колебались, сегодня встанут на стены. Рядом с Тенью. Против нас.

Хорошо обдуманное, предельно дипломатичное и абсолютно честное слово рыжего тяжело падало в густой и липкий воздух, и каждое было тяжелее камня.

Борнак молчал. Все это было слишком сложно для него. Он хорошо разбирался в сложных механизмах баллист и осадных башен, а то, о чем говорил этот рыжий торговец, было какой-то совсем особой стороной войны. Рифат тоже молчал, но он молчал потому, что был полностью согласен с Танкаром. А Йонард держал рот на замке потому, что не хотел грубить союзникам. И если бы не эти опасения, то полотняные стены гэра услышали бы такие отборные выражения, что даже лысый Одоакр позеленел бы от зависти. Но, наверное, взгляд его был достаточно красноречив. Поскольку, поймав его, Сандак достал из-за узорного пояса кинжал, попробовал его на прогиб и с силой вогнал в землю по самую рукоять.

— Штурм будет сегодня ночью. Когда спадет жара, — сообщил он. — Еще до восхода мы будем в городе, клянусь Таргатай! Или я взойду на погребальный костер.

— Скажи, уважаемый Сандак, если храбрый воин не смог сдвинуть гору, остановить реку или поймать степной ветер рукавицей, он покрыл себя несмываемым позором? — спросил вдруг Танкар. Гордую речь военачальника он, похоже, пропустил мимо ушей. И сейчас смотрел на Сандака своими сощуренными глазами безо всякой насмешки, словно всерьез ожидал ответа.

— Я не понимаю тебя, — бросил тот и отвернулся, собираясь встать.

— Ты сегодня сражался с богами, — сообщил Танкар широкой спине скфарна, — и почти победил.

Сандак замер. И очень медленно повернулся назад.

— На стороне Тени воюют три дочери Посейдона, — пояснил Танкар, — изумруд вернулся к нему.

— Хрофт! — Берг стукнул кулаком по земле и резко повернулся к приятелю. — Давно ты об этом знаешь?

— Только сейчас догадался. И не смотри на меня зверем. Могло быть и хуже. Мог бы вообще не сообразить, — огрызнулся Танкар.

Сандак разглядывал рыжего во все глаза. Обида была мгновенно забыта. О перстне с изумрудом, левом глазе бога глубин, он был наслышан от Сатеник.

— Победить их силой невозможно, — продолжил Танкар в абсолютной тишине, — они сильнее людей. Перехитрить их нельзя — они намного умнее. Воевать с ними — самоубийство. Договариваться — глупость.

— Так что, отступать? — глухо спросил Сандак.

И тут внезапно подал голос Рифат, молчавший все это время.

— Даний сказал бы, что их наверняка можно переиграть... — Взгляды всех присутствующих мгновенно переместились в его сторону: вопросительные, недоверчивые, раздраженные. Рифат не смутился. — Есть сила, которая может поспорить с богами и демонами на равных.

— Что за сила? — отрывисто спросил Сандак.

— Случай. Пока владыки мира двигают фигуры, просчитывая каждый ход, случай бросает кости...

— Предлагаешь сыграть с демонами в шахматы? — скривился Берг.

— В нарды, — спокойно поправил Рифат. И улыбнулся.

Широкая ответная улыбка словно осветила усталое лицо Танкара, обнаружив недостаток зубов.

— Похоже, эти двое уже спелись, — буркнул Борнак, — и нам остается только подтягивать.

— Это будет песнь победы, — рассмеялся рыжий и легко вскочил на ноги, не хрустнув суставами и не тронув пол руками.

Если выбирать между сильным холодом и нестерпимой жарой, наверное, кто угодно предпочел бы холод. Человечество придумало тысячи способов спастись от мороза: теплая одежда, костер, горячее вино со специями. А вот от желтого глаза Владыки жизни мы защищаться так и не научились. Не значит ли это, что род людской, вопреки утверждениям ученых мужей, зародился во льдах севера, а не в песках юга?

В тронном зале дворца правителя ставни были распахнуты настежь, но с таким же успехом они могли быть прижаты засовами... или вовсе вынесены: неподвижный воздух был влажным и ощутимо тяжелым, как перед грозой.

Хотелось пить.

Тень Орла уже успел осушить почти два кувшина воды, чуть подкисленной ягодным соком, старая ведьма обещала, что он хорошо утоляет жажду. Но жажда продолжала терзать его, и была более жестокой, чем боль. А рана на плече, смазанная какими-то пахучими снадобьями и заново перевязанная умелыми руками старухи, продолжала сочиться кровью. Тень чувствовал, что сок жизни выходит из него, то медленно, впитываясь в повязку, то толчками, выбрасывая сразу целый сгусток — но непрерывно. И хотя в искусстве врачевания Тень был неискушен, он прекрасно понимал, что это плохо. Возможно — очень плохо. И поэтому Ритулу он ничего говорить не стал. Тень знал — удр расстроится.

Он скользил равнодушным взглядом по тронному залу, где, еще совсем недавно пережил такой позор, что с ужасом думал о том, чтобы сюда вернуться. Сейчас и позор, и ужас казались ему какими-то чересчур преувеличенными. Ну, не вышел он ростом, и что?

Зал заполнялся медленно. Первыми начали появляться как раз те, кого никто на Совет не звал. Но не пустить их было нельзя: главы старинных, но измельчавших родов, растерявших в войнах и неудачных спекуляциях все свое бывшее величие и богатство, сохранили некоторое влияние на умы жителей полиса и могли быть полезны. По словам торговца Миния, бывший правитель просто подкармливал всю эту свору родовитых оборванцев, а те, в благодарность, на собраниях Совета добросовестно пытались переорать противников Дания. Они всегда приходили первыми и уходили последними, получив подачку из казны. Жалкая доля...

Старшины цехов подходили поодиночке, занимали места ближе к дверям, осматривались и вполголоса переговаривались друг с другом, опасаясь нарушить торжественность момента. Мастерские чувствовали себя в тронном зале неуютно.

Следом свои скамьи заняли жрецы трех главных храмов города: храма Посейдона, храма Ахура-Мазды и храма Хальбы. Увидев эту троицу, мирно занявшую места по соседству, и, обменявшись приветствиями, заговорившую о том, что, дескать, жара нынче в Акре стоит невозможная, и стоило бы устроить большое жертвенное гадание, чтобы узнать, кого из богов прогневили на этот раз... Тень подумал, что сходит с ума. Такое было совершенно невозможно ни на западе, ни на востоке. Но здесь, где запад и восток сливались воедино, как две полноводные реки, чтобы рука об руку выйти, наконец, к морю — такое невероятное соседство было вполне в порядке вещей и никого не удивляло.

Тень поймал себя на мысли, что если б не боль в руке и не эта сводящая с ума жажда, ему могло бы здесь понравиться. Акра была воистину интересным местом, даже без трона его предка.

Следом за жрецами начали подтягиваться те, кого Тень ждал и опасался: богатые купцы и владельцы кораблей. Эти входили как хозяева, целыми центуриями, со слугами и писцами.

Последними появилась царская родня. И среди греческих и персидских нарядов Тень с неудовольствием заметил один женский. Его невеста тоже была здесь. И, проклятье Небу, вела себя, как царица. И кое-кто уже спешил поклониться ей. Правда, пока немногие.

Он мельком видел эту женщину, волей случая назначенную ему в жены. Боги! Она

была красива, по-настоящему красива. Не как Франгиз, чей портрет он видел в своих покоях. Лицо Монимы не было таким точеным и бледным, как будто высеченным из холодного мрамора, ее подбородок не смотрел на звезды. Женщина была теплой, страстной и цветущей, как апельсиновое дерево. Почему бы им не встретиться немного раньше? Проклятая жажда...

Тень встрепенулся. Похоже, из-за своей раны и вызванной ею слабости он пропустил что-то важное. Толпа, собравшаяся в тронном зале, нехорошо притихла. Лица почти сливались в одно, Тень Орла клонило в сон. Собрав всю свою волю, он выпрямился. Плечо стрельнуло острой болью, и это на миг прояснило зрение. Тень увидел, что в проходе между скамьями стоят трое. Вошедшие были чем-то неуловимо похожи, как бывают похожи двоюродные братья.

Все — высокие, сильные мужчины. Один немного старше других, голова его уже подернулась сединой, двое других моложе, но тоже уже не юноши. Гордая осанка, прямой взгляд. Глаза большие и пронзительно синие, как небо над городом. Кожа смуглая, как старая бронза. На лицах всех троих особо выделялись носы: большие, узкие, хищные, похожие на птичьи клювы. Подбородки двоих украшали светло-русые, слегка вьющиеся бородки. Третий был совершенно лысым.

Вошедшие были облачены в темно-красные шаровары, перехваченные узорными поясами и полураспахнутые, по случаю жары, кафтаны. На поясе у каждого висела кружка для питья. Короткие мечи, акинаки, им, видимо, пришлось оставить за дверью.

Скфарны!

Старший что-то говорил. Голос у него был звучный, как колокол. Совет слушал его внимательно, не пытаясь перекричать. Тень попытался вникнуть в смысл речи, которая накатывала на него, как морская волна, становясь то громче, то тише, но оставаясь неясным гулом. Тени показалось, что он просто не знает языка кочевников. Но, спустя мгновение, советник уловил знакомые слова и понял, что скфарн говорит по-гречески. Этот язык был ему знаком.

— Скфарны готовы уйти от стен города, — говорил военачальник кочевников, — не тронув не только ни одного жителя, но даже оставив в неприкосновенности посевы пшеницы и пастбища за городским валом...

Снова накатила непонятная слабость, советник ослеп и оглох и даже как будто потерялся в каком-то плотном тумане. Когда он вынырнул оттуда, скфарн уже заканчивал:

— Мы согласны взять выкуп за город золотом, серебром, конями, солью.

— Город остался за нами! — крикнул кто-то из родовитых горлопанов. — Ваши непричесанные вояки убежали от наших мечей, а теперь ты, наглец, требуешь тут коней и золота!

— Конских яблок не хочешь? — поддержал второй голос.

Совет полиса сдержанно посмеялся.

— Когда земля начинает дрожать, бегут все, кроме безногих, — спокойно возразил скфарн.

— Мы отстояли наш город и отстоим его вновь, — подал голос толстяк Миний. — Когда вы шли сюда, то, наверное, заметили, что городские ворота снова на месте, а на стенах — воины полиса.

Кочевник повернулся на голос.

— Да, я внимательно посмотрел на ваши ворота, — ответил он, глядя в лицо Миния, стремительно терявшего кураж. — Мой мастер пообещал, что разобьет их с трех ударов. Но я думаю, что и одного будет много.

В тронном зале поднялся гул, но голос скфарна перекрыл его легко, как, должно быть, во время боя легко перекрывал грохот баллист, вой тугих боевых луков и топот конницы:

— Ваши стены высоки и прочны, но их некому защищать. У вас нет людей. А у скфарнов есть люди, есть стрелы, есть три исправные осадные башни. Следующий штурм будет последним. Я это знаю. И вы это знаете. Я предлагаю вам сохранить город и свою

честь. ...Думать будете до вечера. С последним лучом солнца скфарны пойдут на штурм. С рассветом вас прибьют к городским воротам.

С этими словами предводитель кочевников повернулся и, не кланяясь трону, не глядя по сторонам, стремительно покинул тронный зал. Его спутники последовали за ним, так же быстро и так же молча.

В зале повисла напряженная тишина. Или слух снова отказал Тени?

Да нет, с ушами пока все было в порядке. Мгновение спустя тишина взорвалась таким возмущенным ревом, что зашевелились шитые тяжелым золотом драпировки на стенах.

— Каков! — орал Миний, — да только за то, как он говорил с уважаемыми гражданами, этому бродяге стоило вскрыть горло и вытащить сквозь дыру его грязный язык!

— Отар отобьет город, — кричали с задних рядов, — северные воины уже били скфарнов, и разобьют их снова. Тень Орла с нами!

Ритул склонился к самому лицу Тени. Его жесткие потрескавшиеся губы шевелились. Только со второго раза Тень сумел разобрать вопрос:

— Тебе нехорошо?

— Пить хочется, — отозвался Тень, — а так — нормально. Слушай, Ритул, похоже, ты тут единственный, с кем можно говорить разумно. Мы сможем отстоять город? Если выгоним на стены всех: стариков, детей, рабов? Если выйдем на стены сами...

— Если скфарны снова бросят на штурм мальчишек и толстопузых горожан... — Ритул задумался, — сможем. Пожалуй.

— А если в бой пойдут их воины?

— Нас всего семь раз по десять. Их — туча. О чем ты говоришь, господин? Даже Эвридика смеется...

С этими словами Ритул выпрямился и отошел от трона, чтобы распорядится на счет воды. А Тень снова уплыл в туман. Ему становилось хуже, и советник с легкой паникой подумал, что совсем скоро уже не сможет скрывать свое состояние.

Тень не мог оценить, тяжело ли ранен и есть ли угроза для жизни, но то, что с начала Совета ему стало значительно хуже, он почувствовал.

— Миний, — позвал он, как ему показалось, громко.

Дородный торговец не обернулся.

— Ритул, — сделал еще одну попытку Тень, — сколько у нас лошадей?

— Чистокровок? Пять. Три жеребца и две кобылы.

— Соль?

Удр на мгновение замер... Потом прикрыл глаза и кивнул, соглашаясь с решением Тени.

— Мало. Слишком мало. Армена была выкуплена за восемь подвод. У нас не наберется и трети.

— Миний, — снова позвал Тень. — Боги, да толкните же кто-нибудь эту тушу!

— Миний! — рявкнул Ритул в четверть голоса, но так, что передний ряд присел. — Не слышишь, советник требует!

— Спроси, сколько золота он может дать на выкуп города. Сам, и его цех... Спроси о том же жрецов.

— И царскую родню?

— Эти не дадут, — Тень сморщился, — они не настолько бедны, чтобы быть щедрыми.

— А торговцы, значит, настолько? — скривился Ритул.

— Они умнее, — серьезно ответил Тень. Он чувствовал себя так, словно по ошибке съел целую горсть песка.

— Может быть, отложить совет? — тихонько спросил удр, наклоняясь к самому лицу Тени.

— Зачем? — удивился тот.

Покачав головой, удр выпрямился, а Тень Орла снова «поплыл», теряя представление о происходящем. Он видел, как взметнулась волна человеческого возмущения, как вскочил с

перекошенным от гнева лицом тот молодой грек... или перс... словом, тот самый, который принес на блюде голову несчастного, как, потрясая кулаками, кто-то вскочил на скамью...

— Уйми их! — раздраженно бросил Тень, и забытие накрыло его, как волна.

Когда он пришел в себя, в тронном зале было тихо.

Оказалось, Ритул навел порядок предельно просто: выставил перед тронном десятков лучников. Подействовало замечательно.

— Объяви им, что от каждого полноправного гражданина полиса изымается одна шестая часть имущества. Для спасения города от военной угрозы, — распорядился Тень. — Деньги, вещи, скот и прочее должны быть сданы сегодня, до заката. Неподчинившиеся будут закованы в железо и проданы на галеры.

Горожане зашевелились.

— Нет такого закона, чтобы свободных обращать в рабство, — высказался, наконец, кто-то с задних рядов.

Лучники мгновенно повернулись в его сторону и наложили стрелы.

— Есть, — возразил Тень Орла, — я его только что издал. И вы ему подчинитесь!

Слабый голос советника звучал в полной тишине и легко достигал ушей всех собравшихся.

— Господин советник, — голос раздался со стороны купцов. Часть лучников мгновенно переместились туда, но говорившего это не смутило. Он даже встал. Это был старшина цеха ткачей, Полифем. — Я внесу свою долю. Для спасения города это сделают все ткачи. И все рыбаки, я говорю здесь и за них. Но я хотел бы знать, и, думаю, совет меня поддержит — почему Тень Орла расплачивается с кочевниками нашим золотом, а со своими наемниками — деньгами «помойных крыс»? И если в городе появилась новая аристократия, почему ее представителей нет в совете?

— Объяснись, — в запальчивости потребовал Ритул.

— Объяснять тут нечего. — Полифем поднял над головой и, не спеша, развернул свиток. — Кое-кто из присутствующих владеет благородным искусством чтения и не даст мне солгать.

— Что за тряпкой ты тут машешь, Полифем? — подал голос бритый наголо Кастор.

— Копия, снятая с соглашения, заключенного господином советником с неким Левкипием, — в голосе ткача явственно прозвучало омерзение, — «...обязуются ссудить господина советника двумя сундуками серебра бессрочно и без взимания процентов. Взамен господин советник обязуется предоставить «продавцам сладких снов» право ввозить товар без пошлины. Всех же прочих, кто будет замечен в подобном, хотя бы сумма провезенного не превышала медного обола, должно пытать и казнить...»

— Кто-то нас предал, — заметил Ритул и потянулся за мечом.

Лучники явно растерялись, не зная, в кого стрелять. Совет города в одно мгновение превратился в безобразную базарную склоку. Все орали одновременно на Тень, на Левкипия, друг на друга, перепало на каленые орехи и царской родне. Те не остались в долгу и облили грязью жрецов, за то, что не смогли предсказать такого позора, и получили в ответ обещание тридцати трех несчастий на головы всех неверующих.

— Глупцы, — прошептал Тень, — какие же вы глупцы! Я же пытаюсь вас спасти!!!

Несмотря на шум, его слышали.

— Нас? — старик в персидском халате презрительно сощурился. — А может быть, себя?

— Да мне плевать, — откровенно признался Тень Орла, — я умираю. Неужели никто этого не видит?

Советник и сам не знал, громко он произнес эти роковые слова или тихо, были они кем-нибудь услышаны или нет. Ему было плохо, и становилось все хуже. Воля и неистовая страсть, на которых он держался вначале, гордость, что пришла на помощь к середине, и равнодушие, которое поддержало его в самом конце, закончились, как когда-нибудь заканчивается все в этом мире, кроме песка в часах. Тень уронил голову на жесткую спинку

высокого трона, заказанного аж в Анатолии, и потерял сознание.

Он не видел, как рванули к трону наперегонки Миний, старик-перс, жрец Посейдона и Мони́ма. Впрочем, Ритул успел первым. Он подхватил тело господина за плечи и под колени и скрылся в маленькой, почти незаметной дверце за тронем, оставляя за спиной небольшой мятеж. Для прикрытия лучники выстроились полукругом и выпустили несколько беспорядочных стрел.

Крики пораненных, вместо того чтобы остудить горячие головы, только добавили огня. Кто-то уже переворачивал скамьи, из-за пояса появились ножи. Сторожившие двери наемники потянули из ножен длинные северные мечи. Затрещала златотканая парча...

— Материя греческая, шкатулка серебра за десять локтей. Ваза старинная, эллинской работы...

Голос, который среди всего этого безумия звучал так обыденно, громким не был. Хотя тот, кому он принадлежал, вообще-то прикрикнуть умел. Но не считал нужным это делать. Давно уже. Лет пятнадцать, как.

Первым сообразил, что происходит, жрец бога Хальбы. Он толкнул служителя храма Посейдона, а заодно и одного из царских родичей, оказавшегося поблизости от его острого локтя.

— Даний!

Имя, произнесенное едва не шепотом, вызвало лавину. Лавину тишины. Вспыхнувший мятеж стремительно шел на убыль. Именитые граждане теряли интерес к драке так быстро, что мертвая тишина упала на тронный зал раньше, чем перестала качаться и наконец-таки упала несчастная ваза эллинской работы.

Правитель Акры стоял рядом с тронем, скрестив руки на груди, и смотрел на своих граждан совсем не проницательным, не гневным... даже, пожалуй, не строгим, а просто очень внимательным взглядом.

— Я думал, ты мертв, — брякнул простодушный Миний в полнейшей тишине, высказав то, о чем помалкивали более хитрые.

— Теперь ты так не думаешь? — спросил Даний, щуря серые глаза. — Ты рад?

Миний смешался.

— Похоже, все господа советники рады до полусмерти, — усмехнулся Даний, — это вдохновляет.

Неспешно правитель обошел трон и опустился на подушки.

— Вознесем молитвы за чудесное выздоровление повелителя! — опомнился жрец храма Ахура-Мазды и повалился в проход, оборотясь к солнцу.

— Заметил? — Молодой Даг, стоящий в дверях, легонько толкнул Ингвара. — Как он их сразу всех к ногтю... Мертвая хватка!

— А откуда он взялся? — удивился Ингвар.

— Вот увидишь, этот болтун в парче объявит, что он сошел с небесной колесницы весь в золотом сиянии, — фыркнул Даг.

* * *

Тень Орла пришел в себя на мягком ложе, которое он уже привык считать своим.

Рядом с ним никого не было. Ни души.

Это совсем не огорчило Тень, не в том он был состоянии, чтобы принимать гостей. Но вот от слуги бы не отказался. Мучительно, просто нестерпимо хотелось пить. Но кувшин с водой был пуст, это Тень помнил. Он сам осушил его незадолго до Совета. Маленький человек сделал попытку подняться с ложа, чтобы позвать кого-нибудь, но тело не подчинялось ему.

— Ритул, — позвал он, но тут же понял, что это бесполезно. Силы в голосе не было совсем.

Почему удр бросил его? Что происходит во дворце? Чем закончился Совет? Где

скфарны? И, боги, боги, как хочется пить...

Машинально он потянулся к блюду с апельсинами, которые хорошо утоляли жажду.

На низком столике перед его слишком мягким ложем было пусто.

— Как же вы все-таки безжалостны, — прошептал он в пустоту.

Кольцо было на месте, на пальце. Но изумруд он не поворачивал. Зачем? Понимание обрушилось на него как горный камнепад, в считанные мгновения меняя мир. Он осознал все. Как старательно, каждым своим словом, каждым действием, каждым вздохом строил себе ловушку, как проверял ее на прочность. Как охотно зашел в нее и захлопнул за собой.

Окна были, по обыкновению, плотно закрыты. Тень так строго следил за этим, что теперь пожинал плоды своих усилий.

...В том месте, где упал на мозаичный пол его белый плащ, поднялся легкий туман. Густея, он превращался в прекрасную воительницу в серебряных доспехах, с белыми как снег волосами и холодными глазами.

Тень не звал ее. Она пришла сама.

— Ставлю диадему против рваной сандалии, больше ты не назовешь меня хозяином, — тихо сказал он.

— Тебе очень плохо, — определила блондинка. Сочувствия в ее голосе не было, только уверенность.

— Догадлива, тварь, — скривился Тень Орла.

Никак не отреагировав на оскорбление, воительница медленно вытянула вперед левую руку с раскрытой ладонью. В направлении его тела. Тень неловко попытался закрыться, но белокурая дева в доспехах, отлитых из лунного света, не обратила никакого внимания на его попытку.

— Ты умираешь, — сообщила она.

— Да ты что? — Тень привстал на локте. — А я думал, что женюсь!.. Лучше скажи мне то, чего я сам не знаю.

— Ты можешь выжить, — сказала дева. И замолчала.

Молчал и Тень. Он ей не верил.

— Или умереть, — добавила она.

— Вот это больше похоже на правду, — кивнул Тень, — но вот только умирать я не хочу.

— А чего ты хочешь?

— Пить, — выдохнул Тень, — пить хочу больше, чем жить! Воды... Или хотя бы апельсинов.

Белокурая покачала головой.

— Апельсинов больше не будет. Время действия нашего договора закончилось, Тень Орла. Мы можем дать тебе либо жизнь, либо смерть. Но, что бы ты ни выбрал, другое достанется нам.

— Не сказал бы, что в вашей лавке широкий выбор, — Тень сделал неуклюжую попытку пошутить, но шутка не удалась. — Почему так мало?

— Жизнь или смерть, человек. Тебе придется выбрать. Или мы выберем за тебя.

— Я всегда восхищался вашей нечеловеческой мудростью, — после нескольких неудачных попыток, Тени Орла все-таки удалось сесть и облокотиться на подушки. Кровь из раны текла уже не переставая, но теперь это не имело большого значения. — Вы казались мне всеведущими.

— Больше не кажемся? — удивилась блондинка.

— Не-а, — Тень зевнул неожиданно сладко. Вместе с жаждой пришла странная слабость и необоримая сонливость. — Вы слишком умны, чтобы быть по-настоящему опасными.

Блондинка вопросительно приподняла бровь.

— По-настоящему опасен только глупец, — охотно объяснил Тень, — потому что он совершенно непредсказуем. Тебе не приходило в голову, что тот, кто никогда не совершает

ошибок, очень быстро теряет силу?

— Какую силу, человек? — насмешливо спросила она.

— Силу слабости. Силу уязвимости. Силу глупости и отчаяния. Это великая сила. А вы ею пренебрегли, — Тень уверенно улыбнулся, глядя в холодные глаза воительницы. — Хочешь, я покажу тебе, насколько велика эта сила?

Красавица шевельнула плечами, закованными в железо. На ее неподвижном лице впервые мелькнуло что-то, похожее на сомнение.

— Ты пытаешься хитрить, человек? Но тебе некуда деваться...

— В этом и есть великая сила, мой прекрасный и мудрый демон. Мне некуда деваться. И я не хитрю. Я прост, как удар меча. И ответ мой так же прост. Я заплатил достаточно. И больше ничего не отдам.

Белокурая была быстра, как и все змеи. Но того, что сделал Тень, она не предусмотрела. Да и кто бы предусмотрел такое?

Быстрым движением руки, раненой руки, Тень Орла распахнул ставни окна, выходящего на запад.

Покои правителя затопило яркое закатное солнце. Оно мгновенно проникло во все уголки, не оставляя тьме ни единого шанса, словно торопилось наверстать все то упущенное время, когда его не пускали в эти комнаты.

Дева тихо зашипела, словно обожглась... и пропала. Не медленно, а сразу, словно... словно бежала. Спасалась!

Намокшая от крови повязка, наконец, совсем свалилась. Рука повисла плетью. Тень заворочено смотрел, как течет по ней на мозаичный пол его кровь. Вместе с ней уходила и жизнь. А Тень смотрел и поражался собственному равнодушию. Ему почему-то совсем не было страшно. Только до слез обидно.

Как открылась дверь и в комнату стремительно вошли двое мужчин, а за ними древняя старуха-рабыня, он не увидел.

Заметив размотанную повязку, лужу крови и бледного как снег, даже синеватого «советника», Ритул бросился к нему и в два прыжка оказался у ложа.

Глаза Тени были широко раскрыты. И смотрели мимо Ритула. Он никак не отозвался ни на его окрик, ни на встряску.

— Он умер, — сказала старая знахарка. Она подошла неспешно и, взяв его за руку, погладила запястье сухим пальцем. — Совсем недавно.

Третий вошедший был высок ростом, сухощав и нетороплив.

— Пусти меня, Кара!

— Даний, божественный огонь в нем погас, — мягко возразила старуха, — зажечь его снова не в силах человеческих.

— Твой бог однажды смог. А он тогда еще был человеком.

— Тогда помолись ему, Даний. Может быть, он поможет. Этот мужчина — христианин.

Даний в немом изумлении уставился на старуху.

— Так и есть, — кивком подтвердил Ритул. — Кара отвела его в свой храм. Когда он потерял кольцо. Он сказал, что ему нужна защита сильного бога.

— Хм... Интересно, почему он решил, что этот бог сильнее всех прочих?

— Из-за Франгиз. Он ведь так и не смог ее схватить, — спокойно, как о само собой разумевшемся, поведал Ритул.

Тонкая голубая жилка на виске Тени Орла вздрогнула. И вдруг забилась снова — медленно, но ровно.

— Как просто, — потрясенно прошептал Даний, глядя на рану, затянувшуюся прямо на глазах, — и как удивительно...

* * *

Рыжее солнце быстро катилось по плоским крышам к закату: ночи здесь наступали быстро. Северянина Ритула это поначалу беспокоило, потом перестало. Не то чтобы он привык или притерпелся... Просто появилась куча других, более веских причин для беспокойства.

Сейчас он тревожился из-за того, что оставил еще не совсем оправившегося от раны Кона совсем одного. Ну, не считая полусотни дворцовых стражей. Впрочем, его бы воля, он всю эту шатию сменил на одну Кару. Женщина была стара, как камни мостовых этого древнего города, но, как оказалось, дело свое она знала, и сумела уберечь хозяина лучше его, Ритула.

Удр давно уже не верил в магические амулеты. И то, что две скрещенные палочки оказались сильнее трех демонов ночи, его порядком-таки смутило.

— Неужели только из-за того, что на кресте умер твой бог? — спросил он старую рабыню, ловко поившую обессиленного хозяина.

Кара строго покачала головой, одновременно ласково улыбаясь Кону. Как-то это у нее получилось.

— Он отдал свою жизнь, чтобы всех нас спасти, — ответила Кара.

— И что? — не понял Ритул.

— Воин, бывало так, что ты заносил меч над обреченным мужчиной, а его женщина или ребенок бросались наперерез и закрывали его собой, своим слабым и хрупким телом?

— Всякое бывало, — неопределенно отозвался Ритул.

— И твоя рука ни разу не дрогнула?.. Вот так-то, воин. Слабость — это великая сила.

— Если в ней нет страха, — добавил знакомый голос. Он прозвучал от дверей.

Даний вошел, улыбаясь. Новообращенный христианин, получивший при крещении греческое имя Константин, уставился на него со своего ложа, как конь на пожар. Неизвестно, чего Кон ждал от этого визита. Удр уже понял, что мстить Даний не собирается, и хвататься за оружие не стал.

Возле ложа, на низком столике, стояло глубокое блюдо с апельсинами. Все три окна были распахнуты, и в них был виден великолепный закат, полыхавший над Акрой во все семь цветов.

— Что они? — спросил Ритул.

Как ни странно, Даний понял его сразу.

— Развязали кошельки, разумеется. Что им еще было делать? Но полных три часа ломались, как девственницы, клянусь Хальбой! Столько крови мне попортили...

— Шестую часть?

— Это вы с Костой слишком много от них захотели, — хмыкнул Даний, — хватило и двенадцатой. Они тут все любят притворяться нищими, а тряхни некоторых бродяг как следует, из них золотые диргеми посыплются.

— Мне показалось, кое-кто из твоих подданных был совсем не рад тебя видеть в добром здравии, — заметил Ритул.

— Это нормально. Мой самозванный советник им тут жизнь устроил — помирать не надо. Я бы на их месте тоже не обрадовался.

Две пары глаз вопросительно уставились на него. Лишь Кара продолжала заниматься снадобьем для раненого, не отвлекаясь на чужие разговоры.

— Так вы что, всерьез думали, что вся городская казна перекочевала исключительно в ваши карманы? Ушла на наемников? — удивился Даний. — Вот смешные. Да если бы деньги оказались у твоих воинов, удр, они бы их тут же спустили в ближайшей таверне, и монеты вернулись бы в казну. А если золото просто исчезло, значит, кто-то его припрятал, логично? Кто его мог припрятать, мыслители?

— Так они воровали, собаки! — Глаза Кона вспыхнули яростью, он сделал попытку вскочить, но тут же со стоном повалился назад, на подушки.

— Ты сам пустил козлов в огород. Что ты думал, они будут там делать? Труды Аристотеля читать, или цветочки нюхать? — резонно спросил Даний. — Чтобы чиновник не

воровал, надо смотреть ему на пальцы... и все равно сворует!

— Так как же ты с ними справился? — полюбопытствовал Ритул.

— С трудом, — признался Даний, — как с норовистым конем, почуявшим волю. Я тут пару указов, которые он издал, — кивок в сторону Кона, — сгоряча порвал в клочья. Да думал, самому склеивать придется, так взъелись... вообще-то, порвал правильно. Но в клочья — зря. Была в этих бредовых распоряжениях одна дельная мысль...

— Но они подчинились?

— Пока да. Скфарны все еще под стенами. Так что я пока правитель.

Даний хмыкнул, скорее удовлетворенно, чем обеспокоено.

— Пока? — все же не сдержался Кон.

— А я все пятнадцать лет пока-правитель. Не бери в голову, бери в кошелёк... Что ты на меня так смотришь? Это поговорка наша, местная. Нравится? Мне тоже. Ритул, собирай своих людей, нам пора. Подводы уже во дворе, и честно-полные, даже отсюда вижу.

С этими словами Даний поднялся и, кивнув Кону, вышел. Ритул потянулся за ним.

Сейчас, стоя у городских ворот и вспоминая этот разговор, Ритул недоумевал. Увидев Дания, ему надо было бежать, спасать свою шкуру, желательно прихватив пару мешков каких-нибудь нетяжелых дорогих побрякушек. А вместо этого он оказался тут, во главе отряда, который охраняет две телеги этих самых побрякушек... Его отряда! Двери откроются — командуй атаку, хватай цапки — и верхами в степь. Неужели Даний об этом не подумал?

Еще как подумал, понял вдруг Ритул. Город окружают кочевники, и правителю Акры совершенно наплевать, получают они свое золото здесь или в полулиге от стены. А вот как поступит наемник-северянин, совсем не наплевать. Он хороший стратег, этот Даний.

Что ж... Наемник живет с того, что продает свой меч любому, кто захочет купить. И если Даний и впрямь захочет... служба Тени Орла закончена, можно подумать о новом хозяине.

Уйдя в раздумья, Ритул едва не пропустил угрозу, но тренированное тело все сделало само. Вдруг, без всякой на то причины напряглись мышцы, а правая рука дернула из ножен меч.

Посреди улицы, перегородив ее, стояли старик-перс, два его сына или племянника, красotka в греческом наряде, набеленная чуть больше, чем требуется, и с полторы дюжины лучников. Может, был и еще кто-то, в темноте трудно разобрать.

— Забыл положить любимый браслет своей тещи, Гориопиф? — съязвил Даний.

Старик шутки не принял. У него, похоже, вообще было плохо с юмором. Если не считать хорошей шуткой отрезанную голову на блюде.

— Воры! — бросил он, выкинув вперед правую руку. Указующий перст смотрел на Дания. — Смотрите, этот «эллин», выросший на кобыльем молоке, сначала привел под стены свою неумытую родню, а потом обманом заставил лучших людей города отдать свое добро!

— Поскольку ты, Гориопиф, своей доли не внес, нужно понимать так, что в «лучшие люди» тебя и твою семью записали зря, — отметил Даний. — Хорошо, я это исправлю. Если это все, посторонись. Или я отдам приказ очистить путь.

— Кто ты такой, чтобы отдавать приказы? Узурпатор, влезший на трон, держась за женское платье. Слава богам, у нас есть теперь законный правитель. Истинный наследник храброго Бальдра и Кинра, взявшего в руки пепел! На него упала тень орла, и он будет править нами вовеки!

— Что-то я не пойму, тебе что за корысть цепляться за этого раненого юношу? — спросил Даний. — Или он и с тобой заключил какой-нибудь договор... Так можешь быть уверен, все договоры будут пересмотрены в Совете.

— Этот договор даже ты не порвешь! — с каким-то маниакальным торжеством провозгласил старик-перс, — это брачный договор. Моя племянница, Монима, царица Акры!

Терпение Дания, похоже, лопнуло. Он свел брови, готовясь отдать приказ.

Но тут со стороны ворот послышался мягкий перестук множества копыт по камням. Кочевники прибыли за выкупом. Горстка лучников смешалась, кто-то поспешил прикрыть

главу рода, а большинство в панике посторонились, потому что скфарнские кони не думали останавливаться. Медленно, но неотвратно серая масса надвигалась на Гориопифа и его сторонников, и было совершенно ясно — потоптать старика им сплошное удовольствие.

Неожиданно, никто не успел сообразить, как это произошло, старик совершил какой-то дикий обезьяний прыжок и оказался рядом с Данием. В быстро наступающей тьме было уже не разобрать деталей, но по тому, как напрягся правитель, Ритул понял: телохранитель из него получился плохой.

— Он держит нож у моего горла, — подтвердил Даний, — и если он не отравлен, я здорово удивлюсь. Эта змея всегда была ядовита.

— Клянусь богами, ты прав, — отозвался перс, — но у тебя есть выбор. Либо ты умираешь, либо уступаешь трон Мониме.

— То есть, тебе, — уточнил правитель.

Среди скфарнов наметилось какое-то движение. Вперед выступил всадник с коротко подстриженной бородкой, одетый в вышитую безрукавку, отлично известную всей Акре.

— Рифат! — обрадованно воскликнул Даний.

— Если эта женщина действительно твой последний резерв, значит, ты и впрямь здорово задолжал богам, Гориопиф. — Рифат сделал быстрое повелительное движение кистью. Взыли тугие луки скфарнов, и Монима, без вскрика, осела на камни. В ее теле торчали сразу три стрелы с черно-красным оперением.

Перс глухо вскрикнул, но не от горя. Железная рука Дания перехватила его сухое запястье и вывернула так, что послышался хруст.

— Ты ответишь за убийство, Рифат, — прошипел перс, морщась от боли, — клянусь, ответишь!

— Сколько угодно, — не стал возражать тот, — я отвечу за рабыню как за царицу, если тебе так хочется... и если Совет тебя поддержит.

Не торопясь, он спрыгнул с серого баира. Братья крепко обнялись.

— Раздавишь, — крикнул Рифат, — побереги жар своих объятий, он тебе понадобится.

— Ты хочешь сказать?.. — Даний отстранился.

Его серые глаза вдруг стали темными, почти черными, а спокойный, всегда чуть язвительный голос дрогнул. Он впервые по-настоящему испугался. Даний боялся верить.

— Она здесь, с нами, — сдержанно улыбаясь, подтвердил Рифат.

Жадный взгляд правителя зашарил по темной массе всадников. Он обернулся к охране.

— Не стрелять. Ко мне подойдет жена.

В ночи, густой, как патока, было уже не различить лиц, лишь силуэты, да и то очень смутно. С коня спрыгнула женщина, судя по одеянию, одна из кочевников. И поплыла вперед, кажется, не касаясь земли. Шагов ее никто не услышал. Кроме Дания.

— Боги! Какая ты стала тоненькая... как в тот день, когда я тебя встретил.

Ничего не говоря, без слез, без улыбки, лишь с долгим вздохом бесконечного облегчения женщина, как усталая птица, притихла в кольцо его рук.

* * *

Первыми забеспокоились лошади. Сначала они только тревожно фыркали, переступая спутанными ногами. Потом, отчаявшись что-то объяснить своим глупым хозяевам, лошади взбесились. Они молотили копытами, вздымали к темному небу морды и пронзительно ржали, они металась меж гэров, роняя пену и, разорвав путы, уносились в степь...

А скфарны вовсе не были тупыми или жестокими, всадники степей доверяли своим коням жизнь и, несмотря ни на что, привыкли с ними ладить. Странная боязнь баиров взбудоражила людей. Но они были воинами и подчинялись дисциплине. Скфарны не могли сняться с места самовольно, пока военачальник не отдаст приказ. А Сандак медлил. Ночное небо с пугающей стремительностью заволочло плотными серыми тучами, сквозь которые уже не пробиться было ни одной звезде. Внезапно со стороны моря поднялся ветер...

впрочем, какой там ветер, скорее ураган. Он сорвал два гэра, перевернул пустые котлы и один из них докатил аж до шатра Сандака, повалил повозки и смешал в кучу всю развешанную одежду.

Ветер рычал. Он налетал стремительно, вцеплялся в оставленное в небрежении имущество, рвал и катал его с каким-то веселым остервенением, а потом вдруг так же быстро исчезал. Во имя Таргатай и прародителя Скфарна, у этого урагана была собачья душа... И собачьи же повадки. Лишь когда мимо шатра военачальников, который старались укрепить, вбивая в землю колья, крутя, пронесло тонко ржавшего коня, Сандак велел своим воинам отходить к стенам Акры, под защиту городского вала. Они бросали все, кроме оружия и кружек, и бежали, пытаясь обогнать беду. А за спиной гудело, ревело и трещало, и этот грозный звук наступал бегущим на пятки, заставляя даже самых стойких и хладнокровных терять разум. Несколько молодых воинов обернулись... и кто не застыл на месте, парализованный страхом, тот припустил, как заяц. А те, кому внезапный холод сковал мышцы, увидели редчайшее зрелище: темное море, как рассерженный кот, выгнуло спину и, выламываясь из своих вековых границ, устремилось к городу, сметая по пути домики рыбаков, растянутые сети, лодки, увлакивая за собой по дну огромные камни-пилоны...

* * *

— Что это? — Берг с изумлением проследил глазами путь чьей-то крыши, пролетевшей над головами.

Кони вместе с повозками и большей частью людей уже были укрыты в башне, на улице оставались только он, Эрон-певец и Танкар.

— Это ветер, — лаконично ответил рыжий, не спуская глаз с городских ворот.

Они хлопали, как калитка во дворе какого-нибудь бездельника и растяпы, грозя, в любую секунду обвалиться и придавить своим немалым весом всю теплую компанию, которой отчего-то не сиделось в крепкой башне, под защитой толстых каменных стен.

Йонард фыркнул:

— Ну да, такой освежающий, легкий...

— По ту сторону Понта твой освежающий легкий ветерок зовут «Ливийский флейтист», — обронил Эрон. Его брови были сведены к самой переносице.

— Ты хочешь сказать, что это — ураган? И сильный, как ты думаешь?

— В стене нам ничего не грозит, — уверенно отозвался Танкар и отвернулся.

Продолжать он не стал, но и без этого было ясно, о чем думал рыжий: Вани и племянник остались в лагере скфарнов. Там же была и Айсиль. Мужчины решили, что на побережье безопаснее.

— Я вывожу коней? — полувопросительно-полуутвердительно сказал Йонард и сделал было шаг к башне.

— Шо это? Во имя Хальбы, шо это такое!.. — вопрос Танкара потонул в густом, низком, стремительно нарастающем гуле, в мгновение ока заполнившем все пространство от земли до неба. Плохо закрепленные ворота, наконец, слетели, увлекая за собой кусок стены, и Йонард едва успел отскочить от падавшей на него глыбы.

Голос Эрона не мог перекрыть рев ветра, но по его губам, вмиг подсохшим и вытянувшимся в нитку, Йонард прочитал:

— Это море. Море идет сюда.

— Ты сошел с ума?! Танкар, он над нами издевается... Танкар?!

Рыжий исчез. Когда он успел? Только что был рядом, таращился круглыми от изумления глазами на городские ворота, качавшиеся на одной петле...

— Может, в башне?

Эрон и Берг двинулись туда, стараясь прижиматься к стене. Деревянные двери распахнулись на всю ширину, Танкар, согнувшись почти пополам и сжимая повод, пытался справиться с тонконогим золотым аххором. Ему все же удалось взобраться на спину коня и

кое-как подчинить его своей воле, но сразу за городскими воротами аххор вздыбился и, скинув всадника, быстрее ветра умчался в сторону от Акры, к горам.

— Пустите меня, — рявкнул Танкар и дернулся из рук скрутившего его Берга с такой силой, что тот отлетел, как соломенное чучело.

— Пусти, — так же, губами, велел Эрон. Глаза его были пронзительны и серьезны, — он думает, что спасает сестру.

— Думает? — переспросил Берг.

— Сейчас что там, что здесь — одинаково опасно.

— Ты что-то знаешь? — догадался Йонард. — Откуда взялся этот ветер?

— Ты тоже это знаешь. Он идет сюда. Он будет мстить за своих дочерей...

Кто «он», Йонард уточнять не стал. И так все было ясно и погано. Берг поднял голову, пытаясь определить скорость ветра по тому, как двигались по небосводу тяжелые тучи.

...На городской стене в непроглядном мраке светилось единственное белое пятно.

Один человек, полусогнутый под ударами ветра, стоял на городском валу и смотрел в сторону моря, туда, откуда на город надвигалась смерть. Он ни на что не опирался, стены казались ему ненадежными. Ураган бесился так, словно был последний вечер этого мира... хотя, может, и был, кто знает? Горизонт почернел, и впервые за всю свою жизнь Даний увидел, как воды вечного моря поднимаются, чтобы соединиться с серыми тучами. С ужасным, сводящим с ума гулом и треском, взрываясь пеной и брызгами там, где встречались препятствия, и с невероятной мощью сметая на своем пути все, на город двигалось море.

Медленно и плавно Даний поднял к лицу обе руки с раскрытыми ладонями. Он не верил черноглазой Чиони. До этого момента. Когда, подчиняясь не велению его, а всего лишь грубой, примитивной силе, волна замерла, словно ударилась о невидимую стену. И застыла. Похоже, Даний и впрямь носил в себе мощь, равную богам. Он сумел остановить море!..

— Кто ты, смертный? — голос прозвучал совсем рядом. Это было так неожиданно, что Даний чуть не утратил свою предельную концентрацию. Этот голос был спокойным и негромким, будто рев ветра и взбесившегося моря ничего не значил для него и не мог его заглушить.

Спустя мгновение до Дания дошло — так оно и было. Этот голос донесся не извне. Он звучал внутри него.

— Приветствую тебя, владыка глубин. Здравия и процветания тебе на многие годы, — ответил Даний. — Я — хранитель этого города.

— Твоя служба закончена, — голос проигнорировал вежливое приветствие, — я беру себе этот город. И сам буду его хранить.

Даний не пошевелился. Его руки все так же были подняты на уровень глаз, ладони раскрыты, и все еще удерживали гигантскую волну.

— Прости, отец наш, владыка Посейдон. Я не могу отдать тебе этот город. Тебе придется взять его силой.

— Ты думаешь, что сможешь мне помешать, смертный? — удивился голос.

— Я не думаю. Я держу море.

Голос вернулся после долгой паузы, во время которой невероятная сила продолжала давить на ладони Дания, пытаясь прогнуть воздвигнутую преграду.

— Ты скорее честен, чем груб, — признал голос. — Кто научил тебя так разговаривать с богами?

— Родина. Когда сердце наполнено любовью, в нем нет места для страха.

— Ты наделен силой, — произнес голос с невольным уважением. — С такой силой ты можешь спастись. И снова построить город в дюжину раз прекраснее и богаче.

— Мое сердце принадлежит этому, — ответил Даний.

В его голосе, почти не слышном за ревом бури, была непреклонность.

— Он же ничего не знает, — сообразил Берг.

Эрон понял его сразу.

До башни, из которой по внутренней лестнице можно было выйти на городскую стену, было не более дюжины шагов. Но стоило отпустить железный ворот подъемника, как ураган подхватил тяжеленного Берга как пушинку и поволок вдоль улицы. Йонард едва успел схватиться за протянутую руку певца. И отстраненно удивился: рука оказалась вполне надежной. Худого, оборванного базарного сочинителя не гнул ураган! Певец помог ему подняться и быстро пошел, почти побежал к башне, не пригибаясь, а чуть повернув корпус, словно разрубая плечом бурю. Йонард последовал за ним, держась в проложенном коридоре. Определенно судьба свела его с очень странным человеком. И человеком ли?

Наверху сила ветра была непреодолимой. Йонард даже не пробовал выйти из-под защиты каменной стены, это означало верную смерть.

— Даний, — крикнул он изо всех сил, — правитель!

Голос потонул в реве ветра и грохоте волны, бьющей в невидимую стену. Эрон отстранил его и высунулся наружу. Буря мгновенно вцепилась в певца и сделала попытку выволочь наружу и сбросить со стены вниз, на камни мостовой. Или по другую сторону, в воду. В воздухе над башней крутилась куча вещей, мелких и не очень. Певец повернулся к северянину и что-то проорал, прикрывая рукой голову.

Йонард кивнул, понял, мол, буду держаться за тобой.

Приблизив лицо к Бергу, почти в самое ухо Эрон рывкнул, помогая себе знаками:

— Не за мной, а за меня. Иначе погибнешь.

Йонард отлично запомнил эти семь шагов. Позже они не раз снились ему в кошмарах, и он просыпался с позорным криком, мокрый как мышь. Буря, бушевавшая над городом, раз или два все же оторвала его подошвы от камня. Он вцепился в предплечья Эрона обеими руками и переставлял ноги, почти повисая на певце. Он так и не понял потом, зачем Эрон согласился взять его с собой. Верно потому, что просто не видел возможности переспорить.

В двух локтях от Дания урагану был положен предел.

Йонард вцепился взглядом в худое, резкое лицо, сведенное диким напряжением в злую гримасу. Лоб, верхнюю губу, шею покрывали крупные капли пота. Глаза были закрыты.

Берг взглянул вперед, туда, куда НЕ СМОТРЕЛ Даний, и инстинктивно отшатнулся. Ужас пополам с изумлением взорвался в нем почище «гремучего порошка».

На расстоянии меньше четверти лиги от города гигантская черная волна, величиной с гору, застыла, как будто замерзла.

Поднятые ладони правителя заметно подрагивали, и Йонард понял, что невероятная сила этого человека все же не беспредельна. А когда она закончится, закончится и все остальное.

— Даний, он мстит за своих дочерей, — проорал Йонард, — у него есть три дочери. Их обманул Тень Орла!

— Он заключил с ними договор. В обмен на жизнь или смерть. — Эрон тоже включился в объяснения, рискуя сорвать голос. — Тень не дал им ни того, ни другого.

Неизвестно, слышал их Даний или нет. По лицу его ничего нельзя было прочесть, да и момент был явно не тот, чтобы разгадывать загадки. Йонард решил. Встав за спиной правителя, он положил свою огромную руку на его острое плечо. И тут...

Темный вихрь подхватил Берга. Тот даже не понял, поднимает его к звездам или размазывает по земле. Сила, к которой он прикоснулся, оказалась колоссальной, гораздо больше, чем все, что он до сих пор видел или хотя бы мог представить. А ведь он гордился тем, что видел Колизей...

— Жизнь или смерть, — услышал он вдруг.

Голос звучал словно в некотором отдалении, но очень отчетливо. И этот голос не принадлежал человеку, в этом Йонард мог бы поклясться, слишком мало в нем было страсти.

Йонард наострил уши.

— Человек знал, что ему придется отдать. Договор был заключен. И был нарушен. Обманщик должен быть наказан.

— Царь Пределов, твои дочери хотят не мстить, а жить.

— Ты?!! — бесстрастный голос трепыхнулся, как снулая рыба под ножом.

Йонард едва не повторил то же самое, присоединив парочку заковыристых проклятий.

— Я говорил с ними. — Эрон торопился. Он тоже взял Дания за плечо, и огромная тяжесть, пусть даже поделенная на троих, ударила и его. Кем бы он там ни был, Берг чувствовал — ударила сильно. — Они хотят жить. Видеть солнце, держаться за руки, пить сок виноградной лозы, слушать песни, смеяться и плакать, влюбляться и быть любимыми, родить детей... Но невозможно узнать жизнь и не узнать смерть. Поэтому они и затеяли эту игру со смертными. Но чужая смерть — не замена. Как и чужая жизнь.

— Они бессмертны! — прорычал голос. — Такими они появились на свет. Что я могу сделать?! Это их судьба. Даже боги не властны над судьбой.

— Они не бессмертны, Царь Пределов. Просто смерть не может их узнать. Назови их.

— Что? — изумился голос.

— Дай им имена. Ты можешь. У тебя хватит сил. Ты подаришь им смерть, а с ней и жизнь, которой они так желают.

— Ты хочешь, чтобы я сам отдал смерти своих дочерей? — В голосе, таком ровном, появились режущие кромки. — Не слишком ли много за одну песню?

— Если желаешь, Владыка Глубин, я что-нибудь добавлю, — мгновенно подхватил Даний.

— Что ты можешь добавить, смертный? — Могут ли боги смеяться? Похоже, в этом они ничуть не уступают людям.

Даний не смутился.

— То, чего нет у твоих дочерей, — ответил он, — то, чего они так жаждут.

— Даже так?! И что же ты готов положить на весы, жизнь или смерть?

— Что пожелаешь, повелитель. Выбирай сам. Я приму твой выбор, если ты оставишь город людям.

Голос Дания окреп и налился какой-то новой силой. Он уже не вибрировал, из последних сил удерживая душу в теле, он звучал свободно и спокойно, как голос равного. Йонард рискнул открыть глаза. Небо над Акрой все так же бугрилось серыми тяжелыми тучами, ураган рвал крыши и раскачивал деревья, но вокруг что-то изменилось. Йонард огляделся и понял: рядом стояли люди. Много людей. Он узнал Рифата, своего давнего приятеля удра и его воинов, толстого Миния и его смышленного не по годам сына, лысого Кастора... Остальные лица скрывала тьма, но это ничего не меняло. По всему периметру стены стояли люди: мужчины, женщины, дети, старики... Похоже было, вся Акра выстроилась в живую цепь. Все они стояли, положив руки друг другу на плечи, не разбирая чинов и богатства: свободные и рабы, враги и друзья, мужественные люди и робкие. И по этой живой цепи в раскрытые ладони Дания, задержавшего волну, текла сила.

Кто собрал их всех здесь? Ответ Йонард нашел сразу: они пришли сами. Чтобы быть с Данием. Они вместе с ним любили розы, любили Франгиз, воевали и торговали. А теперь вышли, чтобы вместе встать на пути урагана.

Понял это и голос.

— Я возьму твое сердце, — объявил он. — Твой город останется. А ты уйдешь. И ничего не возьмешь с собой. Ничего и никого.

— Слово? — спросил Даний.

— Слово.

Огромный язык темной, почти черной воды пробил преграду, взметнулся к стене, рассыпаясь пенной шапкой. Правитель Акры мягко освободился от рук Йонарда и Эрона и, разорвав цепь, шагнул на край.

Эпилог

В тот год на побережье стояла на удивление прохладная, мягкая осень. Лето выдалось жаркое, но обильное дождями, траву не высушило, так что двое путников, один маленький и довольно плотный, а другой длинный как жердь, не удивлялись многочисленным овечьим отарам. Та, что преградила им путь возле небольшой деревни, была по счету седьмая. Гнал ее мальчишка лет восьми, не больше, босой, лохматый. Он с аппетитом грыз огромное красное яблоко и был вполне доволен жизнью. Один из путешественников приостановился и проводил его пристальным взглядом. Второй не обратил на мальчишку-пастуха никакого внимания. Он был занят тем, что рассматривал высящийся на горизонте городской вал. В том месте, куда он бросал такие любопытные взгляды, часть стены была разбита. Давно. Уже три лета тому назад, во время страшного наводнения, когда были разрушены деревни, размыты поля, погибли люди, в том числе и правитель Акры. Этот пролом так и не заделали, и впоследствии он стал местом поклонения горожан. Как-то само собой сложилось мнение, что правитель принес себя в жертву, чтобы умиловить Посейдона, и тем самым спас город. Это мнение активно поддерживал новый правитель, Рифат, и жрец храма морского бога. Впрочем, кое-кто, не моргнув глазом, утверждал, что никакое это не мнение, а самая что ни на есть правда. И среди них были люди совсем не глупые, например торговец шерстью Танкар и его сестра Вани.

— Стоит, — маленький мотнул подбородком в сторону стены.

Высокий уже и сам заметил. Жадным взглядом серых, как спокойное море, чуть сощуренных глаз он смотрел на пролом в стене, возле которого в неярком свете солнца был отчетливо виден силуэт стройной светловолосой женщины в простом белом платье.

— Неужели она каждое утро стоит здесь?

Высокий молчал. А по лицу его спутник ничего угадывать и не пытался — бесполезно. Когда тот хотел, он прекрасно умел прятать свои чувства и мысли.

Женщина их, явно, не видела.

Так, неподвижно и в полном молчании, они стояли довольно долго. Потом силуэт женщины пропал со стены. Высокий с силой провел по лицу ладонями, тряхнул головой, словно освобождаясь от наваждения, и кивнул маленькому:

— Идем, Коста.

— Насмотрелся, — фыркнул тот, — теперь снова на целый год уедем?

— В следующий раз мы вернемся сюда раньше, — сказал Даний, — месяцев через пять.

— Что так? — по-настоящему удивился коротышка.

— В благословенной Акре появится наследник престола. Я должен быть поблизости. На всякий случай.

— Ничего себе! — присвистнул маленький, — а говорили, что госпожа Франгиз бесплодна.

— Говорили, — кивнул Даний. И широко улыбнулся.

— Ты ее вылечил? — догадался второй. — Ну, ты даешь! Интересно, за кого ты так радуешься, за жену или за брата?

— Язва ты, Коста, — добродушно отозвался Даний, — чем об меня свои зубы обтачивать, может, лучше сядем куда-нибудь в тени и в нарды сыграем?

— Лучше в шахматы.

— Шахматы — это забава торговцев и ростовщиков, потому что она тренирует расчет. А нарды — игра философов и мыслителей, она развивает предвидение, — наставительно произнес Даний. Но серые глаза его смеялись, и урока не получилось.

— Тебе не все равно, во что меня раздевать?

Коста направился к большому камню у дороги, который давал густую тень, на ходу развязывая дорожную котомку.

До того, как на небосклоне этого мира должна была засиять звезда величайшего

целителя, оставалось еще полных пять лет. И своей грядущей славы Даний не мог не просчитать и не предвидеть.